

**ВЛАДИМИР
СВЕРЖИН**

**ВНУТРЕННЯЯ
ЛИНИЯ**

**ВЛАДИМИР
СВЕРЖИН**

**ВНУТРЕННЯЯ
ЛИНИЯ**

ВЕЗДНЫЙ

ЛАБИРИНТ

З В Е З Д Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

**ВЛАДИМИР
СВЕРЖИН**

ВНУТРЕННЯЯ ЛИНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО **аст** Астрель • Полиграфиздат

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
С24

Серия «Звездный лабиринт» основана в 1997 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник Е. Деко

Компьютерный дизайн Ю.М. Мардановой

Подписано в печать 09.06.10. Формат 84*108/32. Усл.
печ. л. 25,2 . Тираж 8 000 экз. Заказ № СК 1085.

Свержин, В.
С24 **Внутренняя линия : [фантаст. роман] / Владимир**
Свержин. – М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010.–
478, [2]с. – (Звездный лабиринт)

ISBN 978-5-17-065482-6 (ООО «Изд-во АСТ»)
ISBN 978-5-271-29052-7 (ООО «Изд-во Астрель»)
ISBN 978-5-4215-1016-1 (ООО «Полиграфиздат»)

«Не дай бог вам жить в эпоху перемен!» — со знанием дела говорили китайцы.

Когда же наступают годы Великой Смуты и жернова истории с хрустом перемалывают вековые империи и судьбы людей, когда все, чем жил, проверяется на излом, что может быть важнее, чем остаться личностью, найти свой путь в новом мире.

Все это сполна приходится узнать сотруднику Института Экспериментальной Истории Виконту (Джокер-3), внедренному в сопредельный мир, чтобы остановить разработки психотронного оружия.

Через реки крови лежит путь русского генерала Владимира Згурского, стремящегося отыскать свою семью, исполнить воинский долг, понять и принять то, что не укладывается в его сознании. Принять, чтобы стать зернышком, остановившим жернова.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© В. Свержин, 2010
© ООО «Издательство Астрель», 2010

ПРОЛОГ

*«В корнях древ родословных за частую
находят тех, кого не смогли или не успели
вздернуть на ветвях дерев придорожных».*

Майкрофт Холмс

Май 1613

Буланый аргамак попытался взвиться на дыбы, но, удерживаемый крепкой рукой, затоптался на месте, нервно прядая ушами и раздувая ноздри.

— Никак, молния? — Князь Пожарский удивленно обернулся к воеводе Петру Елчанинову.

— Да откуда ж молнии взяться? Небо синехонько! Может, у зелейщиков* негоразд какой случился?

— Да нет же! Молния, я тебе говорю, — взглядываясь из-под ладони в сторону ближнего перелеска, возразил князь. — Да таким змеем извернулась — страх Господень! Ишь, дым пошел! В дерево ударила.

Он резко вонзил шпоры в конские бока и пустил быстрого скакуна в галоп.

* Зелейщики — изготовители огненного зелья (пороха).

С огромных валов Земляного города, увенчанных гребнем дубового частокола, послышались громкие приветственные крики. Городовые стрельцы, узнав любимого полководца, салютовали ему, точно царю.

Всего несколько дней назад честному люду было объявлено, что Земский собор назвал государем земли русской боярина Михаила Романова — патриаршего сына, но что для ратного люда дьячьи да боярские приговоры?

То ли дело князь Дмитрий Михалыч. За ним правда, за ним — сила!

Многие откровенно недоумевали, отчего это бояре, казаки и все прочие выборщики в один голос выкрикнули на царство безвестного юнца, ничем особым, кроме отца-патриарха да службы польскому королевичу Владиславу, не отличившегося.

Неподалеку от Сретенских ворот у расколотого надвое, охваченного пламенем толстеного дуба сустились люди с песком, водой и топорами. А чуть в стороне слышалось:

— А ну не замай! Сунешься — враз саблей попотчую!

— Кому там неймется кровь проливать? — нахмурился князь, грудью коня прокладывая себе путь через толпу.

Брови старого воина гневно сошлись на переносице.

В кругу бурно гомонящих стрельцов, поводя обнаженным клинком, стоял разбойного вида казак. Около него в продранной окровавленной рубахе — пленник. Руки его были туго стянуты за спиной.

— Эй, посторонись! Что тут дется? — въезжая в круг, прикрикнул князь.

— Ляха изловили! — пустился в объяснения кто-то из толпы. — Царь велел лазутчиков на дубу вешать, а энтот, вон, бирюком взъелся!

— Смерть ему! На пику! — послышался недовольный ропот. — Живота лишить! А ляха вздёрнуть!

— Кто таков?! — Дмитрий Михайлович смерил тяжелым взглядом ерепенистого казака.

— Люди кличут Варравую, — процедил тот. — А во святом крещении — Егорий.

— И отчего ж, Варрава-душегуб, ты цареву волю удумал нарушить?

— Рассуди по разумению своему, князь-надежа! В твои руки предаюсь. Ведь как дело было, — опуская высверкивающую золотой узорчатую саблю, начал бунтарь, — шляхтича этого к дереву поволокли, уже петлю через сук перекинули, а тут вдруг гром среди ясного неба, да этот дуб молнией и расшибло! То, как есть, — знак небесный!

— Знак... Тебе-то что за дело? — нахмурился князь — Иль указ уже не указ?

— Воля божья превыше воли земных владык.

— Экий толкователь выискался!

— Порешить! — лоя в княжьей усмешке сигнал для себя, загудела толпа, лишённая обещанного зрелища. — Покуда ляха вязали, он, паскуда, наших шестерых саблею достал! Что ж его теперь — миловать?!

— Правду говорят? — Пожарский обратил взор к избитому в кровь шляхтичу.

— Правду, — спокойно и даже чуть надменно подтвердил тот.

— По-нашему разумеешь. Стало быть, и прежде в этих краях бывал?

— Бывал.

— Да ты гордец! Как звать-величать?

— Францишек Згурский. Поручник хоругви панцирной Гонсевского.

— Вон оно как. Не орёл-птица, ну да и не зяблик. Что ж тут-то делаешь, поручник? Гетман твой без малого год, как отсель сбежал.

— Прибыл к царю Михаилу с посланием от короля моего, Владислава.

— Так, выходит, ты посол! — хмыкнул в бороду Пожарский. — Что-то почет тебе, друг ситный, не посольский.

— В том не моя вина.

— А ну расступись, расступись! — слышался рядом грубый окрик стреманных. — Прочь! Дорогу государю!

— Царь! Царь! — зашептали в толпе.

— Гляди-ка, — пробормотал князь Дмитрий, — а соколок-то наш и впрямь птица немалая, коли сам помазанник божий со боярами прибыл глянуть, как сей молодец меж небом и землей ногами дрыгать станет. Не без подвоха тут дело...

— Заткнуть пасть негодяю! Не внимать речам крамольным! — разнеслось над дубравой. — А ну, разойдись! Разойдись без промедления!

— Кто посмел? Кто слову моему послушник?! — с запальчивостью юнца выкрикнул государь всяя Руси.

Толпа схлынула, не желая подставлять спины под нагайки царской свиты. Лишь казак с пленником да князь Пожарский с воеводою Елчаниновым остались на месте.

— Во здравии ли царь-батюшка? — склонил голову полководец.

Шестнадцатилетний самодержец, без году неделя на престоле, гневно вспыхнул, учуяв скрытую издёвку.

— Во здравии, — буркнул он. — Я велел лиходея сего повесить!

— Может, и велел, — согласился князь Дмитрий. — Да только ж и Господь свою волю изъявил.

Он указал на расколотый дуб с обуглившейся сердцевиной. Венценосный юноша нахмурился и закусил губу.

— Яви милость, великий государь! — склонил голову Пожарский. — Пощади сраженного врага! Ноне ж праздник всего царства Московского — день святого великомученика Георгия Победоносца. Он всем хоробрым воинам заступник.

— Ну а коли сей лях вновь против меня умышлять вздумает? Речами прелестными люд с пути истинного совращать, раздор и смуту в землях русских сеять?!

— А ты мне его отдай. Тем паче дуб и вся земляца вокруг него в вотчине Пожарских значатся. Что до смуты — сам дог-

ляд за гоноровым поручником учиню. У меня не посмущаешь: раз уж Разбойным Приказом верховожу — вот пусть рубака сей там и состоит. Ежели честно служить будет — то по чести и хвала. А злодеяние удумает — так дыба всегда рядом. Что скажешь, шляхтич? — Князь перевел взор на Францишека Згурского, напряженно слушавшего речи сильных мира сего. — Будешь служить верой и правдой?

— Король Владислав приказал отправиться к их величеству. Велел оставаться под его рукою, пока от своей высокой особы не отошлет. Царь пожелал меня жизни лишить. Если тебе, князь, он главу мою отдаст, то, значит, быть по тому. Службой и жизнью буду обязан.

Царь Михаил недовольно оглядел присутствующих, стихших в ожидании государева слова. Он едва терпел князя Пожарского. Не любил за то, что князя обожало войско; за то, что князь бился с ляхами в часы, когда сам нынешний государь был жалован королем Владиславом в стольники; за то, что, обойдённый царскими дарами в час победы, крохами со стола попотчеванный, старый воин лишь хмыкнул да перекрестился. Ни словом не выразил досады и сожаления!

Боярский отпрыск Михайло Романов — безвестный родич последней, церковным законом не признанной, седьмой жены Ивана Грозного — по родовитости и тягаться не мог с Рюриковичем, ведущим свой род от младшего брата святого Александра Невского. А уж испытывать, чье слово весомее, юному самодержцу было и подавно не резон. Реши сейчас Пожарский кликнуть подмогу — и стрельцы, и жильцы*, и казаки вмиг схватятся за оружие. Тогда не помогут ни далекий гнев отца-патриарха, ни ближняя иноземная стража, ни увещевания думных дьяков. С какой бы радостью нынче государь отослал Дмитрия Михайловича куда подальше: на войну, а того лучше, в острог, да вот беда — без него как без рук. И ляхи, и татары, и шведы — все от царства русского послаще кус отгрызть мечтают.

* Жильцы — избранная часть войска, жившая непосредственно при царском дворце.

— Хорошо, князь. Забирай, — после неловкой паузы вымолвил Михаил. — Быть по сему. В честь праздника исполню прошение твое. Но помни, шляхтич, коли милость мою презришь, коли черным наветом уста испоганишь, ковы злые удумаешь — казню без жалости. Мукой мученической умрешь!

Михаил Романов вперил в помилованного недобрый взгляд. Ему почудилось, будто в глазах пленника прочел он спокойную уверенность — жесткую и безучастную, словно и не государь земли русской, верхом на белом, не темней убранства ангельского, скакуне, стоял пред ним, а убогий ярмарочный шут.

Царь отвернулся, чтобы скрыть досаду.

— А я? Можно ль с хлопцами моими тоже в Разбойный Приказ? Ей-ей, не подведу! — быстро смекнув, на кого теперь изольется царский гнев, напомнил о себе Варрава.

— Отчего ж? По всему видать — удалец! Такие в деле всяко пригодны будут, — разгладив бороду, согласился Пожарский.

Не обронив и слова на прощание, Михаил Романов развернул коня и хлестнул его плетью, спеша оставить недоброе место.

— Вот так вот, Елчанинов. — Князь Пожарский обратился к молчаливому воеводе. — Я же говорил — молния! А ты — зелье, зелье... Божий знак ни с чем не спутаешь!

ГЛАВА 1

«Верующий слепо не узрит воочию».

Из «Апокрифов»

Середина октября 1923

Величественное здание страхового общества «Россия» немало способствовало украшению Лубянки. Совсем рядом, на Кузнецком мосту, давно переставшем быть мостом, располагалось великое множество небольших книжных лавочек. Совсем недавно здесь можно было встретить и благородную девицу, пришедшую за модным французским романом, и солидного профессора, читающего европейские научные журналы, и, конечно же, полуголодного студента, стремящегося отыскать среди плевел декадентской культуры зёрна социалистических идей. На благодатной почве России зерна взошли, и магазины по большей части пустовали. Новые хозяева торопились заполнить полки снедью и мануфактурой, а бесприютные книгочеи понуро бродили вдоль знакомых витрин, изредка разыскивая на уличных развалах, а чаще пытаясь недорого продать драгоценные, но мало кому теперь нужные тома.

Особняк страхового общества «Россия» по-прежнему сохранял надменный и величественный облик и царил над округой, казалось, неподвластный переменам. Но так лишь казалось. Кто-то из московских остряков запустил шутку, которую тихо повторяли те самые книгочеи, предварительно оглянувшись, не слышит ли кто чужой: «Скажите, а что в этом доме теперь находится Госстрах?» — «Нет, там находится Госужас».

«Объединенное государственное политическое управление» — гласила надпись у входа.

Молодой чекист в кожаной тужурке и поскрипывающей офицерской португее поднялся из-за стола. По лестнице спулся председатель ОГПУ. Худое костистое лицо старого революционера выглядело встревоженным. Он едва кивнул на приветствие дежурного, и тот поёжился, словно цепкий холодный взгляд Феликса Эдмундовича Дзержинского распорол кожанку, а под ней — и грудь, чтобы понять, достаточно ли горячо сердце чекиста.

Но не это волновало Дзержинского. Он открыл тяжелую дверь и поспешно вышел из подъезда. По октябрьскому небу, суля долгий противный дождь, медленно тянулись грязно-серые тучи: «Пронесет или зарядит надолго?»

Он огляделся. У противоположного конца площади стоял автомобиль, на дверце которого, покрашенные черной краской, угадывались очертания двуглавого орла. Феликс Эдмундович быстро зашагал к мотору. Полы его длинной шинели развевались на ветру.

Он старался посылнее запахнуть в неё, чтобы сохранить остатки тепла, вынесенного из натопленного кабинета.

— Здравствуйте, дорогой Феликс Эдмундович, — донёсся из автомобиля негромкий голос с заметным кавказским акцентом. — Вы хотели меня видеть?

— Да, Иосиф Виссарионович. Если не возражаете, давайте немного пройдемся.

Собеседник председателя ОГПУ чуть заметно улыбнулся и вышел из машины.

— Что случилось? — спросил Сталин без обиняков.

— Неприятное известие. Сегодня председатель Реввоенсовета товарищ Троцкий отправился на охоту. — Дзержинский сделал паузу, верно, подыскивая слова. — Его автомобиль обстреляли.

— Лев Давидович жив? — В голосе секретаря Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии большевиков председателю ОГПУ послышалась надежда. Скрытая надежда на отрицательный ответ.

— Жив. Бандиты тяжело ранили водителя — некоего Александра Поповича, но и сам товарищ Троцкий, и ехавший с ним товарищ Самойлов имели при себе ружья. Они начали отстреливаться. На выстрелы прибыл из Немчиновки эскадрон дислоцированного поблизости кавалерийского полка. Правда, бандитов по горячим следам поймать не удалось — судя по всему, они хорошо знали местность и заранее подготовили себе пути отхода.

— Это очень плохо, Феликс Эдмундович. У нас под самым носом действуют непримиримые, закоренелые враги, а мы об этом узнаем слишком поздно. С таким положением дел нельзя мириться. Вы понимаете, о чём я говорю?

Дзержинский молча кивнул. Конечно. Ему, поставленному большевистской партией у рукояти карающего меча революции, лучше чем кому иному было понятно, какой вред молодой республике способно нанести криминальное отребье и замаскировавшиеся контрреволюционеры. Но самыми опасными были вчерашние товарищи, которые, распробовав вкус абсолютной власти в дни гражданской войны, теперь готовы были обратить завоевания революции в подножие собственного трона.

— Сейчас, в преддверии шестой годовщины нашей великой Революции, когда здоровье Ильича подорвано жестокой раной, смерть председателя Реввоенсовета была бы плевым в лицо всей партии большевиков, всему государству рабочих и крестьян. Основателя Красной Армии и кузнеца ее ратной сла-

вы вот так вот запросто убивают какие-то подонки прямо за столичной околицей!

— Всё это так, Иосиф Виссарионович...

— Но, с другой стороны, — продолжал Сталин, поглаживая темные с рыжиной усы, — настораживают определенные детали. Посмотрите, кто находился рядом с товарищем Троцким в момент нападения? Какой-то попович...

— Но это фамилия.

— Фамилии тоже с неба не падают, Феликс Эдмундович. С кем отправился на охоту наш уважаемый наркомвоенмор*? Кто такой этот товарищ Самойлов? Он что, большевик? Может быть, он сидел с нами по царским тюрьмам? Гнил на каторге? Нет! Он бывший царский генерал, приятель Деникина и Корнилова. А если бы пули заговорщиков достигли цели? Нам что же, говорить мировому пролетариату, что председатель Революционного военного совета убит во время охоты вместе с царским генералом?

— Что же вы предлагаете, Иосиф Виссарионович?

— Феликс, дыма без огня не бывает. Конечно, следует отыскать и достойно покарать врагов революции, покусившихся на жизнь нашего уважаемого товарища Троцкого. Но прежде всего необходимо разобраться: что такое была эта перестрелка? Настоящее преступление или только инсценировка?

— Коба, ты полагаешь, что Троцкий, предвидя смерть... — председатель ОГПУ замаялся, — Ленина, пытается таким образом подчеркнуть свою значимость?

Сталин опять едва заметно усмехнулся:

— Я не хочу подозревать в такой низости председателя Реввоенсовета. Но обратимся к фактам. Бандиты точно знали, когда и где проедет автомобиль наркомвоенмора. Грамотно разместили засаду. Открыли огонь, но попали только в шофера. С другой стороны, опытных боевиков так легко удалось

* Народный комиссар по военным и морским делам — должность Л.Д. Троцкого в годы гражданской войны.

отогнать выстрелами из пары дустволок. При этом, заметь, тоже не причинив вреда.

— Но прибыл эскадрон...

— Это тоже очень подозрительно. Не слишком ли быстро прибыл? Не ожидал ли он заранее приказа. Почему бойцы сразу не отсекли нападавшим путь к отступлению? Почему дали уйти?

Следует проверить, не причастен ли к делу бывший генерал Самойлов... — Сталин задумался, — а возможно, и другие бывшие офицеры, которые теперь скрывают это?

Не имеем ли мы дело с большим и разветвленным заговором?

Дзержинский молча кивнул. Он понял, к чему клонит собеседник.

— Еще какие-то новости? — спросил Сталин.

— Да. Речь идет об исследованиях профессора Дехтерева...

Начало мая 20XX

На темной глади монитора всплыло улыбающееся лицо виртуальной красавицы:

— Милорд, к вам Кристиан де Ладоннель. Утверждает, что вы его вызывали.

— Пусть войдет, — откладывая в сторону посверкивающий золотым пером «паркер», ответил Джордж Баренс.

Дверь приоткрылась, и в нее быстрым шагом уверенного в себе человека вошел мужчина, внешность которого довольно плохо сочеталась со строгим твидовым костюмом. Куда больше гостю пошла бы обтягивающая мощный торс кольчуга, а двуручная секира довершила бы образ сурового викинга, потомком которых, собственно говоря, и был виконт Кристиан де Ладоннель.

— Присаживайся, Крис. — Джордж Баренс указал на кресло.

— Насколько я понимаю, речь идет о командировке? —
ответив на приветствие, поинтересовался Кристиан.

— Верно.

— Судя по тому, что меня отозвали из кадрового резерва,
намечается что-то серьезное.

— Возможно.

Виконт бросил заинтересованный взгляд на старого знакомого. Лорд Джордж Баренс, общеизвестно, был одним из корифеев агентурной работы Института Экспериментальной Истории и признанным светилом отдела разработки.

— Возможно? — переспросил Крис.

— Именно так. О том, насколько все серьезно, вам как раз и предстоит узнать.

— Далеко отправляться?

— Нет, совсем рядом. Сопредел — рукой подать. Первая четверть двадцатого века.

— Действительно неподалеку. Но... — де Ладоннель пожал широкими плечами, — я же работал в отделе Средних веков.

— Мне это известно, — постукивая по столешнице оперением «паркеровской» стрелы, подтвердил Баренс. — Но из агентуры Института вы лучше других вписываетесь в оперативную легенду. Необходим человек скандинавской наружности с располагающим, добродушным лицом и чуть наивным взглядом.

— Разве у меня наивный взгляд?

Лорд Джордж улыбнулся, пропуская вопрос мимо ушей:

— Говорят, последние два года вы занялись медициной?

— Не совсем. Знаете, травы, акупунктура...

— Да-да, это как раз то, что нужно.

— Для чего нужно?

— Для кого. Для сотрудника Красного Креста. Вы направитесь в Россию. Сейчас нас очень интересуют два момента. Момент первый. На сегодняшний день в Москве образовалась развилка, грозящая коренным образом изменить ход истории.

— Впрочем, как всегда, — ухмыльнулся виконт.

— Не перебивайте, Крис. В базовой реальности, как вам должно быть известно, председатель Реввоенсовета Троцкий в октябре двадцать третьего года поехал на охоту, где сильно промок, промерз и тяжело заболел. У него поднялась криптогенная температура, сбить которую врачам не удавалось несколько месяцев, поэтому второго человека в государстве большевиков отправили на отдых к теплому морю. Далее, в результате интриги он не был своевременно извещен о смерти Ленина, не прибыл на его похороны, что позволило его непримиримому сопернику Иосифу Сталину захватить власть в Советском Союзе. Так вот, в этой реальности Лев Троцкий жив, здоров и даже не думал болеть. Он произнес очень впечатляющую речь на похоронах вождя революции и воспринимается как его естественный наследник.

Брови над яркими синими глазами Кристиана удивленно приподнялись.

— Я еще не договорил, — видя реакцию оперативника, продолжил Баренс. — Конечно, такой поворот событий и сам по себе достоин пристального внимания Института. Паукам в банке сейчас предстоит вцепиться друг в друга. Но данный факт — всего лишь полбеда. Вот, полюбопытствуйте. — Лорд Баренс открыл папку скоросшивателя и протянул виконту несколько газетных листов. — Это выпуски «Ленинградской правды» и «Красной газеты». Читайте там, где отчеркнуто.

— «Как утверждает профессор Д., — начал Крис, — шарлатанские фокусы доморощенного мага Эусэвиуса с чтением и передачей мысли на расстояние не более чем незамысловатый обман публики. В то время как настоящая пролетарская наука ведет опыты в этом направлении и уже вплотную приблизилась к передаче на расстояние если не мыслей, то человеческих эмоций. Причем здесь научное чудо не ограничено цирковой ареной, и дальность объекта не имеет значения для феномена транс-проекции, который скоро покорится советским ученым».

— Это январь двадцать четвертого года. Дальше — май. Читайте, читайте.

— «Необычайный опыт был проведён во время первомайской демонстрации трудящихся в Ленинграде на проспекте имени Двадцать пятого октября. На один из движущихся помостов был установлен специальный передающий электрический прибор, вокруг которого размещались собранные для такого случая бывшие царские вельможи, попы и прочие буржуазные элементы. По сигналу, пущенному из московской лаборатории, прибор начал работать, источая X-волны, приведшие всех этих приспешников мировой буржуазии в столь радостное возбуждение, что они веселились и неподдельно радовались первомайскому празднику, дорогому для каждого пролетария, будто и сами были сынами трудового народа...» Галиматья какая-то, — закончил виконт.

— Нет, вовсе не галиматья. Кстати, должен отметить, ваш русский очень хорош.

— Мои предки долго жили в России.

— И один из них, насколько мне известно, даже служил врачом в годы Первой мировой.

— Он пропал без вести.

— Мне это известно. — Лорд Джордж выложил на стол пожелтевшую фотографию. — Здесь он тоже пропал без вести. Вот, поглядите — врач 16-го Мингрельского гренадерского полка. Не правда ли, похож? Особенно если вам отрастить такие же лихие усы.

— Похож, — согласился виконт, — но какое отношение имеет мое сходство к фокусам с электрическим прибором?

— Крис, то, что вы сейчас прочитали, очень серьезно и не имеет никакого отношения к фокусам.

Вспомните Библию. Армия под командованием Иисуса Навина, приступив к осаде Иерихона, пустилась на весьма странный маневр. Она день за днем начала обходить стены по периметру, не делая более ничего. Воины шли, шли и шли, час за часом проникаясь уверенностью в том, что они исполняют Господню волю и что победа им уже дарована. Когда это сознание стало всеобъемлющим, Иисус Навин отдал приказ,

и войско с ревом бросилось на приступ. У этих людей, вышедших из пустыни, не было ни таранов, ни штурмовых лестниц, ни осадных башен...

— Помнится, если следовать библейской легенде, стены рухнули.

— Крис, вы же работали в тех местах и прекрасно знаете, что Иерихон и до Иисуса Навина брали несколько раз, и стены его перед вторжением сынов Израиля были вовсе не так мощны, как прежде. Но для того времени они являлись все еще серьезными фортификационными укреплениями. Вам также известно, что они были разрушены, но вовсе не рухнули. Археологи это утверждают недвусмысленно. Солдаты Иисуса Навина попросту не заметили крепостных стен. И более того — уверенность в победе, непререкаемая и всеобъемлющая, по сути, транслировалась из марширующих колонн, парализуя сознание защитников Иерихона. Они проиграли еще до начала боя.

— То есть вы хотите сказать, что в России в первой четверти двадцатого века создается психотронное оружие?

— Именно так. И если судить по газетным статьям, опыты ведутся с размахом. Стоит ли говорить, что такой мощный отряд, как партия большевиков, может послужить куда более сильным генератором нужного эмоционального настроения, нежели сравнительно небольшая армия Иисуса Навина? Мы не можем оставить это без внимания. Институту необходим квалифицированный наблюдатель в Советской России. Надо очень быстро обнаружить лабораторию, выяснить, на какой стадии находится работа, и определить целесообразность отправки в сопредел наших оперативников. По официальной легенде вы — сотрудник Красного Креста. С датским паспортом. Но это лишь первое дно.

Второе, упоминавшееся уже сегодня: доктор Сергей Владиславович Деладоннель, военный врач, штабс-капитан, участник мировой войны. Все необходимые инструкции получите дополнительно. Надеюсь, и без моих объяснений понятно,

Крис, что если такое оружие и впрямь уже существует, или его построят в ближайшее время — все равно, попадет ли оно в руки Троцкого или Сталина, — цивилизации грозит колоссальная угроза.

— Я понимаю. — Кристиан де Ла Доннель поднялся с кресла. — Но зачем мне в легенде офицерское прошлое? Я бы мог быть просто датчанином.

— По всей вероятности, профессор Д., или уж как его там величают на самом деле, до революции не работал молотобойцем. Вряд ли он испытывает особо нежные чувства к большевистской власти. И все же никуда не уехал, хотя наверняка это сулило ему вполне обеспеченную жизнь. Можно предположить, что он настоящий русский патриот. А настоящему русскому патриоту будет куда проще общаться с человеком своего круга, пусть даже и с датским паспортом.

— Когда приступать к подготовке?

— Немедленно. И помни, Крис, ты — Джокер-3, а это ко многому обязывает.

Начало мая 1924

Автомобиль «изотта-фраскини» цвета «русский медведь» пронесся по мощеным улицам Сент-Этьена и затормозил у ворот заводоуправления. Массивные железные створки начали расходиться в стороны.

— Здравия желаю, ваше превосходительство! — приветствовал председателя правления охранник с двумя солдатскими «георгиями» на груди.

Генерал Згурский кратко ответил на приветствие и въехал на территорию завода.

Полтора года назад он купил этот мотор, едва ли не за одно название цвета. Вдруг как-то вспомнился медвежонок Мишка, подобранный его стрелками на безымянном сибирском

полустанке, когда полки российского Особого корпуса отправлялись через океан спасать Францию. С того рокового тысяча девятьсот пятнадцатого года медвежонок вырос и долгое время служил им своеобразным талисманом. Любимец солдат, он неотлучно был среди них все эти годы, каким-то неведомым чутьем научившись отличать россиян от французов, англичан и всех прочих. Мишка даже как-то пострадал в одной из немецких газовых атак, но бойцы выходили громадного зверя, как заболевшего щенка.

Автомобиль остановился у крыльца, и кутившие на нем работники «Манюфактур д'Арме э Цикле» вытянулись по струнке:

— Господа офицеры!

— Вольно, — скомандовал Згурский, выходя из машины.

Не так давно прежние рабочие и служащие завода по старинной французской традиции решили устроить забастовку и прислали своих вожаков парламентарями. Войдя в кабинет, профсоюзный лидер открыл было рот, но наткнулся на холодный взгляд этого чертова русского и, замороженный, стоял перед ним, не говоря ни слова. Группа поддержки жалась за спиной «оратора» в том же состоянии молчаливого ступора. Под немигающим взглядом бывшего генерала пылким сынам Франции казалось, что языки примерзли к небу.

— У вас есть десять минут, чтобы приступить к работе, — тихо и внятно сказал генерал.

— Таких, как вы, у нас гильотинировали в тысяча семьсот восемьдесят девятом году! — захлебнулся от гнева рабочий вожак.

— Такие, как я, вступали в Париж в тысяча восемьсот четырнадцатом, — не меняясь в лице, отрезал Згурский. — Экскурс в историю закончен. У вас осталось восемь минут.

Не удовлетворенные переговорами борцы за права устроили митинг во дворе заводууправления, но только-только начали разминать голосовые связки хоровыми криками «Позор!» и «Долой!», когда, печатая шаг, в воротах появилась колонна в

русских военных мундирах без погон. Драка была жестокой, и в результате армия французских безработных пополнилась несколькими десятками новобранцев.

Этот вопиющий случай вызвал бурный резонанс в обществе. Министр экономики лично звонил в Сент-Этьен, требуя пойти на уступки и уволить штрейкбрехеров. Ответом на его гневную отповедь было короткое: «Нет». Владимир Игнатьевич Згурский никогда не отменял приказов. Когда бы министр-социалист получше знал русского генерала, он бы даже не стал тратить времени, поднимая с рычага трубку.

Без малого десять лет назад, когда Особый корпус только двигался во Францию по бескрайним просторам России, чтобы пересечь на ждущие его корабли, полковник Згурский прибыл в Париж для подготовки приема и обустройства войск.

Здесь его ждало крайне неприятное известие: оружие, предоставляемое союзниками русским бригадам, лет двадцать назад было списано в самой Франции! Срочная депеша в Петроград вернулась с ответом: «Решить любыми средствами».

В том, что произошло дальше, полиция разбиралась несколько лет, но без особого успеха. В силу неведомо каких махинаций «Манюфактур д'Арме» в Сент-Этьене вдруг перешла в русские руки, и новейшее оружие, выпускаемое там, прямо с конвейера отправилось в распоряжение бригад Особого корпуса. Вызванный для объяснения к президенту Клемансо флигель-адъютант русского императора Владимир Згурский пропустил мимо ушей яростные упреки в подрыве боеспособности французской армии и проговорил с обычной холодной безучастностью: «Ваше высокопревосходительство! Французский завод «Бри Сольен» производит и донныне продолжает отгружать сорок процентов немецкой стали. Я весьма сожалею, что не имел возможности купить и вышеупомянутое предприятие». На этом аудиенция закончилась.

Сейчас фрак «чертова русского» украшала розетка офицерского креста Почетного легиона — признание Францией заслуг генерала перед Республикой — и маленькая золотая буква

«Д» под императорской короной — знак братства 16-го Мингрельского, Его Императорского Высочества, великого князя Дмитрия Константиновича, гренадерского полка.

— Полковник Варрава у себя?

— Так точно, ваше превосходительство! Георгий Никитич проводит инструктаж с коммивояжерами, отправляющимися продавать велосипеды в Лифляндию.

— Пусть зайдет ко мне.

Згурский прошел в свой кабинет и, остановившись у окна, поднял жалюзи. Прежний председатель правления, как всякий истинный француз, был любителем прекрасного. Открывшийся вид должен был рождать в памяти воспоминания о Версальском парке.

— Разрешите войти? — раздалось за спиной.

Генерал Згурский оторвался от своих мыслей.

— Входите, Георгий Никитич. Присаживайтесь.

— Что нового в Париже?

Генерал поморщился, готовясь ответить на этот неминуемый, но неприятный вопрос.

— Генерал Кутепов настаивает на формировании новых боевых групп для засылки на территорию Совдепии. Великий князь Николай Николаевич говорит о непредрежденчестве, о том, что истомленный большевистским гнетом русский народ-богоносец должен сам без нашего вооруженного вмешательства сделать выбор. Генерал Эрдели призывает «желтых таксистов»* сплотиться... Мда-с... Как наемни пошутил один старый знакомец: «Из желтых улан** да в желтые таксисты».

Згурский выжидательно поглядел на собеседника, чье простецкое добродушное лицо могло ввести в заблуждение всякого, кто не был близко знаком с одним из асов русской контрразведки, Георгием Никитичем Варравой.

* Водителями желтых такси в то время чаще всего были русские офицеры.

** Желтые уланы — уланы лейб-гвардии уланского Его Императорского Величества полка. В отличие от красных — Ее Императорского Величества.

— Еще какие-то новости? — глядя на озабоченное лицо генерала, спросил его заместитель.

— Да. Очень странные. Из Литвы пришла телеграмма: подполковник Шведов успешно перешел границу и доставлен в Вильно.

— Тот самый Шведов, который числился военным руководителем в деле Таганцева*? — уточнил Варрава.

— Тот самый. В двадцатом он сбежал из Петрограда, впоследствии примкнул к кутеповским боевикам. Его группа в октябре прошлого года обстреляла автомобиль Троцкого, но, к сожалению, без особого успеха. По утверждению Шведова, спасаясь от погони, они приняли решение пробиваться поодиночке, но к месту сбора кроме него так никто и не пришел.

— Либо этому подполковнику феноменально везет, либо он — большевистский провокатор.

— Выбор невелик... В любом случае с ним надо встретиться. У Шведова на руках некая секретная информация, которую он должен срочно передать руководству РОВС**. Завтра он выезжает в Прагу — там ему дана явка.

— Вы поедете?

— Непременно. — Генерал Згурский достал серебряные часы с тремя грациями на крышке, шелкнул, посмотрел время. — Через два часа сорок минут у меня поезд.

— Понятно, — кивнул Варрава. — Весь материал на Шведова и связь с руководителем наших «коммивояжеров» в Праге.

— Именно так, — подтвердил генерал Згурский.

— Будут еще какие-нибудь распоряжения?

— Как всегда — заботиться о процветании фирмы.

— О вашей жене какие-нибудь новости есть? — тихо поинтересовался контрразведчик.

* Дело Таганцева — сфабрикованное чекистами в 1921 году в Петрограде дело военной организации профессора Таганцева.

** Русский Обще-Воинский Союз — эмигрантская военная организация, объединявшая чины белых армий. Насчитывала около 30 тыс. человек. Основана генералом Врангелем.

— Нет, о Татьяне Михайловне никаких вестей нет. Но я знаю, что она жива. — Лицо Згурского из холодного стало непроницаемо мрачным. — Сделайте любезность, Георгий Никитич: я хочу ознакомиться с делом подполковника Шведова как можно скорее.

— Сию минуту. — Варрава направился к двери. — Чуть не забыл, час назад звонил некий комиссар Рошаль из Сюрте*. Этот полицейский очень желает поговорить с вами. Он утверждает, что вчера из своего дома пропал бывший казначей армии Колчака, банкир Рафаилов.

Генерал Згурский захлопнул крышку часов и сунул их обратно в карман жилета:

— Если будет снова звонить, сообщите ему, что я обязательно свяжусь с ним по возвращении.

ГЛАВА 2

«В этой стране так жарко, что чаша народного гнева пересыхает задолго до того, как успевает наполниться».

Лоуренс Аравийский

Апрель 1924

Истошный вопль «Атанда!»**, многократно повторенный, будто эхом, прозвучал над Сухаревским рынком, и торгующие «на крик» продавцы всякой всячины смолкли на полуслове,

* Сюрте — главное управление безопасности министерства иностранных дел Франции.

** Атанда — жарг. «Внимание!», «Берегись!» от французского «Ат-танде» — опасно.

торопясь покинуть оживленный пятачок на углу Садового кольца и Большой Сухаревской улицы.

«Облава! Облава!» — неслось по торговым рядам. В общей суматохе никто не обратил внимания на автомобиль, въехавший во двор одного из домов по Садовой улице. Люди в кожанках, выскочив из машины, заняли позиции в арке ворот, у дверей черного хода. После этого из авто стремительно, как нож из рукава, появился высокий худой человек в длинной шинели. Он поднялся на третий этаж, огляделся по сторонам и, увидев на двери начищенную латунную табличку «Доктор Спесивцев Ф.Ф.», тихо постучал. Щелкнул замок, дверь приоткрылась:

— Входите, Феликс Эдмундович. Не надо волноваться.

— К чему эта таинственность, Иосиф Виссарионович? Как в царское время: явочные квартиры, пароли...

— В царское время вы не смогли бы поднять на ноги всю московскую жандармерию, чтобы встретиться наедине с товарищем по партии.

— А что, по-вашему, я должен был делать? С тех пор как товарищ Троцкий возглавил Совет Народных Комиссаров, он только и говорит об очищении партийных рядов от скверны, от примазавшихся и приспособленцев.

Ясное дело — под такую гребенку попадают все, кто не согласен со Львом Давидовичем.

Пока что он занят травлей Бухарина, упрекая его в буржуазном разложении и объявляя новую экономическую политику дезертирством с позиций перманентной мировой революции.

Поверьте, даже я чувствую за собой слезку.

— В районе Сухаревского рынка всегда много людей, здесь несложно затеряться.

— Мне — сложно, — вспыхнул Дзержинский. — Разве что обречь наголо.

— Ну, это лишнее. Но визит к врачу можно было обставить не так помпезно.

Но перейдем к делу. Я думаю, сейчас ни для кого из нас уже не секрет, что в партии назревает раскол.

Многие старые партийцы, проводившие долгие годы в эмиграции, оторвались от жизни и не желают видеть реальной России. Они хотели бы такую Швейцарию с утренним кофе и круассаном, как любит рассказывать товарищ Зиновьев. А ведь он не только глава города, носящего имя Ленина. Он также председатель Коммунистического Интернационала. Он, как и товарищ Троцкий, не хочет понять, что Советский Союз — не Швейцария.

Их не интересует, что такая великая крестьянская держава, как Россия, не имеет возможности стать могучей индустриальной страной в один момент.

Наше уважение к былым заслугам этих товарищей, к сожалению, позволяет им блокировать работу партии.

— Чего вы в этой связи ждете от меня, Иосиф Виссарионович?

— Я полагаюсь на вас, как на человека знающего, человека дельного и мудрого. Сейчас время предпринять решительные меры и остановить наметившийся раскол. Иначе государство рабочих и крестьян обречено на гибель.

Под руководством товарища Троцкого Советский Союз, не встав на ноги, истощит силы в бесполезных попытках разжечь пожар революции по всему миру.

— При нынешней ситуации — да. Но если опыты профессора Дехтерева окажутся успешными?

— Не будем торопить события. Возможно, мы стоим на пороге великого открытия. Открытия, позволяющего изменить все представления о войне. Но от опытов до внедрения в жизнь новых разработок проходят годы и десятилетия.

С товарищем Троцким у нас их может не быть. Положение Советского Союза очень шаткое. Не следует забывать — мировая буржуазия внимательно следит за каждым нашим шагом. Если информация об успехах профессора Дехтерева просочится через границу, наши враги захотят заполучить такое оружие. Время работает против нас, Феликс Эдмундович.

Мы не можем ждать, чтобы кризис в партии как-то разрешился сам по себе. Или мы победим, или нас сотрут в порошок.

Товарищ Троцкий — человек решительный. Ради поставленной цели он не остановится ни перед чем.

— Современный Бонапарт.

— Ваша оценка вполне совпадает с моей. Не зря же новый председатель Совета Народных Комиссаров оставил за собой пост наркомвоенмора. Мы с вами помним, что многие заговорщики в истории опирались на штыки.

— Вы полагаете, что товарищ Троцкий намеревается захватить единоличную власть в стране?

— Когда-то, еще на Царицынском фронте, мы сильно спорили со Львом Давидовичем о сути Красной Армии. В те дни он отстранил от командования товарища Ворошилова и поставил бывшего царского генерала. В запальчивости наркомвоенмор произнес фразу, которая занозой сидит в моей памяти. Я говорил, что золотопогонник не может вести в бой пролетарские отряды, но Троцкий возразил, что Красная Армия должна быть как редиска.

— Как редиска? — удивленно переспросил Дзержинский.

— Как редиска, — подтвердил Сталин. — Снаружи красная, внутри, по сути, белая. И он всё делает для этого. По его распоряжению в Красную Армию попало огромное количество бывших царских офицеров и генералов. Среди них встречаются люди, преданные революции, но таких немного. Большинство же спит и видит крушение нашего государства — первого в мире государства рабочих и крестьян.

Сейчас, когда их благородия спасли шкуры от революционного правосудия и красного террора, они успокоились и готовы ударить нам в спину. А ведь многие в партии смотрят на них с полным доверием.

Кстати, генералом, которого Троцкий поставил во главе армии в Царицыне, был тот самый генерал Самойлов. На сегодняшний день он не только преподает Троцкому дворянское искусство охоты, но и начальствует над всеми военно-учеб-

ными заведениями Московского округа. Вы представляете, какие идеи, какие мысли может вложить этот горе-воспитатель в головы молодых красных командиров?

А сколько таких генералов и офицеров, как Самойлов, на ответственных постах в военном аппарате? Мы помним, что даже выпускников Академии Генерального штаба — этой кузницы военных кадров самодержавия — в гражданскую войну сражалось на нашей стороне больше, чем на стороне белых! Как тогда, так и сейчас, за ними нужен глаз да глаз.

Мы не забыли историю с заговором в полевом штабе командующего вооруженными силами республики товарища Вацетиса. Тогда мы успели своевременно отреагировать и предотвратить крах советского военного управления. Теперь же нити заговора тянутся, вероятно, куда выше.

— Что мы можем предпринять, Иосиф Виссарионович?

Сталин подошел к окну и открыл форточку.

— Душно сегодня. Наверное, гроза будет. Апрель, а погода совсем как в мае.

— Новый план Москвы! — доносилось с Сухаревки. — Все улицы, все переулки, все закоулки, все повороты, все завороты, все тропы, все блохи, тараканы и клопы!

Торговцы, после облавы вернувшиеся на свои места, продолжали делать еще не отмененные, но уже приговоренные деньги.

— Только двадцать копеек! — продолжал тот же зычный голос. — Необходимо иметь на стене, чтобы мухам не заблудиться!

— Что я предлагаю... — Секретарь Центрального Комитета партии поглядел на главу Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, и тому очень живо вспомнился молодой Иосиф Джугашвили — грабитель банков. На деньги, добытые им, некогда проводился второй съезд партии социал-демократов в Лондоне.

— Я предлагаю, Феликс, не допустить раскол в партии и нанести удар до того, как новый Бонапарт пожелает взойти на

трон на штыках своих золотопогонных гренадеров. Мы должны заблаговременно разоблачить заговор Троцкого против советской власти, против трудового народа.

— Но если такого заговора в действительности нет?

— Если такого заговора нет сегодня, он обязательно созреет завтра — это продиктовано самим ходом истории, логикой революционной борьбы. Но тогда предпринимать что-либо будет уже поздно. Можно не сомневаться — наш враг хорошо представляет, куда и когда наносить удар. И он не будет стесняться в выборе средств.

Не сегодня, так завтра товарищ Троцкий через верное ему офицерство будет искать связи с белой эмиграцией. Ему жизненно необходимо либо заручиться ее поддержкой, либо достичь нейтралитета, чтобы в решающий момент не ждать от закордонных центров удара в спину. — Сталин достал трубку, набил табаком и не спеша закурил. — У вас, товарищ Дзержинский, имеется опыт удачной борьбы против опаснейшей террористической организации такого сильного конспиратора, как Борис Викторович Савинков.

— Вы говорите об операции «Трест»?

— Именно так. Я думаю, вам следует хорошенько подумать о новой операции. Ну, скажем, «Картель».

Сталин замолчал и выдохнул дым, испытующе глядя на «железного» Феликса, а в комнату влетело залихватское:

— Клещи подымают, блохи умирают, моля летает, тараканы опасаются, мухи промеж себя кусаются. Единственная натуральная жидкость! Верное средство! Купите больше — семейству еще откажете в наследство!

— Я полностью с вами согласен, Иосиф Виссарионович, — после затянувшейся паузы медленно произнес Дзержинский.

— Это хорошо. Хорошо, что мы поняли друг друга.

— Думаю, в этом деле можно использовать подполковника Шведова, проходящего у нас по делу о покушении на товарища Троцкого.

Сентябрь 1614

Князь Пожарский медленно проехал меж понурых бородачей со связанными за спиной руками. Чуть поодаль, у самого входа в ямской двор, громоздилась куча брошенного оружия — не абы какого, но все же.

— Да-а, братец... — князь Дмитрий погладил седеющие усы, — лихо ты их. На такую-то ораву — и в одиночку!

— Отчего же в одиночку? Казаки Варравы в самый раз подоспели. Как и говорено было, — ответил Францишек, в православном крещении — Федор Згурский.

— Оно, конечно, верно. Да только в самую пасть ты голову сунул.

— Мне место то давно уж подозрительным казалось. В Москву ли, от Москвы ехать по этому тракту, а повелось так — с постоянного двора люди уезжают чуть свет, далее их никто не видит. И по дороге — ни крика, ни шума, ни следов каких. Вот я и сообразил, что отсель из тех, кто пропал, никто, поди, и не выезжал. А что люди сани да кибитки видели — то лишь игра, морок. Сами разбойнички, переодевшись, и ехали. Следы путали.

— Молодец, удумал.

— Что удумалось, что Варрава надоумил. Он же сам в молодые годы разбойничал. Как-то на монастырский обоз напал, а там охрана знатная. Изловили его, да и положили на суку вздернуть, но тут ему свезло — аккурат канун Христовой Пасхи был. Вот в память о разбойнике, которого в тот день помиловали, и Егория жизни не лишили. С тех пор к нему прозвание «Варрава» и пристало.

— Вот, значит, отчего он за тебя тогда за саблю схватился. Неспроста в молнии божий знак увидал.

Згурский чуть заметно улыбнулся.

— Расскажи, как дело было, — продолжил князь.

— Под вечер прискакал я сюда, спросил себе горницу отдельную, коней накормить да почистить, обед самый наилуч-

ший... Когда до монет дошло — открыл ларец, а там поверху серебряные рубли да талеры. Трактирщик как глянул, так сразу добрым стал. Как Варрава говорит, «хошь до болячки прикладай». Правда, горницы свободной у него не сыскалось, так предложил мне в бане заночевать — там, мол, к предбаннику настоящие хоромы пристроены.

— Ну ты, ясно дело, согласился...

— Как не согласиться? Я еще до того, как в трактир заехал, место это кругом обошел. К заднему двору от леса тропка ведет — к баньке можно незамеченным добраться и уйти тихо... Трапезу мне хозяин щедрую выставил, тут жаловаться грех. Правда, в вино зелья сонного подмешал, ну так я ж его не упредил, что вина не пью... А как я вроде бы захмелел, чуть за полночь слышу — шорох. Глянь — лучик света пробивается, да щеколда тихо-тихо так ножом подымается. Я на лавке сел, ларец открыл, а там под монетами — восемь пистолей заряженных. Дальше что рассказывать? Как дверь открылась, монеты на пол сыпанул. Разбойнички — кто стоять остался, кто за деньгами кинулся. Я пальнул, потом за саблю схватился, а там и Варрава подоспел.

— Экий хват! — довольно заметил Пожарский. — Немалую шайку взяли! Проси себе награды.

Взгляд Францишека Згурского стал пристально испытывающим.

— И что спрошу — исполнишь?

— Мономашьего венца не обещаю, однако ж...

— Венец мне без надобности. Отпусти, князь, домой на три месяца.

— А на что тебе домой? Или тебе здесь плохо?

— Меня король Владислав не просто так в Московию с посланием к царю Михаилу направил. Он меня на верную смерть отослал.

— Вот те на! Или ему такие молодцы не нужны?

— Пожелал зазнобу мою, невесту, замуж выдать. За тем и спровадил меня на гибель неминуемую. Невеста поклялась год

с половиной ждать, замуж не идти — время скоро истекает, медлить нельзя.

— Так ведь там порешат тебя.

— Может, и порешат. Может, и нет... Как выйдет. Пред тобой я чист, пред королем Владиславом — также. Я его волю до конца исполнил. Он мне наказал оставаться при царе Михаиле и быть ему послушным — так оно и случилось.

— Да... неправое дело, кривда злая... Что ж, отпускаю, езжай. Но только вернешься ли?

— Слово даю — вернусь. Коли через три месяца не будет, то, стало быть, убили меня. Тогда не обессудь, князь.

— Верю тебе. Езжай. — Пожарский вздохнул и погладил бороду. — Хотя стой. Спросить хочу. Ты, часом, не знаешь, что ж такого-разэтакого в королевском послании было, что Михаил тебя вдруг повесить вознамерился?

— Знаю. Родич мой — королевский секретарь. Он мне и поведал про то, что король Владислав каверзу задумал. И о письме рассказал. Владислав царю Михаилу слал привет свой и на царство благословение. Новый русский царь при нем прежде бестужно жил и жалован был немало. Вот король ему и отписал: мол, зла и обид я на тебя не держу, ибо ведаю, что москвиты инородца да иноверца на троне не признают. Но ежели Михаил, как и прежде, Владиславу на верность присягнет, то быть меж ними империуму. И станет Михаил королю Владиславу первым другом и помощником. Нынче вон шведы под Новгородом и Псковом царю досаждают, ну а коли примет Михаил царство из рук короля Владислава, то заедино против шведов пойдут. А так как шведские земли по закону тоже королю Владиславу подвластны быть должны, то когда поход сей победой завершится, империум новый превыше всех иных европейских держав будет.

— Завлекательные письма, — покачал головой Пожарский.

— Не мне о том судить. Да только родич мой как есть заверил, что Михаил на такое дело ни за что не согласится.

— Потому и сталоь как по-писаному. Ладно. — Пожарский положил руку на плечо соратника. — Как минет три месяца, жду тебя на своем дворе. Лети, сокол, да не настигнут тебя вражьи стрелы.

Начало мая 1924

Городок, вернее большое село, Елчаниново располагалось в десяти верстах от железной дороги. Быть может, черкни карандаш неведомого инженера-путейца чуть левее, и стало бы оно волостным центром. Но не судьба — так и приходилось возить на станцию подводами мясо и колбасы из городских коптилен, кожаную обувь и свечи местных фабрик, да зерно с паровых мельниц.

Дорога к «железке» с утра по будням всегда была забита телегами, и автомобиль начальника милиции то и дело сигнализировал, пугая лошадей. Наконец дребезжащий латаный авто выехал на центральную улицу Елчанинова, с недавних пор сменившую название Александровская на более уместное — Третьего Интернационала.

— Вот что я тебе скажу, Судаков, — разглядывая кресты на колокольне Борисоглебского собора, небрежно бросил начальнику милиции представитель волостного ГПУ по фамилии Гуц, — прислали вы в центр бумагу — мол, собрание горожан единодушно просит сменить старорежимное название вашего села на гордое имя «Парижская коммуна». Что сказать, я поддерживаю такое начинание. В самом деле, кто таков есть этот Елчанинов? Небось помещик местный?

— Воевода, — не прекращая крутить баранку, пояснил начальник милиции. — Я когда в реальном училище обучался, нам поп рассказывал, что еще при царе Михаиле Романове воеводу с отрядом против татар послали, вот он на высоком берегу нашей Стуженки поставил острожек. А из него после и городок вырос. Сам Елчанинов здесь в бою погиб.

— Да как бы то ни было... Воевода — тот же помещик! Вы же должны отрясти прах его со своих ног, если желаете идти в новый мир.

— Ясное дело, желаем. Кто же не желает?

— Это ты, Судаков, глупость сейчас брякнул. Расслабился, бдительность утратил. Много кто не желает! А вот ты хоть и не совсем еще коммунист, но по натуре своей большевик, ответь мне, куда ваша партийная организация смотрит? Отчего над всей округой это паучье семя, — проверяющий ткнул пальцем в кресты, — своими пыточными орудиями сияет?

— Ну так... Повелось...

— Я ж говорю — бдительность потеряли. Рано вы на такое высокое звание замахнулись! Какая уж тут Парижская коммуна? Разве может быть этакое позорище при Парижской коммуне?

— Исправимся, — вздохнул Судаков и тут же притормозил у тротуара единственной в городе мощеной улицы, чтобы поздороваться с молодой женщиной. — Доброго дня, Таисия Матвеевна! Как здоровьице?

— Благодарю вас, Петр Федорович. — Женщина улыбнулась как-то особенно мягко, так что выдавший виды гэпэушник нахмурился и мотнул головой — что за наваждение?

— Как Варька моя?

— Варвара — очень способная девушка и очень старательная. Сегодня у нее — «отлично».

— За «отлично» благодарствуйте! — Начальник милиции приподнял шоферскую кожаную кепку и улыбнулся, поглаживая кавалерийские усы.

— Кто такая? — быстро спросил проверяющий, когда громыхавший по брусчатке старенький «форд» отъехал дальше.

— Учительница здешняя. Словесность преподает, рисование, музыку, географию, опять же...

— Из бывших? — конкретизировал вопрос зоркий чекист.

— Да как сказать...

— Как есть, так и говори.

— Ну, ежели толком, мало что известно. В восемнадцатом году ее с дочерью у вас на станции приняли — «испанка». Еле выжили. А как оклемались, в госпиталь сестрой милосердной устроилась. В войну в поезде санитарном служила.

— Да что с того, что служила! Вон императрица с дочерьми, рассказывают, тоже в сестрах милосердных ходили.

— Эта небось не великая княжна.

— А ты почем знаешь, кто она да откуда?

— В документах значится — солдатка.

— И где ж тот солдат?

— В германскую без вести пропал.

— Такие без вести пропавшие сейчас по заграницам тысячами скрываются!

— А сколько их в землю легло? — с укором поглядел милиционер. — Без могилы и доброго слова. Того поболее будет.

— Вот странный ты человек, я погляжу. Тебя советская власть поставила за порядком надзирать, а ты здесь демагогию разводишь! По повадке видать, что дамочка из бывших, а представитель боевого отряда советской власти ей чуть ли не в пояс кланяется!

— Таисия Матвеевна всю гражданскую войну при госпитале состояла. Многих красноармейцев и командиров выходила. Рядом с ней, говорят, и раны затягивались быстрее обычного — будто ангел перстами касался!

— Ты мне эту поповскую бесовщину брось!

— Правда, когда Первая конная на Врангеля через Елчаниново шла, — начальник милиции задумался, вспоминая, — краском* — по всему видать, из военспецов — как Таисию Матвеевну увидел, обрадовался и сказал, что мужа ее знает. Но так ли, нет ли — поди проверь. На следующий день войска на Крым ушли.

— Ох, Судаков, Судаков... Толку от тебя, как от козла молока.

* Краском — красный командир.

— Да ну вот... — начальник милиции поднял было руку, чтоб перекреститься, — честное большевистское слово даю! Таисия Матвеевна — человек самый что ни на есть безобидный! А уж как ее ученики любят, о том вся округа толкует. Дома только и слышно: учительница то, учительница это...

— «То», «это»... — передразнил гэдэушник, — а ты как думал — врангелевский шпион будет ходить тебе — грудь в крестах да с золотыми погонами? Они завсегда маскируются так, что на глазок и не распознаешь. Тут особая бдительность нужна! Дай-ка мне ее адресок...

— Да что вы такое говорите! Едемте лучше ко мне — жена уже задалась, на стол, поди, накрыла.

— Ты, друг ситцевый, с детства, что ли, дурак, или на войне по башке шарахнуло? Пока за бандами по уезду гонялся — вроде бы истинный большевик был, а сейчас, я гляжу, обмещанился? Цветочки-герань завел? Канареек? А слышал, что товарищ Троцкий объявил борьбу с примазавшимися к партии мещанскими приспособленцами? Гляди, как бы тебе под чистку не попасть! Давай адрес!

— Стрелецкая, два. Во флигеле, — хмуро ответил милиционер. — Вон там вон поворот.

— Стрелецкая... Назвали бы уж Краснострелковая, — плюнул проверяющий.

Домой начальник милиции вернулся один, буркнул на вопрос жены о госте что-то невразумительное и, уйдя в свою отгороженную шкафом каморку, стал чистить наган с серебряной табличкой *«Красному Судакову за лихость в бою против денкинцев. От предреввоенсовета Л. Троцкого»*.

Ему, уроженцу здешних мест, знавшему в округе все и вся, как никому другому была подозрительна столь любимая его дочерью учительница. Он помнил фамилию военспеца, разговарившегося после обильного застолья в кругу лихих буденновцев. Собственно говоря, этот вчерашний золотопогонник и являлся организатором Первой конной, тенью легендарного командарма. Бывший царский полковник Щелоков в гер-

манскую служил в Ставке императора. Если уж он и впрямь знал мужа Таисии Матвеевны, то, по всему виду, тот был не из прапорщиков военного времени, настоящая белая кость, голубая кровь. Но что касательно самой учительницы, многое в жизни повидавший Судаков мог поклясться, что добрее и светлее человека встречать ему не приходилось.

Он выдвинул барабан из револьвера, зачем-то пересчитал патроны и начал чистить шомполом и без того идеально выдраенный ствол. Бог весть сколько времени это у него заняло. Отвлекся он лишь тогда, когда в прихожей хлопнула дверь.

— Куда ж вы пропали, гость дорогой? — услышал он голос жены. — А мы уж заждались. Что это вы надумали гулять...

— Муж где? — перебил ее проверяющий из центра.

— У себя Петр Федорович...

Бывший командир лихого красного эскадрона перекрестился на отсутствующий образ, вернул барабан на место и взвел курок нагана.

— Водки налей, — бросил ей чекист, входя в заветное судаковское зашкафье.

— Что? — не в силах унять стучавшую в висках кровь, выдавил начальник милиции.

— Ерундовина какая-то получается. — Сотрудник волостного ГПУ прошел мимо Судакова, будто не замечая револьвера, зажатого в его руке, и уселся на стул. — Хреновина, одним словом...

— Толком говори! — забывая о субординации, потребовал начальник милиции.

— Да что тут говорить, — залпом осушая принесенный стакан, выдохнул его собеседник. — Ух, ядреный первач! Шел я на адрес с твердым убеждением, что надо этой контре учинить допрос по всей строгости, а лишь только порог ее переступил, таким уютом на меня повеяло, таким покоем, не то что допрос, а словечка супротив вымолвить не смог! Посидел, чаю выпил, как баран что-то проблеял, и наутек. Когда б верил я в бабкины сказки, решил бы, что училка ваша — как есть ведьма. Тьфу ты! А ну-ка плесни еще!

ГЛАВА 3

«В умелых руках палка в колесе превращается в ось».

Генри Форд

Конец апреля 1924

С детских лет Феликс Дзержинский хотел быть священником. При малейшей возможности он приходил в кафедральный собор Вильно, тихо садился в углу, замороженно слушал величественные переливы старинного органа. Полный трепетного восторга, на крыльях звуков торжественной мессы он возносился душой к трону Господню. Наступит день, и Феликс взойдет на амвон, чтобы нести слово божье людям...

Детство кончилось внезапно, будто с уличной тумбы сорвали ветхую афишу и налепили другую. Стремление властвовать над душами не исчезло, даже усилилось. Но теперь у него был другой бог и другое писание. Он ощущал себя апостолом новой веры и готов был приложить для ее торжества не меньше рвения, чем идеал его детства, беспощадный Игнатий Лойола.

Еще задолго до революции несостоявшийся ксендз с гордостью принял на себя заботу о безопасности партии. На миг мелькнуло в памяти, что тем же занимался Святой Петр в кругу учеников Христа. С возмущением отогнал образ бессильного, рабского бога. Подвиг ждал его, а не какого-то там Петра с Тиверийского озера, — его, Феликса Дзержинского!

Круговерть революции поломала, скрутила, перелопатила людские судьбы, перекрыла все хоженные пути, оставляя возможность прокладывать новую, прежде неведомую дорогу в воспетое большевиками светлое будущее.

Сейчас в своем кабинете на Лубянке вдумчиво, как прежде катехизис, изучал он материалы дела о покушении на това-

риша Троцкого. Товарища, которого он терпеть не мог от всей души как иноверца, выскочку и... Дзержинский не хотел себе в этом признаться, но яростный, кипучий председатель Реввоенсовета до оторопи, до жути напоминал ему дьявола! Дьявола с икон и фресок, но только не поверженного, а воспрявшего и торжествующего! Странные шишковидные выступления на лбу Льва Давидовича еще более усиливали это сходство. Борьба с лукавым Феликсу Эдмундовичу представлялась делом святым, для которого, как учил своих иезуитов Лойола, все средства хороши!

Средство, которым сейчас намеревался воспользоваться Феликс Эдмундович, числилось среди тех, что следовало приберегать лишь для очень важных случаев. Председателю ОГПУ, истинному большевику, крайне не хотелось использовать это «секретное оружие», но речь шла о слишком щекотливом деле — альтернативы не было.

Дзержинский выжидательно поглядел на дверь, покачал головой и вновь обратился к материалам следствия. Как сообщил на допросе арестованный участник теракта, штабс-капитан Губин, группа, устроившая засаду в октябре прошлого года, принадлежала к Кутеповскому Союзу русских террористов и ставила задачу уничтожения Троцкого, Дзержинского, Зиновьева и других вождей советского государства.

Штабс-капитан оказался не особо крепкого десятка, и при том большим говоруном. От него стало известно, что руководитель группы, бывший подполковник Шведов, назначил встречу соучастникам в поселке Большая Ижора, неподалеку от Ленинграда, на конспиративной квартире у своего бывшего сослуживца, поручика, а затем красного командира — дивизионного начальника артиллерии, Линевича...

Он вошел в кабинет быстрой походкой — высокий, худой, с негнувшейся спиной, высоким лбом над внимательными глазами, вислые седые усы придавали лицу печальное выражение, а темный партикулярный костюм не мог скрыть, насколько

ко привычны к тяжелым эполетам разведенные плечи этого пожилого мужчины.

— Проходите, Владимир Федорович. Давно жду вас. — Дзержинский уже не в первый раз произносил эту фразу, но все никак не мог приучить себя к мысли, что его собеседник и, как ни удивительно, помощник совсем недавно возглавлял Отдельный корпус жандармов, а до того подавлял вооруженный мятеж в Москве.

Всякий раз, встречаясь с ним, Феликс Эдмундович ловил себя на мысли, что ему приятно находиться в обществе этого знающего и тонко просчитывающего ходы человека. Без преувеличения, когда б не генерал-лейтенант Джунковский, молодой советской власти не видать тех сокрушительных побед в тайной войне, которыми по прошествии лет она сможет похвалиться.

— Феликс Эдмундович, — коротко пожимая протянутую руку, начал бывший шеф Корпуса жандармов, — как я и предполагал, мы продолжаем оперативную игру с белогвардейским подпольем?

— Верно. По сути, иначе и быть не может. Новая операция имеет название «Картель».

— Забавно, — чуть заметно усмехнулся Джунковский. — Кроме, так сказать, промышленного значения, это слово еще имеет иной смысл. Картель — это вызов на дуэль.

— Действительно забавно.

— С кем же мы на этот раз намерены дуэлировать?

— Это нам также предстоит установить. Вы — человек военный, представьте, что вам противостоит враг сильный и опасный. Куда бы вы нанесли главный удар?

— Вы задаете непростой вопрос. Прежде наступления следовало бы провести разведку.

— Именно этим, собственно говоря, мы здесь и занимаемся.

— Что ж, если вам угодно послушать мои соображения, извольте, — свысока глядя на вчерашнего противника, начал Джунковский. — Сейчас, когда мы с божьей помощью унич-

тожили Савинкова и его организацию, нашим основным противником остался Русский Обще-Воинский Союз. Как известно, его лидеры — генералы Кутепов, Миллер, Эрдели и ряд иных, не менее известных военачальников. Есть, конечно, такие фигуры, как великий князь Николай Николаевич, великий князь Кирилл Владимирович, генералы Деникин и Врангель... Они также имеют вес в эмигрантских кругах, но по большей части это герои вчерашних дней. Сегодня они не у дел. Прошу вас обратить на этот факт особое внимание, он крайне важен. У них куда меньше авантюризма, нежели у савинковцев, куда больше четкого системного подхода. Чтобы расколоть такую мощную военную и политическую организацию, как РОВС, кавалерийский наскок не пойдет, нужно отыскать внутреннюю слабость.

— Вы полагаете, она там имеется?

— Непременно, Феликс Эдмундович, непременно, — скрипил губы бывший шеф Корпуса жандармов. — В любой организации есть слабость! Как вы думаете, почему те же Деникин и Врангель сейчас кропают мемуары? Почему не они, а генерал Кутепов ходит на доклад к великому князю Николаю Николаевичу? С его императорским высочеством понятно — он лишь символ, икона. Для великого множества русских офицеров любовь к родине заключалась в фанатичном поклонении дяде государя императора. Для них смещение Николая Николаевича с поста верховного главнокомандующего было и остается национальной и личной трагедией. Но где теперь недавние «вожди русских ратей»? Почему их роль в РОВС ныне сводится к роли свадебных генералов?

— Все это очень интересно, но что нам дает подобное знание?

— Можете поверить моему долгому опыту, — Джунковский погладил усы, как это делал всегда, стараясь затаить часть имевшихся на руках карт, — очень многое. Оно позволяет нам живо представить умонастроение внутри офицерской массы, выброшенной за пределы России. Берусь утверждать, что внут-

ри Обще-Воинского Союза обязательно наличествует группа, я уверен, немалая и деятельная — группа тех, кто считает бывших вождей напрямую ответственными за проигрыш в гражданской войне. Я бы назвал эту группу «Движением капитанов», хотя, несомненно, в ней присутствуют и прапорщики, и — более чем вероятно — генералы.

— Должно быть, так и есть, — обдумав услышанное, кивнул председатель ОГПУ. — То есть вы хотите сказать, что мы были бы заинтересованы выйти на связь с руководством этой группы?

— Вы уловили суть. Необходимо выйти на связь, узнать, чем они дышат, и взорвать РОВС изнутри. Именно через этих господ капитанов.

— Да, это был бы сильный ход.

— Можете не сомневаться.

— Но каким образом отыскать тех, кто, очевидно, не афиширует свое положение даже среди собратьев по оружию?

— Феликс Эдмундович, всё очень просто. — На губах Джунковского мелькнула невольная усмешка, и его собеседнику очень живо вдруг представились жандармские эполеты на развернутых плечах бывшего генерала. — Вы исходите из неверной предпосылки, что таких людей следует искать. Наверняка они весьма осторожны и не горят желанием попасть в западню, как мартышка лапой в долбленную тыкву. Надо выманить будущую жертву из убежища, заставить ее саму пойти за приманкой.

— Кто же станет такой приманкой?

— Мне представляется, что это должна быть особа хорошо известная, в чинах и вместе с тем не отличающаяся симпатией к новой власти.

— Вы имеете в виду себя? — улыбнулся Дзержинский.

— Ни в коем случае. Я лоялен к власти большевиков не менее, хотя и не более, чем был лоялен к государю-императору. К тому же меня вполне устраивает неприметная жизнь в глуши подмосковной дачи. Нашей приманкой, как мне видится, должен стать генерал Брусилов.

— Брусилов? — удивленно переспросил хранитель карающего меча партии большевиков.

— Вы не ослышались.

— Однако если я не ошибаюсь, имя Брусилова сейчас в эмигрантских кругах предают церковной анафеме — как главного иуду императорской армии.

— Поверьте, это незаслуженная честь. Хотя что мудрить... Алексей Алексеевич всегда был угодником. И не только дамским. Но оставим в стороне его реальные личные качества и посмотрим на тот образ, который можно создать. Итак, никто — ни друг, ни враг — не станет сомневаться в полководческом даре генерала Брусилова. Его знаменитый прорыв сейчас изучают во всех военных академиях как образец стратегического наступления в современной войне. Хотя, на мой взгляд, он не смог полностью использовать все возможности имевшейся у него конницы. Но сейчас о другом. Мало кому известно, что Алексей Алексеевич в восемнадцатом году состоял в организации, поддерживающей создание добровольческой армии генерала Корнилова — этого знамени белого движения. Потом вдруг — резкий поворот, и Брусилов поступил на службу к большевикам. И ныне его высокопревосходительство занимает должность инспектора всей советской кавалерии. Немалый пост, я вам доложу.

— Вполне соответствующий его знаниям и опыту.

— Да, несомненно, — подтвердил Джунковский. — Однако ни для кого даже в этих стенах не секрет, что взгляды генерала Брусилова как были монархическими, так и остались. Он честный службист, к тому же знает, с какой ненавистью относятся к нему вчерашние собраты.

— К чему вы клоните, Владимир Федорович?

— Брусилов — идеальная фигура. Ненависть, которую к нему сейчас испытывают, — его алиби. Непробиваемое алиби. Такой человек не станет искать контакт с РОВС без особой нужды.

А ведь, по сути, Брусилова обвиняют попусту. Он в очередной раз явил миру свой полководческий гений. Только его

блестящей победы в запале никто не заметил. Посудите сами: в свое время благодаря его воззванию в ряды Красной Армии влилось огромное количество белых офицеров и генералов. Если я правильно оцениваю маневр генерала Брусилова — он попросту желал сохранить скелет прежней армии, чтобы затем, нарастив свежее «мясо», получить в руки ту силу, с которой можно совершить новое преобразование государственной власти.

— Переворот? — задохнувшись от внезапного прозрения, скороговоркой проговорил Дзержинский.

— Если хотите, да. — Бывший жандарм утвердительно склонил голову. — Но Брусилов не политик, он — военный. А у нас при царе-батюшке среди офицеров считалось зазорным интересоваться вопросами управления государством, а уж тем паче — экономикой. Он задумал создать меч, который должна взять твердая рука. Во многом ему это удалось.

— Вы считаете, что подобная организация действительно существует? — В тоне Феликса Эдмундовича уже слышалась суровая настороженность.

— Быть может — да, быть может — нет. Мне о том ничего не известно. Я не работаю у вас, а лишь помогаю. Так сказать, обучаю ремеслу. Но заметьте, Феликс Эдмундович, вы уже почти поверили в наличие такой организации.

— Это моя обязанность, — сконфуженно буркнул председатель ОГПУ. — Я могу поверить даже в чертей с Марса, если они каким-то образом смогут угрожать республике!

— Конечно, — мягко и насмешливо продолжил Джунковский. — Но для тех, кто вам противостоит, это тоже обязанность. Они поклялись не останавливаться и не складывать оружия в борьбе с вами. Прежние вожди, как мы уже говорили, себя изжили. Новые просто вынуждены искать иные методы борьбы, нежели прежде.

Генерал Брусилов сейчас тяжело болен, он просит выпустить его в Чехию, в Карловы Вары, для лечения. Уверен, правительство этой страны, памятуя о том огромном вкладе, ко-

торый внес Алексей Алексеевич в освобождение чехов из-под австрийского ига, с радостью примет героя. С другой стороны, такой шаг гуманизма большевистской власти будет широко разрекламирован в прессе.

— А если вдруг его захотят убить? В Чехии, насколько мне известно, немало белоэмигрантов.

— Немало. Однако его будут охранять не только агенты тайной полиции, но и любовь народа. Даже самому тупому фельдфебелю понятно, что выстрел в Брусилова где-нибудь в Праге прокатится волной жесточайших репрессий против всех русских, живущих там. Кроме того, у вас есть агенты Коминтерна, которые тоже не оставят без внимания инспектора вашей кавалерии.

— Агенты Коминтерна — не ваше дело, Владимир Федорович, — оборвал его Дзержинский. — В плане есть одна загвоздка: если описанной вами организации не существует, то о чем Брусилов станет говорить с резидентом белых? А если... — контрразведчик замаялся, — не дай бог, она и впрямь не плод вашего воображения, то мы вручаем откованный меч в руки врага.

— Да упаси бог! Феликс Эдмундович, с чего же это вы решили, что Брусилову надлежит встречаться с резидентом?

— Но вы же только что сами говорили...

— Я говорил, что почтенному заслуженному человеку, герою войны, следует выехать на лечение в Карловы Вары.

— Так что же тогда?

— Из материалов прошлого расследования известно, — с легкой насмешкой проговорил Джунковский, — что у вас по делу о покушении на товарища Троцкого проходит бывший подполковник Шведов.

— Проходит, — отодвигая папку, словно бывший жандарм мог читать сквозь нее, подтвердил первый чекист.

— Так вот, его необходимо спасти. Необходимо, чтобы кто-то из бывших офицеров, ныне занимающих ответственный пост и пользующихся вашим доверием, помог Шведову

скрыться. А заодно сообщил ему о существовании военной организации Брусилова и о том, что Алексей Алексеевич вскоре должен выехать в Чехию на лечение и будет искать встречи с представителем мыслящих кругов белой эмиграции. Понятное дело, такие одноозные фигуры, как Кутенов, на подобную встречу не пойдут. Он упрям как мул. Пока не будет доказана невиновность и кристальная чистота Алексея Алексеевича, он под страхом расстрела не подаст ему руки. А вот тот, кто пойдет на контакт, и будет искомой фигурой в дальнейшей оперативной разработке. И тут ваша главная задача — не дать мистеру Икс встретиться с Брусиловым. Увести его буквально из-под носа.

— Понятно, — радостно потер руки Дзержинский.

— Я знал, что вы меня поймете. А теперь позвольте откланяться. Думаю, все детали вы сможете продумать и без меня.

— Да-да, конечно. Только один вопрос.

Бывший жандарм, остановился в дверях.

— В мое время хозяева подобных кабинетов не просили разрешения задавать вопросы. Что ж, запишем это в заслугу советской власти. Задавайте. Если смогу, отвечу.

— Ваш ответ никуда не выйдет из этих стен, и потому, если можно, откровенно. Вы — боевой генерал, вы не раз видели смерть на фронте, да и до того ходили под пулями здесь — на Красной Пресне. Вряд ли вас можно напугать расстрелом или купить усиленным пайком. Отчего вы служите нам?

Джунковский смотрел на собеседника насмешливо-испытывающим взглядом:

— Мне, конечно, следовало бы сказать, Феликс Эдмундович, что я служу не вам, а России. Отчасти так оно и есть, но лишь отчасти. Я верю, что Россия была и будет великой державой. Император ли стоит во главе ее, или же иной правитель — это игры терминологии. Россия — государство самодержавное, по-иному существовать просто не может. Все ваши Советы, рабоче-крестьянские депутаты, большевизм — шутовство, мишура для детей. Буйных детей, во множестве своем лишившихся рассудка, а то и вовсе его никогда не имевших.

Этот балаган обречен историей. Не Врангель, не Кутепов — главные враги новой власти. Главный ее враг — ход времени и историческая предопределенность. Как только в России, которой вы прицепили нелепое имя «Советский Союз», будет чем накормить голодных, как только ей перестанет угрожать близкая и явная агрессия извне, вы перегрызете друг другу глотки, точно крысы, запертые в железном ящике. И на трон взойдет тот, кто выживет в этой сваре. Один из ваших. Не великий князь — ре-во-лю-ци-о-нер! Или, как сказали бы господа зоологи, крысоед. Так вот этот крысоед — помяните мое слово — все повернет вспять. Он снова возродит империю. Ту самую империю, без соизволения которой, как было при государыне Екатерине Великой, в Европе пушка выстрелить не посмеет.

Вот вам мой ответ, Феликс Эдмундович. Белая же эмиграция отчасти по неразумию и озлобленности своей, отчасти потому, что ей попросту не к чему более приложить руки, создает России ту самую явную неприкрытую угрозу, о которой я уже имел честь вам говорить. Своей энергией и героизмом — я признаю их героизм — они не столько вредят советской власти, сколько оттягивают ее агонию. Именно поэтому я и борюсь с ними. А смерти я и впрямь не боюсь. — Джунковский повернул начищенную до блеска дверную ручку. — Чего и вам желаю.

Начало мая 1924

Дверь купе приоткрылась, вышколенный не хуже лакея в барском доме проводник, чуть приподняв фуражку, сообщил:

— Подъезжаем, мсье.

Згурский молча кивнул, не отрываясь от созерцания ночного пейзажа за вагонным окном. Высокий шпиль готической церкви вспарывал облака по ту сторону надраенного до блеска стекла.

«Однажды первый весенний луч, сияющий, легкий, беспечный, какой только и бывает, когда заскучавшее в зимних тучах солнце, улыбнувшись, согревает пробуждающуюся землю... Так вот, один луч увидел маленький, едва пробившийся, развернувший крошечное опахало листьев, белый ландыш...» — Генерал Згурский прикрыл глаза ладонью, пытаясь отгородиться от мира за окном. С его бесконечной войной, конспиративными встречами и опаляющим холодом, жившим в том месте, где прежде стучало и рокотало сердце.

Перед ним, как на экране синематографа, возникла картина восемнадцатилетней давности.

Ницца, лазурные волны, набегающие на золотой песок, веселый гомон отдыхающих, крики продавцов оранжада и спелых фруктов. Этот мир и это спокойствие казались ему тогда чем-то удивительным, небывалым.

Здесь, как всегда, было много русских. Тогда, в тысяча девятьсот шестом году, русских в Ницце принимали с распростертыми объятиями. Россия задыхалась, прося кредиты у Франции, но приезжие господа сорили деньгами, создавая впечатление, что в России, должно быть, и тротуары вымощены золотом.

Подполковник Згурский, прибывший для поправки здоровья и полного излечения от ран, смотрел на отдыхающих, точно на пришельцев с другой планеты. Казалось, только вчера отряд генерала Горбатовского, в котором ему выпала честь быть начальником штаба, отказавшись признать сдачу крепости Порт-Артур, штыками прорвался сквозь окружение и ушел на соединение с русской армией. Три недели пути, снег в пять аршин, сухари да растопленный в ладонях снег. И, конечно же, перестрелки, марш-броски — почти безнадежная попытка обогнать марширующую за плечами смерть. Ушло без малого четыреста бойцов, добралось до русских позиций чуть более семидесяти — раненых, обмороженных, еле живых. Тогда он отказался идти в госпиталь и оставался в строю вплоть до подписания унижительного, навязанного американцами мира.

Сердце молодого подполковника наполнялось болью. Как и многие солдаты по оружию, он твердо верил, что армии не дали победить, ударили ножом в спину, заставив прекратить боевые действия в момент, когда следовало начинать ломить силой силу. Скорбь и обида стали тем горше, когда вернувшийся в Санкт-Петербург генерал Стессель — виновник сдачи Порт-Артура — подал в суд на генерала Горбатовского за ослушание приказа. «В Российском Уставе нет приказа капитулировать!» — взорвался на суде Горбатовский. Очень скоро сам обвинитель превратился в обвиняемого, был осужден, приговорен к смертной казни, затем, с учетом прежних заслуг, к десяти годам крепости, а потом и вовсе помилован государем.

После слушаний в суде Згурскому удалось испросить себе годовой отпуск — уехать в Ниццу лечить раны. Более душевные, нежели телесные. Ему было холодно. Постоянно холодно. Странное ощущение — внутри пылало огнём, а он не мог согреться даже здесь, на золотом песке Лазурного побережья. Часами этот странный русский бродил вдоль берега — с тяжелой, залитой свинцом тростью, разминая кисть и расхаживая простреленную во время прорыва ногу. Там, на залитой солнцем набережной, он и увидел ангела, невесту для чего, каким-то божьим попущением спустившегося на земную твердь. Вернее, не увидел — буквально наткнулся, вновь блуждая мыслями по заснеженным тропам древнего царства Силла*.

— Просту извинить меня, — успевая поддержать стоящую у парапета девушку, которую он едва не сшиб, сконфуженно вымодвил Згурский. — Задумался, знаете ли...

— Не стоит извинений. Вы русский? — Барышня улыбнулась и распахнула глаза ему навстречу.

Згурский не мог объяснить, что произошло в тот момент. Ему стало тепло. Ему стало хорошо, легко и как будто — он не мог найти подходящего слова — воздушно.

* Силла — государство, существовавшее на территории Кореи (57 г. до н.э. — 935 г. н.э.).

— Подполковник Згурский Владимир Игнатьевич, — от-
рапортовал он, чувствуя, как нелепо, по-солдафонски звучат
его слова.

— Кречетникова Татьяна Михайловна, — чуть присела в
реверансе девушка.

Згурскому вдруг захотелось подхватить ее на руки, сказать,
что ангелам не подобает делать реверансы, подхватить и нести
туда, куда она скажет, хотя бы и в горние выси, за облака, где и
обитают такие ангелы.

— Ой, как хорошо! А мы с папенькой только-только при-
ехали. Он пошел в гостиницу договариваться, а я морем люблю-
юсь, — будто старому знакомому рассказывала Татьяна Ми-
хайловна, и Згурский понял, зачем он выжил там, где порою
думалось, что выживать не стоит.

— Вы были на войне? — глядя на увесистую трость в руках
нового знакомого, поинтересовалась девушка.

— Да, — подтвердил Згурский. — Был.

— Ну конечно же! Я знаю. — Татьяна Михайловна захо-
пала в ладоши. — Я знаю! О вас же в газетах печатали. В «Рус-
ском инвалиде» и в журнале «Нива»! «Рота под командовани-
ем храброго капитана Згурского первой ворвалась в непри-
ступную цитадель Пекина», — звонко продекламировала она.

— Это было целых шесть лет назад, — зачем-то уточнил
Згурский.

— А я помню — отец вырезал эту статью из газеты. Там
еще говорилось, что вы под ураганным огнем выкатили пушку
на прямую наводку и стали бить по воротам, пока они не раз-
летелись в щепы. А потом вы устремились в атаку.

— Это было не совсем так.

— Но все равно. Пекин — это же так интересно!

— Бейджин, — поправил Згурский. — Местные жители
называют столицу — Бейджин.

— Приходите нынче к нам чай пить! — Татьяна Михайлов-
на улыбнулась, отчего видавшего виды подполковника окати-
ло новой, теплой, до изнеможения нежной волной. — Папенька

рад будет! Он тогда все твердил о броневом экипаже... Он у меня инженер. Военный инженер! — с гордостью сообщила новая знакомая. — Ему будет очень интересно послушать вас, — она помедлила, — мне тоже...

— Мсье, — услышал Владимир Игнатьевич. — Прага уже. Поезд стоит.

ГЛАВА 4

*«То, что до сих пор вы на свободе, —
не ваша заслуга, а наша недоработка».*

Лаврентий Берия

Май 1924

Утро глядело в свежевывытое окно зашкафья Петра Судакова. С высокого берега Стуженки открывался кумачовый рассвет во всю ширь горизонта.

Начальник Елчаниновской милиции открыл глаза. Крынка молока, накрытая чистой белой тряпицей, сулила облегчение после вчерашней беседы с проверяющим. Тому сейчас, вероятно, было еще хуже. После возвращения из дома подозрительной училки он пил не переставая, не слушая ничьих увещаний. В поезд, шедший глубоко за полночь, бесчувственного сотрудника ГПУ погрузили, мешок мешком, строго велел проводнику хранить сон и покой важного пассажира.

«Кажись, пронесло», — глядя, как плотная струя молока наполняет чашку, вдруг подумал Судаков и сам себе удивился, с чего это ему — вчерашнему грузчику с пристани, а сегодня лицу, именем первого в мире государства рабочих и крестьян облеченному властью — вздумалось сочувствовать скрытым недругам этого самого государства.

«Как тут глаза ни шурь, а Таисия Матвеевна, даром что училка — фигура крайне подозрительная. И звать ее вовсе не Таисия. Это точно. Тот — бывший, из Первой конной — спьяну ее Татьяной величал. Мне бы тогда самому подсуетиться да взять под стражу диковинную преподавательницу... Но ведь нет же! Рука не поднялась. И у гэпэушника, вон, тоже не поднялась. Странное дело. Как есть странное». — Судаков еще раз глянул в окно. Во дворе суетилась жена, засыпая корм цыплятам, за соседскими крышами маячили купола церкви с неуместными, но такими привычными крестами. Чуть левее виднелось здание школы — в недавнем прошлом реального училища.

«День теперича воскресный, — удовлетворенно констатировал Петр Федорович, — уроков нет».

— Варька! — думая о своем, окликнул начальник милиции.

— Чего, тять? — послышалось из-за шкафа.

— А ну-ка, иди сюда!

— Да чего надо-то? — сонная физиономия дочери появилась в его закутке.

— Отвечай по-быстрому, кружок у вас в клубе нынче есть? Ну тот самый, где вы стишки читаете...

— Как же, есть. — Варька пожала плечами, недоумевая, с чего бы это отцу интересоваться таким пустячным делом. — А тебе для чего?

— Дерзить вздумала? Раз спрашиваю, стало быть, нужно! Не доросла еще батьке вопросы задавать — «что» да «почему»! Иди-ка сюда. — Он поманил дочь пальцем.

— Ну... — Голенастая девочка-подросток подошла к столу.

— В общем, так. Сегодня пойдешь на кружок пораньше. Чтобы первой быть. Таисия-то всегда прежде вас приходит?

— Ну?

— Не нукай ты! Не на конюшне. Пойдешь и скажешь, чтоб, как закончит с вами тетешкаться, никуда из клуба не шла — пусть сидит и меня дожидается.

— Бать, ты чего?

— А ну, цыты! Раз говорю, значит, надо! А ты языком почему зря не чеши. Твое дело передать, да чтоб никто рядом не слышал.

— Хорошо. Скажу, как велишь... А долго ли ждать?

— Пока не приду. Запомнила?

— Ага.

— Тогда иди. Да чтоб молчок! А то враз ремня схлопочешь!

Хорошо знакомая с отцовским ремнем девчонка, молча и скоро кивнув, выскочила из родительского «кабинета».

— Черт ведь что может подумать, — глядя ей вслед, тяжело вздохнул Судаков. — Господь великий, что ж я делаю-то?

Судаков снова покосился в окно, будто высматривая заветную тропку на поросшем кустами берегу. Сколько раз в прежние годы убегал он по ней, страшась отцовского гнева... Сколько раз прятался... Нынче не спрячешься, хоть до Зазнобина озера беги.

Сердце начальника милиции стучало, не унимаясь, как телеграфный аппарат, выбивающий на ленте недобрую весть.

«Что ж я делаю? Ведь она контра! — с тоской и необъяснимой жалостью к собственной особе подумал бывший красный командир. — Ведь в прежние-то годы...» Он оборвал мысль, не желая вспоминать кровавый чад совсем недавних лет.

«Нет, она не такая. Не Таисия стреляла мне в спину из-за ворот. — Он поскреб между лопаток то место, куда ткнула маленькая тупорылая пуля. Будь тогда у барышни не кургузый дамский браунинг, а, скажем, наган, не попади она в сабельную портупею — не сидеть ему здесь сейчас за столом. — Нет, не такая! — еще раз повторил Судаков. — Она... — Он не нашёл что сказать, решительно встал, вновь наполнил чашку парным молоком, выпил его залпом, точно водку, и потянулся за гимнастеркой. — Как бы ни было и что б там потом ни случилось, нельзя допустить, чтоб она пострадала!»

Милиционер застегнул ремень, вложил в кобуру наградное революционное оружие.

— Ты далеко? — окликнула его зашедшая в дом супруга. — Рань же несусветная!

— Не понимаешь — не говори! — оборвал ее Судаков. — Дела есть.

Он вышел на улицу и зашагал к Дому народной милиции — бывшему полицейскому околотку. Там в массивном, доставшемся от прежних хозяев сейфе с отбитым двуглавым орлом хранились чистые бланки паспортов.

Дежурный, увидев хмурого начальника, подскочил, едва не выронив винтовку. Но тот лишь кивнул в ответ на приветствие и прошел к себе в кабинет.

День тянулся долго. Судаков наврал жене — никаких дел у него в то утро не было, да и вообще, в сравнении с другими уездными городками, в Елчанинове царили тишь и благодать. Когда б не опаска, что где-нибудь в округе вновь объявятся банды разбойного сброда, и вовсе стоило бы сократить численность городской милиции с двенадцати человек этак до пяти.

Когда наконец день перевалил за середину, Судаков поглядел на трофейную луковицу часов Павла Буре и, положив в нагрудный карман два пропечатанных чистых бланка, отправился в клуб. Кружки, большинство из которых вела Таисия Матвеевна, закончили работу, а до вечернего синематографа оставалось часа два. Пройдя по коридору, Судаков огляделся — совсем как в былые времена, когда с друзьями таскал яблоки из сада отца Георгия. В коридорах было пусто. Он толкнул дверь.

Женщина стояла у окна, сцепив за спиной руки. Начальник милиции покачал головой и чуть кашлянул, чтобы привлечь к себе внимание.

— Простите, я задумалась. — Таисия Матвеевна повернулась, и ее лицо осветилось чуть застенчивой улыбкой.

— Таисия Матвеевна. — У Судакова перехватило дыхание. Не зная с чего начать, он вновь повторил: — Таисия Матвеевна...

— Я слушаю вас, Петр Федорович. Варвара сказала мне, что вы хотели со мной о чем-то поговорить?

— Да... — чувствуя себя, будто на уроке у доски, проямлил Судаков.

Он набрал побольше воздуха в грудь, как-то само собой расстегнул пуговку на вороте и выдохнул резко:

— Дело у меня к вам. Можно сказать, секретное. Ну, в общем, сами понимаете...

— Признаюсь честно, нет.

— Уезжать вам отсюда надо, Таисия Матвеевна.

— Куда? Для чего?

— Куда — о том мне лучше не знать. — Начальник милиции вдруг почувствовал какой-то странный, неизвестный ему доселе страх.

Преодолевая сковывающее язык волнение, он продолжил:

— К вам тут вечер товарищ один приходил...

— Да, мы пили чай.

— Я знаю, — перебил Судаков. — А затем он убежал, точно вы его из самовара окатили.

— Товарищ действительно спешил, но я не понимаю, к чему вы клоните.

— Это товарищ из ГПУ. Он — клоп въедливый. Коли зацепился — ни в жизнь не отстанет. И даже я вас тут защитить не смогу. Потому не спрашивайте ни о чем, собирайтесь с дочерью скоренько и уезжайте. Я и паспорта заготовил — какое имя скажете, такое и впишу. Только побыстрее, а то неровен час вернется... Тогда все, пшик. Оно, как говорится, плетью обуха не перешибешь.

— Я вас решительно не понимаю. — Глаза учительницы были наполнены страхом.

Станным образом Судаков все более ощущал, что нервная дрожь стоявшей перед ним женщины передается ему.

— А чего тут понимать? — досадуя на себя, утрюмо процедил начальник милиции. — Звать-то вас не Таисия Матвеевна, а Татьяна. Уж простите, не знаю, как по батюшке. Вас еще в девятнадцатом году опознали. Из бывших один, полковник. В Ставке служил у государя-императора. Рассказывал, что с

мужем вашим в академии учился. Его словам тогда я ходу не дал, да только ж и помимо меня начальство имеется. Этому товарищу из ГПУ, который у вас чаи гонял, очень подозрительной ваша личность показалась. Ему в каждом, кто не из рабочих и крестьян, шпионы Антанты видятся. А ваши-то корни прям как у дуба — по земле стелятся, даже искать не надо.

— Что вы имеете в виду?

— А то, уважаемая... — Судаков замялся, не зная, как именовать собеседницу, — что в губернии на милицейских курсах нас учили, как по внешним признакам законспирировавшихся врагов рабочего класса выявлять. Ну там, всякие жесты особые, манера поведения. Скажем, кавалеристы из бывших ногу на ногу кладут таким образом, будто опасаются шпорою порвать штанину.

— И что с того?

— А то, что в Смольном институте благородных девиц барышням на уроке было велено держать руки за спиной, вот совсем как вы держали, когда я вошел. Таким способом достигались сразу две цели: у девиц вырабатывалась прямая спина, а во время урока они всяких чертиков на полях не рисовали. Я понятно излагаю?

Таисия Матвеевна побледнела.

— Да вы не бойтесь. Я ж то вижу, что никакая вы не враг, а уж дочь ваша — и подавно. Отлично понимаю, что вы жизнь спасали и лишь потому тайлись. Но только и вы поймите — что могу, я готов для вас сделать сию минуту, а большее — уж не взыщите — не в моих силах.

— Но... — чуть шевеля губами, спросила она, — зачем вы это делаете для меня?

— Так сами подумайте, — радуясь, что не краснеет, начал Судаков, — если ГПУ вас словит, очень скоро выяснится, что я знал о том, кто вы есть на самом деле, а мер не принял.

— Вам никто не мешает их принять, — внезапно успокаиваясь и как-то внутренне распрямляясь, тихо проговорила учительница. — А кроме того, если нас с дочерью задержат с эти-

ми паспортами, то вас арестуют не за бездействие, а за помощь жене белого генерала.

— О как! — Судаков нервно сглотнул и сжал кулаки. — Так что ж вы предполагаете делать?

— Пока не знаю, — все так же твердо и без капли прежнего страха вымолвила женщина. — Как бы то ни было, спасибо вам за все.

Начало мая 1924

Профессор Дехтерев не спеша выпил содержимое стоявшего на кафедре стакана, стараясь во время этой небольшой паузы оценить реакцию членов комиссии. Шесть лет назад только нелепая случайность помешала добраться до Крыма, чтобы сесть на французский пароход и отплыть на родину Дидро и Вольтера — туда, где его уже ожидало место главы лаборатории клинической психиатрии Лионского университета. На станции в Белгороде у него украли саквояж. Профессор хотел заявить о краже, но сам попал в кутузку как буржуазный прихвостень. Через три недели его освободили: около города шли бои, и ему — профессору медицины — пришлось идти работать в полевой госпиталь красных. Дехтерев был уверен, что весь мир сошел с ума, что все эти латышские стрелки, комиссары в кожанках и матросы в бунтатах нарастающую — и есть лик будущей России. Ужас! Кошмар! Всадники апокалипсиса. Однако же конец света отложился, и ангел не вострубил.

Василий Матвеевич снова руководил лабораторией, и государство было явно заинтересовано в результатах исследований. Иначе откуда бы взялась столь высокой комиссии?

Он еще раз окинул взглядом пятерых сидевших перед ним людей: «Вполне интеллигентные лица. Хорошо одеты. Не какие-то шаромыжники — достойные члены общества. Так что зря, зря пугали весь мир большевиками? Конечно, революци-

онные бури поднимают со дна немало всякой грязи, но теперь, когда волнение улеглось...»

Он, выдержав паузу, заговорил хорошо поставленным звучным преподавательским голосом:

— Таким образом, товарищи, мы получаем возможность утверждать, что существует некое общее информационное поле. Это развивает теорию нашего великого химика Бутлерова, без малого полвека тому назад утверждавшего, что нервные токи организмов могут взаимодействовать подобно тому, как взаимодействуют электрические токи в проводниках.

Увы, пока нельзя достоверно сказать, какая часть мозга отвечает за восприятие сигналов, проходящих в этом поле, но теоретически и практически доказано, что такие сигналы распространяются и воспринимаются человеческим мозгом. Происходит это на бессознательном уровне.

Здесь непременно стоит упомянуть недавнюю работу товарища Чижевского «Физические факторы исторического процесса», в которой он, в частности, пишет: «Явления внушения — единичного и массового — могут быть объяснены путем электромагнитного возбуждения мозговых центров одного человека соответствующими центрами другого».

Каждый из вас, дорогие товарищи, вероятно, может привести не один случай подобной сверхчувственной связи. Так, скажем, мать и ее ребенок могут ощущать состояние друг друга за сотни верст. Или же, как мне рассказывали господа... простите, товарищи революционеры, опытные конспираторы чувствуют даже спиной направленный на них взгляд шпика. Все это явления одного рода — передача невербальных, то есть бессловесных сигналов в информационное поле.

Быть может, это покажется странным, но подобные явления фиксируются не только у высших приматов, к которым относится человек, но и у существ куда менее развитых, как, например, саранча. Невозможно без удивления смотреть на сложнейшие перестроения, которые производит не руководи-

мая никем, но подчиненная единой воле огромная туча этих насекомых.

— Так что же, профессор, это мы, получается, навроде саранчи? Повинуемся какому-то неслышному приказу?

— В своем роде, уважаемый, в своем роде. Пока что результаты наших исследований не позволяют говорить о целенаправленной передаче таких команд. Мы еще слишком плохо представляем себе работу человеческого мозга. И, собственно говоря, это и является сутью наших исследований. Но то, что возможно уже сегодня — это... — профессор Дехтерев замылся, подыскивая слова, понятные членам комиссии, — передача на расстояние, скажем так, простых эмоций: радость, страх, умиротворение... Представьте себе музыку. Вот вы, — профессор кивнул в сторону высокого худого мужчины с бородкой клинышком и глубоко посаженными глазами, — вы, Феликс Эдмундович, любите музыку?

— Да, очень.

— И вы не станете спорить, что звуки мелодии несут определенную эмоциональную окраску?

— Конечно. Это известно всякому.

— Вот-вот! Это действительно известно всякому. Но человеческое ухо воспринимает звуки в довольно скудном диапазоне. И все же, думаю, для вас не составит труда вообразить музыку, звуки которой вам не слышны, но ощущения передаются с помощью все того же единого информационного поля.

— Эх, если б его увидеть, пощупать...

— Голубчик, вы же не можете увидеть и пощупать, к примеру, магнитное поле. Однако для вас не секрет, что оно существует.

— Климент Ефремович, — остановил следующую реплику члена комиссии Дзержинский, — давайте прекратим дебаты и предоставим товарищу профессору возможность закончить выступление.

Оборванный на полуслове крепыш в форме командарма обиженно насупил.

— Продолжайте, — наклонил голову председатель ОГПУ.

— Так вот, — вновь заговорил Дехтерев, — на данный момент с помощью аппаратуры, созданной ведущими инженерами нашей лаборатории, мы уже можем транслировать описанные мною сигналы на значительные расстояния — для того, чтобы снизить агрессивность и вызвать умиротворение у любого потенциального врага советской власти.

— Вот это да! — Недавний оппонент докладчика хлопнул себя ладонью по голенищу сапога. — Ведь это если с помощью агентуры Коминтерна установить...

— Клим! — снова оборвал старого приятеля Дзержинский. — Если товарищ профессор закончил выступление, позвольте, я выскажу свое мнение, — он чуть помедлил, — согласованное с мнением руководства партии. Разработки профессора Дехтерева — вещь, как сказал бы наш дорогой Ильич, архиважная и архинеобходимая нашему молодому государству. Поэтому следует полностью, безо всяких ограничений удовлетворить финансовую заявку лаборатории и поставить вопрос о первоочередной закупке всех требуемых приборов и препаратов за рубежом. Кто «за»? Единогласно.

Члены комиссии с удовлетворением честно выполненного долга опустили руки и начали расходиться.

— Василий Матвеевич, — обратился к Дехтереву председатель ОГПУ, — давайте я вас подвезу. Вы ведь здесь, на Сретенке, живете?

— Да ну что вы, это же совсем близко.

— Давайте-давайте! Время уже позднее. А заодно и поговорим.

Автомобиль Дзержинского проехал под аркой Боровицких ворот и, вздрагивая, помчался по брусчатке Красной площади.

— Скажите, профессор, как же вам такое в голову пришло? Все эти информационные поля, электромагнитные сигналы в мозговых клетках...

— Вы знаете, почтеннейший Феликс Эдмундович, случайно. В восемнадцатом году ехал я в поезде. Сами помните — тол-

чая, все сидят друг у друга на шее... Рядом со мной расположилась молодая дама с дочерью. Очень симпатичная, я бы даже сказал — волшебной красоты дама. Но не в этом дело. Уже за Курском на поезд напала банда. Не то чтобы белые или зеленые — просто какие-то разбойники. Совсем как на Диком Западе. Понятное дело, вокруг паника... Вдруг я увидел глаза этой женщины — увидел и ощутил ее страх. И не я один: сначала ее страх пронзил всех, кто был рядом, а потом, — Дехтерев сделал паузу, — вы не поверите, но так оно и было — страх объял бандитов! Абсолютно беспричинный! Подмоги нам ждать было неоткуда. И представьте себе, дивный случай: разбойники бросают награбленные вещи, запрыгивают в седла и скрываются в лесу!

— Воистину. — Дзержинский погладил бородку. — В прежние времена сказали бы, что Господь сотворил чудо.

— Вот и я об этом. Но берусь утверждать, что никакого чуда не было. Следом за пережитым ужасом вдруг наступило не просто облегчение, а какое-то эйфорическое бурное ликование. И я уверен — оно также началось именно с нее.

— То есть вы хотите сказать, что эта молодая особа была своего рода радиостанцией? И пассажиры воспринимали ее сигналы?

— Именно так, Феликс Эдмундович! Это неслышанно, невообразимо, но факт!

— Что же случилось с ней далее?

— Увы... Я сделал вынужденную остановку в Белгороде, они же с дочерью отправились дальше. Больше я о ее судьбе ничего не знаю.

— Куда направлялся поезд?

— В Крым. Так что, возможно, этой необычайной женщины уже и нет в России. А жаль! Было бы крайне интересно исследовать ее феномен.

— Что ж, можем проверить. Не исключено, что ваша чудесная незнакомка все-таки осталась в стране.

— Кто знает. — Дехтерев развел руками. — Пожалуй, сейчас этого уже не выяснить.

— Ну что вы, в самом деле, меня обижаете, — улыбнулся Феликс Эдмундович. — Конечно, если б вы назвали ее имя, фамилию, дали мне фотопортрет, поиски заняли бы меньше времени.

— Отчего ж, извольте. Это дочь известного инженера-изобретателя Михаила Викентьевича Кречетникова — Татьяна.

— Татьяна Михайловна Кречетникова?

— А портрет... Я, знаете ли, в юности недурственно рисовал. Даже собирался поступать в Строгановку, так что, пожалуй, смог бы изобразить...

— Это очень облегчило бы поиски. — Дзержинский коснулся плеча шофера. — Приехали. А в будущем, уважаемый профессор, обращайтесь ко мне. Если вдруг появится какая-нибудь нужда — без всяких церемоний. Я распоряжусь, чтобы на Лубянке для вас был заготовлен особый пропуск.

Начало мая 1924

Датский пароход «Тихо Браге» прибыл в Ленинград.

Красноармеец смерил беглым взглядом очередного пассажира и поднял деревянную перегородку:

— Следующий!

Ему, молодому пограничнику, не внове было видеть приплывающих в Советский Союз иностранцев, и потому он без суеты, спокойно открыл паспорт заморского гостя и принялся сличать фотографию с оригиналом.

«Ничего не скажешь — похож. Скорее блондин, чем русский. Глаза синие... Настоящий скандинав».

— Шпрехен зи дойч?

— Я, я! — подтвердил иностранец на немецком и тут же перешел на вполне сносный русский. — Однако я могу говорить и по-русски.

Проверяющий с облегчением вздохнул. Конечно, пять классов гимназии давали ему немалое преимущество перед коллегами, и все же его немецкий оставлял желать лучшего.

— Ваши имя-фамилия?

— Нильс Кристенсен.

— С какой целью приехали в Советский Союз.

— Я врач, представитель Красного Креста. Вот мое удостоверение. — Датчанин с улыбкой достал из внутреннего кармана безукоризненного твидового костюма небольшой документ в твердой обложке. — Занимаюсь психологическими травмами. Всякого рода военные и поствоенные шоки, истерии, нервные расстройства... Вы понимаете меня?

«Кристенсен... Кристенсен... Кажется, в Дании недавно был такой глава кабинета министров. Возможно, родственник. Ишь, какой лошечный! Нервное расстройство... Побывал бы здесь лет пяток назад — сам бы расстроился до конца дней. Ну да ладно, документы, кажется, в порядке».

Красноармеец приложил руку к фуражке:

— Добро пожаловать в Союз Советских Социалистических Республик! Успешной работы! Не забудьте, прибыв к месту прохождения вашей командировки, встать на учет в соответствующем отделе ГПУ.

ГЛАВА 5

«Тот, кто знает, куда хочет идти, не уйдет далеко».

Наполеон Бонапарт

Начало мая 1924

Молодцеватый подтянутый господин с подкрученными рыжими усиками спешил к вагону, около которого стоял генерал Згурский. Мужчина был одет в штатское, но, судя по выправке, он не слишком давно сменил офицерский мундир на партикулярный костюм.

— Разрешите представиться, штаб-ротмистр, граф Комаровский! — отпартовал встречающий.

Он сделал знак шедшему следом носильщику, и тот споро подхватил увесистый саквояж почтенного господина.

— Рад знакомству, — протянул руку Згурский.

— Авто ждет. Желаете прежде отдохнуть?

— Не будем тянуть. Сразу к делу. В поезде я и так потерял много времени. Ваше мнение о господине Шведове? — вновь заговорил генерал, когда мотор двинулся с места.

— Боевой офицер. Мне доводилось слышать о нем еще в годы войны. Шведов был самым молодым командиром артиллерийского дивизиона императорской армии.

— Лестная характеристика. Но меня сейчас интересует другое. В конце концов, такие красные военачальники, как полковник Вацетис, Каменев, или же мой старый боевой товарищ по Мингрельским гренадерам, Шапошников, тоже были весьма дельными офицерами.

Граф Комаровский вздохнул, не в силах оспорить очевидное. Лишь на плакатах времен революции и гражданской войны красные радикально отличались от белых и наоборот. Непредсказуемая реальность словно издевалась над расхожими мнениями. Против власти рабочих и крестьян сражались крестьянский сын Деникин, казак бурятской наружности Корнилов, а за нее шли в бой офицеры и генералы, чей дворянский род насчитывал не одно столетие. И что хуже всего — по обе стороны воевали вчерашние боевые товарищи, те, что в прошлом делили один блиндаж, одну шинель.

— Подполковник Шведов был замешан в деле профессора Таганцева в двадцать первом году. Тогда ему инкриминировалось руководство боевой организацией в Петрограде.

— Как ему удалось уйти? — спросил Згурский.

Штаб-ротмистр кивнул, он ждал этого вопроса.

— По его утверждению, во время активных поисков его прятала жена одного крупного питерского чекиста, с которой он состоял в близких отношениях.

— Понятно. То есть вполне может быть, что на деле никакой боевой организации и не было, что данный чекист, узнав о столь пошлом адюльтере, решил избавиться от соблазнителья, подведя его под революционный трибунал.

— Шведов и сам утверждает, что никакой боевой организации не было, что все дело высосано из пальца. Но, по его словам, муж ни о чем таком не догадывался. Шведов и сейчас беспрепятственно воспользовался услугами этой влиятельной дамы. В первый раз подполковнику удалось незаметно перейти финскую границу у Сестрорецка, что создало ему известную славу в кругах, близких к генералу Кутепову. Но, как я уже говорил, он храбрый офицер. Побег — тем более при таких странных обстоятельствах — смущал его самого. Он жаждал мщения и готов был участвовать в «акциях прямого действия» против руководства большевиков.

— Прежде господа революционеры стреляли в главу державы, теперь мы стреляем в господ революционеров. То же конспираторство и эсеровщина. Глупо-с.

— У них это дало плоды.

— Плоды дало совершенно иное. Всем нашим вождям стоило бы почитать труды господина Ульянова. Врага надо знать — этому учат в Академии Генерального штаба. Знать, будь то Мольтке, Бонапарт или же товарищ Ленин. Что касается последнего — его недавняя смерть повышает наши шансы на успех. Мы должны воспользоваться сумятицей, которая неизбежно возникнет при дележе наследства. Тем более столь необъятного, как власть над Россией.

Згурский договорил эту горькую фразу и поглядел в окно, пытаясь скрыть гримасу досады. Автомобиль катил по прекрасной Праге мимо церкви святого Томаша, воздевшей, точно на параде клинки подвысь, готические башни звонниц.

— Хотелось бы знать, кто предложил уничтожить Льва Троцкого. Господин Шведов или Кутепов с его доморощенными террористами?

— Неизвестно.

— Мне пока тоже, — негромко проговорил генерал Згурский. — А это важно. Ладно, давайте вернемся к последней акции.

— В этом деле принимали участие десять офицеров. Четверо непосредственно атаковали машину наркомвоенмора, трое — группа поручика Иордана — занимались оповещением и наблюдением. Еще трое — группа штабс-капитана Гончарова — обеспечивали безопасное отступление ударной четверки. Спланировано все было безукоризненно, но само покушение сорвалось.

— Мой дорогой граф. Если операция не удалась, значит, спланирована была бездарно.

— Рассказывать, как обстояло дело? — выждав паузу, спросил Комаровский.

— Уверен, свой героический подвиг живописует сам исполнитель, — заметил генерал. — Меня больше интересует, как так получилось, что из всей десятки спасся один лишь Шведов.

— Это не совсем так. После отступления группы разошлись, и у Шведова нет данных ни о группе прикрытия, ни о группе оповещения. Что же касается ударной четверки, то, увы, двое офицеров впоследствии были захвачены чекистами, еще один погиб в перестрелке. Шведову удалось спастись буквально чудом.

— Во всем, что относится к военному делу, чудеса требуют недвусмысленного объяснения.

— Я вижу, вы не доверяете нашему гостю?

— А следует?

Комаровский пожал плечами.

— Кстати, о чудесах. Вот поглядите — видите это здание? Называется Белая аптека. Рядом статуя льва. Говорят, время от времени около него появляется странная дама, вся в черном. Если оказаться рядом, она предсказывает судьбу.

— Белая аптека, черная дама... Предсказания судьбы, столочерчение, голоса усопших — что за бред? Постыдитесь!

— Зря вы так. Любой в Праге подтвердит мои слова.

— Я не имею ни возможности, ни желания мешать жителям этого славного города пытаться узнать судьбу таким странным образом. Но что касается нас, должен вам заметить — будущее зависит от наших собственных действий. И ни от чего другого. Чудес, кроме рукотворных, не бывает!

«...И ландыш, озаренный солнечным лучом — первым весенним лучом, полным силы и радости, — вдруг ожил. Превратился в человека. В маленькую девочку с огромными глазами».

Згурский прикусил губу. Невесть отчего пришли ему в голову слова из сказки, придуманной им когда-то для юной небесной Танечки Кречетниковой. Он попытался отогнать призрак былого, но тот стоял перед глазами, закрывая древний город и вытесняя в душе далекое отечество.

— Долго еще? — вздохнул генерал.

— Уже приехали.

Комната под самой крышей была скудно обставлена и еще более скудно освещена. Если бы не полная луна, виднеющаяся сквозь приоткрытое окно и раздернутые шторы, разобрать черты лица собеседника было бы почти невозможно. Комаровский поставил на стол керосиновую лампу и предложил стул «человеку из центра».

— Чем вы занимались до того, как ЧК заинтересовалась вашей особой? — холодно и резко звучал голос Згурского.

— Преподавал материальную часть артиллерии на курсах «Выстрел».

— То есть служили красным.

— Именно так, ваше превосходительство. Если вы желаете знать, воевал ли я против своих в гражданскую войну, отвечу — нет. Не воевал. Но был у красных. Впрочем, я уже имел честь все подробнейшим образом изложить в Париже генералу Кутепову.

— Это не имеет значения. Будьте любезны отвечать на мои вопросы.

— Вы мне не доверяете?

— Вопросы веры оставим компетенции Святейшего синода.

— И все же... — щека подполковника Шведова обиженно дернулась, — это оскорбительно.

— Отнюдь нет. Это крайняя необходимость. Вы, будучи опытным боевым офицером, а не придворным шаркуном, должны понять меня. Вам дважды беспрепятственно удалось скрыться от ищеек ЧК и пересечь границу. Причем оба раза — по вашему же утверждению — это не был подготовленный уход через «окно».

— Не совсем так, господин генерал. Во время дела Таганцева, в двадцать первом году, я действительно перешел границу на свой страх и риск. У меня была красноармейская форма, которая позволила проникнуть в приграничную зону, и загодя подготовленное командировочное удостоверение, предписывающее мне подыскать землю для артиллерийского полигона. А там, засев у реки, я дождался, пока исчезнет из виду большевистский патруль, и бросился в воду. Слава богу, в прежние годы мне доводилось встречаться с генералом Маннергеймом — его имя в Финляндии служит хорошим пропуском.

В этот раз все было по-другому. После ареста моих товарищей стало ясно, что ОГПУ — так нынче именуют ЧК — плотно взяло нас в кольцо и гонит, как волков на флажки. Я нашел убежище у своего боевого товарища — поручика Линевича, он служил красным, но только по принуждению. Его родные были взяты заложниками. К тому же он комиссован в двадцатом году после ранения, живет тихо, преподает в школе младших командиров. Я надеялся отсидеться — Линевич не принадлежит ни к каким нашим организациям, это была моя личная конспиративная квартира.

— Ближе к делу.

— Когда я уже было решил, что все успокоилось и можно рискнуть перейти границу, в квартиру Линевича пожаловал человек, назвавшийся Болеславом Орлинским.

— Никогда о таком не слышал.

— Это не настоящая фамилия. На самом деле это бывший статский советник Владимир Орлов, теперь доверенное лицо самого Дзержинского. Ныне он занимает должность председателя Центральной уголовно-следственной комиссии в Петрограде, или, как его теперь именуют, в Ленинграде. В восемнадцатом году по поручению генерала Алексеева этот господин пробрался в Петроград для ведения разведывательной деятельности и благодаря знакомствам устроился в Наркомат юстиции.

— Очень интересно, — кивнул Згурский, делая пометку карандашом в маленькой записной книжке. — Проверим. Что же сказал вам этот Орлов-Орлинский?

— Он сообщил, что ГПУ выследило мое убежище, и потому пришел арестовать меня до того, как это сделают чекисты.

— Для чего?

— Видите ли, пользуясь своим положением, он собрал в Петрограде большую военную организацию из бывших офицеров, нынешних краскомов армии и сотрудников милиции. Есть даже верные люди в ОГПУ. Его подчиненные совершили арест, вывезли меня и Линевица с квартиры, находившейся под наблюдением. Потом я якобы был застрелен при попытке к бегству. Ночью Орлинский с помощью верного начальника заставы переправил меня на эту сторону границы.

— Складно-складно... А где же ваш товарищ Линевиц?

— Орлинский обещал позаботиться о нем.

— Н-да... — Згурский постучал карандашом по переплету записной книжки. — Предположим, вы говорите правду, хотя я в этом не убежден. Скажите мне, господин подполковник, с чего бы это вдруг законспирированному агенту такого уровня рисковать собой, чтобы спасти одного из многочисленных неудачливых боевиков генерала Кутепова?

— Орлинский спешил — ему нужно было срочно передать информацию, имеющую чрезвычайное значение. Потому-то я и просил о встрече, притом именно здесь, в Праге.

— Что за информация?

— Как утверждает господин статский советник, его организация — лишь филиал крупной сплоченной и вооруженной группировки бывших кадровых офицеров и генералов, находящихся в Совдепии. Эта группировка создана благодаря усилиям генерала от кавалерии Брусилова и имеет мощную опору в армии. Они ищут связь с надежными людьми в руководстве РОВС, чтобы согласовать действия и заручиться международной политической и финансовой поддержкой.

— Что ж, допустим...

— Позвольте мне продолжить, — нарушил субординацию Шведов. — По утверждению Орлинского, сам Брусилов будет в Праге через несколько дней.

— Все?

— Да. Хотя... — Шведов замаялся.

— Я вас внимательно слушаю.

— Есть одно странное, очень странное, известие. После неудачного покушения я в Москве скрывался у одной дамы, на даче видного чекиста. Прежде этот особо уполномоченный мерзавец работал в Петрограде, но сейчас его перевели в Центральный аппарат. Так вот, моя знакомая рассказала, будто ее муж сейчас усиленно занимается розысками, — подполковник сделал паузу, — великого князя Михаила Александровича — младшего брата убиенного государя императора.

— Что еще за блажь? — Згурский нахмурился. — Великий князь Михаил Александрович убит большевиками в восемнадцатом году в Перми.

Шведов утвердительно кивнул:

— Газеты тогда сообщали, что он и его секретарь Джонсон бежали. Но потом выяснилось, что его императорское высочество был похищен из квартиры членами пермского ревкома и расстрелян где-то за городом. Но останков тогда найти не удалось. А сейчас ОГПУ сбилось с ног, разыскивая великого князя, казненного шесть лет назад.

Начало мая 1924

До отправления московского поезда оставалось четыре с половиной часа. Нильс Кристенсен постоял у билетной кассы, с грустью поглядел на дверь с надписью «Управление ГПУ по железной дороге». Судя по росписям в стиле модерн и серебристым чашкам, изображенным на стекле, прежде здесь находился вокзальный буфет.

«Уйма времени», — подумал сотрудник Красного Креста и вышел на Невский проспект. Впрочем, теперь прорубленная самолично императором Петром Невская перспектива носила звучное, но дикуватое для ушей иностранца название «Имени Двадцать пятого октября».

— Подвезти, гражданин-товарищ-барин? — тут же сунулся к потенциальному клиенту бойкий извозчик. — Дешево. По городу не больше трех целковых!

Кристенсен отрицательно покачал головой. Ехать было некуда. Он не спеша двинулся по знаменитому проспекту в сторону Зимнего дворца.

«Интересно, следят или нет? — крутилось в голове инстинктивного оперативника. — Вероятно, следят».

Он остановился возле сверкающей витрины шляпного магазина. Огромное количество головных уборов красовалось за стеклом. Но сейчас виконта интересовали не «последние фасоны всего мира» и даже не самая популярная модель сезона — алая фуражка с маленькой звездочкой, именуемая «красногусарская». Отраженные в витрине прохожие шли мимо. Некоторые, особенно совбарышни, в простеньких, но уже подогнанных и не лишенных элегантности платьях, на миг останавливались, с печалью глядели на шляпки «из Парижа» и торопились дальше.

«Кажется, никого, — с удивлением отметил Нильс. — Но, может быть, ловко маскируются». Он отошел к афишной тумбе.

«Кинотеатр «Паризиана» — гласила самая большая афиша. — Проспект 25 октября, одновременно 1 и 2 серии — 13 частей, исключительного, захватывающе-интересного фанта-

стического киноромана «Невеста Солнца» в 4-х сериях, 25 частях с участием королевы американского экрана, бесстрашной Руфь Ролан».

«Совзапкино» — «Микроб коммунизма» — обещала другая.

«Фильм Григория Козинцева и Леонида Трауберга «Похождения Октябрины» — заманивала третья.

Виконт прислушался к своим ощущениям: филеров заметно не было, и все же чувство, будто кто-то его внимательно разглядывает, Нильса не оставляло.

«Ладно, пусть наблюдают, черт бы их побрал! — про себя выругался виконт. — Мне пока скрывать нечего».

Он отправился дальше, ища глазами вывеску ближайшего кафе или ресторана.

— Гражданин, гражданин! Помогите! — В рукав его костюма вцепилась абордажными крючьями тонкая девичья ручка. — Там хулиганы! Моя сестра... Пожалуйста, пожалуйста, скорее! Помогите!

Девочка-подросток лет пятнадцати, размазывая по щекам слезы, с неожиданной силой буксиром поволокла Нильса в ближайшую подворотню.

Он попытался освободить руку, но девица вновь схватила его и умоляюще взывала:

— Давайте же, давайте! Скорее!

Когда за спиной гроыхнула, закрываясь, калитка массивных кованых ворот, виконт резко повернулся, спеша оценить ситуацию. Детина совершенно не аристократической наружности стоял, привалившись к калитке, поигрывая цепью с пристегнутым к ней амбарным замком.

— Ну что, господин хороший? Приплыл?

Из-за дровяного сарая на заморского гостя вразвалочку надвигались еще два социально близких пролетариату элемента. — Скидавай шкары, фря залетная!

В руке налетчика блеснул нож.

— А то ведь, гляди, сегодня уже с прадедом своим почеломкаешься! — Говоривший сплюнул окуроч и сопровождал не-

доброе пророчество выразительным жестом, проводя острием ножа поперек шеи.

Не вступая в дискуссии, Нильс Кристенсен шагнул вперед, перехватил запястье вооруженной руки и крутанул его, точно собираясь запустить пропеллер самолета. Бандит не самолет, но и его развернуло. В тот же миг вторая рука «врача-травмопевца» обрушилась на затылок преступника, направляя любителя чужого добра лбом в каменную стену.

— Ах ты... — Соратник пострадавшего кинулся было на помощь, но тут же рухнул с вбитым в горло кадыком.

Предусмотрительно отскочившая к сараю девчонка завизжала так, что в окнах нижних этажей вздрогнули герани, а дылда, подпиривший калитку, отбросил цепь и собрался выскочить на улицу. Но не успел.

— Всем стоять!

Подворотня заполнилась людьми в милицейской форме и с наганами в руках.

Виконт поднял руки:

— Не стреляйте! Я датчанин, врач, сотрудник Красного Креста!

Декабрь 1614

Князь Пожарский любил Рождество. В прежние годы его всегда радовали шумные пиры, катания на тройках и колокольный благовест, разносящийся над отчим поместьем Медведково. В Москве, где взгляд, куда ни кинь, упирался в колокольню, малиновый звон был особенно густ и сладостен. И сюда он долетал во всей красе и благолепии. Царившее вокруг радостное возбуждение напоминало князю о годах юности, о молодых забавах еще до того, как его — храброго воеводу со всеми чадами и домочадцами — обездолили и сослали к волж-

ским берегам. Безо всякой вины. Так лишь, для покоя государя Иоанна Грозного.

Многое тогда передумалось князю. Много обид сжалось в кулаке, да растоптано было сапогом. В укор немалому числу князей и бояр не пошел он с поклоном ни к первому Лжедмитрию, ни к Тушинскому вору, да и теперь службу Отечеству ставил превыше службы государю. А дел было и по Разбойному приказу, и по долгу воеводскому — лопатой не разгрести. Куда уж тут мчать с хохотом на горячих скакунах, пролагая след по свежевывапшему снегу, торя санный путь по московским улицам...

Князь Пожарский стоял на резном крыльце своего терема над Яузой-рекой и слушал, как доносится из-за ворот громкий девичий смех и раскаты величальной песни.

— Батюшка Дмитрий Михалыч! — Княжий тиун, управляющий сим немалым хозяйством с давних давен, поспешил к господину, кланяясь ему в пояс. — Лях с девкой приехали!

— Какой еще лях!

— Ну, тот, которого у Сретенских ворот вешать хотели, да молния дерево пожгла.

— Федор, что ли? Ай да молодец! Ай да хват! Так что ты стоишь? Зови в светлицу да распорядись об угощениях для дорогих гостей!

Згурский переступил порог горницы и поклонился хозяину. Молодая женщина, шедшая рядом с ним, по-заграничному чуть присела, приветствуя князя.

— Успел, стало быть, ловкач? — Пожарский ухарски разглядел усы.

— Позвольте вам представить, мой князь, Тереза Елень, вдова графа Збигнева Еленя.

— Так, выходит, не успел. — Дмитрий Михалыч нахмурился.

— Успел, — не меняясь в лице, произнес Францишек. — Я прибыл на родину и узнал, что Терезу, равно как и всю семью ее, графские слуги увезли в маеток Еленей близ Киева. Я примчался туда, пришел к графу, умоляя отпустить со мной Терезу

и обещая выходом* за нее все наследные земли, принадлежащие мне по праву. Граф велел своим гайдукам избить меня палками. Я не стал дожидаться и, свернув пару челюстей, покинул имение. Збигнев Елень решил, что избавился от меня, и приказал готовиться к свадьбе. Тереза не соглашалась, но граф пригрозил лишить жизни ее мать и младшую сестру...

— Понятно. — Князь Пожарский сгреб бороду в кулак.

— В день свадьбы у входа в храм я ждал процессию. Верхом на коне. Видит бог, я не хотел обагрять кровью ступени церкви, но граф и его люди обнажили сабли именно там.

— Погубил, выходит, души христианские?

— Я не дьявол, души губить не могу. А тела посек.

— Великий грех, — укоризненно покачал головой Пожарский.

— За грехи пред Богом ответ дам. Все же прочие... — Францишек поглядел на девушку. Из-под ее меховой шапки выбивались рыжие локоны, огромные зеленые глаза глядели влюбленно и счастливо. — Мнение всех прочих мне не важно.

— Крутехонек ты, Федор. Так и самому на белом свете не зажитья. Ладно, чего уж. Люблю храбреца, хоть ты в делах меры не ведаешь! — махнул рукой князь. — Выделю именице вам. Вон хотя бы у тех же Сретенских ворот, — и усмехнулся. — Отстроишь себе терем, да и будешь заветный дуб, молнией расколотый, всякое утро из окна видеть, дабы мысль о смирении божьем в голове твоей шальной пребывала, да память о дне знакомства нашего не утасла.

— Благодарствую, княже. — Згурский поклонился. — И у меня для тебя подарок имеется... — Он чуть помедлил. — За добро добром плачу.

Благодарный шляхтич расстегнул кунтуш, достал толстый, опечатанный красным воском пакет.

— Что здесь? — взвешивая на ладони презент, спросил Пожарский.

— Это точные списки с посланий Тушинского патриарха Филарета, отца нынешнего царя Михаила, в Москву — князь-

* Выход — выкуп, дань.

ям Черкасским, Сицским и прочим братичам и родичам. С указкой, что и как делать, что говорить да предпринимать, дабы юного Михайлу царем сделать. Письма эти еще в Кракове перехватили да, снявши копии, в Москву отправили. Списками же теми, хранением их, королевский секретарь заведует — мой дядя. Он-то мне весь пакет и передал. Когда захочешь, князь, здесь полное доказательство того, что избрание Михаила на царствие — подлог, и силы не имеет.

Пожарский грустно поглядел на боевого товарища:

— Эх, Францишек, Францишек! Мне ли о том не знать... Мне ли не ведать, что грамота Земского собора об избрании Михаила Романова государем всея Руси дьяками, как с прописи, переложена с годуновской грамоты. До смешного порой доходило. Повествование об избрании Бориса на Новодевичьем поле борзописцы Филаретовы перенесли под стены Ипатьевского монастыря, во всем же ином ни слова не изменив. Получше всякого мне ведомо, что брак, которым Иоанн Грозный с Романовой сочелся, матерью нашей, церковью признан не был и быть не мог. Да только, — Пожарский махнул рукой, — пустое это.

— Отчего же? — непонимающе глядел на него Згурский.

— Сам подумай, Францишек. После долгих лет смуты наконец на российском престоле покойно сидит царь. Летами молодой и нравом не буйный. Много еще чего для Руси полезного сделать сможет. Царя того освятил какой ни есть, а патриарх святейшей нашей церкви православной. Ни для кого не тайна, что Романовы не Рюрикова рода, как, скажем, я, да и многие другие князья. Но ведь ежели начнем мы меж собой бородами меряться, кто славнее, чиннее и богаче, вновь по Руси распря начнется, вновь кровь русская реки заполнит. Вот ты предлагаешь мне пакет сей открыть да с ним Михаила с престола и скинуть. Невелика натуга. Да ведь без него лучше не станет. Что есть царь? Закон Божий, в особе царской воплощенный. А ежели каждый себя законом возомнит, то и будет прав тот, у кого сабля острей. Кумекаешь, о чем говорю?

— Да, мой князь.

— То-то же.

Пожарский провел указательным пальцем по гладкому пергаменту, в который были для сохранности завернуты письма.

— По сути, Федор, обретя нынче от тебя грамотки сии, я бы должен был тебя, лиходея, в острог посадить. Сам размысли. Кому теперь выгодно на Руси новую смуту устраивать? Не королю ли Владиславу, который и без того войной на Москву идти желает?

— Верно, — пристыженно опустил глаза Згурский. — Не подумал о том.

— А след было подумать. Ну, да все одно. — Князь Пожарский неторопливо подошел к печи и приоткрыл заслонку. — Хорошо, что послания эти нынче здесь обретаются. Иных списков, поди, нет?

— Нет. Другие снимать без надобности было.

— Вот и славно, — улыбнулся Дмитрий Михайлович. — А этим змеям ядовитым, — он подкинул в руке пакет, — в геенне огненной самое место.

Бросил опасный подарок в огонь и поворошил кочергой, разгребая жар:

— Там им и быть.

ГЛАВА 6

«Здоровое недоверие — хорошая основа для совместной работы».

И.В. Сталин

Май 1924

Окружной комиссар Рошаль шел по набережной Орфевр, сосредоточенно глядя на мутные воды Сены. От ржавой и едва подкрашенной баржи, переделанной под жилье, неслись зву-

ки патефона. Нежный женский голос выводил: «Заснесло тебя снегом, Россия...» Мсье Рошаль не знал русского языка, но песня звучала грустно, выжимая слезу даже у него — выдавшего виды полицейского, бывшего офицера свирепых марокканских стрелков.

Тогда, в годы войны, шесть лет назад, ему впервые довелось близко столкнуться с русскими. После революции в Петрограде части Особого корпуса были сняты с фронта и во избежание неприятностей разоружены. Такой бесславный для солдата исход являлся бы предметом мечтаний для многих французов: пусть лагерь, огороженный забором, пусть кормежка не ахти, но — подальше от фронта! Эти были не таковы — тысячами они записывались в «Русский Легион», позднее за безумную храбрость названный «Русским Легионом Чести». Отвага «славянских варваров» приводила в восхищение даже признанных храбрецов Марокканской ударной дивизии, в которую были влиты русские волонтеры. Кто бы мог подумать, что пройдет несколько лет, и ему — капитану Рошалью — придется расследовать дело, главным подозреваемым в котором окажется командир «Русского Легиона Чести» генерал Згурский.

Память услужливо подбросила комиссару яркий образ: безнадёжный идиотский прорыв Невеля, высота Мон-Спен; немецкие гаубицы, подобно стае мифических драконов, топят в огне едва оттаявшую от снега округу. Его взвод, рванувшийся в бессмысленную атаку, прижат к земле пулеметным огнем. Боши*, которым, согласно планам французского командования, уже следовало давать отчет святому Петру, как тараканы вылезли из нор и принялись на выбор, словно в тире, расстреливать атакующих. Рошаль и не надеялся уже выйти живым из этого боя, когда вдруг пулеметы смолкли, и над головой вжавшегося в землю молодого офицера послышалось конское ржание. Он поднял глаза — бородач в странной длиннополой одежде, с диковинным подобием неболь-

* Боши — французское презрительное прозвище немцев.

ших патронташей на груди, размахивая саблей, гарцевал под огнем на вороном коне, яростно крича по-русски слова команды. Под серебряными головками патронов сверкал белый орденский крестик.

Сумасшедший всадник перемахнул через поваленное артиллерийским огнем проволочное заграждение, и солдаты в застиранной бледно-зеленой форме с криком «Ура!» в штыки устремились за ним на позиции гаубичной батареи. Рошаль так и не понял тогда, откуда в немецких окопах первой линии взялись русские. Он видел только, как они выскакивали на бруствер с длинными окровавленными ножами в руках и револьверами за поясом.

Чуть позже, когда высота была взята, а затем снова отбита немцами, когда наступление было остановлено и генерал Невель снят со своей должности, только привыкающий к капитанскому званию Рошаль узнал из газет, что фамилия лихого наездника — Згурский, что его странный наряд именуется черкеской, и теперь неистовый генераль ля рус является офицером Почетного Легиона. Лицо Згурского не сходило в те дни с газетных страниц. Наступление, планировавшееся как решительный удар по врагу, закончилось бесславным провалом, Франции требовалась если не победа, то хотя бы герои. И вот, надо же...

«Скажи, о чем задумался. Скажи нам, атаман...» — неслось с баржи, мерно покачивавшейся на мелкой речной волне.

«Красиво поет. — Рошаль оперся локтями о высокий каменный парапет. — Понять бы слова».

Комиссар сам не знал, почему стоит и слушает непонятную песню. Ему казалось, что она какими-то тайными нитями связана с разгадкой порученного ему дела.

Исчезновение столь заметной фигуры, как русский миллионер Рафаилов, привело все парижское общество в нервное возбуждение. Еще бы: людей, которые могли похвастаться состоянием, превышающим двадцать миллионов золотых франков, в Париже и в прежние времена было не так уж много. Те-

перь же, после ужасной войны их и вовсе можно было пересчитать по пальцам. Рафаилов, как говорили американцы, стоил двадцать четыре миллиона.

Когда слуга-китаец известного всей Франции банкира и биржевого воротилы позвонил в полицию и сообщил, что его хозяин уехал накануне к нотариусу и до сей поры не вернулся, разомлевший от жары дежурный, не желая вслушиваться в исковерканную речь, посоветовал искать Рафаилова где-нибудь в борделе. Только в три часа следующего дня известие о пропаже легло на стол районного комиссара, и лишь тогда для порядка тот решил уточнить, вернулся ли мсье Рафаилов домой.

Скандал вышел грандиозный, и теперь окружной комиссар Рошаль должен был вынуть русского миллионера хоть из-под земли, а заодно выяснить, каким образом он там оказался. Из сбивчивых объяснений китайца-слуги удалось разузнать немного. К мсье Рафаилову в тот день приезжал генерал Згурский, они долго беседовали и, как показалось камердинеру, приносившему чай, не слишком дружелюбно. После чего генерал ушел, а через некоторое время банкир решил поехать к своему нотариусу. Китаец, бывший у Рафаилова кем-то вроде телохранителя, отправился с ним. Однако нотариуса дома не оказалось, и на обратном пути пожилой миллионер ни с того ни с сего решил прогуляться по городу без охраны. С тех пор о нем ничего не было слышно.

Слова китайца подтверждал и нотариус. Во время визита Рафаилова он находился в «Гранд-опера», что могло засвидетельствовать множество достойных членов общества. История получалась странная: отчего бы вдруг такому денежному мешку разгуливать без охраны? Отчего финансист отправился к своему нотариусу, предварительно не предупредив звонком? Отчего этот визит не значился в ежедневных записях банкира? Следовало допросить Згурского — быть может, только он способен пролить свет на странности этого дела.

Комиссар Рошаль вздохнул: менее всего ему хотелось допрашивать своего, пусть и невольного, спасителя. И уж тем бо-

лее подозревать его в похищении или убийстве соотечественника. Да и к чему бы ему идти на преступление? Мсье Згурский и сам богат, уважаем. «А если тут замешана женщина? — Бывший марокканский стрелок покачал головой, отгоняя нелепую мысль. — Командир «Русского Легиона Чести» не ходил в светских львах, и ни одной сколь-нибудь заметной любовной истории за ним не водилось».

«Раз приехал на квартиру генерал. Весь изранен был и жалобно стонал...» — выводил все тот же нежный голос.

— Не желает ли месье куда-нибудь поехать? — донеслось из-за спины.

Рошаль повернулся. У тротуара стояло желтое такси с открытой дверцей. Судя по выговору, спрашивающий, в отличие от окружного комиссара, без труда понимал слова песни, доносившейся с баржи.

— Да. — Рошаль отошел от парапета. — Для начала на Елисейские поля, особняк Пти-Буйон.

— Дом господина Рафаилова?

— Я вижу, вы прекрасно осведомлены, — улыбнулся сыщик.

— Кто в Париже его не знает? — Русский шофер пожал плечами. — Пять франков.

— И то верно, — садясь в машину, согласился комиссар. — А скажите, уважаемый, быть может, вы и о генерале Згурском слышали?

— Слышал. Хотя лично не знаком.

— Что вам о нем известно?

Водитель покосился на любознательного пассажира:

— Вы — журналист или полицейский?

— Полицейский. — Комиссар достал удостоверение.

— Ну конечно, — почему-то хмыкнул его собеседник. — Я почти ничего не знаю. Слышал, как Згурский еще в России боролся с самострелами. Это когда солдат палец себе отстрелит или ягодицу продырявит — его потом в госпиталь, а то и вовсе комиссуют.

— Да, знакомая история, — кивнул Рошаль.

— Ну да. Так вот. Таких ловкачей Згурский в тыл не отправлял. Он сам их перевязывал, варил им какие-то диковинные снадобья, а затем выставлял их на бруствере окопа, да так, чтобы со стороны казалось, будто это наблюдатель рассматривает вражеские позиции. Ясное дело, очень скоро по «наблюдателю» открывали огонь. Некоторые выживали, некоторые — нет. Но огневые точки всякий раз удавалось засечь точнейшим образом. Очень скоро в полку Згурского перевелись желающие играть в такие игры.

— Жестокий метод, но эффективный. А что за снадобья? Они как-то влияли на волю солдат? Устраняли страх?

— Да кто их разберет. — Водитель аккуратно повернул баранку. — Згурский рецепты из Китая привез.

— Он что же, служил в Китае?

— Шутите? Да рота Згурского в девятисотом году первой ворвалась в ворота Пекина!

Начало мая 1924

Свой путь в революцию Василь Гуцуляка начал в тысяча девятьсот шестом году, когда семнадцатилетним приказчиком в магазине готового платья братьев Штирнер в родном Каменец-Подольском взломал кассу и попытался улизнуть с деньгами. В округе было неспокойно. То и дело в окрестностях города, да и в нем самом появлялись группы таинственных экспроприаторов. Они налетали с наганами и браунингами в руках на банковские и почтовые конторы, на приличные магазины, и исчезали с изъятой наличностью задолго до прихода полиции.

Василь Гуцуляка решил, что ограбление спишут на этих самых наследников Устима Кармелюка*, и все обойдется. Для

* Устим Кармелюк — известный украинский разбойник, герой народных легенд, бежал из заключения в Каменец-Подольском.

пушей достоверности Василь устроил в магазине разгром, разбил витринное стекло, да вот незадача — порезался осколком. По следам крови похитителя-самоучку обнаружили уже утром. И отправился бедолага махать кайлом в Нерчинск. Там-то и нашлись добрые люди, разъяснившие, что грабеж, по сути, вовсе не грабеж, а стихийный протест против несправедливого распределения капитала и угнетения человека человеком. И стал Василь Гуцуляка идейным революционером — членом Российской социал-демократической рабочей партии большевиков — с тысяча девятьсот седьмого года.

В революционном порыве, стараясь походить на своего первого учителя социалистических истин, Иосифа Каца, отбросил он никчемную часть отцовской фамилии и стал именоваться гордо, по-боевому — Василий Гуц. Вихри семнадцатого года закружили его, сделали комиссаром рабочей дивизии, но та была разгромлена в пух и прах, а целый полк ее, наплевав на его увещевания, с оружием и артиллерией перешел к Деникину. Чудом спасшийся Василий Гуц едва не попал под революционный трибунал. Помогли репутация старого большевика и потребность зарождающейся Красной Армии в надежных кадрах, полных пролетарской ненависти к угнетателям. Василий Гуц возглавил уездную, а затем и волостную Чрезвычайную комиссию и теперь высоко нес звание особоуполномоченного ГПУ.

В то утро высоко нести звание удавалось с большим трудом — оно давило на похмельную голову, клещами сжимало виски и колом стояло в горле. Едва ответив на приветствие спешащих по делам подчиненных, Василий Гуц прошествовал в кабинет, любовно поправил дорогой подарок московских товарищей — портрет Ильича и, усевшись за стол, собрался работать с корреспонденцией. Разложив пакеты в три ряда, он стал тыкать в них пальцами, шепча под нос детскую считалку — решая, с какого начать. Это действие у руководителя волостного ГПУ стало своего рода ритуалом.

Палец остановился, Гуц перевернул конверт:

— Ого! Из Москвы! С самой что ни на есть Лубянки!

Давненько, давненько не получал он писем аж с верха. Аккуратно, точно и сам конверт мог содержать ценную информацию, вскрыв пакет, гэдэушник углубился в чтение.

«...Приказываю предпринять самые решительные и скорые меры по установлению места жительства и личности Згурской, в девичестве Кречетниковой, Татьяны Михайловны».

Старый чекист торопливо, но внимательно прочитал возраст и приметы особы, умудрившейся заинтересовать высокое руководство.

«Так-так», — у него екнуло сердце.

«...см. Вложение 1», — гласила краткая, но красноречивая надпись в графе «Внешние данные».

Гуц вновь полез в конверт и достал отпечатанный типографским способом лист с карандашным портретом.

— Так-так, — повторил он. — Вон оно, значит, что!..

С «картины неизвестного мастера» на гэдэушника внимательно и печально смотрели знакомые глаза.

— Таисия Матвеевна, на деле, получается, Згурская Татьяна Михайловна. Уж не жена ли тому Згурскому, который при Деникине наших из Камышина выбил?

Он открыл ящик стола, достал массивный золотой портсигар с гербом под княжеской короной. Уже в который раз начальник ГПУ собирался бросить курить, но только принимал он решение, случалось что-нибудь такое, что без папиросы не обойтись никак.

«Что же теперь следует предпринять? — думал он, разминая в пальцах довоенный еще «Дукат», реквизированный на одном из нэпманских складов. — В приказе ясно сказано: «Установить местонахождение, задержать и препроводить в Москву». Но ведь она ж ведьма! Как ее задержишь? Разве только спящей взять? Руки связать, рот заткнуть, на голову мешок — чтоб ничего сделать не смогла... Так, стало быть, и поступим».

«...При задержании не причинять никаких неудобств».

«Ишь ты! Хорошо им писать «не причинять». А как же нет, когда оно так? Ничего, авось товарищ Дзержинский простит...

В конце концов, бить и увечить не будем, а это уж, извините, барышня, не по злобе, а из ситуации исторического момента и из суровости революционного времени. Щас надо будет перезвонить Судакову, чтоб не спускал с нее глаз... — Гэпэушник осекся. — Нет, Судакову звонить не надо. Он по линии этой особы слаб, — она его как есть околдовала. Ишь, как он радовался, когда я вернулся, несолоно хлебавши!»

При воспоминании о вчерашней ночи у Василия болезненно сжало виски.

«Судакова в известность ставить нельзя. Ненадежен! Сам поеду!»

Май 1924

Болеслав Орлинский стоял в окне и глядел, как по Городовой под звук фанфар марширует оркестр Электротехнической школы. Над колонной реяли художественные флаги — высокий знак победы на конкурсе военно-духовых оркестров. Теперь по музыке можно было сверять время — ровно в четыре, когда заканчивались лекции, курсанты проходили маршем, радуя ленинградцев бравурными мелодиями.

Когда-то ему, уроженцу Варшавы, потомственному дворянину Владимиру Орлову, до одури хотелось перебраться в столицу империи, стать тайным советником и, кто знает, может быть, даже сделать карьеру при дворе. Лет десять назад казалось, что все складывается как нельзя лучше. Гражданский чин его — статский советник — приравнивался к полковничьему, начальство было им весьма довольным, и перспективы открывались самые радужные. Когда б не война, когда б не революция...

В смутные дни марта семнадцатого года он прибыл в Петроград с рекомендательным письмом к начальнику российской контрразведки Михаилу Дмитриевичу Бонч-Бруевичу. Письмо было от генерала Алексева, недавнего начальника

штаба Верховного главнокомандующего. Окажись оно, как и документы на имя польского коммуниста Болеслава Орлинского, в руках большевиков в иных обстоятельствах — поставили бы Владимира Орлова к стенке и расстреляли по закону революционного времени. Но счастье было на стороне отважных. В суете, царившей первые месяцы в Петрограде, Михаил Дмитриевич отослал бывшего статского советника с новым рекомендательным письмом к своему брату — видному большевику. У того не было времени разбираться, и он отправил товарища Орлинского, как большого специалиста в области криминалистики, работать председателем Уголовно-следственной комиссии Петрограда.

Однажды, когда Болеслав Орлинский уже чувствовал себя вполне комфортно в новом кабинете, дверь широко распахнулась, и быстрым шагом вошел высокий худощавый мужчина с бородкой клинышком.

— Владимир, — вошедший энергично протянул руку, — рад тебя видеть. Во дворе заметил тебя мельком, решил проверить — не ошибся ли. Это прекрасно, что ты на нашей стороне.

Орлов, ни жив ни мертв, пожал руку. Перед ним стоял лично глава Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, а заодно и знакомец по гимназии — Феликс Дзержинский. За спиной «железного» Феликса маячили фигуры чекистов с маузерами на боку.

«Сейчас он спросит, почему вдруг я превратился из Владимира Орлова в Болеслава Орлинского, и вся радость улетучится в один момент», — промелькнуло в голове статского советника.

Но этот нюанс отчего-то не заинтересовал пламенного наркомка. При том, что всего несколько лет назад революционер Дзержинский и следователь прокуратуры Орлов уже встречались вот так же — через стол. В Варшаве, при весьма неприятной для Феликса ситуации. Впрочем, и тогда они не расстались врагами. Орлов понимал его мотивы и даже в чем-то сочувствовал. Последней фразой, сказанной в тот раз, была: «Надеюсь встретиться при совсем других обстоятельствах». Надежда оправдалась. Старое знакомство возобновилось, и теперь член

Польской социал-демократической рабочей партии Орлинский, приезжая в Москву, останавливался в номере «железного» Феликса в «Национале», как у себя дома. И все же ему было неспокойно — он ощущал собачьим верхним чутьем, что рано или поздно революционный угар закончится, и новые товарищи без колебаний пустят его в расход. Он все чаще подумывал о том, что пора исчезнуть из Совдепии. Уехать, ну, скажем, в ту же Варшаву. Но уйти надо не пустым — нужны бумаги, сведения, архив, за который на Западе готовы будут заплатить.

— Болеслав Янович, — раздалось за спиной, — как вы распорядились, задержанного привели.

— Датчанина?

— Так точно.

— Пусть войдет.

Орлинский вернулся к столу, поправил малахитовое пресс-папье, достал из кармана френча золотое вечное перо и взял из стопки чистый лист бумаги.

Посетитель безо всякого стеснения прошел через кабинет и уселся на стул перед столом.

«Явный скандинав», — оценивая внешность невольного гостя, подумал Орлинский.

— Гутен таг, — поприветствовал вошедшего начальник Уголовно-следственной комиссии. — Прошу вас назвать ваше имя, адрес и цель прибытия в Ленинград.

— Нильс Кристенсен, — четко ответил скандинав. — Я датчанин, проживаю в Копенгагене. Мой адрес вряд ли вам чем-то поможет. В Россию прибыл по делам Красного Креста. Вот, пожалуйста.

— Красивый документ. — Орлинский углубился в чтение разложенного перед ним дела. — Вы говорите по-русски?

— Да, — спокойно ответил Кристенсен. — Я полиглот, знаю много языков.

— Мне известен смысл этого слова, — не отрываясь от кривоватых строк протокола, кивнул Орлинский. — Кристенсен... Кристенсен. Знакомая фамилия.

— Мой двоюродный дядя не так давно был главой совета министров Дании.

— А, ну конечно.

«Интересная фигура, — исподтишка разглядывая скандинава, думал Орлинский. — Такой, если захочет, легко может вывезти из страны хоть пуд бумаг. Надо его как-то подцепить. Судя по самоуверенному виду — аристократ, чистоплюй и просто так мараться с контрабандой не станет».

— Да-а... — откидываясь в кресле, протянул Орлов. — В пренеприятнейшую историю вы попали, герр Кристенсен. Вот заявление, написанное со слов гражданки Клавдии Суконкиной, шестнадцати лет. Что вы хотели принудить ее к развратным действиям и для того насильно потащили в подворотню. Гражданка Суконкина утверждает, что шедшие через проходной двор незнакомые ей мужчины попытались вступить за нее, но вы, применяя японское жиу-джицу, нанесли двоим ее защитникам травмы. Кстати, довольно тяжелые.

— Это было не джиу-джицу, и вообще, все обстояло не так.

— Да я-то знаю, уважаемый гражданин Кристенсен. И Суконкина эта прежде у нас по разным делам проходила. Проститутка, карманница, приманка — вот как в вашем случае. Но бумага есть бумага. Гражданка Суконкина имеет все права, которые революция даровала простому человеку, в том числе и на защиту со стороны Народного комиссариата внутренних дел, который я здесь представляю. У нее, видите ли, есть как минимум один свидетель, который точно подтвердит, что вы заволокли ее в подворотню и пытались изнасиловать. А потом напали на троих мирных тружеников и зверски их избили.

— Я полагаю, что этот фарс подстроен ОГПУ, является недружественным шагом к организации Красного Креста и ко мне лично, как к человеку близкому к датским правительственным кругам. Я непременно подам жалобу. Этот вопиющий случай немало осложнит и без того непростые дипломатические отношения между Данией и Советским Союзом.

— Ну что вы — так сразу и жалобу. — Орлов благодушно улыбнулся. — Я к вам со всей душой, камня за пазухой не держу. Просто рассказываю суть дела, стараюсь помочь. Всякому ясно, что Суконкина, шалава мелкая, клеветает на вас. Но ведь «ясно» к делу не подошьешь. Придется с ней отдельно поработать, чтобы отказалась от своего оговора. А на это время нужно. Такая вот история, уважаемый герр Кристенсен. А потому придется с вас взять подписку о невыезде, как то ни прискорбно.

— Но у меня нет времени для этого. Я приехал сюда не отдыхать!

— Я понимаю. И тем не менее. Могу предложить вам хорошую квартиру для съема. В гостиницах, знаете ли, слишком много чрезмерно бдительных глаз — всякого иностранца считают шпионом. А я, в свою очередь, из дружеского к вам расположения, постараюсь закрыть дело как можно быстрее. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Сколько? — произнес сотрудник Красного Креста.

— О нет-нет! И речи быть не может! — Орлинский выставил перед собой руки. — Ну что вы! Это просто обычная помощь одного интеллигентного человека другому. Вот адресок, давайте я вам подпишу пропуск...

В дверь кабинета постучали.

— Болеслав Янович, — в кабинет вошел секретарь, — к вам тут посетитель. Вне списка.

— Кто таков?

— Прежде у нас служил. — Секретарь начал читать по бумаге: — В гражданскую войну — адъютант Первого образцового полка крестьянской бедноты, потом был милиционером, агентом уголовного розыска, по здоровью комиссован...

— И что ему сейчас нужно?

— Собирает бумаги для пенсии. Ему назначать ее не хотят.

— Почему вдруг?

— Так он из бывших.

— То есть?

— Штабс-капитан, после Февральской революции был комиссаром Главпочтамта. Временному, значит, служил. Оттого и не дают. Вот он и собирает характеристики — что, значит, не враг трудового народа.

— Понятно. Ладно, зови. Да, постой. Сейчас-то он чем занимается?

— Литератор.

— А-а, ну давай. Пусть входит.

Орлинский повернулся к задержанному:

— Надеюсь, скоро мы встретимся вновь — уже не в этих стенах. — Он протянул датчанину пропуск.

Тот быстрым шагом направился к выходу.

Дверь открылась, и навстречу Нильсу Кристенсену вошел болезненного вида сухощавый мужчина с тонким, довольно красивым, смуглым лицом.

— Позвольте отрекомендоваться, — начал новый гость. — Михаил Михайлович Зощенко.

Он повернул голову в сторону Нильса, и глаза его заметно расширились.

— Господи, Сергей Владиславович, вы ли это?

ГЛАВА 7

*«Либо добро должно быть с кулаками,
либо с протянутой рукой».*

Борис Крутиер

Май 1924

Штаб-ротмистр граф Евгений Комаровский был прекрасным офицером. Лихой александрийский гусар — он успел послужить и в родном воронежском кадетском корпусе, и в

строю, и адъютантом генерала Корнилова. Флер героизма, окружавший всех участников «Ледяного» похода, сопутствовал и ему, добавляя к вполне заслуженному авторитету храброго человека отсвет славы первого командующего Добровольческой армией. Пройдя всю гражданскую войну, Комаровский прекрасно мог оценить и героическое самопожертвование фронта, и гнуснейший разброд тыла, одинаково свойственные белому движению.

Эвакуированный в Галлиполи, он вместе со всеми пух от голода в предоставленном союзниками лагере для перемещенных лиц. По иронии судьбы помогло ему выжить несчастье, случившееся в семье незадолго до начала великой войны. Тогда в Венеции в собственной квартире был застрелен двоюродный брат Евгения, Павел Комаровский. Совместные усилия по расследованию дела венецианской и петербургской полиции увенчались победой: несчастный граф Павел, обладатель большого состояния, пал жертвой обольстительной авантюристки. Та морочила ему голову, обещая выйти замуж, с помощью любовника-нотариуса заставила влюбленного аристократа подписать завещание в свою пользу, а еще одного воздыхателя отправила застрелить соперника. Пока тянулось следствие, завещание было оглашено, деньги переведены в пражский банк — по месту обитания роковой красавицы. Но тут-то ее и настигла карающая рука закона в лице великого русского сыщика Филиппова. Преступница была заключена за решетку, завещание отменено. Родственники погибшего наперебой претендовали на лакомый кусок, но война неумолимо внесла коррективы в судебное решение. Граф Комаровский остался единственным наследником состояния. Из продуваемого всеми ветрами палаточного лагеря на бесприютном берегу Средиземного моря граф Комаровский переехал в уютную квартиру в столице молодой Чешской республики.

На этом бы у кого другого и закончилась ужасная, пропитанная кровью, глава биографии, именуемая Гражданской войной, но граф Евгений Комаровский был не таков. Прежние

вожди более ему не внушали доверия — слишком близко он к ним стоял и знал то, что оставалось невидимым за фанфарами парадов и лаконичными строками приказов. В Праге у лихого гусара наконец появились время и возможность все обдумать и спокойно оценить. Любовь к Отечеству, природная храбрость и ненависть к быдлу, возомнившему себя вершителями судеб, толкала к решительным действиям. Следовало продолжать борьбу. Но как?

Пользуясь упавшим на него с неба состоянием, Комаровский сколотил в Праге небольшую офицерскую группу, желавшую, как и он, сражаться во благо Отечества. Поиск личностей, способных повести за собой, продолжался несколько месяцев — как показалось Комаровскому, мучительно долго, — пока в один прекрасный день в квартиру графа не постучался коммивояжер, продававший французские велосипеды и мотоциклы.

Беседа с потенциальным «велолюбителем» длилась несколько часов, а спустя три дня в Праге уже был открыт филиал — и не только Сент-Этьенской мануфактуры, но и организации, именуемой «Внутренняя линия». Официальное назначение ее было — контрразведка, борьба с вражеским проникновением в ряды белой гвардии. Впрочем, можно ли говорить об официальности, когда речь шла об организации, существование которой оставалось секретом для большинства членов Русского Обще-Воинского Союза, а настоящие цели и средства борьбы не были известны ни генералам Врангелю и Кутепову, ни самому великому князю Николаю Николаевичу. Жесткая, спаянная железной дисциплиной, тайная организация выгодно отличалась от рыхлой и зачастую деморализованной массы белой эмиграции.

Приезд генерала Згурского был настоящим праздником и для Евгения Комаровского, и его соратников. Мысль о том, что, может быть, здесь со дня на день будет решаться судьба России, не оставляла графа, наполняя и без того энергичного молодого офицера каким-то воистину электрическим зарядом.

«Если Шведов не врет, — крутилось у него в голове, — то ситуация в России развивается именно так, как подсказывает неумолимая логика. Окончание гражданской войны свело на нет отговорки большевиков — мол, немедленному выполнению сладкозвучных обещаний мешают Юденич, Деникин, Колчак, Врангель и иже с ними. Мир без аннексий и контрибуций? Где там! Шиш на блюде — миллиардные контрибуции, потеря Польши, Финляндии, Прибалтики, части Белоруссии и Украины. «Заводы и фабрики — рабочим»? Ан нет, не получается: без опытных инженеров и управленцев завод — не завод, а груда железного лома. «Земля — крестьянам»? Это да, это можно! Вот только идея отдавать урожай с этой земли большевикам у «пахарей-кормильцев» отчего-то не вызывает бурного восторга.

То и дело вспыхивают бунты: крестьяне — на Тамбовщине, рабочие — в самом Петрограде и его окрестностях... Знаемое ли дело — во время стачки на Обуховском заводе и в Колпино десятки тысяч воспетых «товарищами» пролетариев без всякой жалости разогнали прикладами и стрельбой поверх голов! Да что там рабочие! А мятеж Кронштадтских моряков? Казалось бы, вот она, цитадель революции, ленинская гвардия! Ведь и их допекло! И это только начальные толчки того огромного вулкана, которым не сегодня-завтра станет Россия!

Недаром же великий князь Кирилл Владимирович — местоблюститель императорского престола — в своем манифесте написал: «Пусть русская армия хотя и называемая Красной, но в составе коей большинством являются насильно призванные честные сыны России, скажет решающее слово, встанет на защиту поправленных прав Русского народа! И, воскресив исторический завет «За Веру, Царя и Отечество», восстановит на Руси былой закон и порядок». Если он так написал, наверняка ему известно нечто, позволяющее возлагать на Красную Армию серьезные надежды».

Граф Комаровский поглядел на генерала Згурского, углубленного в разбор корреспонденции:

— Владимир Игнатьевич, скажите, будьте так любезны, каково ваше мнение о манифесте великого князя Кирилла Владимировича.

— В котором он в императоры себя производит?

— Так точно.

— Не мое дело критиковать великих князей. Знаете ли, милейший Евгений Александрович, вот что я вам скажу: после взятия Камышина Антон Иванович Деникин присвоил мне звание генерал-лейтенанта. А мы с ним, извольте понять, в Академии Генерального штаба учились на одном курсе. И вдруг — на тебе. Он меня жалует. Как-то так мне это все нелепо стало, и передать не могу. Кресты не взаправду, звания... Смерть и кровь — те да, настоящие. А это так — игрушки для молокососов. Стыдно-с. Отписал Антон Ивановичу, — отпивая чай, по московскому обыкновению — с блюда, усмехнулся Згурский. — Чтоб его не огорчать, сказал, что непременно присланные им погоны надену, когда войска наши Москву возьмут. Вот так-то. Пока, сами понимаете, не довелось обнову примерить. Суть же сей басни такова: можно и местоблюстителем престола, и самодержцем, и хоть императором себя величать. Но коли трон Российский там остался, а его императорское высочество здесь, то от мишуры позлащенной толку чуть. Эмиграцию российскую этот маскарад не объединяет, напротив, увы, на части рвет. Так что не обессудьте, Евгений Александрович, не одобряю.

— А насчет того, что Красная Армия сама может большевиков скинуть?

— Мочь-то она может. Вопрос — станет ли. Возможно, на этот и многие другие вопросы сможет ответить генерал от кавалерии Брусилов. Если, конечно, месть Шведов не пытается ввести нас в заблуждение. Кстати, Евгений Александрович, полагаю, следует отработать план встречи с его высокопревосходительством. Наверняка он не будет иметь возможности вот так вот запросто прийти в вашу уютную квартиру и почаявничать с нами в задушевной беседе.

— Да... Но никто еще не знает о намерении генерала Брусилова прибыть в Чехию. Что же касается его размещения здесь — и вовсе тайна сия велика есть.

— Вы правы, господин штаб-ротмистр. Но давайте рассуждать здраво. Брусиловский прорыв да и вообще действия почтеннейшего Алексея Алексеевича против Австро-Венгрии, по сути, принесли Чехии свободу, уж во всяком случае, приблизили ее. Поэтому можно предположить, что президент Чехии пожелает наименовать Брусилова почетным гостем и разместить его в одной из своих резиденций. Надеюсь, вы знаете, где в Праге и около нее имеются такие объекты?

— Так точно.

— Вот и славно, — Згурский еще отпил чай, — сегодня туда отправляемся. Далее. Здесь, несомненно, живут участники Брусиловского прорыва.

— Именно так.

— Их надлежит собрать, приготовить поздравительный адрес, организовать встречу, а затем — как в бою: вцепился в передний край — руби, коли, развивай успех.

— Все это так, но беда в том, — задумчиво начал Комаровский, — что генерал Спешнев, возглавляющий организацию ветеранов, как они себя называют, Луцкого прорыва и боев в Галиции, почитает Алексея Алексеевича продажной шкурой и отзывается о нем весьма нелестно.

— Позиция его понятна, но я надеюсь убедить собрата переменить решение... Если мы хотим за сегодня успеть все, что наметили, следует не медля выезжать.

— Так точно, ваше превосходительство! — Граф Комаровский поднялся из-за стола. — Если не возражаете, оставайтесь здесь. Я куплю утренние газеты, заведу машину и вам просигналю.

— Пустое, — отмахнулся Згурский, — пройдуся по столице, подышу воздухом.

— Как скажете, Владимир Игнатьевич. Тогда буду ждать вас на углу возле аптеки. Ну, помните, там где лев...

— У аптеки, так у аптеки.
— Только ж вы смотрите, не пропадите.
— С какой такой стати?
— Да рассказывают, как-то ночью забрались в эту аптеку воры. Что уж там было, никто не знает. Может, спирта крепко хватили или еще что, но только начали сильно буяннить. На звон битого стекла и крики прибежала полиция. А когда в здание ворвались, то никого из грабителей там не обнаружили — исчезли, как не было.

— Ерунда, — поморщился Згурский. — Могу поспорить, в подвале дома есть подземный ход. Постройка старая — в прежние века такие вещи любили. В моем доме на Сретенке такой ход тоже имелся. Мальчишками нас оттуда гоняли — боялись, как бы не засыпало. Но дед сказывал, что до самого Кремля по тому ходу дойти можно было. Вот так вот, дорогой мой Евгений Александрович! А вы говорите исчезновения, черные дамы, предсказания судьбы... Вроде дельный человек, а голова у вас забита всякими нелепицами!

Май 1924

Судаков ворочался в постели, стараясь отделаться от прилипчивого сна. Ему виделся Байкал: огромный, необъятный, пугающий своим холодным величием. Двадцать лет назад Петр Федорович совсем молоденьким солдатом был прислан с тремя сотнями таких же необстрелянных юнцов для пополнения растерзанного в боях с японцами полка Амурских драгун. Судакову снилось, будто стоит он в карауле, вдруг начинает дуть сильный ветер, и зеркальная гладь таежного моря вздымается огромными волнами, подступает к нему... А с поста не уйти. Он стреляет в воздух, чтобы вызвать разводящего, но тщетно. Вода уже по колено, по пояс, по грудь подступает, вот и воздуха не хватает...

— Батянь, батянь! Очнись. — Варька трясла его за плечо. — Там Фролиха прибежала. Сказывает, у Таисии Матвеевны в доме неладное!

— А? Что? — Судаков векинулся, сел на кровати и замотал головой, стряхивая обрывки кошмара.

— Фролиха, говорю, прибежала! Псы, говорит, разлаились. Она вышла во двор узнать, а во флигеле дверь нараспашку, крик — точно Ольга, дочка Таисии Матвеевны, орет... ну, она огородами — и сюда.

Судаков споро натянул галифе и вставил ноги в хромовые сапоги.

— Мне в управу к дежурному бежать? — вопросительно глядя на отца, предложила Варька.

— Сам разберусь! — отрезал начальник милиции, доставая из-под подушки револьвер. — Фролиха пусть здесь пока сидит! Капель ей накапай, чтоб не причитала зазря.

— Маманя уже налила.

— Вот и дело, — на ходу застегивая френч, кивнул отец.

«Это не бандиты, — стучало в его голове. — Их тут, почи-тай, всех под корень извели. Да и не пошли бы бандиты к училке. Братъ у нее нечего, нрава она благодного, не гулящая...»

Судаков выскочил из дома и, не разбирая пути — огородами, через заборы, пугая собак, — бросился к учительскому флигелю. Дверь, как и говорила Фролиха, была нараспашку. В прихожей горел свет.

Судаков перекрестился, сплюнул, вскочил в сени и, взведя курок нагана, ногой ударил в дверь горницы!

— Руки вгору! Одно движение — стреляю!

Картина, открывшаяся взгляду охранителя закона, взорвала какой-то неведомый для самого Судакова фугас в его душе. Учительница лежала на полу без чувств, со скованными за спиной руками. Ее дочь, с кляпом из оторванного рукава платья, была крепко привязана к стулу. У стола валялись какие-то бумаги, вывернутые из комода вещи. Посреди этого хаоса стоял Василий Гуч.

— А ну прекратить! — рявкнул он.

В другое время этот окрик непременно возымел бы действие, но не сейчас.

— Ты что это удумал, паскуда? — не размыкая сведенных яростью зубов, прошипел Судаков.

— Приказываю убрать револьвер! Под трибунал захотел? — потрясая бумагой, закричал гэпэушник. — Вот ордер на ее арест!

— Да хоть подотрись этим ордером!

— Что-о? — Рука Василия Гуца потянулась к висящей на ремне кобуре.

Короткий хлопок выстрела оборвал это движение.

— Да ты...

Второй выстрел.

Гэпэушник рухнул на пол. Судаков услышал, как стукнула калитка. К флигелю начали приближаться шаги. Поспешные. И не шаги вовсе, а бег.

«На улице мотор, — быстро сообразил начальник милиции. — Сам Гуц водить не умеет. Значит, приехал с шофером. Ну да, как же. Откуда ему здесь в такое время взяться. Не иначе из волости».

— Стой! Бросай оружие! — послышалось из сеней.

В дверном проеме обозначилась крупная фигура. Судаков вскинул наган и нажал на спусковой крючок:

— Кажись, больше никого.

Начальник милиции подскочил к лежащей без сознания женщине, с робостью похлопал ее по щекам. Метнулся к дочери, вытащил кляп изо рта. Принялся распутывать веревки.

— Что сталость-то?

— Не знаю, — всхлипнула дочь. — Я уже в постели была. В дверь постучали, мама открыла. А потом этот... — Она поглядела в сторону лежащего в крови гэпэушника и начала бледнеть.

— А ну не смей! — Судаков тряхнул её за плечо. — Не вздумай мне тут в обморок падать! Воды неси — мать в чувство при-

веди! Этой, как его? Нюхательной соли! — и вновь поглядел на Татьяну Михайловну. — Заковал! Вот же упырь!

Судаков бросился к Гуцу и начал обшаривать его карманы в поисках ключа. Тот застонал и приоткрыл глаза:

— Ты что ж наделал, падлюка, — прохрипел начальник ГПУ. — Тебя ж расстреляют, гнида!

— Не ты! — Милиционер опустил увесистый кулак на голову гэдэушника.

— Петр Федорович, любезнейший. Что ж это? — раздалось за его спиной.

— Сейчас, Татьяна, сейчас я вас раскую! — Он нащупал в кармане штанов Гуца маленький ключик. — Это хорошо, что вы очнулись!

Он повернулся к учительнице. По лицу ее стекала вода из вывернутого на голову ковшика.

— Вы того... Вы сейчас не переживайте! Страшное уже позади. — Судаков отомкнул наручники. — А что впереди — никому не ведомо...

— Да что же это было?

— А я предупреждал! Вот этот вас арестовывать явился. Вон и ордер имеется. Так что не подоспей я, ехали б вы уже отсюда в места не столь отдаленные, сколь недоступные.

— Эти люди... Вы их убили?

— Не переживайте так. Подранил, наверное.

— Им надо незамедлительно оказать помощь! Могут же кровью истечь! — разминая затекшие в железных браслетах запястья, деловито сказала учительница. — Ольга, принеси сумку с бинтами и медикаменты.

— Мама! Ну что ты такое говоришь! Ведь они наши враги! Этот тебя по голове ударил — чуть не убил!

— Не смей! Они люди, раненые! И оказать им помощь — наш долг. А что ударил — служба у него такая.

— Таисия Матвеевна, — с нажимом заговорил Судаков. — Уходить надо! Сейчас на стрельбу сбегутся, нет времени на

перевязки. Хватайте, что есть ценного, да поскорее! Иначе и вам конец, и мне заодно!

— Петр Федорович, я очень благодарна за вашу заботу, за помощь! Вы повели себя как мужчина, как настоящий рыцарь. Но я не смею злоупотреблять добротой. К тому же нам бежать некуда.

— Уходите, спасайтесь, говорю!

Не слушая его, Згурская бросилась на поиски сумки с аптечкой.

Вся жизнь кавалерийским галопом пронеслась в мозгу начальника милиции. Жизнь, закончившаяся этой ночью тремя прицельными выстрелами.

— Нет уж, как хотите, — тихо сказал Судаков. — Ольга, собирай вещи! А этим, — он сделал еще два выстрела, — помощь уже не нужна. Поторапливайтесь! Место одно знаю — там вовек не сыщут. А дальше... Господь — он всех видит, всех спасает.

Май 1924

Шум утренней Праги вливался в уши кваканьем автомобильных клаксонов, скрипучим патефонным соло и неприличным звучанием разговоров спешащих по делам прохожих. Генерал Згурский улавливал в чешской речи нечто отдаленно знакомое, будто на германский манер говорили на одном из славянских языков. Прежде Владимиру Игнатьевичу не доводилось бывать в чешской столице. Он рассматривал дома, видневшиеся за черепичными крышами, высокие шпили колоколен... Город не был похож ни на Париж, ни на чопорные немецкие бурги, в которых он останавливался прежде. Было в городе что-то сказочно-величественное, точно вся Прага строилась как огромная декорация для грандиозного спектакля.

От мысли о спектакле разум быстро перебросил мостик к предстоящей встрече. Что это будет — трагедия или фарс? Действительно ли генерал от кавалерии Брусилов, рискуя жизнью все последние годы, создавал мощное боевое подполье в Красной Армии? Или же это страстная попытка выдать желаемое за действительное? Но чья попытка? ОГПУ или десятка «бывших», находящихся в непосредственной близости к Брусилову? Реальна ли организация, о которой рассказал Шведов? Реальна ли сила этой организации? Правда ли, что подполье внутри «красного дракона» ищет связь с таким же, по сути, подпольем «дракона белого»? С какой целью? Вопросы оставались без ответа.

Згурский досадливо поморщился. Он крайне не любил вопросов без ответов. С ночи его мучила неопределенность. Он готов был предположить, что Шведов и впрямь до конца искренен — во всяком случае, в том, что касалось покушения на Троцкого и дальнейшего пути боевиков. Но ситуация продолжала оставаться в высшей мере подозрительной.

«Очень может быть, что неведомый Орлов-Орлинский на самом деле не член таинственной брусиловской организации. Возможно, он хитрая ищейка ГПУ, один из тех, продавших первородство за чечевичную похлебку».

Згурский не спеша, постукивая по брусчатке тяжелой, заливной свинцом тростью, подошел к перекрестку, где возле старинной аптеки скалило клыки изваяние льва. Он погладил каменного царя зверей по роскошной гриве и покачал головой. Столько загадок без ответа. А ответы так нужны! Сейчас, как никогда, Згурский жалел, что прежде ему не довелось познакомиться с Брусиловым. Он видел его лицо на плакатах, газетных фотографиях и даже в синематографе — в семнадцатом году принимающего награду из рук французского посла Мориса Палеолога.

Но сейчас, здесь, важно было личное знакомство. Увы, ни в Москве, ни в Петербурге, ни в Китае, ни на Дальнем Востоке, ни на Кавказе, ни во Франции их путям не суждено было пересечься. Згурский раздраженно пристукнул тростью.

«А вот с великим князем Михаилом Александровичем как-то раз встретиться пришлось. На Кавказе, на даче у шефа Мингрельского гренадерского полка великого князя Дмитрия Константиновича...»

Тогда он как командир первого, шефского батальона прибыл поздравить великого князя с Пасхой. Рядом с болезненно худым Дмитрием Константиновичем высокий, атлетически сложенный Михаил казался настоящим русским витязем.

Очень живо представлялось, что вместо конногвардейского мундира на младшем брате императора — богатый цареградский доспех с сияющим зеркалом и шлем с острым шпилем, вместо увенчанной двуглавым орлом каски. Как рассказывали, великий князь без особого труда гнул кочергу и складывал пальцами серебряный рубль. Впрочем, не только в этом, но и во всех личных качествах родственники смотрелись очень разнно: довольно холодный, нервически-резкий Дмитрий и мягкий, добрый и обходительный Михаил. Первый — чужающийся дамского общества пуше огня, второй — центр громких любовных историй, сотрясающих устои царского дома.

Впоследствии Згурский искренне жалел Михаила, когда за женитьбу на дважды разведенной бывшей супруге однополчанина Михаил был лишен всех прав и, почти бедствуя, жил с любимой вдали от Отечества. Згурский радовался, когда в начале Великой войны Михаилу позволено было вернуться на родину и встать в строй. Предводительствуемая великим князем Дикая туземная дивизия, составленная из свирепых кавказских горцев, снискала заслуженную славу беспримерной храбростью и удачью, и среди них командир слыл отъявленным смельчаком.

Когда в восемнадцатом году прошел слух, что содержащий-ся в Перми под гласным надзором Михаил сбежал вместе с секретарем, Згурский ликовал, надеясь вскоре увидеть любимого армией и народом великого князя во главе белого движения. Но этого не произошло. Позже стали всплывать крайне неприятные известия, свидетельствующие об убийстве брата

государя большевиками. Правда, собранные колчаковской военной прокуратурой сведения отличались разнородностью показаний участников преступления, которые сильно противоречили друг другу. Но о самом Михаиле Александровиче по-прежнему не было ни слуху ни духу. Это заставляло мириться с достоверностью факта гибели великого князя. И вот теперь сообщение Шведова...

«Неужели он действительно жив и скрывается в России? — размышлял Згурский. — Это очень многое меняет: Михаилу император передал власть, отрекшись от престола. Михаил и в прежние времена был известен своим мягким либеральным характером. Он не отрекался от трона, как о том любят врать большевики, а лишь издал манифест об отложении принятия им власти до Учредительного собрания, которое было создано и разогнано большевиками. Стало быть, Михаил имеет неоспоримое право вернуть себе державу и скипетр. Но его положение в России...»

При этой мысли у Згурского заныло сердце. Образ великого князя растворился сам собой, уступая место другому — милому до боли и любимому.

«Она там, она жива, но ей плохо... Я чувствую, ей очень плохо!»

Генерал ухватился за спину льва, чтобы не упасть от внезапно нахлынувшей дурноты. Он ощутил, как земля уходит из-под ног.

— Не сейчас, — послышалось за спиной.

Згурский через силу повернулся — перед ним стояла дама в черном траурном платье с лицом, закрытым вуалью.

— Это скоро пройдет, — продолжала она по-немецки. — Род твой идет через реку крови, молнией начертан его путь. И ты пойдешь в тех молниях, чтобы найти свой ландыш, обернувшийся девочкой.

— Кто вы? — прошептал Згурский.

Ему хотелось сказать громко, но горло точно обложили ватой.

Дама, не говоря ни слова более, отрицательно покачала головой и вознамерилась уйти.

— Постойте! Вы что-то знаете, говорите немедленно!

— Уж сказала.

— Черт возьми, кто вы?!

Дама медленно приподняла вуаль. Незнакомое старушечье лицо, светлые и глубокие, точно неживые, глаза. Вдруг, будто под действием лучей утреннего солнца, глаза потемнели, разрез их стал по-китайски раскосым, а вместо сжатого, изрезанного морщинами рта проступила неизменная глумливая ухмылка Лун Вана.

— Ты?! — В глазах Згурского вспыхнула и померкла картина горящей улицы Бейджина. Он начал падать и вдруг почувствовал, как его подхватывают чьи-то сильные руки.

— Владимир Игнатьевич, да что же это...

ГЛАВА 8

«Горе тому, кто не способен подкрепить мораль силой».

Эдуард Скобелев

Май 1924

Бывший штабс-капитан, бывший комиссар почтамта, бывший сотрудник уголовного розыска литератор Зошенко тряс руку датчанина, позабыв, зачем, собственно, пришел в дом на Гороховой.

«Вот так-так, — наблюдая за происходящим, удивился Болеслав Орлинский. — Бывают же случаи... Выходит, датчанин-то — никакой не датчанин. А документы безукоризненные — эмигрантские шпионы-любители о таких и мечтать не могут!»

— Вы обознались, — с ошутимым акцентом возразил Нильс Кристенсен.

— Да? Бывает же такое сходство!.. — смутился Зощенко. — У нас в гренадерском доктор очень на вас был похож. Простите, ради бога.

— Окажите любезность, голубчик, проходите к столу, присаживайтесь. Я сейчас вернусь, и мы займемся вашим делом. — Орлов взял Виконта под локоть. — Господин Кристенсен, — закрывая поплотнее дверь, негромко сказал начальник Уголовно-следственной комиссии, — до официального завершения дела мы вас разместим в одном очень уютном местечке.

— Но...

— «Но» не принимаются. Поверьте, это наилучший выход из сложившегося положения. Скажу вам сразу — дом хорошо охраняется. Я, признаюсь, впечатлен нынешней демонстрацией приемов жиу-жицу, но весьма, весьма не рекомендую использовать их против наших сотрудников. Если, конечно, вы не умеете сбивать в полете револьверные пули. Доверьтесь мне, и все будет замечательно.

«Попался, рысачок крашенный! — мысленно ликовал он. — Тебя бог послал в ответ на мои неслышные молитвы. Ты-то выючной лошастью и поработаешь».

«Это ж надо так вляпаться! — думал Джокер-3. — Что можно сделать? Ладно, как учил Вальдар: «Если не можешь изменить ситуацию, подожди, пока она изменится сама. И вот тогда действуй быстро и решительно». Но до чего нелепо! Чувствовал же я, что затея с русским предком плохо закончится!»

— Я понял вас, — неторопливо, с достоинством кивнул доктор Кристенсен. — Надеюсь, вы быстро во всем разберетесь.

— Будьте покойны, Сергей Владиславович. Будьте покойны. Подождите в коридоре, вас проводят. Я только проинструктирую товарища.

Нильс вышел из приемной, а Болеслав Орлинский быстро повернулся к секретарю.

— Так. Звони в комендатуру — пусть выделяют взвод китайцев из интернациональной бригады. Отвезешь господина Кристенсена в Особняк. Ты знаешь куда. Разместишь со всеми удобствами. Охранять как зеницу ока, наблюдать безотлучно!

— Слушаюсь! — вытянулся секретарь. — Может, в ГПУ сообщить?

— Я сам доложу. А ты выполняй, что сказано! — Он приоткрыл дверь в коридор, где под охраной двух бдительных черберов с невозмутимым видом ожидал своей участи датчанин. — Не прощаюсь с вами. До скорой встречи!

Орлинский вернулся в кабинет, внутренне продолжая ликовать и напевая про себя «Гром победы, раздавайся».

— Нуте-с, товарищ Зоценко. Чем я могу быть вам полезен?

Он не обратил внимания, как тихо закрылась дверь кабинета, и уж подавно не мог видеть, как его секретарь, вытащив из кармана вечное перо, начал писать ровным бисерным почерком: «Председателю ОГПУ, председателю Комиссии при Совете труда и обороны по борьбе со взяточничеством Ф.Э. Дзержинскому. Сообщаю, что сегодня к начальнику Уголовно-следственной комиссии Ленинграда тов. Б.Я. Орлинскому был доставлен некто, судя по документам Красного Креста — датский врач Нильс Кристенсен. Этот доктор был опознан бывшим сотрудником уголовного розыска М.М. Зоценко как его сослуживец по Мингрельскому гренадерскому полку. По распоряжению тов. Орлинского арестованный размещен в спецобъекте Особняк. На предложение сообщить о столь явном шпионском деле в местное управление ГПУ тов. Б.Я. Орлинский заявил, что самолично доложит куда следует. Однако же, по всему было видно, что давать этому делу законный ход тов. Орлинский не намерен, о чем я вам по своей партийной совести и докладываю. Число, подпись».

Секретарь пробежал глазами текст, приложил сверху лист промокательной бумаги и с удовлетворением обтер перо:

— Вот так-то будет вернее.

Май 1924

Штаб-ротмистр Комаровский выскочил из машины, даже не потрудившись захлопнуть дверцу. Издали ему померещилось, что фигура каменного льва неожиданно осветилась, словно целый сноп солнечных лучей остановил внимание на шкуре мраморного царя зверей. Евгений Александрович увидел, как подкашиваются колени у несгибаемого Згурского, и черная тень скользит мимо стены аптеки. Он успел подхватить обеспамятевшего генерала. Обмякшее тело было неимоверно тяжелым.

— Господину плохо? Нужна помощь? — Из-под арки у дверей аптеки, как будто поджидая случая, вынырнул прохожий.

— Помогите внести, — то ли попросил, то ли скомандовал Комаровский.

— Конечно, конечно!

...Улица Бейджина плыла перед глазами капитана Згурского. Он видел ее через прикрытые веки: нелепые скругленные крыши с загнутыми, точно поля модных дамских шляпок, краями сползали на него в клубах дыма и вырывавшегося из окон пламени.

Час назад, глядя на запертые ворота столицы Поднебесной империи, он, командир роты Сибирских стрелков, понимал, что сегодняшнему дню предстоит войти в боевую летопись русского оружия. И его имя будет внесено туда. Возможно, посмертно. Еще до рассвета его стрелки выдвинулись захватить плацдарм на подступах к китайской столице и, сбив штыками потерявшую бдительность заставу, оказались у самых ворот Бейджина. Переполошенные защитники города опешили, увидев русских так близко, но затем открыли ураганный огонь.

Вооружение повстанцев было намного хуже русского, но на их стороне были мощные стены, крепкие ворота и четверть версты расчищенной территории, по которой необходимо

было в полный рост двигаться вперед. Территории, на которой из многозарядных арбалетов сотня воинов могла выпустить две тысячи стрел за пятнадцать секунд. И пусть это были легкие бамбуковые стрелы, не пробивавшие самый незамысловатый доспех, но ведь и гимнастерки Сибирских стрелков уступали броне. К тому же наконечники китайцы макали в яд, вызывавший мучительную боль во всем теле.

Понимая, что рота обречена, Згурский послал в штаб полка ординарца с сообщением о бедственном положении, но приказа отступить не было. Окопаться под градом стрел и пуль также не представлялось возможным. Оставалось лишь атаковать.

Развернув на прямую наводку оба приданных к роте трехдюймовых орудия, капитан Згурский скомандовал разнести ворота в щепы. Сделать это было куда тяжелее, чем сказать. Снаряды оставляли некрупные дыры в окованных железом дубовых створках и взрывались где-то по ту сторону крепостных стен. Щитки орудий оказались единственным укрытием на всем предвратном пространстве.

Солдаты сгруппировались у пушек, пытаясь спрятаться от губительного бамбукового ливня. Матерясь сквозь зубы, они выцеливали засевших на стенах арбалетчиков, но на место убитых тут же становились другие. Заменить же убитых и раненых сибирцев было нечем.

Бессильная ярость клокотала в душе капитана Згурского. Лучше всех он понимал, что еще две-три минуты такого боя — и рота его попросту растает в безумно храброй, но безнадежной попытке взять «на копье» цитадель Бейджина. Згурский чувствовал, как переполнявшая его обжигающая ярость собралась в огненный ком в центре живота...

— Огонь! — взревел он, командуя расчетом последнего, еще работающего орудия. И увидел, как падает с пронзенным горлом заряжающий, не успев дослать снаряд в казенник. — Огонь!

Дальнейшее потрясло и тех, кто оборонялся на стенах, и тех, кто шел на безнадежный приступ: будто меткий выстрел

из главного калибра линкора ударил по украшенным драконами дубовым створкам. Это была ослепительная вспышка, грохот, от которого содрогнулись стены Вечного города и начали осыпаться крыши домов...

Згурский внезапно ощутил, что внутренний огонь больше не обжигает его, будто именно бушевавшая в нем запредельная энергия разрушила те самые чертовы ворота.

— Вперед! — скомандовал он, подхватывая с земли чью-то винтовку. — В штыки!

Это было чистым безумием. Несколько десятков израненных, чудом выживших сибирцев — ничтожная капля, которую многотысячный гарнизон столицы мог смахнуть, едва заметив, как пот со лба. Но, должно быть, почувствовав неладное, защитники в панике оставляли стены, с неленой легкостью позволив атакующим ворваться в город.

Спустя примерно четверть часа ихетуани* отошли от шока, и бой на улицах закипел с новой силой. Но вслед за 7-й ротой 5-го полка Сибирских стрелков уже ворвалась спешившая на подмогу вся стрелковая бригада.

Згурский был на острие атаки. За очередным поворотом узкой улочки его ожидала баррикада, моментально огрызнувшаяся сотней пуль и стрел. Молодой капитан ощутил резкий болезненный удар в ногу, затем в грудь, и рухнул на землю без чувств...

Ужасный омерзительный запах достиг его сознания, выдергивая из оцепенения.

— Ну, слава богу, очнулись! — услышал генерал Згурский.

— Лун Ван, — прошептал Владимир Игнатьевич.

— Да нет же! Это я — Комаровский!

— Где я? — Генерал приподнялся на локте и попытался осмотреться.

* Ихетуани — тайное общество, возникшее в конце XVIII века, участвовало во многих восстаниях. Наиболее известно восстание 1898—1900 гг, вошедшее в историю как «восстание боксеров». «Ихэ-цюань» (кулак в защиту мира и справедливости).

— Все в порядке, вы в аптеке «У Белого льва». Спасибо господину — помог вас донести. Вам неожиданно стало плохо.

— Контузия догнала... Порт-Артур, — пробормотал Згурский. — Помогите мне встать.

— Ну что вы, Владимир Игнатьевич, лежите! Сейчас лекарства принесут. А кто такой этот Лун Ван? Вы его все зовете.

— Китаец один, доктор. Он меня спас после штурма Бейджина.

— Спас? Китаец?

— Да. — Нормальный цвет лица постепенно возвращался к генералу. — Двойное ранение — пулей и стрелой. Стрела отравленная — все тело горело. Был бы рядом пистолет — застрелился бы.

— Это же грех какой!

— Евгений Александрович, нам никогда не узнать о боли того, что знают о ней китайцы. Я думаю, Лун Ван был среди мятежников, а когда понял, что восстание обречено, решил спасти себя и семью, взяв на излечение русского офицера. Так это было или нет, от старого хитреца правды добиться не удалось, но впоследствии причин жаловаться на него мы не имели. Он — великий доктор и великий мастер воинских искусств. Мы с ним подружились. Он лечил все русское посольство на протяжении нескольких лет, во всяком случае, покуда я был там помощником военного агента. Кроме того, вместе со своими тремя сыновьями и дочерью обучал меня рукопашному бою... Сейчас бы он мне очень не помешал, — вздохнул Згурский. — Дело вот в чем. Я действительно видел черную даму, о которой вы давеча рассказывали.

— И что? — Штаб-ротмистр Комаровский с интересом придвинулся.

— Она несла всякую околесицу. Но вот что странно — старая карга упомянула реку крови, через которую я иду.

— Все мы идем через реки крови, Владимир Игнатьевич.

— Да, это верно. Но дело в том, что в гербе Згурских в серебряном поле червлёный пояс — красная полоса, знаменую-

шая реку крови, через которую мы, Згурские, идем к славе и победе. И потом, старуха что-то плела о молниях... Мол, ими предначертан наш путь. И вот какое совпадение: в год восшествия на престол царя Михаила Федоровича, молния, ударившая среди чистого неба в дуб, на котором собирались повесить моего предка — как можно догадаться, польского шляхтича, — спасла его от гибели. Да... Лун Ван, молния... Тут, видит бог, что-то есть. — Згурский сел на кушетке и стал торопливо застегивать ворот рубашки. — Простите, что-то я разболтался. Можно ли отыскать эту... черную даму?

— До сих пор это не удавалось никому.

— Нелепость какая!..

Дверь каморки в глубине аптеки открылась, и в щели показалось взволнованное лицо хозяина:

— Простите, вы случайно не господин Згурский?

— Да, это я.

— Я начал готовить вам лекарство, но вспомнил. — Аптекарь замялся. — Не знаю даже, как сказать...

— Говорите как-нибудь! Я понимаю немецкий.

— Дело в том, что несколько дней назад сюда приходил пожилой господин восточной наружности. Он оставил здесь микстуру из наростов корня, — фармацевт посмотрел на бумажечку с записью, — тань-гуань. Он утверждал, что корню много более ста лет. Честно говоря, я не знаю, что бы это значило. Но господин был очень убедителен и сказал, что именно сегодня утром около моей аптеки упадет в обморок некий русский по фамилии Згурский. — Аптекарь окончательно сконфузился. — Он просил передать это вам.

— Тань-гуань, — тихо проговорил генерал. — Корень дерева бо-му. Глазам своим не верю! Когда приходил этот восточный господин?

— Примерно дней этак десять назад.

— В это время я еще и не предполагал ехать в Прагу.

Он замолчал, словно погруженный внутрь себя, потом медленно произнес:

— Времени нет...

— Владимир Игнатьевич, не беспокойтесь, берегите себя! Мы успеем, еще раннее утро.

— Нет-нет, я не о том. Это Лун Ван сказал двадцать лет назад. Он утверждал, что времени не существует, и все происходит, как бы так выразиться, везде и всегда.

— Не понимаю.

— Признаться, я тоже. Однажды перед самой отправкой в Порт-Артур я зашел к Лун Вану — он как раз готовил снадобье из этого корня... Средство очень сильное. Китайцы верят, что, если его принимать регулярно, оно сделает человека бессмертным. Как раз тогда мы поспорили с Лун Ваном. Я говорил, что вечная жизнь невозможна, со временем организм изнашивается. А он сказал, что времени — нет... Откройте, пожалуйста, сосуд!

— Он замотан. Печать... — начал Комаровский.

— Я вижу. Сломайте печать и посмотрите — там, внутри пергамента, в который обернут пузырек, должна быть подпись.

— Да! — разворачивая кусок чисто выскобленной кожи, кивнул штаб-ротмистр. — Так и есть. «6 января 1904 года. Капитан Згурский». Владимир Игнатьевич, вы хотите сказать, что подписали этот пергамент двадцать лет назад?

— Именно так.

— А кажется, что и чернила-то едва просохли!

— В разгар нашего спора Лун Ван вдруг поднялся и вышел. Как мне представилось — в соседнюю комнату. Отсутствовал чуть больше пяти минут. А когда вернулся, сказал, что отправил лекарство мне. Я спросил — зачем? Лун Ван ответил, что в нужный час оно укрепит мои силы. Но когда я возвратился в посольство, денщик божился, что лекарства мне не доставляли. И я тогда списал это на нерасторопность слуг великого лекаря. Потом отъезд, война...

Згурский поглядел на глиняную бутылочку, украшенную иероглифами:

— Да, тот самый... Невероятно! Но оставим это. — Он откупорил лекарство. — Принесите мне воды. У нас слишком много дел, чтобы распутывать китайские головоломки.

Май 1924

Дзержинский прикрыл уставшие глаза. День выдался скверным. Партийная дискуссия, навязанная Львом Троцким, его настоятельное требование превратить три четверти работоспособного населения страны в бойцов и командиров трудовых армий требовали осторожности и умения маневрировать, не противореча никому и поддерживая тех, кто нужен. Резкому и жесткому председателю ОГПУ такое искусство было чуждо, и необходимость учиться ему вызывала раздражение, граничащее с яростью.

Резоны, которыми оперировал Троцкий, были понятны всякому истинному революционеру. Для мировой революции необходимо максимальное напряжение сил. Для максимального напряжения сил нужна железная дисциплина, а самая лучшая, самая крепкая дисциплина — в армии. Опыт подобных формирований у Троцкого уже имелся: еще в гражданскую войну сведенные в монолитный войсковой организм, десятки тысяч бойцов трудового фронта вынуждены были под угрозой трибунала совершать настоящие чудеса там, где наемные рабочие без лишних слов разбежались бы, капитулировали перед врагом и суровой природой.

Однако утром Дзержинский чувствовал, что такие экстренные меры в мирное время будут опасны для государства и революции.

Ему, как никому другому, приходилось работать с поступавшей с мест информацией о крамольных разговорах среди пролетариата, недовольстве крестьян, надвигающемся голоде... Папки с донесениями громоздились у него на столе, подобно баррикадам на Красной Пресне. Теперь по его баррикадам вела огонь не кучка царских сатрапов, а вся мировая буржуазия, полная ненависти к стране Советов.

Дзержинский придвинул к себе очередную папку. Донесения агентуры Коминтерна: «По запросу касательно операции

«Картель». Неизвестный, скрывшийся под безликим псевдонимом SR-77, докладывал из Праги: «Наблюдение, установленное за объектом, показало, что подполковник Шведов был встречен на пражском вокзале бывшим штаб-ротмистром, Евгением Александровичем Комаровским. Этот офицер известен своей антисоветской направленностью и активной работой в эмигрантской среде. Обладает значительными финансовыми средствами, благодаря наследству. Разработка представляется бесперспективной.

Через два дня из Парижа к Е.А. Комаровскому прибыл неизвестный, судя по выправке, старший офицер или генерал. На лацкане костюма носит фракный значок в виде коронованной буквы «Д», зовут Владимир Игнатьевич. Утром следующего дня приезжему стало дурно. Ему была оказана помощь в ближайшей аптеке, после чего он и штаб-ротмистр направились в антикварную лавку на Златой улице, где работает бывший генерал-майор Спешнев — председатель Братства участников Луцкого прорыва, в прошлом — офицер штаба 8-й армии».

«Похоже, рыбка клюнула, — улыбнулся Дзержинский, пересворачивая лист. — Хорошо бы теперь узнать, кто такой этот таинственный Владимир Игнатьевич... Так, что это? Ориентировка на Комаровского. Воронежский кадетский корпус, Александрийский гусар... О-о, участник Ледяного похода, адъютант Корнилова. Немало, немало. Что тут еще? Ага, забавная история. «Во время революции 1905 года на улице вступился за молодую девушку, фрейлину вдовствующей императрицы Александры Федоровны. Схватился один против пятерых, был ранен ножом в лицо. Чтобы скрыть уродливый шрам, императрица именным указом разрешила Комаровскому ношение бороды». Что ж, интересный субъект».

Дзержинский отодвинул папку, вновь устало прищурил глаза и нажал кнопку электрического звонка, вмонтированного в столешницу. Секретарь отворил дверь и застыл на пороге, ожидая распоряжений.

— Гражданину Джунковскому звонили?

— Так точно, Феликс Эдмундович! Он уже выехал, скоро должен быть.

— Хорошо.

Секретарь не уходил.

— Что-то еще? — поглядел на него председатель ОГПУ.

— Вечерней почтой доставили из Ленинграда донесение по товарищу Орлинскому. И еще — срочный звонок по поводу Згурской...

— Да-да, я помню. Это по делу профессора Дехтерева. Так что с ней — нашли?

— Да. — Секретарь замялся. — Она проживала в Елчанинове под чужой фамилией. Ее опознал особоуполномоченный ГПУ, Василий Гуц.

— Гуц... Гуц. Я что-то помню. Это из старой гвардии?

— Да, — подтвердил секретарь. — Но он убит.

— Згурской?

— Вряд ли. Он и еще один сотрудник ГПУ убиты из наградного револьвера начальника Елчаниновской милиции Судакова.

— Кто таков?

— Судаков Петр Федорович. В прошлом — красный командир. За удачу, проявленную в боях с белыми, приказом наркомвоенмора награжден именным оружием. Трижды ранен. С середины девятнадцатого года — начальник Елчаниновской милиции. Нареканий и взысканий по службе не имел. Кандидат в члены партии. За искоренение бандитизма в губернии был представлен к ордену Красного Знамени, однако награждение еще не производилось.

— Вы уверены, что именно он стрелял в наших сотрудников? — На скулах Дзержинского заиграли желваки.

— Наверняка сказать нельзя, но стреляли из его нагана. К тому же и он, и Згурская с дочерью исчезли в неизвестном направлении.

— Так. — Председатель ОГПУ сжал губы и начал стучать костяшками пальцев по столу. — Так, — с нажимом повторил

он после недолгой паузы. — Вероятно, сами того не желая, мы нащупали хвост очередной белогвардейской гадюки... Подтверждается ли, что это тот самый краском Судаков, а не самозванец?

— Да, он уроженец Елчаниново. Его в тех местах знают с детства.

— И ты говоришь, он был награжден лично Троцким?

— Так написано.

— Интересная ситуация получается. — Дзержинский еще хотел что-то сказать, но не успел — в приемной раздались по-армейски четкие шаги.

— Феликс Эдмундович, к вам господин... гражданин... товарищ Джунковский.

— Просите, пусть войдет.

Бывший шеф корпуса жандармов, бывший губернатор Москвы вошел быстро, отодвинув, будто едва заметив, секретаря.

— Добрый вечер, Владимир Федорович!

— Добрый вечер, Феликс Эдмундович. — Руки бывшего товарища министра внутренних дел и председателя ОГПУ сомкнулись в рукопожатии. — Вижу, не забываете старика.

На губах царского генерала играла насмешливая улыбка.

— «И за учителей своих заздравный кубок поднимает», — процитировал Дзержинский. — А вы — мой учитель дважды. И до революции, и теперь.

— Да... — Джунковский криво ухмыльнулся. — Ученик превзошел учителя. Итак, зачем я вам понадобился на этот раз?

— Прежде всего должен сказать, что ваш план работает как часы. На встречу с подполковником Шведовым из Парижа, как и ожидалось, прибыл некто — судя по выправке и возрасту, старший офицер или генерал. Пражской агентуре он неизвестен. Но, как было установлено, зовут его Владимир Игнатьевич и на костюме он носит значок с золотой коронованной буквой «Д».

— Коронованная буква «Д»? — переспросил Джунковский, сверху вниз глядя на собеседника. — Ничего сложного — вен-

зель шефа 16-го Мингрельского гренадерского полка. Стало быть, он из мингрельцев. Кавказская гренадерская бригада. Очень достойный, я вам доложу, полк. Владимир Игнатьевич, Владимир Игнатьевич... Ну да, конечно! Вот же момент* вислоухий, как я сразу не вспомнил?! Пред вами, почтеннейший Феликс Эдмундович, блистательный образчик русской военной породы — генерал Владимир Игнатьевич Згурский. В пятнадцатом году он командовал мингрельцами во время штурма Эрзерума. Сейчас, должно быть, возглавляет полковое братство.

«Згурский, — стучало в голове председателя ОГПУ, — неужели муж той самой Татьяны Згурской? Нелепое совпадение или, как говорили в прежние времена, перст божий? Згурский...»

— Чем же блистателен наш генерал?

— Когда б Россия с самого начала века не воевала, то, пожалуй, вышел бы этот храбрец в отставку капитаном, от силы подполковником, и разводил бы лошадей на конном заводе своего отца.

— Отец его, получается, коннозаводчик?

— Отец его был начальником государственной приемки Главного артиллерийского управления. Прекраснейший человек, неподкупный, честный. Из-за этой честности и неподкупности частенько неприятности имел.

Вот, скажем, однажды некая зарубежная фирма пыталась нам продать четверть миллиона трехдюймовых снарядов, которые всем были бы хороши, да только дюймы у этой фирмы получались какие-то своеобразные. Так что снаряд в пушечном стволе болтался. А если пушка от стрельбы разогревалась, то и вовсе летел этот снаряд куда угораздит. Старший Згурский всю партию забраковал. А деньжищи, как вы сами понимаете, там крутились громадные. Вот и решили надавить на него.

* Момент — ироничное прозвище штабных офицеров в царской армии.

— Каким же образом?

— Владимир Игнатьевич Згурский в ту пору как раз в Академии Генерального штаба учился — самый выпуск. Через кого там палки в колеса ставили — не знаю. Но только капитану Згурскому и еще троем офицерам, окончившим дополнительный курс по высшему разряду, было отказано в причислении к Генеральному штабу. Кстати, Феликс Эдмундович, обратите внимание — одним из товарищей по несчастью вашего пражского Минстера Х был не кто иной, как молодой артиллерийский штабс-капитан, Деникин Антон Иванович.

— Вы хотите сказать, что Деникин и Згурский — друзья?

— Да. И не только по несчастью. Когда в гражданскую войну французы решили оставить без поддержки Деникина и его правительство, именно Згурского Антон Иванович назначил своим представителем в Париже. И тот весьма преуспел на военно-дипломатической стезе. Когда б Врангель его не оставил, кто знает, как бы еще дело повернулось. Но я перескочил. Тогда, в Академии, Деникин стал писать жалобы, искать управы на военного министра. Згурский же бумажными войнами заниматься побрезговал и, воспользовавшись правом выбора вакансии, нашел себе местечко, куда Макар телят не гонял: Благовещенск, Сибирский стрелковый полк. Скандал в столице был не скажу — грандиозный, но шумный. Еще бы: блестящий молодой офицер из лейб-егерей, если я не ошибаюсь, известное в столице и при дворе семейство — и вдруг в Благовещенск! Китайская граница. Этакая пощечина власти. К Генеральному штабу его, а потом и Деникина, позже причислили. Но возвращаться из глубины сибирских руд наш фрондер не пожелал. Потом началась китайская война, и капитан Згурский, самолично попросившийся из штаба в строй, во главе роты первым вошел в Пекин. Такой вот случай, Феликс Эдмундович.

— Да, что и говорить... Примечательный человек.

В голове Дзержинского снова всплыла недавняя история профессора Дехтерева.

— Владимир Федорович, если вы еще что-нибудь вспомните относительно генерала Згурского, окажите любезность — сообщите мне как можно скорее. И главное — обратите внимание, на чем его можно подцепить.

— Я вас понял, Феликс Эдмундович. Постараюсь вам помочь. — Джунковский презрительно поджал губы. — Я могу идти?

— Да. Заранее вам благодарен. — Феликс Эдмундович сделал вид, что не заметил гримасу, и, проводив взглядом прямую спину жандармского генерала, вернулся к бумагам.

Донесение из Ленинграда, как и ожидалось, было подписано секретным сотрудником, приставленным негласно надзирать за товарищем Орлинским. Как и генерал Джунковский, бывший статский советник Орлов являлся «сотрудником» личной агентуры Дзержинского. Старому революционеру и опытному конспиратору — ему было отлично известно, сколь немалую пользу можно извлечь, держа на крючке подобных «золотых рыбок». Специалистов такого класса в Советской России не имелось, и взять их было неоткуда. Воспитать и обучить своих, как гласила партийная доктрина? Несомненно. Однако на это нужно время, и немалое. А специалисты жизненно необходимы сейчас. У врага, в отличие от нас, проблем с кадрами нет — одними штыками и партийными билетами его не разобьешь. Но, с другой стороны, приходится со всей бдительностью следить, чтобы рыбка не сорвалась с крючка.

Дзержинский потер грудь — зачавшившее отчего-то сердце рвалось наружу, мешая нормально дышать.

«Хорошо бы пройтись, воздухом подышать. — Председатель ОГПУ глянул в просвет между тяжелыми бархатными шторами. На улице давно стемнело, и редкий перезвон трамваев напоминал о том, что есть время для работы, а есть и для отдыха. — Сейчас... Сейчас посмотрю этот донос и пойду, — словно уговаривая сам себя, подумал Дзержинский. — Так, что тут у нас?»

Уставший за день мозг отказывался воспринимать написанное.

«Датчанин. Должно быть, шпион. Спецобъект... Стоп! По совместной службе в Мингрельском гренадерском полку!..»

Феликс Эдмундович снова пробежал глазами текст. Точно. Мингрельский гренадерский полк. Так ведь это же снова Згурский!

ГЛАВА 9

*«Люди всегда готовы были умереть
во имя добра, зла и других безрассудных
целей».*

Артур Кестлер

Май 1924

Небо из зловеще черного стало багрово-серым, рассвет крался на мягких лапах, готовясь петушиным криком провозгласить новый день. Судаков шел быстрой размашистой походкой, точно легавая по кровавому следу, ориентируясь более на чутье, нежели на окрестные елки и осины. Лес был старый, густой, буреломный. Еще три года назад здесь вольготно чувствовала себя банда Метлы — дружка судаковского детства, Захарки Метелкина. Покуда не вернулся Судаков с гражданской, никак этого самого Метлу изловить не могли, точно сквозь землю уходил из-под носа у погони. Но, как водится, не все удаче зубы щерить — возвратился в родные места комэск* Судаков, и назначили ему, лихому кавалеристу, бандитов ловить. Столкнула насмешница-судьба Петра Федоровича с дружком лоб в лоб, да по разные стороны баррикады.

* Комэск — командир эскадрона.

Как-то таким вот ранним утром пришел начальник Елчаниновской милиции сам-один в лес на заветное место, посвистел дроздом, и нате — вылез, откуда ни возьмись, на его призыв разбойный атаман Метла — Захар, внук местного лесника.

— Уходи, — сказал тогда Судаков. — Что прихватил, бери с собой, и уходи. Догонять не стану. День тебе даю.

— Не дури, Петруня. Что ты мне сделать-то можешь? Лучше к нам иди. Ты ж сызмальства ухарем был. Помнишь, когда мы в училище про Разина проходили, так мы с тобой и Яшкой Фроловым по ночам на баржи набеги делали на Зазнобином озере?

— Яшка под Луцком в земле лежит, а мы с тобой — вот. Что было, то было — к чему поминать? Мир перевернулся. Уходи, а лучше сдайся. Я тебе повинную оформлю.

— Да ты че, Петрунь! Когда такое было, чтобы я сдавался?

Судаков молча постукивал прутом по высокому голенищу сапога, угрюмо слушая бандитского вожака.

— Так, стало быть, не уйдешь? — наконец промолвил он.

— Мог бы и не спрашивать.

— Ну, тогда прощай.

— И ты прощай. Извиняй, Петрунь, что так все вышло.

Следующим утром на опушке банда Метлы попала под кинжальный огонь пулеметов. Немногих выживших отвезли в губчека, где они были расстреляны по законам военного времени.

Сейчас Петр Судаков шел той же звериной тропой, и ему казалось, что призрак Захара Метелкина глумливо усмехается, глядя на него из-за каждой встречной осины.

— Мама, куда мы идем? — слышался за спиной бывшего краскома голос Ольги. — Я устала.

Судаковым овладело глухое раздражение — как совсем недавно, в учительском доме, когда он велел быстро собрать все нужное и ценное.

— ...Лишнего не берите! — скороговоркой распорядился Судаков, и тут же первым делом Татьяна Михайловна достала

из-под половицы большой, обтянутый сафьяном, альбом с эмалевым гербом на обложке.

Судаков только мельком увидел чересчур шикарное украшение: красная полоса на белом щите, рыцарские шлемы... На одном вроде бы расколотое дерево, на другом — рука с мечом.

— Я же сказал — лишнего не брать! — взорвался Петр Федорович.

— Я и беру только самое ценное, — очень спокойно, глядя прямо в глаза, тихо ответила Татьяна Михайловна.

Судакову вдруг стало невыносимо стыдно, он отвернулся, буркнув:

— Берите то, что при случае можно продать, — и направился к выходу. — У старицы встретимся, где Вешкина гать. Не задерживайтесь! Поторапливайтесь! Я тоже скоро.

И вот сейчас Судаков шел, негодуя на себя, на внезапную мягкотелость, заставившую вступить за недобитую буржуйку. За то, что теперь из-за минутной слабости судьба его рухнула под откос, и кто знает, чем дело закончится.

«У Таисии-то, тьфу, Татьяны, может, все бы еще и обошлось, — думал он. — Помурыжили бы в ГПУ и отпустили. А теперь каково будет? Что ж я натворил-то?!»

Он ни на минуту не пожалел о тех двоих, кто остался лежать с простреленными головами во флигеле на полу. Его крутили, разрывали и корежили боль и тревога о судьбе жены и дочери.

«Если терехи возиться не будут, к рассвету доберутся до Воеводино. Хватиться, поди, еще не успеют. Оттуда до Харькова — поездом. А там, в столице-то украинской, затеряться есть где. Дружок в городской управе работает. Оно, конечно, рискованное дело — беглых укрывать. Так ведь и сам, как пить дать, не захочет, чтоб в ГПУ прознали, что до революции он был не унтер-офицером, а подпоручиком. А после того — не в госпитале с сыпняком валялся, а у Петлюры в гайдамаках шашкою махал. Спрячет, куда денется...»

— Велика беда — устали. Надо идти. Спасаемся мы.

— Мама, а от чего мы спасаемся? На нас же бандиты напали! А Петр Федорович их застрелил...

— Это не бандиты были. Это товарищи из ГПУ.

— ГПУ? А какое ГПУ дело до нас?

— Оленька, так не говорят. Следовало бы сказать: «Почему ГПУ нами интересуется?»

— Ну, хоть бы и так. Я — пионерка, и ты...

— Оленька, я не хотела тебе говорить... Твой отец не погиб на фронте. Он жив, сейчас где-то за границей. Его зовут Владимир Игнатьевич Згурский. Генерал-майор Владимир Игнатьевич Згурский.

— Мой отец — белый генерал?

— Да, моя хорошая.

— Мама, этого не может быть! Это какой-то сон!

— Нет, это не сон, это явь. Твой отец — генерал. А твоя крестная — великая княгиня Ольга Константиновна, ныне королева Греции. Она была сестрой шефа папиного полка, и когда ты родилась...

Девочка заткнула уши.

— Мама, я не хочу этого слушать! Не говори мне больше ничего!

— Цыть! Раскудахтались... — обернулся Судаков. — Скоро уже будем, почти дошли.

Он остановился у сухого дерева, понуро склонившегося над сиротливой полянкой-выжигой. Именно здесь когда-то увещевал атамана Метлу, а теперь вот сам очутился на его месте.

— Уж прости, Захар, — прошептал он и, оглядевшись, двинулся вперед.

С полянки через подлесок тропка шла по берегу озера. Место это считалось нечистым. Как рассказывали старики, еще при татарах здесь утопилась зазноба воеводы Елчанинова — бросилась в воду, оставив среди камышей корзину с младенцем. И тогда, и сейчас сюда забредали только рыбаки — клев тут был хороший. Но, как говорили, водяной нет-нет да и приглядывал новую жертву.

Дальше стежка вела к сгоревшему лесничеству. Закопченный остов печи меж обугленных столбов и раскатанных по сторонам бревен безмолвно свидетельствовал о разыгравшейся здесь когда-то трагедии. Но остатки жилища не интересовали Петра Федоровича. Он прошел к колодезю, вытащил из-под рубахи прихваченную из дому крепкую веревку, привязал ее к вороту и, закрепив второй конец на поясе, начал спускаться вниз.

«Только б ничего не порушилось!»

— Держите вдвоем веревку, а то неровен час ухну!

Четыре руки вцепились в трос, но Судаков понимал, что тресни вдруг старый ворот, лопни пеньковые волокна — и спасения ждать неоткуда.

— Ну-ка, — прошептал он, уперся ногами враспор и толкнул одну из колодезных стенок.

Аккуратно подогнанные бревна, казавшиеся прочно вкопанными, со скрипом повернулись, открывая лаз.

«Вот и Метелкино убежище...»

Когда-то давно этот схрон показал юным «разинским казакам» Захаркин дед-лесник. Здесь прятали они «награбленные сокровища», здесь отсиживались, ожидая, когда спадет гнев разбушевавшихся отцов. После удачной засады на атамана Метлу Судаков не мог заставить себя прийти сюда. Его одновременно тянуло в места своего детства, и в то же время последняя встреча с загадочным дружком вновь, как живая, вставала перед глазами. Но сколь веревочка ни вейся, а в петлю совьется.

Судаков качнулся и уцепился за край лаза. Все, как в былые времена: свеча на площадке поджидала бесшабашного «разинца», словно оставленная лишь вчера. Он нащупал спички, зажег свечу. Даже Захаркин дед не знал, когда и кем был сооружен схрон. Лесник говорил, что еще при Наполеоне, но бог весть...

Петр Федорович огляделся. Да, с тех пор, как они прятали здесь украденные головки сыра и валенки, изменилось немно-

гое. И все же: застланные нары у стен, стойка с винтовками, бомбы, уложенные в рядок, точно колбасы на витрине... даже пулемет «Льюис» с четырьмя снаряженными магазинами! Основательно Захар готовился. Судаков поддел штыком крышку одного из стоящих в углу ящиков: австрийская тушенка. Что ж, тоже неплохо. Не пасхальное разговение, но и с голоду не помрешь.

— Ау, Петр Федорович, — услышал он тихий зов.

— Да-да, сейчас! Уже иду! — крикнул он.

Спустя пятнадцать минут дверь схрона заняла прежнее место, надежно скрыв беглецов. Судаков возился с керосинкой, пытаясь унять странную дрожь во всем теле. Когда, помогая Татьяне Михайловне спуститься, он обхватил ее, будто обнял, его обдало таким умиротворением и теплом, что бывший начальник милиции едва не задохнулся от ранее неизвестного чувства.

— Точно, ведьма, — пробормотал он, — как есть. Связался же на свою голову!

— Мы что, теперь здесь жить будем? — удивленно разглядывая оружейные стеллажи, спросила Ольга.

— Если понадобится, то и будем, — отгрызнулся Судаков. — А ты б чего хотела — хоромы царские?

Он собрался еще что-то добавить, но снова почувствовал в глубине души немой укор, точно мать поглядела на него и, услышав грубую речь, сокрушенно покачала головой.

— Переждать надо, — уже спокойнее пояснил он. — Вместе нам идти нельзя. Как Гуца хватятся, по всей округе разошлют ориентировки, кого искать. Помяните мое слово — ближайшие дни всех мужиков и баб с дитем женского полу останавливать и досматривать будут. Да и что мне с вами-то дальше делать? — Петр Федорович насупился. — У вас отныне свой путь, у меня — свой.

— Путь, — вздохнула Татьяна Михайловна, — у всякого свой.

Судаков отвернулся, чтобы не смотреть на спасенную им женщину. Его затопила волна горечи, будто не спас он вовсе

эту злополучную генеральшу с дочерью, а втравил в безнадежное и опасное дело.

— Оно б вам лучше за Урал куда-нибудь податься, — после тягостной паузы начал бывший начальник милиции. — Там места глухие, авось и не сыщут. Одна беда: где мы, а где Урал.

— Мы поедem в Москву.

— Да вы с ума, что ли, сбрендили, Татьяна Михайловна? Что вам в Москве-то делать? Ведь там же гeпeушник на гeпeушнике сидит, да гeпeушником погоняет!

— Небесный свет указывает путь, — продекламировала учительница. — Если суждено теперь спастись, то кроме как в Москве помочь нам, увy, некому.

— Ну, как скажете. — Судаков покачал головой. — Москва так Москва. В шести верстах отсюда железная дорога. По ней всякую ночь на Москву товарняк идет. Поезд я остановлю, а там уж прячьтесь и езжайте себе. Воля ваша.

Он покосился на аккуратно сложенные бомбы:

— На том, стало быть, и расстанемся.

Июнь 1628

Зима застала обоз царского посольства в Сибири, в небольшом остроге, по церкви святого Благовещения именовавшемся Благовещенским. Кроме рыбаков и охотников, да полусотни казаков, русских здесь не было. Захаживали из-за реки торговцы чудного вида, говорившие на столь диковинном наречии, что Федору Згурскому новые слова едва давались. А ведь из всего посольства он к языкам был способнее прочих.

Год назад призвал князь Дмитрий Пожарский к себе Федора и молвил ему, хмурая чело, что-де, мол, царь его к себе кличет, желает с посольством в дальние края отправить. Второй раз после приснопамятной встречи у расколотого молнией дуба бывший гусарский поручник видел царя так близко —

тот уже не казался юнцом, окладистая борода обрамляла благообразное лицо.

Вместе со Згурским в государев терем был зван некий думный дьяк — один из тех мздоимцев, о которых Федор еще в службу по Разбойному приказу слышал много нелестного. Царь восседал на троне, по бокам стояли рынды в долгополых кафтанах, с топориками в руках. У стен на скамьях, в шубах и бобровых горлатных шапках, без особой приязни косясь друг на друга, восседали бояре. Среди них Згурский с облегчением увидел и благодетеля своего — князя Пожарского. Но здесь он был лишь одним из многих.

— Дошли до меня известия, — начал Михаил, — что страна Китай, граничащая с дальними пределами земли нашей, ныне в большом затруднении пребывает. В морях ее англичанцы и прочие немцы озоруют, на суше вокруг беспокойно, а богатства в той стране немалые. И во всех ближних к нам землях за товары, что из Китая везут, испокон веку дают высокую цену. Еще в давние баснословные времена, как сказывали мне, из страны Китай через наши земли путь шел в Царьград и к прочим дворам кесарским и королевским. Орда Чингизова тот путь Шелковый порушила. Вижу я в том резон, чтобы снарядить к царю катайскому великое посольство, дабы впредь, как и дотоле, меж царствами нашими дружба была, ибо от той дружбы и торговлишки польза и нам, и тому Китаю немалая.

Бояре, дождавшись паузы в царских речах, одобрительно зашумели, и тот, сделав всем знак молчать, продолжил:

— Для упреждения великого посольства желаю я снарядить в Китай, в цареву столицу, обоз с дарами да именитыми людьми, дабы там русское подворье учредили и у царя катайского охранные грамоты для великого посольства раздобыли. В обо-зе том от меня и боярской моей Думы поставлю я нарочитого мужа — дьяка Ивана Безтеменного, а для охранения его и даров царских шлю с ним хороброго воина Федора Згурского. А при нем — сотню городовых стрельцов да полсотни казаков.

Так тому и быть. — Царь ударил золоченым жезлом об пол, ставя точку и не допуская обсуждения государевой воли.

В этот миг Згурский поймал на себе взгляд самодержца. Тем же взглядом Михаил Романов смотрел на него и тогда — у Сретенских ворот.

Груженный дарами обоз тянулся неспешно, едва успев докатить к Благовещенскому острогу пред тем, как лег снег. Зима выдалась долгой и тяжелой. Запасы продовольствия в маленькой крепостице не были рассчитаны на такое количество пришедшего народу, а тут еще китайские торговцы предлагали за их муку непомерно высокую цену золотом, скатым жемчугом и тончайшими шелковыми тканями... Когда Згурский, увидев, как тают запасы муки, запретил продажу, в остроге едва бунт не вспыхнул. Пришлось новоиспеченному московскому воеводе поставить линию стрельцов да пальнуть над головами возмущенного люда — дабы помнил, чья тут власть и сила. К весне те же самые жители Благовещенского острога, кланяясь Згурскому в пояс, благодарили за то, что не дал продать муку.

Когда снег наконец растаял и земля подсохла, обоз, пополнив запасы продовольствия, двинулся в Китай. Если прежде Згурский думал, что долгий путь без дорог и приюта — самое худшее, что ждало их, то сейчас ему предстояло убедиться, сколь неверны были его предположения.

Едва покинув земли Белого царя, обоз попал во владения джудженей* — совсем недавно покорных китайских вассалов, теперь же посягающих на императорский престол. Где с боем, где подкупом, где хитростью — обозу все же удалось достичь Китая.

И вот когда до столицы Поднебесной империи оставалось не больше дня пути, малое посольство очутилось в землях, хуже которых сам дьявол не выбрал бы для устройства преисподней.

Выжженная солнцем земля растрескалась, даже камни казались оплывшими от немилосердного жара. Ни капли воды,

* Джуджени — самоназвание населения Маньчжурии.

ни зеленого ростка, кора сухих деревьев сорвана и съедена. По сторонам дороги то здесь, то там валялись необрунные трупы со вздутыми животами, окруженные тучей отъевшихся мух. Никогда прежде Згурский не испытывал такого смятения, граничащего с суеверным ужасом.

Когда стало темнеть, и изнуренный за день обоз едва тащился, надеясь в темноте и относительной прохладе хоть немного восстановить угасающие силы, случилось самое жуткое.

Згурский увидел людей. Живых людей.

Должно быть, смерть, утомившись махать косой, села поблизости перевести дух, да о чем-то задумалась, позабыв об этих несчастных. Огромная масса живых мертвецов, еле волоча ноги, окружала царский обоз.

Настоящего оружия в руках этих обтянутых кожей скелетов почти не было, но у всякого были палки, камни, мотыги... Без промедления Згурский скомандовал остановиться и составить возы в круг, а стрельцам занять свои места у импровизированных бойниц.

За прошедшие месяцы его невеликий отряд уже столько раз выполнял этот маневр, что, казалось, мог даже не просыпаясь выполнить его наилучшим образом. Залп разорвал гнетущую тишину, в которой надвигались полумертвые от голода катайцы. Порою одного такого залпа было достаточно, чтобы заставить отступить воинственных джудженских всадников. Здесь же — серые, пропыленные лица наступающих не выражали ничего. Они просто шли, переступая через упавших, как через сваленные бурей деревья. Второй, третий, четвертый залпы прогремели с тем же результатом. Наконец, катайцы дошли до возов, облепили их и полезли, кто как мог: под колеса, прямо на деревянную стену бортов, уснащенную легкими пушками-сороками. Те вылинули в упор заряд картечи, но тщетно. Нападающих уже было не остановить.

Отбросив пищали, поредевший за месяцы похода отряд стрельцов и казаков начал орудовать саблями, бердышами,

порой и вовсе засапожными ножами. Живые мертвецы падали наземь один за другим, практически не оказывая сопротивления, но толпа не останавливалась. Федору казалось, что сквозь надвигающиеся сумерки он видит радость на лицах мертвецов. Он и сам рубился с неистовой яростью. В его жизни было немало сражений и бесчисленное множество мелких стычек, но ни в одной он не испытывал такого.

Возы были уже липкими от крови, а земля у колес получила долгожданную влагу. В прежние дни Францишек Згурский не зря имел славу первой сабли Речи Посполитой, но здесь его искусство было ни к чему. Воевода понимал, что когда-то он устанет рубить, рука не поднимется. Когда-то неосторожным шагом поскользнется в красной луже под ногами, и толпа забьет, затопчет его, даже не заметив. Он чувствовал, что рука уже начинает наливаться тяжестью. Сквозь зубы он поминал матку боску чентстоховску, умоляя ее и всех святых положить конец этому безумию.

Потемневший уже горизонт вдруг расцвел огненной зарей. Сбрасывая с воза очередное разрубленное тело, Згурский увидел всадника. В богатом доспехе, на огромном, неестественно светящемся коне он стоял недвижимо за обезумевшей лавиной нападавших. Згурский готов был поклясться, что еще мгновение назад всадника вблизи не было.

Появление нового действующего лица заметил не только он.

— Лун Ван, — прошелестело среди нападавших. — Лун Ван!

Слова эти, в первый миг произнесенные шепотом, перешли в крик то ли ужаса, то ли восторга. Толпа отпрянула от возов и замерла коленопреклоненно, не замечая стонов раненых. Всадник направил коня к импровизированному вагенбургу.

— Приветствую тебя, молодой дракон, — услышал Згурский, недоуменно сознавая, что тот говорит с ним по-польски. — Я рад, что ты наконец пришел в землю предков.

Май 1924

В давние времена, когда французские короли перестали носиться по своим землям, верша суд и насаждая власть оружною рукой, столичный квартал Марэ, расположенный неподалеку от неприступных стен Лувра, целиком принадлежал рыцарскому ордену тамплиеров. Те осушили подаренные государем болота и воздвигли огромное величественное аббатство Тамплъ. Впоследствии король Филипп Красивый, прозванный также Фальшивомонетчиком, освободил землю от прежних хозяев и снова отдал ее под застройку. Вероятно, самой последней тайной ордена стало то странное, но несомненное влияние, которое фигура проклятого короля оказала на будущую судьбу выросшего здесь квартала.

Долгое время близость к королевскому дворцу определяла его аристократический характер. Городские дворцы епископа Санлисского, герцога Бурбона, графа д'Арманьяка, особняк ближайшего сподвижника Генриха IV — великого организатора и артиллериста герцога Сюлли — жались здесь один к одному, смыкаясь оградами садов. Но когда невыносимый смрад парижских улиц заставил Людовика XIV перенести резиденцию в Версаль, аристократы потянулись вслед за ним, все реже навещая, а то и вовсе продавая свои особняки, и квартал тут же стал прибежищем воров и мошенников. Будто никого, кроме знати и тюремного сброда, в Париже вообще не было.

В годы Французской революции все здешние домушники, карманники и прочий малопочтенный люд в одночасье превратился в уважаемых граждан и принялся грабить особняки, сохранившие остатки бывшего великолепия. Одним из таких городских дворцов был «Отель д'Арманьяк».

Отправив на гильотину большую часть мужчин этого древнего семейства, местные жители опустошили барочный дом до такой степени, что лишь облезлые львы на лепных гербах Арманьяков, красовавшиеся то здесь, то там, напоминали о славных временах Короля-Солнца.

Благодаря усилиям мсье Видока, в наполеоновские годы часть награбленного была возвращена, а самые отъявленные «граждане» отправлены в цепях обживать заморские колонии. После реставрации Бурбонов особняк вновь перешел роду д'Арманьяк, но те не пожелали отстраивать его заново, а стали, разбив на множество небольших квартир, сдавать внаем.

На первом этаже — в бывших комнатах прислуги — расположилось популярное среди богемы кафе «Литера». Именно сюда, в квартиру, арендованную хозяйкой кафе, мадам Франсуазой Мерло, возвращался после трудного дня окружной комиссар Рошаль.

Майский вечер плащом чародея висел над Сеной, скрывая очертания домов и расточая вокруг запахи цветущей сирени. Где-то далеко в поднебесье виделась освещенная яркими огнями махина башни Гюстава Эйфеля. Недавно, когда боши стояли почти у ворот Парижа, среди горожан пополз слухок, что Эйфель — немецкий шпион, что башня задумана как артиллерийский ориентир и даже, как утверждали некоторые умники, как своеобразная гавань для цепелинов, с которых в Париж будет высажен десант. В ратуше всерьез обсуждали проект сноса чудовищного железного монстра, уродующего лицо французской столицы. Но для приведения в жизнь смертного приговора не хватило ни денег, ни рабочих рук. Затем немцы были отброшены, и вопрос о демонтаже башни отпал сам собой.

Комиссару Рошалю башня нравилась. Было в ней что-то этакое дерзкое, бросающее вызов привычной помпезности старых дворцов. Вот и сейчас он шел, глядя на ее высвеченный шпиль, будто ища у небес ответа на возникшие за день вопросы.

Никакой ясности в дело об исчезновении мсье Рафаилова допрос прислуги и соседей не внес. Генерал Згурский действительно приехал к банкиру и о чем-то разговаривал с ним более часа. Слуга-китаец, приносивший чай, утверждал, что говори-

ли господа о деньгах и, должно быть, в чем-то не соглашались. После чего господин Згурский отправился восвояси, а банкир уехал. По меньшей мере пятеро свидетелей видели автомобиль Рафаилова с хозяином и китайцем, также китайца опознал консьерж в доме на площади Сен-Жермен, где живет нотариус. Самого Рафаилова он не разглядел, но утверждает, что в машине еще кто-то был. Дальше, по словам китайца, хозяин велел подвезти его к художественной галерее и книжному магазину «Ля юн» и отправил домой — он желал прогуляться. Далее миллионер точно в воздухе растаял. И в магазине, и в галерее прекрасно знали состоятельного клиента, но в тот вечер он не заходил.

Местный полицейский вспомнил, что «роллс-ройс» Рафаилова действительно останавливался неподалеку от указанного места, но человек, вышедший из автомобиля, скорее направлялся к ресторанчику «Де флор». Если китаец отъехал сразу, то об этом он мог и не знать. Но и там Рафаилова никто не запомнил.

Комиссар Рошаль подошел к кафе «Литера», толкнул дверь. Как обычно в этот час, здесь было многолюдно. На небольшой эстраде звучало фортепиано, прорываясь сквозь разговоры завсегдатаев.

— Привет, милый. — Хозяйка кафе поспешила навстречу комиссару. — Тебе как всегда?

— Да, спасибо, дорогая. — Он поцеловал возлюбленную и взглядом поискал свободное место. — Здесь не занято? — Рошаль подошел к столику, за которым, углубясь в чтение газеты, сидел один из обитателей отеля.

Комиссар несколько раз встречал его и всегда здоровался с постояльцем. Если память не изменяла ему, тот был инженером, Франсуаза называла его — мсье Тимошенков.

— Нет-нет, прошу, садитесь!

Комиссар Рошаль бросил взгляд на газету. Заголовок в полстраницы сообщал об исчезновении русского миллионера.

— Интересуетесь? — спросил полицейский.

— Не очень. — Инженер чуть приподнял одно плечо. — Просто занятно. Так сказать, слежу за приведением в жизнь высшего правосудия.

— О чем вы?

— Ну как же! О старой истине. О том, что зло не остается без возмездия.

— По-вашему, мсье Рафаилов олицетворял зло? Он что же, ограбил вас? Украл часы, вытащил бумажник?

— Слава богу, нет! Мы не были с ним столь близко знакомы. Но всем известно: в самом конце войны на Дальнем Востоке адмирал Колчак перевел Рафаилову в Париж деньги для военных закупок. Тот и пальцем о палец не ударил, чтобы исполнить поручение. На его совести тысячи, а может, десятки тысяч русских жизней.

— Вы полагаете, что, если бы Рафаилов купил для Колчака оружие и боеприпасы, жертв было бы меньше?

— Я не думал над этим, но...

Франсуаза Мерло подошла к столику, теребя длинный, чернее майской ночи, локон. Комиссар Рошаль насторожился. Он знал, что этот жест означает тревогу и волнение.

— Что-то произошло?

— Только что звонили из Сюрте... Полин брала трубку, она не видела, что ты пришел, — начала извиняться хозяйка.

— Ну-ну, говори!

— Десять минут назад на рынке Вернезон поймали воришку, который хотел продать одному из тамошних антикваров золотые часы.

— Ну и что? В Париже каждый день сотня карманников продает антикварам краденые вещи. Я-то им зачем понадобился?

— Антиквар оказался мастером своего дела и опознал герб, выгравированный на крышке часов. Это герб мсье Рафаилова.

ГЛАВА 10

«Лучше умереть под знаменем, чем под забором».

Генерал М.Г. Дроздовский

Май 1924

Автомобиль графа Комаровского, изредка взвизгивая клаксоном, катил по мощеным улицам Праги.

— Лун Ван был диковинный старик, — продолжал свою историю генерал Згурский. — Рассказывал о китайских царях, живших тысячу лет назад, так, будто с ними чай гонял. На вид ему — лет восемьдесят, а дети молодые. Двигается легко, я бы даже сказал — по-змеиному, точно перетекает с места на место. Не представляю себе вопроса, на который он не мог бы ответить. По-русски говорил, словно вырос на Сретенке. И в то же время, Евгений Александрович, была у него блажь... — Згурский помедлил, ища верное слово. — Он утверждал, что происходит из рода драконов. И что я — того же рода. Он даже имя мне придумал — Юй Лун.

— Что же это имя означает? — не отвлекаясь от дороги, спросил штаб-ротмистр.

— Огненный дракон. Он решил, что взрыв, разметавший ворота Пекина, произошел, с позволения сказать, от молнии, которую послал я. Представьте, Евгений Александрович, каково цивилизованному человеку слышать такие речи. Лун Ван утверждал, что у любого человека есть центр внутренней силы — вот тут, около пупка. И что люди рода Лун умеют собирать эту силу, стягивать в одну точку, а затем высвободить. Ерунда, конечно. Тоже мне, Зевс-громовержец! Но сам Лун Ван действительно умел многое. Лучшего бойца мне видеть не приходилось, а ведь всем известно, что среди ихетуаней такие ловкачи встречались, что только пулей сразить можно было.

— А что ж, этого и пуля не брала?

— В этого попасть было невозможно. Только что перед тобой стоял. Чуть палец на спусковом крючке дрогнул, а он уже за спиной. Прямо не лекарь, а чародей из сказки. Ума не приложу, как он додумался зелье свое в Прагу доставить! И эта черная дама...

— Приехали, Владимир Игнатьевич. — Комаровский выключил мотор. — Вот видите — две башни? Одна зовется Далиборка, другая — Белая. Между ними Злата улица и начинается. На авто тут не проехать.

Они вышли из машины. Узкая, прямая, точно шпажные ножны, улочка лежала перед ними, распахнув майскому утру окошки невысоких домов.

— Здесь когда-то жили лучники гвардии императора Рудольфа, — беря на себя роль гида, повел рукой штаб-ротмистр. — А еще алхимики. Бог его знает, почему императору вздумалось держать их друг подле друга. А теперь все, кто приезжает в Прагу, рвутся сюда, чтобы увезти на память какую-нибудь безделушку. Тут можно найти все что угодно: от старинного доспеха до личного дневника Фауста.

Невзирая на ранний час, двери лавок были открыты, между ними сновали, точно рыбки в аквариуме, покупатели. Наивные и не очень, высокомерные и любопытные. Вокруг стаей пираний вились уличные торговцы.

— Покупайте! Покупайте! — ухватив за пуговицу осанистого господина с бакенбардами, трагически шептал длинный, как удилище, молодой человек в рубашке-апах и застиранных армейских галифе. — Это не простая вилка! Это вилка из Ропшинского дворца! Именно ею убили несчастного Петра III — злосчастного мужа Екатерины Великой! Вот видите — кончик отогнулся. Этот зубец попал в нательный крест! Посмотрите изгиб — в нем есть что-то жуткое! Даю вам честное слово — не подделка. Мой предок был камердинером у графа Орлова! С тех пор эта вилка передавалась из поколения в поколение, и только нужда... — длинный запустил тонкие артис-

тичные пальцы в густую черную шевелюру и прикрыл глаза, словно удерживая слезы, — только крайняя нужда заставляет меня, благородного человека, расстаться со священной реликвией!

Комаровский окликнул вдохновенного втирушу. Тот вдруг потерял интерес к молчаливо кивавшему покупателю и, приблизившись к Згурскому, попытался щелкнуть каблуками штиблет:

— Прапорщик Юрий Пепел!

— Прапорщик? — Згурский хмыкнул, смерив взглядом нелепую фигуру бродячего антиквара. — Я так понимаю, до войны о военной службе и не помышляли?

— Так точно, ваше превосходительство. Смею заметить, актер Александринки. Для меня высокая честь...

— Отставить. Я ишу генерала Спешнева.

— Это пожалуйста! Желаете, я провожу?

— Просто скажите, куда идти.

— Во-он, глядите. Видите, магазинчик? Именуется «Книжная арка». Там Спешнева и найдете.

Генерал-майор Спешнев — грузный, кряжистый, с широким лицом в обрамлении седеющей окладистой бороды — стоял меж книжных полок, точно на дне окопа. Суровый взгляд его ощупывал каждого, кто переступал порог, словно проверяя, с добром ли пожаловал. Здесь, среди корешков старых книг, среди золотого тиснения и кожаных переплетов, он смотрел по меньшей мере странно и чужеродно.

Быстрым взглядом оценив новых посетителей, отметив золотую коронованную «Д» на костюме гостя, он заговорил первым:

— Смею предположить, что вы сюда пришли не за книгами. Я прежде вас уже встречал. — Он обратился к графу Комаровскому: — Если не ошибаюсь, вы были адъютантом генерала Корнилова. А вы, судя по знаку, из Мингрельских гренадер.

— Генерал-майор Згурский.

— Да-да, припоминаю. Особый корпус, герой высоты Мон-Спен.

Згурский утвердительно кивнул.

— Что ж, позвольте и мне представиться: генерал-майор Спешнев Николай Александрович, бывший начальник штаба тридцатого армейского корпуса. Чему обязан?

— У меня к вам конфиденциальный разговор.

— Вот даже как? Но я не могу оставить лавку.

— Евгений Александрович присмотрит.

Спешнев заинтересованно поглядел в глаза своего визави. Тот, пожалуй, был несколько моложе, имел то же звание и не был облечен какой-либо особой властью. Но выполнять его распоряжения отчего-то казалось естественным.

— Да-да, пройдемте. Я к вашим услугам.

— Верно ли, — прикрывая за собой дверь подсобки, спросил Згурский, — что вы здесь, в Праге, возглавляете Братство участников Брусиловского прорыва?

— Луцкого, — поправил Спешнев. — А если привязываться к фамилиям, лучше бы сей прорыв именовался Калединским.

— Дивизия Каледина и в самом деле была первой, но все же не стоит умалять значение бывшего командующего.

— Бывшего! Именно что бывшего! — Лицо Спешнева вспыхнуло. — Я не возьму в толк, как человек такого ума, таких дарований мог совершить столь гнусное предательство! Да нет же — его служба большевикам хуже, чем предательство! Это... это... — Еще недавно спокойное лицо исказила гримаса презрения и ненависти. — В последнем кругу ада вместе с Иудой Искаротским место сему, с позволения сказать, полководцу!

Згурский покачал головой:

— Не судите, да не судимы будете.

— Ну уж нет! Сужу и буду судить. И если придется ответ держать перед Творцом небесным, поверьте — тому, кто прошел через ад земной, преисподняя не страшна!

— Оставим богословие. Я представляю здесь «Внутреннюю линию». Вы знаете, что это такое?

— Да, что-то слышал. Нечто вроде этакой контрразведки РОБС. Признаюсь, не ожидал увидеть вас в подобной роли. Говорят, у Кутепова в помощниках генерал Манкевиц, который при государе заведовал всей разведывательной и контрразведывательной службой. Вот его...

— Верно. Но, помнится, Манкевиц, которого вы сменили на посту начальника штаба корпуса, прозевал у себя под носом немецкого шпиона — штабс-капитана Янсона, за что и был смещен. Большая организация у того была, человек до пятидесяти... А Манкевиц его лично на комендантский пост утвердил.

Спешнев нахмурился, вспоминая громкий скандал:

— Нынче все перевернулось. Где добро, где зло? К слову сказать, тот самый дотошный следователь, который янсоновскую шпионскую организацию вычислил, теперь, по слухам, большевикам прислуживает. Не слыхали, часом? Орлов Владимир Григорьевич.

— Сейчас речь не о том.

— О чем же?

— По нашей информации, в ближайшее время Алексей Алексеевич Брусилов будет в Праге.

— Что?

— Вы не ослышались. Брусилов приезжает в Чехию. Официально — на лечение. С ним необходимо будет встретиться.

— Вы что же, хотите его... — Спешнев замялся, — уничтожить?

— Ни в малейшей степени. У меня есть все основания полагать, что данная встреча может быть очень полезной для нашего общего дела.

— Туманно выражаетесь, господин генерал.

— Я говорю ровно столько, сколько имею право сказать, господин генерал. Прежде мне не доводилось встречаться с Брусиловым. Вряд ли он пожелает вести со мной сколь-нибудь доверительные переговоры. Вы же — иное дело. Вы его боевой товарищ. Если брусиловцы составят бывшему вождю приветственный адрес...

— И думать об этом не смейте! Если я только заикнусь, чтобы приветствовать этого красного прихвостня, мне не то что в Праге — во всей Чехии никто руки не подаст!

Згурский тяжело вздохнул:

— Николай Александрович, абсолютно необходимо создать официальный повод для встречи. Можете считать это приказом, исходящим лично от великого князя Николая Николаевича. Желаете ознакомиться с моими полномочиями?

— Я вам верю, но как вы себе представляете эту встречу?

— Я не имею права сказать вам всего. Как человек военный, вы меня поймете — речь идет не о праздном любопытстве и не о личном желании познакомиться с господином Брусиловым.

В дверь постучали.

— Что, покупатели? — Спешнев с облегчением бросился к выходу.

— Нет, — в проеме обозначилась сухошавая фигура александрийского гусара, — свежая газета «Пражский час». Вот, смотрите передовицу: «Через два дня в столицу Чехии прибывает знаменитый русский генерал Брусилов, чей вклад в создание нашей республики невозможно переоценить. Президент Масарик объявил, что будет лично встречать на вокзале славного победителя австро-венгров. Предполагается, что господин Брусилов далее отправится на воды в Карловы Вары».

— Николай Александрович, — подытожил генерал Згурский. — Встреча обязательно должна состояться.

Дача банкира Рубинштейна — спецобъект Особняк — попала в поле зрения Владимира Орлова еще в бытность того следователем по особо важным делам при Ставке верховного главнокомандующего. В те дни Орлов как раз занимался делом группы финансовых воротил, продолжавших, невзирая на войну, переводить русское золото в германские банки. Тогда-то следователю и довелось оценить все преимущества двухэ-

тажного особняка, некогда построенного для сподвижника Алексашки Меньшикова, графа де Виера.

Находящийся в стороне от проезжих дорог барский дом с несколькими флигелями, окруженный громадным английским парком, был надежным убежищем для врагов отечества. Чугунная решетка в полторы сажени с навершием из острых пик позволяла не опасаться незваных гостей. У ворот неизменно дежурила стража — несколько дюжих верзил, судя по манерам, явно не выпускников пажеского корпуса. Одним словом, когда злополучный банкир приобрел себе графский особняк, он точно знал, что и зачем покупает. После революции именно Орлинский затребовал передать национализированное имение в распоряжение ОГПУ для проведения секретных мероприятий. Дзержинский охотно поддержал своего выдвиженца и позволил «с ведома местного руководства» использовать банкирскую дачу сотрудникам не только ГПУ, но и НКВД.

Болеслав Орлинский остановил автомобиль у запертых ворот и просигналил, не выходя из машины.

«Никакого ответа. Да что ж они, заснули, что ли? — Орлов снял кожаную фуражку и утер платком обширную лысину. Снова рев клаксона, и снова тишина. — Неужели датчанин сумел выбраться отсюда?»

В голове Орлинского мелькнула картина: белобрысый доктор голыми руками разбрасывает известных своей отличной выучкой и свирепостью китайских бойцов интернациональной бригады: «Нет, ерунда какая-то получается. Не может быть. Как бы ни был он хорошо подготовлен, одолеть полсотни этих узкоглазых демонов...»

— Проклятие! Да что ж это происходит?! — под нос пробормотал бывший статский советник и открыл дверцу автомобиля.

Не успел он вылезти, как в затылок его уперся винтовочный ствол.

— Ты кто такой?

Орлинский закрипел зубами от невольного унижения, но безропотно, медленно, чтобы излишней поспешностью не

спровоцировать караульного нажать на спуск, достал удостоверение из кармана френча.

— Насяльник, мандата! — прокричал караульный.

Железная калитка со светлым пятном на месте сбитого герба с лязгом отворилась и на платановую аллею, ведущую к воротам, вышел довольно высокий плечистый китаец в ладно сидящей форме. На лице его, точно приклеенная, сияла доброжелательная улыбка, но в повадке чувствовалась скрытая опасность, будто к начальнику Уголовно-следственной комиссии Петрограда не подходил, а стремительно подползал с доброжелательной улыбкой огромный питон.

Он остановился рядом с Орловым, принял из рук часового мандат, быстро пробежал его глазами и кивнул энкавэдэшнику:

— Добрый вечер. Командир взвода охраны, Фен Бо. Разрешите сопровождать вас?

— Сделайте милость, — глядя на молодцеватого краскома, произнес Орлинский.

Если вдруг разговор с датчанином пойдет ненадлежащим образом, то такая предосторожность может оказаться не лишней.

Они пошли к зданию пешком. Владимир Григорьевич любовался старым парком и жадно вдыхал наполненный ароматом сирени воздух. Орлинский всегда хотел иметь подобный особняк, теперь же — на самом взлете — судьба дала пинка господину статскому советнику, и он мог приезжать сюда лишь для того, чтобы заниматься делами весьма неприятного свойства.

— Вы уроженец Китая? — давая волю любопытству, спросил энкавэдэшник.

— Так точно, — без запинки и намека на акцент, подтвердил Фен Бо.

— Надо же. — Орлинский вновь утер платком лысину. — Однако ваш русский безукоризнен!

— Я с малолетства говорю на этом языке. Мой отец, Лун Ван, работал лекарем в русском посольстве.

— А-а-а, вот оно в чем дело. Это многое объясняет. Скажите, что там ваш подопечный?

— Ведет себя спокойно. Просился на прогулку. Я дал ему четырех бойцов в сопровождение, и еще двенадцать следовали на расстоянии десятка саженей, оставаясь вне его видимости.

— О-о-о! Хвалю!

— Служу трудовому народу!

Болеслав Орлинский невольно усмехнулся оттого, насколько странно и несообразно прозвучали эти слова в устах Фен Бо. За сегодняшний вечер это, пожалуй, было единственным поводом для улыбки. Полученный спозаранку приказ из Москвы гласил недвусмысленно четко: «Передать задержанного сотрудника Красного Креста Нильса Кристенсена из ведомства Ленинградского управления НКВД в распоряжение Центрального аппарата ОГПУ. Доставить под стражей в следственный изолятор Лефортово. По исполнении доложить. Дзержинский».

Первоначально задуманная комбинация, простая и изящная, рассыпалась, словно карточный домик. Орлов представлял, откуда в Москву идет утечка информации. Будучи человеком без иллюзий, он лучше всех понимал, что никакое старое приятельство не заставит Феликса окончательно и бесповоротно довериться недавнему врагу.

Он бы и сам, окажись в такой ситуации, не замедлил приставить «наседку» к столь неоднозначному сотруднику. Но предположить, что вчерашний улов вызовет такой ажиотаж в Москве, Орлинский не мог.

Какой-то безвестный агент, явный недоучка... То, что агент безвестный, Владимир Григорьевич мог поклясться хоть на Библии, хоть на собрании сочинений товарища Ульянова.

В лучшие времена именно он — Владимир Григорьевич Орлов — был создателем замечательной обширнейшей картотеки, в которую аккуратно заносились все шпионы, секретные агенты и лица, как-либо связанные с тайной деятельностью,

хоть раз попавшие на заметку контрразведке, полиции или жандармерии. Сейчас такой архив стоил тыщи и тыщи, и уж конечно, не в совдензнаках. Особенно если учесть, что там хранились свидетельства, подтверждавшие связь многих красных вождей как с царской охранкой, так и с секретными службами иных держав.

Нильс Кристенсен в его картотеке не значился. Конечно, время было такое, что ремесло бесстрашных рыцарей плаща и кинжала притягивало зачастую людей, весьма далеких от данной профессии, но этот... Либо он действительно профессионал высокого класса, что вряд ли, либо природа решила зло пошутить и создала двойника ни в чем не повинному датскому врачу. Опрошенный со всей тщательностью бывший штабс-капитан Зоценко заверял, что знает господина Кристенсиена по меньшей мере с начала пятнадцатого года. Правда, звали его тогда Сергей Владиславович Деладоннель.

Проведя несколько часов в архиве Главного штаба, Орлинский, как и предполагалось, обнаружил наградные бумаги на военного врача Сергея Владиславовича Деладоннеля за участие в Эрзерумской операции, а затем и за бои на германском фронте. Приколотая в деле фотография не оставляла сомнений — изображенный на ней офицер был удивительно похож на датчанина.

Орлинский уже собрался положить найденную папку в портфель и увезти с собой на встречу, когда вдруг увидел последнее из представлений к награде, датированное январем семнадцатого года. В нем черным по белому значилось: штабс-капитан медицинской службы Сергей Владиславович Кристенсен-Деладоннель.

— Вот оно, значит, как получается... — Орлинский сгреб в кулак свою мефистофельскую бородку, как делал всегда, чувствуя близость добычи. — Попался, голубчик. Теперь не отвертись.

Китаец остановился перед запертой дверью, вытащил из кармана фигурный ключ и щелкнул замком.

— Дальше я пойду один, — кивнул ему Орлов. — А вы будьте здесь. Если позову, вбегайте немедленно.

— Есть! — вытянулся Фен Бо.

«Смышленный парень, — подумал, глядя на него, Орлинский. — Надо будет взять к себе — пригодится. Но говорить с арестованным все же лучше по-французски».

— Добрый вечер. — Председатель Уголовно-следственной комиссии вошел в комнату и поглядел на арестанта. Тот был спокоен, собран, будто и не страдал полтора дня от бездействия и неизвестности, а готовился вырезать кому-то аппендикс в полевом госпитале.

— Я должен сказать, что рад видеть вас?

— Не обязательно. Но всем будет лучше, если вы и вправду обрадуетесь моему приходу.

— Хорошо, я рад вашему приходу. Быть может, теперь расскажете, что означают ваши слова?

— Сергей Владиславович, незачем строить из себя героя. Вы не Овод из сочинения госпожи Войнич, я не поставлю вас перед взводом солдат и не разрешу скомандовать «Пли!».

— Надо же, какая жалость.

— То есть вы подтверждаете, что вас зовут Сергеем Владиславовичем, — меняя тон, точно кнутом с оттягом, жестко хлестнул следователь. — Можете не отвечать.

Он бросил на стол перед датчанином папку.

— Здесь в подробностях описаны ваши славные деяния на фронтах последней войны. Кстати, в документах семнадцатого года вы фигурируете с двойной фамилией, одна из частей которой — Кристенсен. Так что отпираться бессмысленно. Вы попались, Сергей Владиславович. Согласен, попались нелепо. Это, должно быть, чертовски обидно. Но коль вы уж взялись тащить крест шпиона, то учитесь проигрывать достойно. Тайная война, голубчик, имеет свои законы. В штыковые мы не ходим, однако же этот фронт бывает еще опаснее других.

Потому давайте говорить без обиняков. Сами посудите: что мне стоит передать вас, а заодно и ваше досье, в ГПУ? Там долго

возиться не станут — чекистская закваска. Вот вы с датским паспортом Нильса Кристенсена, а тут — сами поглядите, вы же — в парадном офицерском мундире. Полагаете, этого недостаточно, чтобы поставить вас к стенке?

— Если вы со мной возитесь, полагаю, недостаточно.

— Ошибаетесь. — Орлинский взял лежащую на бумагах фотографию военного медика и, будто любясь, поглядел на нее. — Я хочу спасти вашу жизнь.

— Зачем?

— Об этом мы поговорим позже. Сейчас просто обозначьте для себя, что она мне нужна. Надеюсь, вам тоже.

— За прошедшие годы я с ней свыкся.

— Вот и прекрасно. Значит, цели наши совпадают. Осталось договориться о цене.

— Я готов заплатить.

— Нет, эта плата меня не интересует. Валюта здесь мало что дает, но зато служит прекрасной уликой. Не беспокойтесь, я назову вам цену, она вполне посильна. Но прежде потрудитесь рассказать мне, для чего вы прибыли в Советский Союз.

Он пристально поглядел на датчанина, радуясь, что тот, похоже, и не думает запыряться. Орлинский сверлил холодными глазами открытое добродушное лицо военного медика, силясь понять, о чем тот сейчас думает. Болеслав Орлинский был бы, несомненно, потрясен, когда б узнал, что в голове арестанта звучит приятный женский голос, сообщающий:

— В годы войны Владимир Орлов был назначен переводчиком, поскольку иной штатной должности для него в Ставке не нашлось. Но благодаря старому знакомству отца В.Г. Орлова с генералом Алексеевым, специально для Владимира Григорьевича была организована должность следователя по особо важным делам. За годы войны участвовал в следствии по таким резонансным делам, как дело жандармского полковника Мясоедова, военного министра Сухомлинова, дело штабс-капитана Янсона, дело банкира Рубинштейна... Тут длинный список. Везде отличался дошностью, но, как утверждалось, не брезговал и подтасовкой

фактов. После революции — по заданию генерала Алексеева некоторое время служил большевикам и даже был дружен с Дзержинским, но вскоре перебежал к белым и руководил одним из пунктов врангелевской разведки.

— А здесь, получается, не перебежал? — безмолвно глядя на вешающего Орлинского, спросил Джокер-3.

— Как видишь.

— Интересно знать почему.

— Нет данных.

— Это плохо. Думаю, весь этот сыр-бор с комфортабельной тюрьмой и китайской стражей служит одному — желанию меня завербовать. Причем завербовать не для власти рабочих и крестьян, а для себя лично.

— Очень может быть.

— Может, тогда рискнем завербовать самого Орлова? С его возможностями найти лабораторию и попасть туда будет намного легче.

— Думаешь, это твой козырный туз из рукава?

— Не знаю. Но почему бы нет?

— Товарищ Орлинский, откровенность за откровенность. Вы желаете помочь мне, чтобы затем покинуть Совдепию? Иначе к чему намеки на то, что здесь валюта — это улика? Я не верю в благотворительность чиновников советских карательных органов, — на звонком языке Вольтера сказал Виконт. — Что вы хотите взамен?

— Ваша сообразительность делает вам честь, — усмехнулся бывший следователь по особо важным делам. — С грустью должен вам сообщить, что если бы вы чистосердечно сознались во всем, когда только попали ко мне, ситуация была бы много проще и цена меньше. Но, к сожалению, время не всегда играет на нас. Вами заинтересовались в Москве. Лично товарищ Дзержинский. Он требует доставить вас к нему.

— Зачем?

— Вам лучше знать. Но, похоже, Сергей Владиславович, вы не желаете мне поверить и предпочитаете скрывать настоящую цель приезда в Советский Союз.

— Самое забавное, что я ничего и не скрываю. Я действительно врач. Моя фамилия действительно Кристенсен. А то, что вы установили, чем я занимался в годы войны... Что ж, это делает честь вашему профессионализму, однако незачем даже объяснять, почему я предпочел скрыть события тех лет. Зачем я приехал в Россию? Определенные влиятельные круги в Красном Кресте обеспокоены странными опытами с человеческой психикой, которые, судя по материалам вашей же открытой прессы, широко проводятся в Совдепии. Эти бесчеловечные исследования могут нести опасность для человечества.

Орлинский уперся в собеседника изучающим взглядом.

— Вы что же, обмануть меня решили? Какие еще опыты?

— Первого мая на демонстрации было показано весьма забавное представление: аппарат, который приводил в неистовое радостное возбуждение людей, вовсе не склонных веселиться по поводу завоеваний революции.

— А! Да-да-да. Помню, я читал. Так вы полагаете, это не газетная утка?

— В Красном Кресте опасаются, что нет. И они готовы всемерно помочь человеку или же людям, которые прольют свет на эти исследования.

— Что вы имеете в виду под всемерной помощью?

— Двести пятьдесят тысяч фунтов стерлингов и английский паспорт на любое выбранное вами имя. Ну и, конечно же, Красный Крест поспособствует оказаться по ту сторону границы. Ваш багаж будет маркирован как груз Красного Креста, что приравняет его к дипломатической почте.

Орлов задумался.

— Интересное предложение. Но пока что, Сергей Владиславович, как я уже имел честь сообщить, вас желает видеть товарищ Дзержинский. Насколько я помню, поездка в Москву и прежде была в ваших планах. Можете пока не беспокоиться — я сам буду вас сопровождать. Весьма надеюсь на ваше благоразумие.

Май 1924

Джунковский с затаенной тоской глядел на углубившегося в чтение бумаг председателя ОГПУ. Мог ли подумать бывший московский губернатор, которого нелегальные газетенки левого толка трескуче окрестили «кровавым палачом баррикад Красной Пресни», что пройдет двадцать лет, и он станет обучать премудростям и нюансам политического сыска одного из тех самых радикалов, которые столь вдохновенно раздували пожар революции в его отечестве. Наконец, оторвавшись от чтения, Дзержинский уважительно посмотрел на бывшего жандарма.

— Да-а, воистину яркое жизнеописание! Примечательная личность этот ваш Згурский. Особо занятно вот это. — Феликс Эдмундович указал на абзац в лежащем перед ним досье. — «По прибытии в Тифлис самолично в одиночку остановил толпу вооруженных погромщиков». Как же это ему удалось?

— По окончании Русско-японской войны Згурский был произведен в подполковники, отправился в отпуск, где, кстати, и познакомился со своей будущей женой, а затем был направлен к новому месту службы — в Кавказскую гренадерскую дивизию. В Тифлисе он направился к боевому товарищу — отставному поручику Григоряну, тяжело раненному в Порт-Артуре. В это время по городу пополз слух, что толпа идет резать армян — тогда, знаете ли, по всему Кавказу прокатилась волна армянских погромов. Увы, не миновала она и Тифлис.

— Мне это известно.

— Представьте себе узкую улочку Тифлиса, по которой с ревом катится толпа погромщиков, сметая все на своем пути. Вдруг из калитки выходит подполковник в парадной форме: вся грудь в орденах, эполеты, флигель-адъютантские аксельбанты. Становится посреди мостовой, скидывает два револьвера и начинает стрелять. Молча. Без криков, предупреждений. Прицельно по тем, у кого в руках огнестрельное оружие.

— Владимир Федорович, в револьвере системы наган семь патронов. В двух, соответственно, четырнадцать. Будь он хоть

архиметкий стрелок, как он мог остановить толпу четырнадцатью выстрелами?

— Если говорить точно — десятью. Шесть убитых, четверо раненых. Но толпа, — Джунковский сделал неопределенный жест рукой, подыскивая слова, — толпа испугалась. Это, знаете ли, Восток. Там иные нравы. Мне сложно объяснить.

— Как хотите. Не представляю. Двигутся погромщики, вероятно, опьяненные и накуренные. В любом случае заведенные уже пролитой кровью. Против них выходит один офицер, и сотни головорезов в ужасе замирают?

— На какое-то время так и произошло. Не на долгое. Мерзавцы поняли, что Згурский без лишних слов застрелит первого, кто двинется, и всякий для себя решил стоять смирно. Ну а в то время, когда подполковник устраивал свою экзекуцию, сынишка Григоряна сбежал в полк и рассказал, что на улице убивают русского офицера. К месту событий прибыл взвод мингрельцев с пулеметом, и это явление обратило подонков в бегство. Потом, кстати, лидеры этой гашишной мрази заявляли протест: мол, Згурский расстрелял мирную демонстрацию.

— В голове не укладывается.

— Вы знаете, мне довелось читать жандармские отчеты об этом деле: арестованные погромщики в один голос утверждали, что их больше испугали не прицельные выстрелы, а взгляд его высокоблагородия.

— Теперь вы утверждаете, что он остановил погромщиков взглядом?

— Феликс Эдмундович, у вас есть реальный шанс поговорить с участником тех событий.

— Вы нашли еще одного сослуживца Згурского?

— Можно сказать и так. — Джунковский вытащил из кармана сложенный лист «Правды». — Вот, полюбуйте.

— «Командарм Борис Михайлович Шапошников назначается командующим Московским военным округом...»

— И что же?

— А то, Феликс Эдмундович, что именно полковник Шапошников принял Мингрельский гренадерский полк у отправ-

ляющегося во Францию Згурского. А до того в течение восьми лет они жили бок о бок, командовали батальонами и близко приятельствовали. И в момент расстрела Згурским так называемой мирной демонстрации именно Шапошников был дежурным офицером полка. Это он выслал Згурскому подмогу.

— Вот ведь какая судьба, — покачал головой Дзержинский. — Прежде друзья — неразлейвода, а теперь...

— А теперь, Феликс Эдмундович, я предлагаю использовать бывшего полковника Шапошникова в нашей оперативной игре.

— Вы меня удивляете, Владимир Федорович. Насколько я представляю себе такое понятие, как фронтовое братство и офицерская честь... Шапошников не пожелает нанести удар в спину боевому товарищу и старому другу.

Джунковский помрачнел.

— Простите, я не хотел вас обидеть.

— Я тоже надеюсь, — сказал Джунковский, — что не пожелает.

— Тогда как же?

— Згурский и Шапошников дружили семьями. По моим сведениям, Борис Михайлович очень тепло относился к супруге Згурского. По рассказам, к ней вообще все относились с большим почтением, чтобы не сказать — с любовью. Наверняка в сердце командарма Шапошникова жива та симпатия, которую испытывал в прежние дни подполковник Шапошников. Если конфиденциально сообщить ему, что Татьяна Михайловна Згурская живет где-то в СССР и подвергается большой опасности, поскольку ее разыскивает ОГПУ, командарм приложит все свои немалые возможности и всем известную энергию, чтобы опередить вас, найти и надежно спрятать госпожу Згурскую.

— И что это нам дает?

— Вы же хотите заполучить Згурского в Россию, Феликс Эдмундович?

— Да, это было бы очень желательно.

— Тогда сами подумайте — как поведет себя генерал Згурский, когда узнает, что его обожаемую супругу, которую преследует всесильное ОГПУ, с риском для себя спас и прячет его

старый друг, а теперь, увы, большевистский командарм Шапошников.

— Вы всерьез думаете, что он на это клюнет?

— Конечно. Особенно после того, как сработает первая наживка с Брусиловым.

— Что ж, Владимир Федорович, предположим, вы правы. Но Шапошникову кто-то обязан сообщить о госпоже Згурской. И этот кто-то не должен вызвать у него подозрений.

— Да, Феликс Эдмундович, так и есть. Добавлю от себя: у этого человека имеется возможность работать почтовым голубем и осуществлять связь между Згурским и Шапошниковым.

— Судя по тому, что вы говорите «имеется», кандидатура вами уже намечена? Кто это?

— Феликс Эдмундович, вы меня удивляете! С полчаса назад вы сами рассказали о том, кого небо, кажется, послало вам в помощь.

— Говорите яснее!

— Я имею в виду сотрудника Красного Креста Нильса Кристенсена — военврача Мингрельского гренадерского полка, Сергея Владиславовича Деладоннеля. После должной обработки мы сделаем из него замечательную подсадку.

ГЛАВА 11

«Истинная свобода есть свобода от привычных истин».

3. Ницше

Июнь 1628

Всадник на огромном золотистом, точно светящемся, коне поманил за собой, словно уже давно поджидал посольский обоз и теперь рад был указать дорогу к священному городу-дворцу

императора Поднебесной. Воевода Федор Згурский, быстро оправившийся от первоначального удивления, теперь мог подробнее разглядеть возникшего из порохового дыма всадника. На первый взгляд все казалось странным: и отливающий червлениным золотом конь, гарцевавший под ним, и доспех-чешуя — не железный, не бронзовый, не костяной — бог весть какой. И одежда черная, расшитая яркоцветьем, да зверьем невиданным, с широкими, будто крылья, рукавами... Но уже на второй взгляд становилось понятно, что «странно» — чересчур слабое выражение.

Згурский оглянулся на своего верного дружка — казачьего атамана Варраву. Голодная многотысячная толпа обезумевших дикарей окружала их крошечный отряд, лишь ожидая знака вновь броситься на сабли и пищали, чтобы захватить пищу, воду, а заодно и богатые дары, направляемые царем Москвитии своему катаяскому собрату.

— Что уж тут мудрить? След идти, коль так зовут, — поскреб затылок Варрава, оглядываясь на побратима. — Хрен редьки не слаще, но хоть дух переведем.

Сабли с тихим шелестом стали возвращаться в ножны, пищали легли на плечи, возницы заняли места на козлах. Видя приготовление к движению, неизвестный вельможа улыбнулся и крикнул:

— Дети мои, я возвращаю милость этому краю!

Згурский осмотрелся по сторонам, ища, кого зовет их спаситель, и с удивлением увидел четырех всадников, одним из которых была девушка. Прекрасная черноволосая девушка, притягательная странной, резкой красотой. Згурский потряс головой, точно отгоняя морок: эти-то откуда взялись? Спутники Лун Вана возгласом подтвердили, что слышали команду предводителя и... исчезли снова, точно растворились.

— Господь моя защита! — крестьясь, прошептал Федор.

Должно быть, расслышав его тихие слова, всадник в чешуйчатой броне раскатисто захохотал, и в этот миг небо внезапно стало затягиваться тяжелыми свинцовыми тучами, ве-

тер порывисто вздернул поникшую сухую траву, грохот потряс округу, и молния в резком диком великолепии расколола небо. Тяжелые капли дождя обрушились на иссохшую, точно старческая кожа, землю, на одежду, на лица, и вопль радости, перекрывающий гром, вырвался из тысячи шершавых от жажды глоток.

— Едем же!

Царский обоз двинулся вперед, но и пяти минут не прошло, как мир вокруг изменился самым чудесным образом: земля буйно цвела, среди высоких трав благоухали диковинные цветы, деревья радовали обширной тенью, в зеленых кронах весело щебетали птицы, и над всем этим сияло и тешило глаз безоблачное синее небо.

— Экое диво! — недоуменно озираясь, присвистнул Варрава. — Чей-то я не разберу — то ль убили нас, и мы уже в райских кущах обретаемся, то ли в лапы к демону попали.

— Я так думаю — к демону, — зыркнул из-под бровей на Лун Вана воевода. — Или к чародею. Где ж видано, чтоб из мертвого суходола да в Эдемский сад одним махом перескочить? Такое лишь в сказках, да и то не всякий день случается.

— Здесь устройте привал, — скомандовал загадочный вельможа, указывая на замечательную опушку, посреди которой красовались роскошные ковры, уставленные яствами. — О раненых можете не беспокоиться, они сейчас вновь будут здоровы. А нам, Францишек, — он улыбнулся, точно отец сыну после долгой разлуки, — следует поговорить с глазу на глаз.

И мир опять изменился. Исчезли деревья, травы, синее небо, и они вдвоем очутились в каменных хорах.

— Ну точно, чародей! — выдохнул Згурский, поудобнее обхватывая рукоять сабли.

Но та выворгнула из ножен и, впервые в жизни предав своего хозяина, перелетела через огромную залу и шмякнулась с печальным звоном на пол.

— Это ни к чему, Юй Лун.

— Отчего зовешь меня так? — насупился шляхтич.

— Оттого, что при рождении тебе это имя было дано.

— Неправда, не было такого. От рождения нарекли меня Францем. О том и в церковной книге записано.

— Скрижали вечности прочнее бумаги, пергамента или папируса. Впрочем, при этом рождении тебе действительно дали то имя, которое ты сейчас назвал.

— При этом рождении?

— Юй Лун, неужели сам ты так ничего и не понял?

— Что я должен был понять?! — вдруг обозлясь, выкрикнул Згурский. — Кто ты? Почему я здесь?

— Уж в который раз мы встречаемся с тобой, а ты все гонишь правду из сердца своего. Я твой дед, Юй Лун.

— Это ложь! Я знал, я помню деда.

Лун Ван снова поглядел на воеводу, как на ребенка:

— И да, и нет. Впрочем, чему тут удивляться. С потомством Даньму всегда больше хлопот, чем с детьми ее братьев.

— О чем ты говоришь?

— О твоей матери и дядях. Ты уже видел их сегодня. В здешних краях Даньму почитают как богиню молнии.

— Моя дорогая матушка не богиня! Она шляхтянка из славного рода...

— Да, та мать, что произвела тебя на свет, и впрямь из рода Случесских. Но в тебе течет кровь, и главное — кипит дух Даньму. Прекрасной молниеносной Даньму из рода Лунов.

— Лунов?

— На вашем языке Лун означает «дракон».

— Чур меня, чур! — Згурский отпрянул к стене.

Вместо благодушного пожилого катаяца в чешуйчатой броне, занимая едва ли не всю огромную залу, пред ним стояло грозного вида чудовище. Рука воеводы потянулась к сабле, но тут он с ужасом вспомнил, что та валяется в десяти саженях от него. В этот миг видение сменилось, и на месте дракона снова появился Лун Ван, но теперь с длинным змеиным хвостом, заменявшим ему ноги.

— Тебе не запугать меня, чародей! Пусть даже и жизнь мою возьмешь, и кровь выпьешь по капле, не предамся тебе душой!

— Глупый. Но храбрый, — усмехнулся человек-дракон. — Истинный потомок Даньму. Скажи, Юй Лун, ты знаешь истоки своего рода?

— Згурские — ветвь княжеского дома Ракоци из Венгрии. Уже больше двух веков, как мои предки осели в Польше, и все это время оружием и советом они честно служили королям Речи Посполитой.

— Иначе и быть не могло. А скажи, знаешь ли ты, откуда Ракоци попали в Венгрию?

— Это очень древний род! Они всегда там жили.

— Что ты знаешь о «всегда», маленький Юй Лун? Для тебя и те ничтожные сорок лет, что прожил ты в этом мире в привычном тебе образе воителя Францишека Згурского, — долгий срок. Послушай, что скажу тебе я, и открой душу для моих слов. Ракоци — впрямь древний род. Конечно, по вашим меркам. Больше тысячи лет назад они ушли из этих самых мест, когда Великая стена разделила народ хунно на две части. Среди вождей кочевников был и твой предок. Если желаешь, на досуге можешь сосчитать, каким именно по счету воплощением он был.

— Ты говоришь загадками, Лун Ван, — исподлобья глядя на чародея, угрюмо сказал Згурский.

— Я каждый раз надеюсь, что с обретением духа ты обретешь и память, и мне не придется снова и снова объяснять тебе очевидные вещи, — вздохнул Лун Ван. — Каждые восемь поколений потомство рода Лун вновь приходит на землю. В этом краю есть поверье, что если молния ударяет в дом или дерево, она выпускает из него дракона. Тебе ничего не напоминает это наивное верование?

— Если ты о молнии, которая ударила в дуб...

— О молнии, которая среди ясного неба ударила в дуб в тот самый момент, когда ты был к нему привязан в ожидании смерти. Именно в тот миг, дорогой мой внук, в шляхтиче Франци-

шеке Згурском очнулся ото сна Юй Лун. Не случай, не силы небесные породили молнию, но ты сам, дракон, живущий в тебе, на мгновение уйдя из привычного мира, расколол дуб с легкостью, с какой ломается щепка.

— Зачем ты морочишь меня, демон? Чего хочешь? Зачем приписываешь нам родство? Нелепее этого я слыхом ничего не слыхивал.

— Юй Лун, Юй Лун, какой ты упрямый, какой глупый... Потрогай эти стены. Не правда ли, это камень?

— Да, — повинувшись Лун Вану, принявшему человеческий облик, подтвердил воевода. — По всему — наилучший мрамор.

— Неужели? — рассмеялся хозяин, и Згурский почувствовал, как на руку его обрушился ледяной водопад, вокруг которого, точно издеваясь, плясали языки пламени.

— Твоему колдовству не испугать меня!

— Ты уже говорил это. Но разве я пугаю? Кому, как не мне, известно, что невозможно испугать дракона. Я показываю, мой дорогой внук, что кроме привычного тебе мира, в котором существует ширина, длина, высота, еще есть неисчислимое множество иных миров. Все они живут одновременно, у каждой овой облик, и лишь от твоего представления и сознания зависит, сможешь ли ты проникнуть туда. По крови и духу для тебя это не составляет никакого труда. Твое желание, по сути, может и само порождать миры. И населять их.

— Это ересь! Я не желаю слушать тебя, чародей!

— Ересь? По твоим словам, ересь — все, что нынче ты не можешь, а вернее, не хочешь постичь. Ты никогда не найдешь покоя, Юй Лун, поскольку не принимаешь себя таким, каков есть на деле.

— Только Бог велик! Только его власть над обитателями земными, ангелами небесными и демонами в преисподней! На него уповаю, и да не посрамлюсь я вовек!

— Не посрамишься, это правда. — Лун Ван грустно покачал головой. — Что ж, видно, еще не пришло время. Но тогда слушай, не перебивай, а затем, ну, скажем, в обмен на свободу

и благополучное возвращение свое и посольства царского в родные края выполни просьбу мою.

— Отчего ж. Когда не будет в ней злобной каверзы и для ближних моих погубительства, выполню.

— Не будет, Юй Лун. Так вот, запоминай. Когда-то этот мир был создан нашим общим предком, имя которого неназывается, ибо он есть начало и конец всего. Он сделал нас правителями в мирах своих, и мы, видя могущество его, сами начали порождать миры. Здесь наш род числится древнейшим. Царская династия Ся — так именовали род Лунов — правила еще тогда, когда вокруг народы почитали камень и палку самым изощренным оружием, а тайным знанием считалось умение добывать огонь. Мы подарили людям все то, чем они нынче гордятся, и когда дети встали на ноги и смогли ходить, не держась за руку, мы ушли в сторону, посадив на трон первый человеческий царский род. Мы живем в мирах, созданных нашим сознанием и сознанием Первоначального, не для того, чтобы править, ибо ни одно земное правление не есть то, за что себя выдает. Мы здесь, чтобы направлять.

— Я не понимаю этого.

— Молчи и запоминай. Ты, должно быть, слышал в детстве сказки о драконах, которым в жены отдают прекрасных девиц?

— Ну конечно! Святой Георгий, покровитель рыцарства...

— Да-да, это была забавная история. Как-нибудь тебе или твоему потомку я напомню, как все обстояло на самом деле. Так вот, мой дорогой внук, от трех твоих дядьев, Лай Гуна, Юй Ши и Фен Бо, в этом мире имеется довольно обширное потомство. Однако же моя любимая дочь, Даньму, за все прошедшие тысячелетия возжелала только одного мужчину. У вас его зовут Геркулесом, или Гераклом...

— Погоди, погоди, Лун Ван, — скороговоркой выпалил Згурский. — Это же рассказ Геродота: Геракл в дикой Кимерии был спасен от ужасной бури змееной женщиной, — во-евода замаялся, — по имени Ехидна...

— Ее звали Даньму, дорогой внук.

— Она породила Скифа...

— Именно так.

— Но это лишь миф!

— Миф, если ты желаешь держать свой ум, как реку, в известном русле. Но коль уж ты признал, что не в силах понять очевидное, запоминай. После — запишешь.

— Зачем мне писать все это?

— А вот зачем. Жить ты будешь долго. Пройдешь через множество бед и напастей, будешь терять близких и терпеть лишения, но проживешь более, чем уже годов отмерял. Когда вернешься домой, родишь сына, а от него в восьмом поколении вновь придешь в этот мир. Пред тем как преставиться, повели схоронить тебя в потайном склепе.

— Каком еще склепе?

— Есть на твоём подворье местечко заветное — нешто забыл?

— О схоронном лазе говоришь?

— О нём самом. Тебе ж возле него царева человека с ответом ждать велено было.

— Верно...

— Конечно, верно. Мы — Луны — живём всегда и везде, в одно время. Как умрешь, пусть в склеп твой положат рассказ об этой встрече — на грудь, чтобы в руках ты его сжимал. И об этом велении в пергаменте напиши. Вот, собственно, и все.

— Нешто все? — Згурский с подозрением поглядел на хозяина каменных хором.

— И все. А теперь возвращайся к друзьям и соратникам. Можешь отсель ехать в Бейджин. А можешь и не ехать. Если первое выберешь — толку чуть: скоро того императора, что нынче в заветном городе заперся, повстанцы в прах обратят и всё его царство разрушат до основания. Ну а затем из северных земель придут чужестранцы и завоюют Бейджин. Так что посольство нынче слать без толку.

— И всё же я исполню волю государя.

- Оттого, что тот спит и видит жизни тебя лишить?
- Да.
- Истинный Юй Лун! Езжай, но помни — этим ты уже изменяешь мир.

Май 1924

Предрассветные сумерки дышали свежестью. Огарок луны криво и уже почти незаметно висел на светлеющем небе. Судаков недовольно косился на ждущий пробуждения солнца небосвод, досадуя, что с каждой минутой тот становится все светлее и светлее.

— Вот, спрашивается, что бы не пустить здесь московский среди ночи?

Вопрос этот был обращен в никуда. Петр Федорович просто хотел разрядить обстановку, но от раздражения, с которым он кинул в пространство эти слова, настроение у присутствующих стало лишь тягостнее.

— Не бойтесь, — глядя на испуганно расширенные глаза Татьяны Михайловны и ее дочери, тихо сказал бывший начальник милиции. — Все ладненько пройдет, вот увидите.

Его спутницы кивнули, но без особой уверенности.

— Значит, давайте еще раз, — понимая, что необходимо занять чем-то полезным этих кисейных барышень, четко заговорил Судаков. — Товарняк должен здесь пройти минут через двадцать. Когда я услышу, что он идет, завалю во-он то дерево.

— Но ведь грохот взрыва в такую рань будет слышен по всей округе.

— Извиняйте, Татьяна Михайловна, руками я дерево не выдерну и на пути не уложу. А что слышно будет — ну так мало ли чего тут рвется. За военные годы много хламу железного в здешних краях осталось. Кое-что и рвется, не без того. В во-

семнадцатом, почитай, грибов тут меньше было, чем того мусора. — Судаков напустил на себя пренебрежительный вид.

Он и без напоминания знал, что шум может привлечь к месту остановки поезда незваных гостей. Но там, где умолкали доводы разума, поднимал голову бесшабашный русский «авось».

— Ну вы это... Разговоры отставьте. Значит, поезд длинный, вагонов уйма — когда тот вон холм огибать будет, от головы хвоста не видать. Как дерево на рельсы ляжет, притаитесь там вон — в кустарнике — и смотрите в оба. Где-то в хвосте всегда цепляют две-три платформы с белым песком — их сверху от сырости брезентом прикрывают, но... Оно и к лучшему. Всегда он где-нибудь, да отвяжется. Вот, значит, как поезд станет, пока боец из дорожной милиции от паровоза в хвост дотелепается, вы мигом ныряйте в песок и зарывайтесь поглубже. Так до Москвы и доберетесь. Ну а как поезд там где-нибудь остановится, опять не зевайте. До самого города лучше не ехать — неровен час застукают. Но близ столицы постоянно остановки бывают.

— А вы как же, Петр Федорович?

— А я отсюда в другую сторону. Даст бог, затеряюсь. Документы у меня в порядке, привыкну к новому имени, да и начну жизнь сначала. Как у вас там, по-грамотному, с чистого листа.

Он вдруг замолк и поднял, прислушиваясь, указательный палец:

— Давайте прячьтесь, идет!

Огонек, точно убегая, устремился по бикфордову шнуру. Сосна-долгомерок подскочила вверх, теряя корень, и рухнула поперек рельсов.

— Хорошо легла, — себе под нос усмехнулся Судаков. — Так, глядишь, все как надо и сложится.

Поезд затрубил раненым слоном и начал сбавлять ход.

— Ну что ж, девоньки, бог вам в помощь. — Он на всякий случай вытащил револьвер и взвел курок.

Как и ожидалось, из будки машиниста, чуть погодя, выскочил боец дорожной милиции, сдернул драгунский карабин с плеча, поводит стволом из стороны в сторону и осторожно стал приближаться к поваленной сосне.

— Папка твой к мамке б так шел, тебя бы на свете не было, — проворчал Судаков.

Бывший начальник городской милиции понимал, что если железнодорожники решат гудками вызвать подмогу с ближайшей станции, то всей его затее крышка. Конечно, дерево уберут в три минуты, но затем каждый вагон, каждую платформу обсмотрят и общупают до последней дощечки.

Боец подошел к сосне, оглядел искореженный разрывом комель, покачал головой и снова начал высматривать притаившихся разбойников. Потревоженные взрывом птицы постепенно успокоились и с обычным легкомыслием продолжили встречать рассвет. Ветер шелестел травой, ища в ней вчерашний день, мир дышал покоем и безмятежностью. Милиционер забросил карабин за спину и махнул рукой машинисту. Тот вместе с помощником выскочил из будки, и оба бросились помогать охраннику поворачивать рухнувшее дерево.

— Кажись, обошлось, — облегченно выдохнул Судаков, но тут услышал конское ржание неподалеку. — Вот же ж беда! — прошептал он, и до него донеслось ответное ржание уже с хвоста поезда. — Успели или нет?

Судаков с ходу укусил себя за руку.

— Да о чем я думаю? Меня самого сейчас...

Бывший начальник Елчаниновской милиции очень явно представил, как от станции по тропе близ насыпи мчится на тревожный рев паровоза конный разъезд, а его собственные подчиненные, уже который день поднятые под ружье, скачут сюда же через лес. Судаков оглянулся.

— Куда ж деваться-то? Куда?

Он ринулся вперед, не особо соображая, что делает. Ухватившись за поручни, рывком вскочил в будку машиниста.

Спрятаться здесь было негде, и Судаков присел на колено, готовясь выстрелом попотчевать первого, кто сунется.

— Что здесь произошло? — услышал он чей-то окрик.

— Да вот, дерево упало, товарищ комэск! — рапортовал охранник.

— А то у меня глаз нет! Громыхало что?

— Да бес его знает. Ствол — тот и правда взорван. А вон там вот и воронка имеется.

— Да я вижу, что воронка! Песок... Может, снаряд туда угодил? Под углом вошел, вот взрыватель и не сработал, а сейчас заяц чихнул... Ладно. Как бы там ни было, осмотреть поезд надо. Ежели все нормально, то вперед-вперед — в коммуне остановка!

— Товарищ командир, — вступил новый голос, должно быть, машиниста. — Да сколько ж вы осматривать будете? У нас же график! За нами из Севастополя поезд идет.

— Так и шо ж теперь? Ну давайте, давайте, поспешайте! Вы трое помогите дерево оттащить, остальные — мухой вдоль состава. Гляньте, все ли путем, все ли на месте!

Судаков услышал звон шагов по железной лесенке, трижды глубоко вздохнул, успокаивая колотившееся сердце, вскинул оружие и... Увидел перед собой лицо одного из своих недавних подчиненных. Глаза их встретились. Пётр Федорович медленно и очень выразительно покачал головой из стороны в сторону.

— Тут все чисто! — крикнул милиционер.

— Ну так, еще бы! — ответил ему машинист. — Мы ж сами только что оттуда!

Судаков откинулся на стенку, переводя дыхание. В висках стучало, и сердце бухало, точно в дверь при аресте.

— Нам бы отправляться, товарищ командир! Вот и дерево уже убрали. Сами же видите — просто дурацкая случайность.

— Ладно, черт с вами. Все осмотрели? — спросил комэск.

— Да не видать ничего!

— Ну тогда по седлам! Возвращаемся!

Судаков облегченно вздохнул, перекрестился и, не теряя времени, выскользнул из будки. Десятка три энкаведэшников: кто уже верхом, кто еще на земле — располагались по обе стороны поезда.

— Храни меня, мать божья и святые угодники, — скорее по усвоенной с детства привычке, чем с упованием, пробормотал Петр Федорович и, подтянувшись, ящерицей юркнул в угольный тендер. Еще минута, и паровоз взвыл на прощание и тронулся в сторону Москвы. — Вот же ж незадача, — сплюнул бывший краском. — Куда ж я теперь еду? В гости к этой генеральше, будь она неладна?

Ему вдруг стало неловко, стыдно за свои мысли.

«Они-то там как, бедолашные? Хоть сели? Или же это я один теперь в Москву путешествую?»

Май 1924

Згурский приоткрыл дверцу автомобиля. Лицо приближавшегося александрийского гусара выражало откровенную радость.

— Все идет отлично, Владимир Игнатьевич! В одиннадцать утра поезд из Москвы прибывает на пражский вокзал. Там генерала Брусилова встречают Томаш Масарек и чины Генерального штаба Чехии. С вокзала Алексея Алексеевича везут в отель «Прага Империял» — там ему уже заказан президентский номер. Все расходы по пребыванию Брусилова в стране правительство Чехии взяло на себя. В отеле генерал будет примерно в одиннадцать сорок, далее предполагается, что полтора-два часа он отдохнет, в четыре назначен официальный прием в ратуше. А в три я добился, чтобы в программу пребывания Брусилова внесли встречу с соратниками.

— Славно, славно, — кивнул Згурский. — Во что это обошлось?

— Триста крон делопроизводителю, пятьдесят крон — привратнику, и новый мотоцикл для секретаря помощника начальника президентской канцелярии.

— Что ж, будем надеяться, оно того стоит.

— Какие будут дальнейшие распоряжения? — вытянулся Комаровский.

— Поедем к «Книжной арке», заберем Спешнева. Я хочу прибыть на вокзал до того, как начнутся официальные торжества. Следует провести рекогносцировку.

— Разрешите вопрос?

— Разрешаю.

— А Спешнев на вокзале для чего?

— Евгений Александрович, в прежние времена Брусилов и Спешнев приятельствовали. Сейчас Николай Александрович готов Брусилова удавить голыми руками. Но, по сути, он борется не с Алексеем Алексеевичем, а с собственным представлением о нем. Хочу посмотреть в глаза Спешнева, когда тот увидит старого друга. Не хватало еще, чтобы он устроил выяснение отношений в самый неподходящий момент.

— Да, — подтвердил Комаровский, заводя мотор, — радостью он не пылал.

Генерал Спешнев с трудом скрыл досаду, увидев приближающихся к лавке представителей «Внутренней линии». Ответственный адрес Брусилову был составлен в самых общих выражениях, но даже и в таком виде из полутора с лишним тысяч участников Луцкого наступления свои подписи согласились поставить от силы полтора десятка чинов.

Згурский прочитал дежурные поздравления, протянутые ему в кожаной папке и, недовольно поморщившись, закрыл ее.

— Я приглашаю вас, Николай Александрович, съездить со мной на вокзал.

— Мне прежде уже доводилось видеть прибытие поезда. Празднества же в честь большевистского иуды я не считаю достойным поводом, чтобы отвлекаться от работы.

— И все же я должен настоять на своем предложении. Торговли все равно не будет — весь город сегодня только и живет приездом великого русского полководца.

— Дерьмо, — прошептал Спешнев.

— Воздержитесь от подобных высказываний. Вы — не командир французской старой гвардии при Ватерлоо. Я оплачу ваш сегодняшний дневной отпуск. Едемте!

— Чествовать предателя! Какой позор! — закрывая на замок магазин, пробурчал генерал Спешнев.

— Николай Александрович, отрешитесь от тона листовок времен прохода Деникина на Москву. Брусилов спас тысячи офицеров.

— Брусилов поставил под ружье против нас тысячи офицеров. А потом в Крыму другие тысячи, поверив очередному воззванию славного генерала, сложили оружие перед красными и были уничтожены. Хорошо еще, если просто расстреляны, а то ведь...

— Я знаю, Николай Александрович.

— Вы знаете, а я это своими глазами видел!

— И все же... Не Брусилов развалил империю. Он оставался честным офицером вплоть до той поры, когда император, явив миру преступное малодушие, отрекся от престола, тем самым предав свой народ, свою воюющую армию. Николай II обрушил лавину, унесшую сотни тысяч, миллионы жизней и куда более того жизней изувечившую. Стоит ли винить в том, что произошло, Брусилова? Он не был властью в государстве, властью, своей бездарной слабостью попустительствующей разгулу стихии. Что нового несли в своих ранцах большевики? Величие державы? Экономическую мощь? Спокойствие для всех и каждого? Ни в малой степени! Они несли затасканную до дыр яковинскую ложь свободы, равенства, братства. Чтобы обойти очевидную истину, что самую волей Создателя человек не равен человеку, они упразднили Бога. Чтобы вбить в головы народам, насколько они свободны, большевистские вожди строят едва ли не самую жестокую полицейскую диктатуру. Каким жандармам, когда снился подобный размах в казнях и репрессиях? Забавно читать, когда их вождь — этот ско-

роспелый присяжный поверенный, Ульянов — утверждает в своей работе, что там, где есть свобода, нет государства, и где есть государство — нет свободы. Построить тюрьму, чтобы даровать свободу? Согласитесь, в этом что-то есть!

— К чему вы мне все это рассказываете, Владимир Игнатьевич?

— К тому, что роковое для нашей Родины и мира время требует особого суда. Как бы ни хотелось нам применять к нему привычные нормы, уже не выйдет. Если мы сейчас не поймем столь очевидной истины — будем наступать вновь и вновь на одни и те же грабли, как в четырнадцатом, когда шли густыми цепями на пулеметы. Брусилов стал на сторону большевиков — непреложный и прискорбный факт. Но вы, как человек, знавший Алексея Алексеевича лично, можете ли без колебаний и зазрения совести утверждать, что этот боевой генерал, этот храбрый офицер — трус и подлец?

— Нет, я такого не говорил, — немного помолчав, выдавил Спешнев.

— А раз так, есть веские основания полагать, что Брусилова толкнули на этот шаг весьма серьезные обстоятельства, о коих мы не знаем, или же, быть может, холодный и трезвый расчет.

— Вы предполагаете...

— Я допускаю.

Автомобиль графа Комаровского затормозил у полицейского оцепления. Добродушного вида усач с нашивками вахмистра принялся дотошно изучать документы господ, желающих проникнуть за оцепление. Прочитав имена, он что-то крикнул подчинённому, стоявшему у будки телефона.

— Уважаемый, мы спешим, — обратился к блюстителю порядка граф Комаровский.

— У меня не было приказа вас пропускать, господа.

— Но у нас назначена встреча!

— Вы уж не обижайтесь, но мне о том ничего не ведомо. Вот если лейтенант прикажет.

Згурский щелкнул крышкой часов — стрелка неумолимо ползла по циферблату, указывая на без двух минут одиннадцать. Ответ последовал минут через пять:

— Уж не обессудьте, лейтенант говорит, что вам туда нельзя.

— Как это нельзя? — взорвался сидевший рядом со Згурским генерал Спешнев. — Да ваш лейтенант вообще представляет, с кем имеет дело?

— Я человек маленький, — оправдывался вахмистр. — Оно и понятно — вы люди не простые. Да только у меня приказ. Там же президент. И генерал Брусилов.

Грянувший вдали военный оркестр недвусмысленно оповестил собравшихся, что поезд остановился у перрона.

— Вы уж потерпите, — теребил висячий ус пожилой вахмистр. — Сейчас их превосходительства проедут, и путь будет свободен.

— Да что толку, — усмехнулся Комаровский.

— Ладно. — Генерал Згурский свел брови на переносице. — Здесь толкаться смысла нет. Подъедем сразу в отель.

Приветственные крики раздались со стороны вокзала. Вдруг среди здравий и славословий послышались резкие, знакомые всякому офицеру звуки, отрывистые, как хлопок бича: один, второй, чуть позже — третий.

— Стреляют! — Спешнев подскочил на месте и ударился головой о крышу автомобиля.

— Да, — побледнел Згурский. — Парабеллум.

ГЛАВА 12

«Дух закона обитает в кольте шерифа, из букв закона получают отличные эпитафии».

Джесси Джеймс

Май 1924

Бродяга, сидевший на унылой деревянной скамье, вскочил, едва увидев входящего комиссара:

— Мсье Рошаль! Мсье Рошаль! Это же я — Гаспар Шену! Ведь вы меня знаете! Я никого не убивал!

Рука дюжего жандарма вернула задержанного в исходное положение, тот шмякнулся о лавку и скривился от боли.

— Давно не виделись, Гаспар. — Окружной комиссар недобро посмотрел на воришку. — Между прочим, ты отвлек меня от законного ужина!

— Но мсье Рошаль! Я же не сделал ничего дурного! За что меня схватили на этот раз? Клянусь девой Марией — я ни в чем не виновен!

— С твоим послужным списком понятие невинности столь же уместно, сколь невинность у портовой шлюхи. — Рошаль обратился к дежурному офицеру: — Где протокол?

— Вот. — Полицейский открыл картонную папку и протянул комиссару исписанный лист. — Задержан при попытке сдать антиквару часы, снятые с трупа.

— Очень интересно! Вы обнаружили труп?

— Увы, нет, — огорченно развел руками офицер. — Однако мы отыскиали пальто жертвы.

— Пальто? В середине мая?

— Да, кашемировое летнее пальто. Оно прострелено со спины в трех местах.

— Где вы его нашли?

— Именно там, где указал Шену — возле монастыря Сен-Сильпис, за кучей строительного мусора. Там как раз чинят ограду.

— Угу, — кивнул Рошаль, углубляясь в чтение. — «Длинное белое пальто из кашемира». На дворе стоит замечательно теплая погода... Как по-вашему, что могло толкнуть жертву отправиться гулять в пальто?

— Понятия не имею, — пожал плечами офицер.

— Гаспар, ты утверждаешь, что нашел часы во внутреннем кармане?

— Клянусь вам, господин комиссар! — Бродяга ударил себя в грудь кулаком. — Я сам удивился, отчего это вдруг несчастному хозяину такой славной вещицы вздумалось носить жилетные часы в пальто!

— Вот видишь, даже тебе это удивительно!

Рошаль повернулся к ждущему распоряжения инспектору:

— Вы уже отправили вещественное доказательство на экспертизу?

— Нет, мсье комиссар, вас ждали. — Полицейский достал из-под стола сверток в грубой бумаге. — Место обнаружения сфотографировали, в протоколе все указано. Снимки сейчас в лаборатории.

— Я подожду. Давайте посмотрим, что у нас с этим удивительным пальто. — Комиссар Рошаль уставился на раздобытую коллегами улику, точно ожидал, что та сама ответит на роковой вопрос: как она до такого окровавленного состояния докатилась. — Занятно, вы не находите?

Рошаль осмотрел пальто с изнанки, затем вновь повернул лицевой стороной к себе.

— Скажи-ка, дружище, — обратился он к офицеру, — тебе тут ничего не кажется странным?

— Нет, а что?

— Гляди внимательно. Вот три входных отверстия. Все они, судя по месторасположению, находятся в верхней части туловища. А судя по многочисленным порошинкам — видишь эти черные точки вокруг отверстий, — стреляли почти в упор. Не больше метра. Пуля с такой дистанции, пройдя через грудной отдел, должна была выйти наружу, сопровождаемая множеством кровавых брызг. Мы предполагаем, что хозяин пальто носил его нараспашку, и потому выходных отверстий нет. Но кровавых брызг тоже нет! То есть крови много, но она совсем другого... Как бы это сказать, рисунка. Далее. Кинетическая энергия револьверного патрона 7-62, а судя по отверстиям, скорее всего мы имеем дело с ним, вполне достаточна, чтобы после одного выстрела с такой дистанции человек упал ничком и вряд ли встал без посторонней помощи. Если б это произошло в городе — скажем, где-нибудь на улице, то на пальто с изнаночной части должна была бы сохраниться вьевшаяся пыль. Белый кашемир замечательно пачкается. Но здесь пыли

не видно. Прибавим ко всему вышесказанному часы во внутреннем кармане...

— И что?

— И то, мой дорогой друг, что кто-то нас попросту дурачит. Причем дурачит неумело, должно быть, не подозревая об успехах криминалистики за последние полсотни лет.

Рошаль указал на пальто:

— Отправьте на экспертизу, пусть установят, что это за кровь.

— Слушаюсь, мсье.

— Результаты отошлите ко мне на набережную Орфевр.

— А с этим что делать? — Полицейский указал пальцем на притихшего Гаспара Шену.

— Ничего. Отпустить. Он действительно ни в чем не виновен. Разве что в том, что сразу не принес находку в полицию.

— Вали отсюда, — пренебрежительно бросил воришке инспектор.

— Благодарю вас, мсье! Благодарю вас, мсье Рошаль! Вы — святой человек! Да продлит Господь ваши дни!

— Иди, иди!

Бродяга, не заставляя себя упрашивать, выскользнул за дверь.

— Признаться, я потрясен, господин окружной комиссар! — Полицейский восхищенно поднял большой палец. — И как только вы это все увидели?

— Никаких фокусов. Обычный навык, — отмахнулся Рошаль. — Вопрос в другом. Кому и зачем понадобилось подбрасывать нам столь нелепую улику?

— Может, это русский генерал? — Блюстителю порядка достал из стола свежий номер «Пари трибюн». — Здесь статья об исчезнувшем банкире. Некий Вилли Спичек утверждает, что русский генерал, приезжавший к мсье Рафаилу незадолго до его исчезновения, в прежние годы был известен своей ужасающей свирепостью. Так, еще в России он лично расстрелял мирную демонстрацию, отправив на тот свет десятки каких-то горцев. Кто знает, что задумал этот зверь в человеческом

облике? Быть может, он заключил банкира в подземелье и вымогает у него миллионы?

— Забавная была бы история, — скривился комиссар Рошаль. — Вот только генерал Згурский вскоре после встречи с Рафаиловым отбыл в Сент-Этьен. Его видели по дороге туда. Но версия не лишена остроумия. Хотя, друг мой, рекомендую вам не читать на ночь романы Гастона дю Террайля. Ладно, спокойного вечера, я отправляюсь доедать свой остывший ужин.

Комиссар приложил руку к кепи и вышел на крыльцо. Возле невысокой лестницы его подждал, как привязанный у калитки пес, забудыга-оборванец Гаспар Шену.

— Мсье комиссар! Я так благодарен вам!

— Пустое. Раз уж ты не нарушил закон, Французской республике нет до тебя дела.

— Я просто думал, может, вам пригодится...

— Что еще? — насторожился Рошаль.

— Там, у монастыря Сен-Сulpис я видел автомобиль. Он остановился, из него вышел мужчина. Хорошо одетый.

— Ты разглядел его лицо?

— Нет, я как раз был в подворотне на другой стороне улицы. Мужчина огляделся по сторонам, подошел к куче строительного мусора и бросил за нее пальто.

— Очень интересно! Ты заметил номер автомобиля?

— Нет, я и не смотрел на него. Но автомобиль темный такой, роскошный. Я в марках плохо разбираюсь, но опознать бы, пожалуй, смог.

Май 1924

Иосиф Виссарионович был недоволен. Он стоял напротив Царь-пушки, глядя в чудовищный зев орудийного ствола.

— Дорогой Феликс Эдмундович, эта пушка напоминает мне Россию: огромный калибр, огромная силища, а достойного мощного выстрела не было и нет.

— Орудие создавалось для стрельбы картечью. Его должны были выкатывать на прямую наводку к кремлевским воротам, и если бы враг, проломив их, ворвался в крепость...

— К тому, о чем я говорю, это не имеет отношения, — оборвал его Сталин. — У нас есть кому заниматься пушками. Нам же следует заниматься Россией. Пока она еще имеется.

— Это вы о концессиях?

— И о них тоже. Из-за постыдного неумения пользоваться своими богатствами мы вынуждены идти на поклон к иностранным капиталистам. Ради этого мы с таким трудом изгнали своих? Ради чего же? «Чтобы научиться хозяйствовать самим», — говорит товарищ Троцкий. Но мы слишком дорого платим за их уроки. При этом никто не может поручиться, что в таких уроках есть польза. Любому ясно, что ни один капиталист не станет учить своему умению зарабатывать деньги, рискуя лишиться сверхприбылей. Нас просто грабят с молчаливого или шумного одобрения некоторых вчерашних соратников и вождей революции.

Лев Давидович создает трудовые, по сути — рабские, армии и сажает им на шею эксплуататора-капиталиста. По его словам, все оправдывается грядущей мировой революцией, которая сметет таких, с позволения сказать, помощников, как американский миллионер, товарищ Хаммер, и ему подобных. Но мне представляется, что Троцкий переоценивает позитивную роль вмешательства зарубежного капитала в деятельность Коммунистического Интернационала.

Конечно, определенные улучшения внутри страны есть. Нельзя закрывать на них глаза. Но вместе с тем такая практика непоправимо компрометирует первую в мире социалистическую державу в глазах мирового пролетариата.

На заседании ЦК товарищ Троцкий снова требовал ускорить, усилить работу по созданию генератора профессора Дехтерева. И это крайне настораживает. Председатель Реввоенсовета сегодня абсолютно четко заявил, что в качестве подопытных крыс он предлагает использовать подразделения и части трудовой армии.

По его мнению, которое, как известно, разделяют многие члены Центрального комитета партии, такой подход к испытаниям может не только повысить эффективность работы трудармейцев, но и сделать так, чтобы непосильный труд стал радостью. Мы не должны этого допускать. Это путь не к социалистической, а тем более коммунистической республике. Это путь к мировому господству, индустриальному рабству. И диктатуру пролетариата Лев Давидович стремится подменить собственной диктатурой.

Дзержинский вдумчиво поглядел на революционного товарища, которого помнил еще по старой подпольной кличке Коба. Злые языки нашептывали по углам, что старый Виссарион Джугашвили вовсе не мог иметь детей, и вместо него расстарался приехавший в Гори по каким-то своим делам известный путешественник, разведчик и офицер Генерального штаба, Пржевальский. Вероятнее всего, это была пустая выдумка, а то и вовсе чей-то злобный навет, но что мудрить — чем старше становился Иосиф Джугашвили, тем больше походил на известный портрет Пржевальского в генеральском мундире. В моменты, когда Феликс Эдмундович сталкивался с ясным, четко организованным умом своего друга и союзника, ему невольно хотелось верить, что и в жилах Иосифа Джугашвили течет изрядная порция польской шляхетской крови.

— Как вы думаете, товарищ Дзержинский, что мы должны предпринять, чтобы не дать тирану в руки такое грозное оружие?

— Полагаю, мы должны его спрятать.

— Я с вами согласен. А для того, чтобы объяснить повышение секретности, необходимо найти иностранных и, возможно, белогвардейских шпионов, которые ищут подходы к разработкам нашего секретного оружия.

— Иосиф Виссарионович, это уже сделано. Такой шпион задержан. У него датский паспорт, и в то же время в прошлом он служил в русской армии.

— Очень хорошо. Я знал, что на вас можно положиться. Тогда следует разработать этого шпиона как можно тщатель-

нее. Может быть, даже дать ему подобраться совсем близко. Это позволит нам своевременно вскрыть гнойник и всецело передать обеспечение секретности проекта в руки ОГПУ. Ну и, конечно, партийному контролю.

— Иосиф Виссарионович, я хотел просить у вас содействия...

— Феликс Эдмундович, я всегда готов помочь в хорошем и нужном деле.

— Задержанный офицер служил некогда в Мингрельском гренадерском полку, где командовал батальоном, а затем и полком ваш друг, Борис Михайлович Шапошников.

— Это правда. Он сам только вчера рассказывал мне о боевых действиях на германском фронте.

— Для пользы дела хорошо было бы заручиться его поддержкой в оперативной игре.

— Хорошо, я переговорю с ним. Но помните — во многом он человек старых понятий, и хотя всецело предан революции, лучше не подвергать его офицерскую честь испытаниям. Лучше использовать его втемную. Но если понадобится, рассчитывайте на меня.

— Так и сделаем, Иосиф Виссарионович.

— Расскажите, как вообще идут дела по операции «Картель».

— Исключительно успешно. Как докладывает агент SR-77, ему удалось привлечь для покушения на Брусилова некоего прапорщика, живущего в Праге. Его фамилия Пепел. Бывший актер, человек эмоциональный, творческий, склонный к позе и широким жестам. Наш агент подвел его к мысли, что смерть Брусилова есть законный акт возмездия за кровь расстрелянных в Крыму офицеров. При помощи агентуры Коминтерна этого прапорщика-актера удалось провести на вокзал, переодев в форму путевого обходчика. Когда поезд остановился, и генерал вышел, Пепел выхватил пистолет и произвел два выстрела. Как и предполагалось, не попал. И в прежние-то времена этот артист неважно стрелял, а теперь от волнения... Треть-

им выстрелом его застрелил полицейский из наших. Во внутреннем кармане рабочей тужурки у горе-террориста лежала прощальная записка, в которой он черным по белому заявляет, что тайная организация «Белая ночь», в которой он состоит, вынесла приговор Брусилову и еще ряду «красных иуд» и будет преследовать и уничтожать их везде, где только возможно.

— Прекрасная работа, Феликс Эдмундович. Готов поспорить, что после такого фарса ни один русский не сможет подойти к Брусилову даже на расстояние пушечного выстрела. А мы, в свою очередь, заявим протест правительству Чехии, обвинив его в том, что оно не способно обеспечить безопасность великого героя и знаменитого полководца товарища Брусилова. И каким бы ни был ответ, смело можно рекомендовать Алексею Алексеевичу возвращаться на родину. Наши закадычные враги благополучно съели наживку, наступило время делать следующий ход.

Май 1924

Стук колес на рельсовых стыках утих. Татьяна Михайловна прислушалась и чуть приподняла край брезента, чтобы осмотреться. Сколько видел глаз, в небольшом отдалении от насыпи простирался лес. Поезд стоял, пыхтя, точно отдыхая после долгого бега. Прогретый брезент чуть спасал от дневного жара, но палившее совсем по-летнему солнце висело еще высоко и явно не скоро планировало уходить на покой.

— Наверное, пропускаем кого-нибудь, — прошептала Татьяна Михайловна, прячась обратно.

Лежать, зарывшись по уши в песок, было душно и неудобно, но, увы, ничего лучшего ситуация не предполагала.

— Мама, — не выдержала Ольга. — Скажи, что мы делаем? От кого и зачем мы убегаем? Ведь мы ничего плохого не сделали!

— Тише, еще услышит кто-нибудь! Вот поезд тронется, тогда.

— Я не хочу ждать! — сорвалась на крик девочка. — И ехать так не хочу! Мы же ничего не сделали! Никого не убили! А теперь прячемся, словно крысы!

— Ольга, как ты можешь!

Ее дочь всхлипнула:

— Мне плохо, я устала. Мамочка, что с того, что отец был генералом? Ты же говоришь, он во Франции воевал? Значит, наших не убивал! А я пионерка, я за власть рабочих и крестьян, за революцию. Надо просто сойти на станции, а там в управлении ГПУ рассказать, как дело было. Мы же ни в чем не виноваты. Ведь правда же! А дядя Петя — он страшный. Он все молчит-молчит, и глядит так, точно прошупывает. А той ночью двух человек застрелил и хоть бы сморгнул. Пока мы не убежали, я думала, он и нас прикончит. Он точно контрик.

— Ольга, не говори ерунды. Какой же он контрик. Он нас с тобой спасает — головы не жалеет. Из-за нас жизнь свою поломал. Варя Судакова ведь твоя подруга?

— Ну да.

— Вот и подумай. Теперь и она сирота. При живом отце. Никому сказать о нём нельзя — самой непоздоровится. Совсем как мы с тобой...

Что-то тяжелое плюхнулось сверху на брезент.

— Ой! — взвизгнула девочка.

Татьяна Михайловна глубоко вздохнула, ожидая страшного.

— Вот вы где! — послышался голос. — А я чую — кто-то шушукается.

Тон Судакова казался насмешливым, но в нем отчетливо звучала тревога.

— Зря вы это, — бывший начальник милиции споро влез под брезент, — пока колеса не стучат, голоса вокруг слышать. Хорошо, я пришел. А когда б охрана? Или не знаете, что на остановках бойцы дорожной милиции вдоль поезда ходят, чтоб

граждане перевозимое имущество не раскрадывали? Ваша удача — тутошний охламон выйти поленился. А ежели вдруг что?

Вдали послышался нарастающий шум идущего поезда, гудок, товарняк взревел в ответ, и встречный состав прогрохотал мимо, обдавая платформы тяжелым едким дымом.

— Сейчас тронемся, — прошептал Судаков, и товарняк, словно ожидал его слов, ухнув, недовольно заскрежетал буферами и медленно двинулся с места.

— Петр Федорович, вы же думали ехать в Харьков! — удивилась Згурская.

— Ну, думал. Так склалось, что передумал.

— А почему вы такой... — Татьяна Михайловна невольно улыбнулась.

— Чумазый, что ли? Ну так, извольте понять, ежели оно в уголь забиться, то хошь не хошь — перемажешься. А ничего, у меня в вещмешке форма припрятана. Только б рожу да руки отмыть дочиста. Но то все такое, Татьяна Михайловна. Я ж не просто от скуки вас искал — у меня кой-какая новость имеется.

— Опять что-то плохое?

— Это уж как поглядеть. Я в тендере когда сидел, слышал о чем машинист с кочегаром, ну и этим бойцом переговариваются. Вечером, аккурат после заката, неподалеку от Москвы поезд сдelaет остановку. Там к нему должны прицепить два вагона с чистокровными скакунами с расторопинского конного завода. Кони ценные, так что при каждом вагоне сильная охрана. А уж в Москве, ясное дело, их и вовсе будут встречать чуть ли не целым кавполком*. Так что на этой стоянке, покуда суд да дело, надо будет уносить ноги.

Он остановился и поглядел на собеседницу:

— Ну чего вы улыбаетесь-то?

Судаков поймал себя на ощущении, что тоже не может сдерживать улыбку, и поэтому раздосадованно нахмурился.

— Так ведь забавно. Расторопино — это подмосковное имение Згурских. Олюшка, ты помнишь Расторопино?

* Кавполк — кавалерийский полк.

— Нет, — буркнула в ответ дочь.

— Как же, Оленька? А няню твою — бабу Надю? Как она тебя на пони катала?

— Не помню.

— Этот конный завод, — обращаясь к Судакову, продолжила несколько расстроенная Татьяна, — прапрадед мужа основал еще при Екатерине Великой. — Коней для ее кортежа выращивали именно в Расторопино.

— Мама, Петру Федоровичу это неинтересно. Петр Федорович, наш папа не был капиталистом! Он был военным!

— Молчи, ты не понимаешь, — строго оборвала ее Татьяна Михайловна. — В четырнадцатом году, когда война началась, мы из-под Тифлиса перебрались сюда — под Москву, — с горечью продолжала она. — И потом, когда все это началось, именно отсюда — подальше от революционного хаоса, дикости и безвластия — убежали. Теперь же, выходит, круг замкнулся. Снова возвращаемся.

— Татьяна Михайловна, вы уж остерегитесь туда ходить. Вы, конечно, женщина умная, хорошая, образованная. Ну а вдруг кто из местных активистов узнает, что бывшая хозяйка приехала! Это ж не Елчаниново — тут у властей под носом не больно-то поозоруеть!

— В прошлые годы ко мне там все очень тепло относились.

— Эко, вспомнили!

— Петр Федорович, я всё же рискну. Имение стоит в стороне от деревни, вокруг господского дома большой сад и парк. Там есть домик — он принадлежал садовнику. Его жена — кормилица моего супруга. А потом она нянчила Ольгу. Если они живы, я уверена, я уверена, что не предадут!

— Оно хорошо бы. — Судаков поскреб короткий седеющий ежик волос. — Ну, тогда, как поезд на станции остановится, сразу прыгаем, и деру. Я первым сойду, ежели что, подстрахую. Ну и вы не рассусоливайте. А там уж на месте, Татьяна Михайловна, на вас вся надежда.

— Не беспокойтесь, мы ведь за правое дело страдания принимаем. Значит, Господь на нашей стороне.

Май 1924

Пес заворчал, почуяв в ночном воздухе новые запахи, и, высунувшись из будки, оглушительно залаял, спеша уведомить округу, что он на посту. В прежние годы он буквально повисал на цепи, рыча и лая на чужаков, но уж сколько лет минуло с молодых когтей.

Хозяйка старого дома с мезонином в глубине сада накинула оренбургский платок и приоткрыла дверь веранды:

— Мурчик, ну чего ты взбеленился?

За окнами стояла теплая майская ночь, соловьи заливались, должно быть, готовясь к состязаниям с курскими собратями, но жизнь хозяйки дома уже повернула на восьмой десяток, и даже сейчас женщине было холодно.

— А ну, кто там? — на всякий случай крикнула она в ночь. — Идите с миром, уж я вам!

— Надежда Акимовна, это я, Татьяна!

— И Оля! — раздался вслед за первым второй голос, совсем детский. — Баба Надя, это Оля!

— Ой, силы небесные! — Хозяйка всплеснула руками. — А ну цыц, Самурай! Ты что же, старый черт, хозяйку не учуял?

Вылезший из будки дряхлый пес вилял хвостом и тряс железной цепью, всем своим видом давая понять, что он-то как раз давно учуял знакомый запах. Хотя и без обычного аромата брокаровских духов «Любимый букет императрицы», но все равно узнал.

— Проходите, проходите скорее! — Старушка засеменила к калитке, не забыв по дороге потрепать за ухом верного Самурая, в обиходе — Мурчика. — Откуда ж вы взялись-то? Я уж думала, уехали совсем.

— Постойте, Надежда Акимовна. С нами тут еще один человек.

— Так и он пусть входит!

Судаков появился из-за толстого ствола дерева, на ходу пряча револьвер в кобуру.

— Ой! Это что ж за милиционер эфиопский? — всплеснула руками бывшая кормилица и тут же переключила внимание на свою воспитанницу. — Оленька, как выросла, похорошела и не признать! Да ты заходи, заходи, сердечко мое! Сейчас я вам ужин подам. Немного, правда, ну так кто же знал, что такие гости объявятся!

Через несколько минут хозяйка и беглецы уже сидели за столом, освещенные колеблющимся светом керосиновой лампы.

— Вот уже и самоварчик подошел, — суетливо ворковала Надежда Акимовна. — Танечка, а ты бы помогла мне чуток.

Они вышли из комнаты в сени.

— Татьяна Михайловна, у меня к вам серьезный разговор. Вот это вот кто?

— Это хороший человек. Он нам очень помог. Можно сказать, спас нам жизнь. А теперь его самого ловят.

— А, вон оно что. А я уж, старая дура, решила, что ты вместо моего Володечки себе мужика завела! Да еще страшный какой! Взгляд насупленный, кулачищи, точно гири...

— Поверьте, Надежда Акимовна, между нами ничего нет. — Татьяна Михайловна замолчала, подыскивая слова и не зная, как назвать их с Судаковым отношения. — Он просто друг.

— Ладно, коли друг, — покачала головой кормилица. — Сейчас вам баньку истоплю. Он что же, в уголь прятался?

— Прятался.

— Да-а, — протянула хозяйка. — Чудны дела твои, Господи. Ничего, отмоем. Мыльце у меня есть. Не из старых запасов, но хорошее. А вы-то что дальше себе думаете?

— Буду убежище нам искать, работу.

— С этим? — Надежда Акимовна кивнула в сторону комнаты.

— Нет, он к семье уедет.

— Это хорошо, когда так. — Она подошла к самовару. — Вы меня, Татьяна Михайловна, извиняйте, конечно, что я нос не в свои дела сую. Но сами понимаете — Володечка мне ж как сын. Что касательно убежища, — она грустно вздохнула, — нынче-

то я вам приют дам, но долее здесь оставаться опасно. Как Сергей Терентьевич преставился, я тут одна, как перст в носу. У всех на виду. С сада живу. Яблоки, груши собираю, продаю, варенье делаю. А народ все больше на конном заводе. Там в первый год после великой смуты комуния была, черти б ее побрали, а потом завод армии передали. Армейские за дело круто взялись, у них не побалуешь. А в доме вашем заводоуправление и школа. Я аккурат при той школе состою — полы мою, доски тру и все такое. Оно б и можно было сказать, что ты учителька новая, да вдруг кто признает. У иуды-то карман широкий, а людишки в последние годы сильно испортились. Стыд и страх божий потеряли. Так и норовят ближнего подсупонить.

— Да вы не волнуйтесь, Надежда Акимовна! Мы переночуем и уйдем.

— И то правильно. Храни вас господь. И вот что, милая! Вы Оленьку здесь оставьте, пока не осмотритесь. Коли что — скажу, что внучка моя. И вам сподручней, и мне веселей.

ГЛАВА 13

«Политика — искусство создавать факты, шутя подчинять себе события и людей. Выгода — ее цель, интрига — средство. Повредить ей может только порядочность».

Огюст Карон де Бомарше

Июнь 1628

Верховой казак из передового дозора осадил коня перед воеводой и, прежде чем заговорить, осенил себя крестом:

— Отец родной, там... — наездник поперхнулся, — душегубство лиходейское! Свят-свят-свят!

Федор Згурский исподлобья глянул на побледневшего храбреца, прошедшего с ним сквозь огонь, стужу и вражью силу не одну сотню верст.

— Нам чем грозит?

— Может, и ничем. А только сколь живу, такого злодейства не видывал.

— Кого ж там убили-то?

— А бог весть кого. Их там тыщи!

Воевода оглянулся. Отдохнувший после диковинной стоянки поезд царского посольства растянулся на узкой разбитой дороге чуть ли не на треть версты. Лихие наездники атамана Варравы сновали здесь и там, надзирая за спокойствием окрестных мест и вселяя уверенность в думного, хотя и вечно пьяного, дьяка и его спутников.

— Далеко ли отсель?

— Вперед полверсты.

— Ладно, поглядим, что там за смертоубийство стряслось. Обозу стоять! Стрельцы — у воевод в караул! Варрава, отдели казаков в разъезды — пусть наметом по округе пролетят, да глянут, все ли тихо.

— А ты куда, побратим? — приближаясь к воеводе, спросил ватажный атаман.

— Поеду гляну, что там за беда приключилась.

Згурский хлестнул коня и, сопровождаемый казаком из передовой сторожи, галопом помчался вперед. Саженьях в двухстах впереди дорога начинала забираться в гору. Там же, где подъем заканчивался, открывался ужасающий вид. Как и обещал дозорный, зрелище, представшее пред сызмальства привыкшим к крови шляхтичем, заставило побледнеть и его.

У самой земли до горизонта были установлены квадратные деревянные рамы. К углам каждой врастяжку был привязан человек. Сквозь сотни, тысячи распятых подобным образом тел пробивались наискось срезанные стволы молодого бамбука. Должно быть, казнь свершилась несколько дней назад — тела многих были подъедены дикими зверями, и ужасающий

смерд висел над равниной, черные тучи мух с гулом роились над местом казни. Згурскому, да и стоящим рядом всадникам сторожи, не внове было видеть растерзанные тела на поле боя, но представить столь лютую казнь никто из них дотоле не мог. Они смотрели, как пришибленные, не смея начать спуск и леденя душию.

— Это ж какой бисов потрох на такое решился?! — подъезжая к замершему воеводе, выругался казачий атаман. — Уж не наш ли князюшка, Лун Ван?

— Возвращаемся! — Его слова привели Згурского в чувство. — Это место проклятое! Надо искать иную дорогу.

— Поди ее тут сыщи. День, а может, и два потеряю.

— Здесь ехать нельзя! Тут столько смертной муки в воздухе растворено, что всяк, проехавший этим путем, и трех дней не проживет.

— Ишь ты. — Варрава покачал головой. — Откуда ж тебе сие ведомо?

— Не знаю, — воевода пожал плечами, — но только как будто Бог меня сейчас надоумил.

— Чудно. А не надоумил он тебя, кому в голову пришла задумка подобные засеки ставить?

Згурский поглядел на него удивленно. Станным был не вопрос. Совсем недавно его бы самого заинтересовала особа, способная на столь жестокое злодеяние. Но сейчас Згурский почувствовал, что знает ответ. И не просто знает, а, кажется, всегда знал.

— Это дорога на Бейджин. Кратчайшая дорога. Несчастные, подле нее убиенные, лучше всякой заставы оберегают столицу от повстанцев. Здесь смерть обитает. Эти тоже против государя воевали, стало быть, для своих они вдвойне опасны.

— Чудно ты говоришь, Федор.

— Сам дивлюсь. Но с той поры, как у Лун Вана побывал, точно внутри какое оконце открылось.

— А когда это ты у него побывать спрмогся?

— Ну так пока вы отдыхали да пировали.

Варрава настороженно глянул другу в глаза:

— Федор, ты не сбрендил ли? Вместе с нами ж трапезничал. Потом, видать, лишку хлебнул, в травке под деревом храпака задал.

— Не пугаешь? Я точно помню — Лун Ван оставил вас пировать, а мы с ним чародейством перенеслись в чертог каменный. Там он мне небылицы всякие сказывал: мол, дед он мне. Чувствую: не князь он вовсе — самый что ни на есть адский демон.

— То ты, Федор, с устатку зелена вина перебрал! Как есть, перебрал. — Варрава положил руку на плечо воеводе. — Лун Ван, как обоз царский в свою землю вывел, по делам умчался, а дети его с нами безотлучно находились. Дочка — вон как хороша. Взглянет, как огнем обдаст. Все на тебя зыркала. На здешних девок, мелких да плосконосых, ни на перст не походит. И на наших тоже. — Он почесал затылок. — Но хороша!

— Лун Ван сказывал, что это моя мать.

— Чего? Куда ж мать, когда она тебе в дочери годится!

— Я ж говорю — демон.

— Да не. Когда б демон был, он бы на нас потраву навел или какую иную каверзу удумал. А мы — живехоньки, здоровехоньки.

— Видать, он по мою душу приходил.

Казак с опаской поглядел на побратима:

— Ну ты ж ни-ни?

— Вот те святой истинный крест — ни посулам, ни уговорам не поддайся! Но коли доведется домой вернуться, даю обет поставить в именице своем, что у Сретенских ворот, церковь с колокольной, дабы малиновым звоном демонов прочь гнать!

— Ох, голова-головушка, — махнул рукой Варрава, — шо ж тебе на шее не сидится. Ладно, воевода, коли ты нынче силой небесной умудренный, будь по-твоему, в объезд потянемся.

Июнь 1628

Тысяча тысяч повстанцев осаждали Бейджин. Стены и башни столицы Поднебесной сотрясались под ударами огромных камней, выпущенных баллистами. Небо было почти закрыто летящими в обе стороны бамбуковыми стрелами. Сталкиваясь, они производили сухой треск, так что издали казалось, будто само небо трещит и вот-вот рухнет на город. Глиняные шары с промасленной, вымоченной в земляном масле паклей, вспыхивая шаровыми молниями, обрушивались на опустевшие дома по ту сторону городских стен. Тяжеленный, окованный бронзой таран, вырубленный из огромного бревна, подкатывался к воротам под защитой высоких осадных башен, полных лучников. Смертные крики людей, ржание лошадей оглашали пригороды, знаменуя третий день штурма.

Но вдруг в один момент все стихло. Длинный запыленный обоз, сопровождаемый горсткой верховых, появился среди лагеря повстанцев, и те молча склонились, увидев ехавшего впереди всадника. Каким-то чудом новость о его появлении молнией облетела осаждающих. И они, вмиг прекратив яростную атаку, начали откатываться к своим позициям. Неведомо как новость перемахнула через полуразрушенные стены Вечного города, и защитники так же остановились, словно боясь применять оружие.

— Это что ж такое дееся? — ошарашенно оглядываясь на склоняющихся перед кортежем повстанцев, спросил атаман Варрава.

— Ума не приложу, — столь же дико озираясь по сторонам, заверил воевода. — Может, они нас за кого другого приняли?

— За кого ж другого? Они своему государю карачун готовят!

В это мгновение ворота заскрежетали и стали открываться. Ни один мятежник даже не шелохнулся.

— Вот же диво дивное!

Царское посольство начало медленно втягиваться в крепость.

— Федор, ты-то хоть спроси, что сие означает. Такого же отродясь не бывало, чтоб сечу, точно по божьему мановению, враз бросали. Я как это войско под стенами увидел, думал — все, конец пришел!

— Я тоже, — кусая ус, пробормотал Згурский.

Какой-то вельможа в желтых одеждах, с павлиньими перьями на шлеме, подскочил к голове отряда и начал бойко тараторить — видимо, слова приветствия.

— Братик названный, — все никак не приходя в себя, прошептал Варрава, — ведаешь ли, что сей боярин речет?

— Ведаю, — растерянно кивнул Згурский, осознавая, что понимает до мелочей каждую фразу. — Он утверждает, что счастлив видеть меня, что своим появлением я снимаю осаду с города. Что с детства помнит древнюю рукопись, в которой говорится: если Юй Луну не отворяют ворота, он открывает их пламенем, ибо он есть пламень, рожденный молнией.

Май 1924

Генерал Згурский сложил свежий номер газеты пополам, затем еще раз пополам и крепко сжал зубы, чтобы не скомкать утренний выпуск и не запустить им в угол. Сообщение о предстоящем отъезде генерала Брусилова ставило крест на возникшей было надежде. Как человек, несколько лет жизни посвятивший военно-дипломатической службе, по сути, разведке, он отлично помнил один из постулатов тайной войны: если агент побывал в руках вражеских спецслужб, как бы убедительно ни выглядела его дальнейшая история, каждое его слово под огромным подозрением, и сам он больше не годится для работы.

Пока что все, о чем говорил подполковник Шведов, получало полное подтверждение, и Згурскому очень хотелось верить, что Россия, сполна хлебнув ядовитого зелья большевистских посулов, пережив угар вольницы, готова к излечению от сумасшествия. Хотелось верить: возвращение близко. Еще одна атака, один порыв — и колосс на глиняных ногах рухнет, оставив в памяти народной ужасный, но полезный урок. Какой-то актеришка, прапорщик без году неделя, возомнивший себя ангелом мести, палит в белый свет, как в копеечку, и судьбоносная встреча летит в тартарары.

И если бы это было в первый раз! Словно злой рок висит над белым движением! Когда генерал Юденич в восемнадцатом году уже воочию видел блиставший вдалеке купол Исаакиевского собора, идиотский марш на Ригу авантюриста Бермондта-Авалова вынудил непобедимого дотоле спасителя Кавказа бесславно откатиться от Петрограда. В другой раз сокрушительный прорыв конницы Махно по тылам армии Деникина сорвал безостановочное наступление войск Юга России на Москву. И вот теперь — очередная идиотская нелепость!

— Что, если попытаться остановить поезд на каком-нибудь перегоне? — предложил штаб-ротмистр Комаровский.

— Евгений Александрович, вы на досуге перечитали книжки про североамериканских ковбоев? Если мы остановим сегодня литерный состав Брусилова, завтра-послезавтра в Чехии не останется ни одного русского!

— Но надо что-то делать! Нельзя же просто так упустить уникальный шанс! Если организация Брусилова только и ждет возможности объединить с нами силы для того, чтобы ударить по большевикам, медлить нельзя. Сейчас, когда Ленин мертв, и они обезглавлены, самое время нанести удар!

— Господин штаб-ротмистр, — хмуро оборвал его Згурский, — потрудитесь не давать мне уроков стратегии!

— Прошу меня простить, ваше превосходительство! — вытянулся Комаровский. — Но ведь...

— Да, Брусилов шел на огромный риск, приехав сюда. Может, даже к лучшему, что встреча не состоялась, и эти дурацкие выстрелы... Теперь Алексей Алексеевич будет вне подозрений. Если нет возможности увидаться на безопасной территории, необходимо проработать иные варианты.

— Волку в пасть?

— Кутеповские террористы, вроде того же подполковника Шведова, раз за разом идут на подобный риск.

— Но сколько их возвращается?

— Я не собираюсь обстреливать автомобили большевистских вождей или метать бомбы в их активистов. Но в одном вы, несомненно, правы — процент разоблаченных боевиков столь высок, что это заставляет подразумевать наличие провокатора в самом руководстве кутеповской организации. Тем более следует провести операцию, не используя возможностей этой сети.

Згурский принялся сворачивать газету в трубочку. Ему вдруг представилась новая, почти неузнаваемая Москва, лишенная, точно языка, колокольного перезвона. Немая, злая, серая. Он почувствовал, как сжимается, заходится сердце — где-то там по замызганным и заплеванным семечками улицам сейчас шла его Танечка. Таня — девочка, рожденная из ландыша.

— Вам плохо, Владимир Игнатьевич, — насторожился Комаровский.

— Нет-нет... Все нормально. Уже прошло. — Он хотел что-то добавить, но тут в прихожей раздался дребезжащий звук электрического звонка.

Згурский удивленно посмотрел на хозяина квартиры:

— Вы кого-то ждете?

Штаб-ротмистр кинул взгляд на часы:

— В такое время — нет.

— Странно.

В дверь опять позвонили.

Комаровский скрылся в коридоре и спустя минуту оттуда донесся возбужденный голос Спешнева:

— Добрый вечер, Евгений Александрович! Ваш гость здесь?

— А что угодно?

— Полноте, полноте, не до конспирации сейчас.

— Да что произошло-то?

— Евгений Александрович, вы не доверяете мне? Дело срочное и важное! У меня письмо от Брусилова!

Згурский едва удержался, чтобы не рвануться в коридор.

— Добрый вечер, Владимир Игнатьевич! — приветствовал его генерал Спешнев.

— Воистину добрый, если такие новости.

— Вот, смотрите. — Николай Александрович достал из внутреннего кармана пиджака распечатанный конверт.

Згурский выхватил послание, развернул лист и увидел перед собой унылое письмо о погоде, ценах на хлеб, будничных новостях. Он перевернул исписанную бумагу, там и вовсе речь шла о каких-то счетах.

— Шифр? — предположил он.

— Так точно! — широко улыбнулся Спешнев. — И не просто шифр! Им пользовалась наша агентура за линией фронта во время подготовки Луцкого прорыва. Нет, что ни говори, умен Алексей Алексеевич! Берем текст: количество строк в абзаце соответствует шагу значимых цифр. Зная это, мы выписываем все гласные и согласные, нумеруем, разбиваем по строчкам на колонки, а теперь смотрим цифирь на обороте и подставляем вместо чисел буквы.

— Не томите, Николай Александрович, вы уже наверняка расшифровали.

— Конечно!

— Что там?

— Все, все расскажу! Представляете, сижу в магазинчике, вдруг приходит некая фрау, говорит, что она уборщица в президентской резиденции и что один господин велел ей найти меня и передать записку, потому как времени у него нет — сегодня уезжает.

— Вы установили ее личность?

— Я приказал одному из наших людей проследить, куда она направится. Она действительно вошла в президентский дворец и оттуда не выходила.

— Так что же тут написано?

— Тут написано: «Муниципальная библиотека Праги. Мориц Саксонский, «ТВИ» — «Теория военного искусства».

— Должно быть, генерал Брусилов использовал эту книгу в качестве тайника, — предположил штаб-ротмистр.

— Вы правы, мой друг! — воскликнул генерал Спешнев. — Я подумал так же и тотчас отправился в Муниципальную библиотеку. Оказывается, Алексей Алексеевич преподнес в дар Праге прекрасно изданный фолиант Морица Саксонского из своей библиотеки. Стоит ли говорить, что я был одним из первых, кто получил на руки эту книгу! На ней и впрямь стоит гербовый экслибрис Брусилова. Но самое важное было спрятано за корешком. — Он достал тонкий папиросный лист, исписанный бисерным почерком. — «Дорогой Николай Александрович, — начал читать Спешнев, — я был глубоко растроган, когда узнал, что вы хотели встретиться со мной и, как мне рассказали, даже вручить приветственный адрес. Я верил, что вы не поддались общей истерии по поводу моих действий. Господь меня рассудит, мне же самому и о подвигах, и об ошибках своих говорить покуда рано, ибо дело спасения России, которому мы вместе служили и, полагаю, служим, требует не дебатов и судилищ, а максимального напряжения сил и единой воли. Даже этому секретному посланию я не могу доверить всего, а лишь скажу, что сила, нынче собранная внутри Отечества, велика и монолитна. Но, как показал ужасный опыт недавних лет гражданской войны, для общей победы необходимо единение с верными сынами Отчизны, отторгнутыми от нее, ибо если левая рука не ведает, что делает правая, то и слаженности в действиях ждать не приходится. Для координации действий решительно необходима личная встреча, пока же верный человек разместил то, что я должен был доставить сюда, в специально абонированном сейфе пражского филиала «Дрез-

денер-банка». Предъявите в банке свои документы, вам дадут ключ. Код: номер вашего корпуса, следом — дата начала марша на Ковель и номер дивизии, первой вошедшей в город. Остаюсь искренне к вам расположенный, генерал от кавалерии А.А. Брусилов.

P.S. Ознакомьте с избранными частями этого письма тех, кого сочтете нужным, но прошу вас — насколько возможно, соблюдайте осторожность. Слишком многое поставлено на карту».

— Вы уже были в банке? — поспешно спросил Згурский.

— Еще нет.

— Тогда едем немедленно.

Учтивый клерк внимательно сверил запись в книге с именем в документе, кивнул, любезно улыбнулся и достал из железного ящика четырехгранный ключ с рядами фигурных насечек:

— Я обязан проводить вас в хранилище. Второй ключ у меня. Эти господа с вами?

— Да.

— Прошу вас. — Служитель сделал приглашающий жест. — Лифт опустит нас на три этажа под землю.

Любезный служащий прошел мимо охранников, сказав им что-то очень тихо, впустил клиентов в лифт, и вскоре все четверо были в святой святых любого банка — хранилище.

— Вот, пожалуйста, ваша ячейка. — Провожатый вставил свой ключ, повернул его несколько раз в одну сторону, в другую, затем отошел к дверям. — Теперь вводите код и вставляйте второй ключ. Оставляю вас наедине.

Спустя мгновение тяжелая стальная дверца повернулась, открывая темное чрево сейфа. Внутри бронированного куба одиноко лежал темный пакет из плотной бумаги и золотой перстень.

— Вы позволите? — Згурский взял запечатанное послание.

— Да, пожалуйста.

Владимир Игнатьевич подцепил заклеенную бумагу, и та легко поддалась.

«Воочию зря, как гибнет и страдает мой родной народ, пройдя с ним крестным путем до края могилы, спасенный Божьим провидением от смерти и поругания, я, великий князь Михаил Александрович Романов, дабы пресечь терзания верных соотечественников моих, принимаю на себя императорский жребий, и с ним монарший венец, переданный мне братом Николаем. Венец, коий ныне смертельнее и тяжелее венца тернового.

Семь лет назад, послушав дурного совета волков, рядящихся в овечьи шкуры, я издал манифест, передающий власть в России Временному правительству вплоть до созыва Учредительного собрания. С болью и содроганием гляжу я ныне на поруганные светлые идеалы той поры, на втопанную в грязь волю моего народа. Расстрелянная, изнасилованная большевистской кликой власть Учредительного собрания показала свою неспособность сохранить покой, мир и порядок в нашей великой стране. Проведя все годы после мнимой гибели в монашеском покаянии и молитве, я обрел от Господа силу и просветление, дабы, как и предок мой, государь всея Руси, царь Михаил Федорович, лично встать во главе державы с тем, чтобы спасти ее от Великой смуты. Под властью моей да будут едины все народы, все сословия, на Руси обретающиеся. И да падет кровь праведников на головы убийц, да воздастся им...»

— Получается, великий князь Михаил Александрович действительно жив? — с трудом сдерживая волнение, прервал чтение граф Комаровский.

— Если верить этому документу, да, — переводя дух, ответил Згурский.

— Господа! — Спешнев поднес к глазам массивный перстень с бриллиантовой монограммой под императорской короной. — Это перстень великого князя Михаила Александровича. Я видел его, когда великий князь командовал Дикой дивизией.

Май 1924

Москва встретила Татьяну Михайловну будничной суетой. Набившись в трамвай, спешили куда-то служащие, безучастно толкаясь и переругиваясь, словно подчиняясь раз и навсегда заведенному ритуалу.

— Омашисто* вчера пообедали. Не то что, конечно, в «Славянском базаре», но беленькую в графинчике запечатанном подавали, точно, как в прежние времена.

— Ордынку** давали, — с другой стороны интимно шептала соседке немолодая тетка гегемонской наружности, — тьфу! Жилы да кости.

Татьяна Михайловна почувствовала, как трамвай сжимает ее со всех сторон, не оставляя ни места, чтоб вздохнуть, ни воздуха. Смешанный с табачным дымом гомон висел под крышей вагона. Она ощутила невольную дурноту.

— Простите, вы сейчас выходите? — спросила Татьяна у толстяка, похваливавшегося вчерашним обедом.

— ...Так я и говорю — заказали «Ерофеича», а от него в душе благорастворение и в желудке приятность. И наутро голова, как новенькая.

— Простите, вы не могли бы меня пропустить к выходу?

— ...Это тебе не «ерша» хлебнуть!

— Да чего ты с ним галантерейничаешь? — проникшись женской солидарностью, на месте вскипела покупательница дешевой баранины. — Эй, ты! Галман*** ерундовый! Ну-ка, сдвинься! Идите, дамочка!

— А ты что это козлогласуешь, гражданка? — обиделся гурман.

Згурская протиснулась к дверям. Трамвай остановился, Татьяна выскочила на улицу, торопясь вдохнуть свежий воз-

* Омашисто — солидно, богато, но без шума, благородно (из моск. разг. речи XIX — нач. XX вв.)

** Ордынка — дешевая баранина.

*** Галман — грубиян неотесанный.

дух. С детства знакомый город переменился, будто из всех сил пытался сбросить, скрыть былой столичный шик. Татьяне Михайловне в этом чудилась удивительная близость к собственной участи. Ей хотелось плакать. Она шла по родным улицам, видя пни на месте вековых деревьев, облупившиеся, кое-где посеченные дорожками пулевых выбоин фасады старых особняков, в которых некогда бывала с отцом и мужем.

На углу Мансуровского переулка она повернула к Пречистенке и замерла у ограды старого дома, некогда принадлежавшего ее тетке. На фасаде, украшенном богатой, хотя и очень разномастной лепниной, прежде красовалась вывеска Зубовской аптеки Шмидта. Теперь вдоль помпезного чугунного забора взад-вперед ходили красноармейцы, бдительно разглядывая прохожих.

— Вам что, гражданочка? — настороженно посмотрев на неизвестную, спросил один.

— Ничего. Просто нездоровится.

— Вы что же, в аптеку пришли? Так ее уж давно нет. Тут сейчас оперативный отдел наркомата по военным и морским делам. Так что ступайте, не задерживайтесь!

— Простите. — Татьяна Михайловна побрела, сама не зная куда и чувствуя спиной изучающий взгляд.

Целую жизнь назад, в этом самом месте, таким же майским вечером Володечка как-то резко и неожиданно схватил вдруг ее руки и, задыхаясь от волнения, попросил стать его женой. Ей самой было тогда семнадцать, а ему — тридцать с небольшим. Он был подполковник — суровый, немногословный, с тяжелым жестким взглядом исподлобья. В первый день, в Ницце, ощутив на себе его взгляд, она ужасно перепугалась, несла какую-то ерунду и под вечер себе казалась уже окончательно нелепой. Но потом, в следующие дни, Татьяна с удивлением обнаружила, что этот закаленный в боях воин сам ужасно смущается и оттого напускает вид еще более мрачный. Тогда — в Ницце — она много смеялась, то и дело тащила его танцевать, заставила придумать сказку... Это была странная, нео-

бычная сказка. О ландыше, который превратился в девочку; об ужасном драконе, чье сердце стучало в унисон ей, рожденной любовью солнечного луча; о страшной буре и пламени, в которое обратился дракон, чтобы развеять Тьму и спасти Тами. Владимир Игнатьевич дал такое имя девочке-ландышу. Нехитрая шарада...

Здесь, в Москве, он временами приезжал в их квартиру в Среднем Кисловском переулке, где над воротами стояли замершие в горделивом шаге каменные львы. Згурский странно походил на этих величественных хищников: от него исходила мощь, какая-то неукротимая природная сила. Татьяна переполнялась гордостью, когда, прогуливаясь по Зубовскому бульвару с молчаливым подполковником, ловила восхищенные взгляды сверстниц.

Татьяна Михайловна не представляла себя без этого сильного широкоплечего мужчины с белым крестиком святого Георгия на груди, с аксельбантами императорского флигель-адъютанта, с его сказкой о Тами и огненном драконе. Но когда Згурский сделал предложение, она не смогла сказать ни «да», ни «нет». Слова будто приросли к гортани.

Вскоре он уехал на Кавказ, и только после его отъезда Татьяна Михайловна с ужасной отчетливостью поняла, что просто не может жить без своего Володечки.

Поженились они через год, когда тот приехал в отпуск. Потом был Тифлис, школа для солдатских детей, рождение Ольги. И война — ужасная кровавая буря, сокрушившая знакомый, привычный мир.

Татьяна Михайловна остановилась, увидев перед собой овеванное уже недобрыми легендами здание на Лубянской площади. Отдышавшись и придя в себя, она свернула на Большую Лубянскую улицу и пошла вниз, стараясь не привлекать постороннего внимания.

«Вот тут, на Большой Лубянке был когда-то терем князя Пожарского, — вспомнились ей слова мужа. — Здесь же стоял острожек, который князь со своими домочадцами и пушкаря-

ми из здешней слободы отстаивал от поляков». Забавно, как жизнь порой поворачивает... Володечка рассказывал, как предка хотели повесить на дубу, да чудом среди ясного неба в дерево угодила молния — и по тому небесному знаку Францишека помиловали. Как завязалась дружба спасителя России и пленного шляхтича. Дерево... Татьяна Михайловна издали увидела его. Оно стояло у ограды старого господского дома, как ни в чем не бывало, тянулось вверх шестую сотню лет, вздымая к небу расколотую молнией вершину. Володечка говорил, что когда в жизни у него случались неурядицы, и он не мог найти ответа на терзающий душу вопрос, стоило обнять огромный ствол, прижаться к шершавой, исчерченной извилинами коре, и ответ находился будто сам собою. «Предок вразумляет», — шутил Згурский.

Татьяна Михайловна подошла к дереву, в задумчивости погладила грубую кору и прильнула к стволу всем телом, не сдерживая больше слез. День хождения по городу ушел впустую. Лишь в одном месте, где она ожидала найти друзей и знакомых, двери ей открыл тот, кого она надеялась увидеть. Узнав Татьяну Михайловну, он поперхнулся, моментально втянул ее в квартиру, захлопнул дверь и гневно зашептал:

— Татьяна, вас никто не видел? Как вы могли прийти сюда? У меня жена, дети! Я работаю в таком учреждении, каждый вечер дрожу! А тут вы! Давайте, давайте, я вас черным ходом выпущу! Прошу извинить, но не приходите сюда больше!

У Татьяны Михайловны чуть не подкосились ноги в тот миг. И теперь она стояла, вцепившись в заветный дуб, шепча ему:

— Помоги, родненький! Пусть Володечка меня услышит! Не могу так больше! Спаси, ведь ты же можешь!

Дуб молча шелестел у нее над головой. Мимо шли люди, но она не замечала их — сейчас ей было все равно. Москва, ее Москва, которая снилась все прошедшие годы, не принимала свою дочь, исторгала, как занозу... Отчаявшись получить ответ, Татьяна отпустила дерево, отряхнулась, повернула голову, замерла.

— Татьяна Михайловна! Вот так чудо! Вы ли это? — Сквозь профессорские золотые очки на нее близоруко шурился седобородый пожилой мужчина. — Вы меня не помните? Я — профессор Дехтерев! Мы с вами на юг ехали в восемнадцатом году! Когда банда на поезд напала — помните?

— Да, — только и смогла прошептать женщина.

— Я же вас по всей стране ищу! ОГПУ на уши поставил, а вы, оказывается, здесь — в Москве! Вот уж встреча, так встреча!

ГЛАВА 14

«Если разведчик перестает думать об опасности — он в опасности».

Сидней Рейли

Май 1924

Дзержинский в который раз читал исписанные листы, собранные в унылой серой канцелярской папке с мало кому говорящим именем «Владимир Григорьевич Орлов» на обложке. Жизненный путь корифея тайной войны был столь извилист и причудлив, что пиши Феликс Эдмундович романы, и придумывать ничего бы не пришлось. Годы конспиративной деятельности приучили Дзержинского не верить никому, никогда и ни при каких обстоятельствах. Товарищи по партии удивлялись его бдительности и проницательности, а секрет был прост — каждый привлечший внимание автоматически оказывался под подозрением. Конечно же, Орлов-Орлинский не был исключением. Еще бы — один из начальников военной контрразведки императорской Ставки вдруг по волшебству превратился в польского коммуниста Болеслава Орлинского.

Уже только за это его можно было расстрелять без суда и следствия. Но Феликс Эдмундович помнил грустный случай: в первые дни после революции бывший сотрудник разведки и контрразведки Константин Шивара предложил ему создать контрразведывательное бюро для борьбы с проникновением иностранных шпионов в органы молодой советской власти. Его предложение охотно приняли, однако вскоре командир приданного контрразведывательному бюро отряда матросов заподозрил в начальнике буржуйского наймита, арестовал, а затем, недолго думая, расстрелял, добив раненного в голову Шивару сорока винтовочными выстрелами. Называться польским коммунистом Орлову в те дни было куда спокойнее.

Поверить, что недавний статский советник Орлов вдруг проникнется идеей строительства коммунистического общества, Дзержинский, конечно, не мог. Но он точно знал, что его старый знакомый отчаянно ненавидит германцев. В борьбе с ними его помощь молодым Советам оказалась весьма полезной. В какой-то момент Феликс Эдмундович даже хотел перевести опытного контрразведчика под свое крыло в Москву, но тут вмешались два обстоятельства. Во-первых, бывший следователь Варшавской прокуратуры не являлся членом партии большевиков. Во-вторых, комиссар юстиции Петрограда Крестинский наотрез отказался посылать в распоряжение Центрального аппарата лучшего из имевшихся у него специалистов по борьбе с уголовниками.

В те дни борьба с германской агентурой была важнейшей задачей. По России все шире распространялся слух о том, что Ленин — германский шпион, и вся выстраданная и выношенная большевиками революция на самом деле коварная операция немецкого генерального штаба. Это было не так. Дзержинский знал правду — и опломбированном вагоне, привезшем Ильича и многих видных деятелей партии через воюющую Германию, и о деньгах, которые пошли на выпуск большевистских газет. Но знал он также, что для Ленина Германия была лишь временным союзником — Ильич и не думал работать на

нее, он делал свое дело. А то, что в некоторых вопросах оно совпадало с интересами Германии... что ж, если кайзеру было угодно платить, — партии всегда нужны были деньги. Подобная благотворительность не помешала впоследствии обернуть штыки Коммунистического Интернационала против извечного врага. И первым рухнул именно кайзер.

Дзержинский всегда с восхищением относился к прозорливости и необычайному политическому чутью Ильича и, конечно же, готов был, как Ленин, до урочного часа пользоваться услугами временных союзников. Таких, как Джунковский или Орлов-Орлинский.

Участвуя в операции «Картель», Владимир Григорьевич в который раз показал высочайший профессионализм. Именно он блестяще организовал спасение подполковника Шведова. Именно он, проведя несколько суток в скрупулезном изучении почерка Великого князя Михаила, составил манифест от его имени, а заодно и конспиративное послание Брусилова. Он послал ищеек ОГПУ по несуществующему следу чудом спасшегося брата последнего императора и дал необходимую утечку информации. Но... Орлов был, несомненно, умным человеком и потому хорошо понимал, что положение временного союзника — очень шаткое положение. А раз понимал, то наверняка принимал меры...

Среди прочих бумаг, обличавших деятельность бывшего следователя по особо важным делам, лежало донесение из Петроградского ЧК, датированное еще восемнадцатым годом. Оно недвусмысленно доказывало, что благодаря действиям председателя Уголовно-следственной комиссии спасено и переправлено через линию фронта в распоряжение белых более восьмисот офицеров! Другое сообщение говорило о тесных контактах Владимира Орлова с консульствами недавних союзников, о его причастности к делу Локкарта и Рейли. Все сходило к тому, что не сегодня-завтра Болеслав Орлинский попытается скрыться. А значит, сейчас он еще больше, чем прежде нуждается в безопасности. Такую гарантию ему мог

предоставить только один человек — председатель ОГПУ. Стало быть, вплоть до момента, когда ему представится возможность предать и сбежать, служить всемогущему покровителю Болеслав Янович будет самозабвенно и преданно. Главное — опередить его в решающий момент.

Дзержинский закрыл папку: «Раз Орлов в любом случае решит уйти за кордон, значит, нет смысла использовать его далее. Необходимо выжать все что можно из его участия в операции «Картель» и поставить точку. Столь бурная жизнь не должна закончиться среди мягких подушек, в окружении детей и внуков».

Дверь кабинета приоткрылась.

— Товарищ Дзержинский, к вам начальник Уголовно-следственной комиссии Ленинграда.

— Зовите, пусть входит. — Дзержинский сунул папку в ящик стола и поднялся навстречу старому знакомому.

Спустя полчаса секретарь, вошедший забрать пустые чайные стаканы, уже слышал:

— Феликс Эдмундович, задержанный нами шпион может быть использован для игры против белой эмиграции куда лучше, если мы не станем держать его в застенках. Если станет известно, что в Москве его разместили в следственном изоляторе ОГПУ, его разработка потеряет всякий смысл. Пока наш лекарь на контакте со мной, можно утверждать, что агент спасен благодаря действию Петроградского филиала тайной Брусиловской организации. В то время как Лефортовский изолятор — это все. Дальше — хоть расстреливайте.

Остального секретарь не слышал.

— Вы правы, Владимир Григорьевич. Очень хорошо, что со своим мнением вы поспешили ко мне. Распоряжение о помещении вашего подопечного в Лефортово я отменил. Вы и дальше продолжайте курировать его, естественно, координируя со мной все аспекты и нюансы работы. Сейчас ваша задача — помочь датчанину избежать «неминуемого возмездия» и скрыться от следственных органов.

— Но тогда он захочет вновь приступить к выполнению своей миссии.

— Я очень на это надеюсь. А вы, уважаемый Владимир Григорьевич, позаботитесь о том, чтобы спасенный вами доктор увидел то, что мы ему покажем. Не больше и не меньше.

— Это интересно. — Орлинский вцепился в свою бородку.

— Но запомните: в любом случае до того, как вы переправите его благородие за границу, он должен встретиться с бывшим командиром мингрельцев, командармом Шапошниковым, и сообщить ему, что ныне в России, возможно, даже здесь, в Москве, живет, вернее, скрывается, его давняя знакомая и добрая приятельница, жена сослуживца и боевого товарища, генерала Згурского. Наверняка и сам доктор ее хорошо знает.

— Да-да, я видел циркуляр.

— Значит, сможете показать его своему подопечному. Шапошникову должно быть известно, что ОГПУ и НКВД разыскивают Татьяну Михайловну Згурскую и что ей угрожает большая опасность. Пусть он примет самые активные меры, чтобы опередить нас. А у доктора должна иметься возможность беспрепятственно вывезти Татьяну Михайловну за границу.

— Вы хотите ее отпустить?

— Нет. Я хочу, чтобы Шапошников был уверен, что датчанин может это сделать.

Май 1924

«Изотта фраскини» цвета «русский медведь» остановилась у вокзала в тот самый момент, когда парижский экспресс, спустив пар, замер у платформы. Генерал Згурский вышел на перрон и, оглядевшись, увидел спешащего к нему заместителя.

— Ваше превосходительство, — вытянулся в струнку полковник Варрава, — за время вашего отсутствия на вверенном мне объекте...

— Бросьте, бросьте, Георгий Никитич. Не до доклада.

Они направились к автомобилю.

— Разрешите вопрос, Владимир Игнатьевич.

— Разрешаю. Вопросов будет немало.

— Если позволите, что это за история с генералом Брусиловым — приезд, встреча, покушение?

— Я не хотел распространяться в телеграмме, но история необычная. По утверждению подполковника Шведова, ему удалось спастись из Совдепии при помощи некоего крупного чиновника тамошней уголовной полиции Болеслава Орлинского.

— Поляк?

— Отчасти. Под этим именем скрывается бывший статский советник, Владимир Григорьевич Орлов.

— Постойте, я его прекрасно знаю! В то время, когда я возглавлял контрразведывательное бюро Черноморского флота, он был следователем по особо важным делам при Ставке, а потом замначальника контрразведки.

— Я так и полагал, что вы его знаете. Жду вашего мнения о нем.

— Насколько мне известно, в годы гражданской войны он действительно устроился как бы даже не в ЧК и, работая там, сумел вывести из-под расстрела и переправить к нам несколько сотен офицеров.

— Что же, это согласуется с показаниями Шведова. Подполковник утверждает, что Орлов спас его, помог уйти через кордон и, главное, велел передать, что в России действует массовая подпольная организация бывших офицеров императорской армии, а также примкнувших к ним красных командиров. В ней есть люди из НКВД и даже ОГПУ. Военный руководитель подполья — генерал от кавалерии Брусилов. По утверждению Орлова, все действия Алексея Алексеевича были направлены именно на создание этой тайной силы, по сути, внутренней линии в рядах красных.

Полковник Варрава удивленно покачал головой:

— Неужели правда? Пожалуй, слишком красиво, чтобы быть правдой.

— Пожалуй, — согласился Згурский. — Но это еще не все. Шведов сообщил, что генерал Брусилов лично приедет в Прагу — якобы на лечение, что он ищет контакт с представителями РОВС. Согласитесь, Георгий Никитич, это весьма рискованный шаг со стороны человека, имя которого проклинается со всех амвонов русских церквей.

— Как не согласиться!

— Что было дальше — уверен, вы читали в газетах.

— Нелепая случайность? Или коварный умысел.

— Сам теряюсь в догадках, — спускаясь по ступенькам здания вокзала, недовольно сказал Згурский. — На следующий день после идиотской пальбы явился старый приятель Брусилова, генерал Спешнев, к которому довольно загадочным образом попала зашифрованная записка от Алексея Алексеевича.

— Почерк?

— Почерк Брусилова. И шифр тот, что использовался для работы с агентурой во время Луцкого прорыва. Теперь у нас на руках письмо Брусилова и, что самое загадочное, — Згурский открыл водительскую дверь автомобиля, — манифест якобы спасшегося брата государя, великого князя Михаила Александровича. Манифест, в котором он отзывает документ, вручающий полноту власти Временному правительству — тот либеральный бред, который большевики называют его отречением. Впрочем, читайте, а я поведу машину. Да, в доказательство прилагался перстень великого князя!

— Невероятно, — углубляясь в чтение, пробормотал Варрава. — Это резко меняет всю расстановку сил.

— Несомненно. Теперь центр борьбы с Советами перемещается отсюда в Россию. Я должен срочно отвезти манифест великому князю Николаю Николаевичу. До моего возвращения прошу никому об этом документе не говорить.

— Можете быть уверены.

Згурский кивнул.

— Но теперь, — продолжал его помощник, — когда Брусилов уехал восвояси, как удостовериться, что все это правда, а не дьявольское коварство ЧК?

— ЧК... Можно подумать, что они продали душу Вельзевулу, и тот в момент научил их искусству тайной войны. Вы меня удивляете, Георгий Никитич. Вряд ли у чекистов больше опыта, чем, скажем, у вас.

— Надеюсь, что так.

— Это очень хорошо, что надеетесь, поскольку я намерен лично направиться в Россию и установить связь с брусиловской организацией.

— Владимир Игнатьевич, да вы с ума сошли!

— Ни в малейшей степени. И поскольку мое психическое состояние не вызывает сомнений, давайте-ка, Георгий Никитич, потрудимся над планом максимально безопасного проникновения на территорию противника и, конечно же, благополучного возвращения.

— Слушаюсь, ваше превосходительство! Но...

— Что «но»?

— Меня смущает перстень. По дошедшим до нас сведениям, полученным следственной комиссией, занимавшейся делом великого князя Михаила Александровича, он вместе со своим секретарем был расстрелян и заброшен ветками неподалеку от Перми. Согласен, если дело происходило в спешке, вечером, как значилось в документах комиссии, великого князя могли лишь ранить, что впоследствии позволило ему спастись. Тело его императорского высочества после взятия Перми не было обнаружено. Однако неужели вы думаете, что большевики не обшарили Михаила Александровича и его секретаря до расстрела и не отобрали у них все, сколько-нибудь ценное?

— Разумно. Но есть место для допущений, а потому будем готовить операцию.

Май 1924

Дмитрий Скороходов неторопливо и осторожно вел автомобиль по залитому вечерним солнцем весеннему Парижу. После строгой Праги развеселая столица Франции казалась ему именинным тортом. Он тщательно смотрел по сторонам: крутил головой, запоминая расположение улиц, переулков, магазинов, летних кафешек, выставивших прямо на тротуар плетеные столики и кресла. Сменяя друг друга, из окон доносились звуки патефонов, а иногда живых флейт и аккордеонов...

Еще совсем недавно он, числившийся в кабинетах Лубянки под ничего не значащими литерами SR-77, надеяться не смел, что судьба улыбнется, и он будет включен в состав крошечной советской дипломатической миссии в качестве помощника атташе по торговле. Какой уж тут помощник, когда торговля чуть жива?! Однако такая работа давала известное дипломатическое прикрытие и, что главное, возможность работать автономно, не засиживаясь в официальном кабинете.

Покушение на Брусилова и последующее введение в оборот тайного письма и манифеста были проведены безукоризненно. Конечно же, такое рвение заслуживает награды! Так что парижскую командировку вполне можно было рассматривать как серьезное повышение. Теперь чехам не достать организатора террористической группы «Белая ночь», даже если они перекопают всю Прагу.

Самое время осмотреться, обустроиться и заняться тем, о чем настоятельно требует в своих шифровках Центр. Бог его знает, зачем нужен на Лубянке генерал Згурский и его организация, но, судя по тому, что в Москве рекомендуют не считаться с расходами — очень нужен. Распоряжение «не считаться с расходами» несказанно грело душу Дмитрия Скороходова, возвращая его на десять лет назад. Он видел, словно воочию, старый особняк, похожий на старинную горскую крепость, величавые кипарисы, вытянувшиеся во фронт вдоль аллен от

ворот к крыльцу, такой же май и яркое солнце. И он — совсем юный мичман, спешащий навстречу высокому грузному мужчине с тяжелым усталым лицом.

— Дмитрий, — беря его под локоть, начинал он, — я рад, что ты приехал.

— Мама написала, что вы очень больны.

— Это правда. Врачи обещают, что если я буду соблюдать все их рекомендации, то проживу, может быть, год.

— Неужели ничего нельзя сделать? Ведь вам едва исполнилось пятьдесят!

— Это не важно. Пятьдесят, сто... Сколько кому отмерено. Я хотел поговорить с тобой совсем о другом.

— Слушаю вас, дорогой крестный.

— Крестный. — Мужчина усмехнулся. — Собственно, об этом я и хотел поговорить. Я вовсе не крестный тебе. Я твой отец.

— Но...

— Молчи, не перебивай. Да, твоя мать была моей возлюбленной. От нашей любви родился ты. Я помог ей выйти замуж, но это все былое. Сейчас, когда я уже свесил ноги в могилу, хочу, чтобы ты, как мой единственный сын и наследник, получил все состояние, имение и титул как последний из графов Протасовых. Я уже отправил по этому поводу прошение в Сенат, дабы тебя официально признали моим сыном. Отныне ты будешь прекрасно обеспечен, тебе не придется себе ни в чем отказывать.

...Это было в мае четырнадцатого. А в апреле пятнадцатого его миноносец был буквально разорван в клочья огнем германского крейсера «Гебен». И чудом спасшийся мичман — граф Протасов — оказался в турецком плену. Там он встретил русскую революцию, гражданскую войну и в восемнадцатом по требованию английских властей был выпущен из лагеря военнопленных. Но возвращаться на родину и биться против каких-то большевиков абсолютно не хотелось. Он устроился переводчиком при английской военной миссии, благо языки

всегда давались легко, и без особого интереса следил, как продвигается разгром «большевистской нечисти».

Крушение армии Врангеля оказалось для Дмитрия ужасной неожиданностью. Мысль о том, что какие-то жалкие мятежники смогут разгромить прославленных военачальников русской армии, представлялась ему просто нелепой. Когда же на боевых кораблях, пароходах, парусных яхтах, а то и просто шаландах из Крыма в Турцию повалили солдаты и офицеры белой армии, мичмана охватила паника.

Англичане быстро свернули помощь недавним союзникам, молодой граф Протасов остался на мели и жил, перебиваясь с хлеба на воду. Тогда-то на него и вышел некто, представившийся товарищем Константином. В обмен на помощь в организации массового возвращения солдат и офицеров врангелевской армии он гарантировал спокойствие, достаток и почтенную жизнь в любом, на выбор, городе Совдепии.

Хорошо изучивший все входы и выходы официальных заведений Стамбула, мичман оказался неоценимым помощником в подготовке слашовского возвращения, и вскоре Дмитрий Дмитриевич уже вступил на родную землю с новыми чистыми документами. Теперь, как и несколько лет назад, он носил материнскую фамилию Скороходов и был рекомендован для работы в Черноморском пароходстве. Однако занять уже отведенный ему кабинет недавнему графу так и не довелось. Вернувшись на Лубянку, товарищ Константин подробно информировал начальство о помощи товарища Скороходова, и вскоре тот опять был за границей. И опять — бывшим офицером.

Назначение на оперативную работу в Париж, да еще под дипломатическим прикрытием, несомненно, можно было считать весомой наградой. Теперь оставалось найти подход к генералу Згурскому и убедить его, как некогда Слашова, если уж не вернуться на родину, то хотя бы посетить ее.

Он помнил Згурского с детства. С тех пор, как повесил над кроватью вырезанную из журнала «Нива» литографию «Доб-

лестный капитан Згурский во главе роты Сибирских стрелков врывается в Пекин». Красивые названия дальних земель манили Дмитрия. Любимый крестный, давая поиграть офицерским кортиком, рассказывал о морских походах, о диковинных нравах народов, имена которых звучали сказочными заклинаниями.

Всего несколько дней назад он увидел Згурского своими глазами. Утром, когда тот стоял у аптеки в ожидании автомобиля и вдруг ни с того ни с сего потерял сознание. Почему-то сам этот факт вызвал в душе у SR-77 опустошение. Герои детских сказок не должны падать в обморок. Впрочем, тогда он еще сомневался, впрямь ли это Згурский. Все-таки почти четверть века минуло с тех пор. Теперь сомнений не было.

«Подход. Нужен подход, — думал Скороходов. — Наверное, можно попробовать обозначить интерес советского правительства к продукции Сент-Этьенской мануфактуры, принадлежащей Згурскому. Но в дни, когда Советскому Союзу нужны трактора, локомотивы и станки, довольно странно выглядит первоочередной интерес к заводу, выпускающему мотоциклы, велосипеды и легкое стрелковое оружие. Напрямую идти нельзя».

Скороходов остановил свой «форд» на перекрестке, аккуратно пропуская едущие мимо автомобили.

«Надо придумать какой-то случайный повод». — Скороходов попытался вновь запустить мотор. Автомобиль зафырчал, но так и остался на месте. Новая попытка — и тот же результат. Дмитрий Дмитриевич выругался и вылез из машины.

— Мсье! — послышался рядом мальчишеский голос. — У вас сломалось авто? — Шуплый паренек, по виду — гаврош гаврошем, очутился возле «форда», точно вырос из-под земли.

— Да, похоже...

— Один франк, мсье! Тут совсем рядом есть мастерская! Я покажу дорогу!

— Грабитель, — вздохнул помощник атташе. — Ну ладно. Только поможешь катить эту колымагу!

— Хорошо, мсье! Как скажете... Два франка.

Маленький парижанин не обманул — вывеска над массивными железными воротами гласила, что автомастерская господина Шарпантье существует с тысяча девятьсот третьего года. Навстречу молодому дипломату вышел коренастый человек в замасленной спецовке, вытирающий тряпкой руки.

Выслушав жалобу, он открыл капот.

— Вот незадача! — на чистейшем русском проговорил мастер. — Свечи ни к черту. Все залиплось. Как оно вообще ездило? Мсье. — Он начал переводить свою тираду на французский.

— Не надо, я понимаю, — широко улыбнулся Скороходов.

— Мсье из России? — удивленно поправил очки в стальной оправе мастер. — А так и не скажешь.

— Отчего же?

— Костюм, авто...

— Мне повезло больше других, — уклончиво заметил помощник атташе.

— А-а-а... Рад за вас. Хорошо. Ремонт обойдется вам в тридцать франков, но как земляку я могу сделать скидку. Ну, скажем, двадцать пять франков.

— О нет-нет! Не стоит.

— Поверьте, мне приятно сделать такую малость для соотечественника! Тем более что вы, наверное, мой последний клиент.

Скороходов поглядел на горделиво улыбающегося мастера и решил, что речь явно не идет об увольнении.

— Пошли на повышение?

— В какой-то мере... Вы, должно быть, слышали о заводе генерала Згурского в Сент-Этьене?

— Мельком, — стараясь не показывать интереса, ответил Дмитрий Дмитриевич.

— Он зовет меня к себе инженером.

— Вот как? Вероятно, хорошее место.

— Неплохое, чего скрывать. Но я еще думаю. У меня здесь жена, дочь... Что им делать в Сент-Этьене? Они музыканты, а там, сами понимаете, заводы и казармы.

Скороходов внимательно поглядел на мастера. Понятное дело, когда среди водителей парижских такси можно было встретить генералов и сенаторов, механиком в автомастерской мог оказаться и член Государственного Совета. Но тогда раздумывать — переезжать или нет на завидную работу из Парижа в Сент-Этьен? Было чему удивиться. Однако, времени для удивления у SR-77 не было. В его ушах музыкой звучала фамилия объекта разработки.

— И все же они должны бы понять. Место инженера — это хорошие деньги, — сказал мичман.

— Конечно, так. Но они-то парижанки! Это я тут...

— Из деникинцев? — сочувственным тоном спросил Скороходов.

— О нет.

— Врангель? Колчак?

— Нет-нет. Не приписывайте мне чужих заслуг. Я не воевал в гражданскую.

— А, так вы из... Особого корпуса? Тогда ясно, откуда вы знаете генерала Згурского.

Мастер рассмеялся:

— Снова не угадали. Со Згурским я действительно знаком не со вчера. Но совсем с другой стороны. Позвольте представиться, — он расправил плечи, принимая строевую стойку, — капитан Тимошенков Сергей Артемьевич.

— Мичман, граф Протасов Дмитрий Дмитриевич. Будем знакомы.

— Очень рад. Видите ли, граф, я человек в общем-то не военный. Инженер-технолог с Путиловского завода. Но повоевать пришлось. И на бронепоезде «Хунхуз»... Слышали, может? Потом в автоброневых частях. А затем, вскоре после ранения, меня взял к себе в мастерскую господин Кречетников — известный конструктор-изобретатель.

— Да, я что-то такое слышал.

— Ну, как же! Самоходные артиллерийские установки «Перун» — настоящая конная артиллерия двадцатого века! Во вре-

меня испытаний, сопровождая атаку конногвардейцев и кавалергардов, мы на трех «Перунах» шли вровень с эскадронами, расчищая путь гвардии огнем семидесятипятимиллиметровых пушек! И ведь это лишь начало! Кречетников занимался разработками ну буквально всего, что касалось боевых машин. Стабилизация орудия в движении, многослойная броня, использование дизелей вместо бензиновых двигателей. Если портфель Кречетникова в его обычном тайнике... — Тимошенков печально махнул рукой. — Простите, я отвлекся. В конце шестнадцатого русского командование решило заказать во Франции большую партию танков «Рено». В составе комиссии по приемке новых вооружений прибыл ваш покорный слуга.

— А что же Згурский?

— Я ему привез из России весточку! Кречетников — это же тесть Владимира Игнатьича.

— Вот оно что, — улыбаясь, кивнул Скороходов. — Тогда понятно. А что же он тогда раньше вас к себе не взял?

— А он и не знал, что я тут живу. Я в восемнадцатом с испанкой свалился, еле выжил. Потом какое-то время на «Рено» поработал, но когда французы начали с фронтов возвращаться, меня взашей выперли. Хорошо, жена с дочерью отыскались.

— Они успели выехать из России?

— О нет, их родина тут. Но это долгая история, еще с довоенных времен. — Тимошенков снова махнул рукой. — Она была ученицей известного композитора, приезжала концертировать в Петербург, там и познакомились. Впрочем, о чем это я! Автомобилем заниматься надо.

— Полноте, успеется! Продолжайте.

— Вы, может, журналист? Напишите обо мне очерк?

— Нет, не журналист. Занимаюсь торговлей. Но жизнь человека бывает столь причудлива...

— А что тут рассказывать? Я кроме этой мастерской подрабатываю в одном гараже. Ну, знаете там, масло поменять, гайки подкрутить, и вот на днях заезжает в этот гараж роскошный автомобиль, и выходит, кто бы вы думали?

— Згурский?

— Правильно. Владимир Игнатьевич Згурский собственной персоной! Сразу меня узнал, пригласил в кафе, ну и там слово за слово... Давай, говорит, перебирайся ко мне в Сент-Этьен. С твоим опытом и знаниями ты уже года через два будешь главным технологом на производстве мотоциклов.

— Мои поздравления, Сергей Артемьевич!

— Да оно-то, конечно, так. Но... — Тимошенко скривился. — Я ему говорю: «Владимир Игнатьевич, сейчас танки строить надо. Следующая война будет — война моторов. С теми разработками, которые мы вели под руководством Кречетникова, всю Францию — да что там Францию! — всю Европу можно на корпус обскакать!» А он мне: «Никакой войны больше не будет...» Такие-то вот дела. А к мотоциклам — ну не лежит у меня душа! Вот и бьюсь теперь в раздумьях. Вы бы, Дмитрий Дмитриевич, что сделали на моем месте?

— Я бы согласился. Сегодня Згурский полагает, что танки не нужны, а завтра может и переменить мнение. Но только при условии, что вы будете рядом. Как говорится, вода камень точит. А здесь...

— Наверное, вы правы, — согласно кивнул Тимошенко. — Но хватит разговоров. До танков еще далеко, до мотоциклов тоже дело еще не дошло, займусь-ка я лучше вашим авто. Приходите завтра к полудню — будет как новенький.

— Договорились. — Сороходов протянул ему руку. — До встречи.

— Приятно было познакомиться. — Капитан Тимошенко поглядел в спину удаляющегося посетителя. — До скорой встречи.

Подождав немного, он позвал негромко:

— Анри!

— Да, мсье. — Мальчишка-гаврош появился из-за железных ворот.

— Этот господин ушел?

— Ушел, мсье.

— Вот и отлично. — Капитан достал из кармана спецовки длинный штопор и, ругаясь под нос, с натугой вытащил из выхлопной трубы намертво вставленную туда картофелину. — Молодец, Анри! Ты честно заслужил свои пять франков!

ГЛАВА 15

«Глубокая дыра, в которую ты попал, вполне может оказаться кладезем премудрости».

Граф Монте-Кристо

Май 1924

Анри-Жермен Рошаль тихо повернул ключ в замочной скважине и, стараясь не шуметь, открыл дверь кабинета. Сейчас ему требовалось побыть наедине с собой, осмыслить странности, регулярно всплывающие в деле об исчезновении миллионера Рафаилова. Данные экспертизы простреленного кашемирового пальто были неопровержимы и крайне необычны. Стреляли с близкого расстояния, почти в упор, и, что занятно, кровь на подкладке принадлежала не человеку. Более того, у краев пулевых отверстий обнаружились прилипшие к ткани черные шерстинки. По утверждению экспертов, это была невыделанная козья шерсть.

«Что за бред? — думал комиссар Рошаль. — Кто-то положил кашемировое пальто на козла, после чего застрелил бедное животное и подбросил улику туда, где ее должны были заметить. Но кто и зачем? Чтобы заставить следствие поверить, будто мсье Рафаилов мертв? Предположение довольно странное — мало найдется людей, не знающих, что методы крими-

налистики позволяют безошибочно отличать кровь человека от крови любого другого существа».

Рошалю вспомнился слуга-китаец на допросе пропавшего банкира: улыбался, кивал, но даже через переводчика давал невнятные и путанные ответы. За час этот чертов Лай Гун своими притчами и цветистыми изречениями довел до белого каления и комиссара, и с трудом найденного в Сюрте знатока китайского языка.

«Такой мог и не знать. Книжек о мистере Холмсе и Нате Пинкертоне он точно не читал. Но мотив? Какой может быть мотив у полудикого сына Востока? По его же словам, Рафаилов был щедрым хозяином. Даже если предположить, что русский миллионер что-то в завещании оставил слуге, и китаец об этом знал, все равно сумма наследства вряд ли стоила такого риска. К тому же Рафаилов был некрепкого здоровья и очень мнителен, китаец лечил его тайными азиатскими снадобьями. Мог и отравить... Говорят, они даже пальцы умеют пропитывать ядом так, что жертва, которой они коснутся, умирает через несколько часов, а то и дней, и никто не догадывается о причине гибели.

А тут — стрельба, махинации с уликами... Как-то это все не по-китайски. Хотя кто их разберет. Отбрасывать эту версию нельзя».

Комиссар поглядел на фотографию в тонкой рамке, стоящую на столе. Лейтенант Марокканских стрелков Анри-Жермен Рошаль возле сбитого германского «Альбатроса». Памятный день. На снимке невозможно было различить хищный оскал раскрашенного красными и черными ромбами самолета, лишь просматривался обгоревший каркас.

Но Рошалю эта клыкастая морда снилась ночами — немецкий асс из «Воздушного цирка» барона Рихтгофена* повадился охотиться на стрелков Рошала, как на куропаток в собствен-

* Воздушный цирк — эскадрилья германских ВВС, состоявшая из лучших летчиков. Названа так из-за яркой расцветки именных самолетов.

ном парке: находил жертву и долбил из пулемета, наслаждаясь ее страхом и попытками спастись, пока в конце концов не убивал ее. Рошаль вызвался уничтожить «ястреба».

Разместив двух лучших снайперов в развалинах стоявшей неподалеку колокольни, он надел парадную форму и стал разгуливать между окопами, постукивая тонким стеклом по высоким голенищам сапог.

Охотник молниеносно среагировал на «дичь». Никогда прежде Рошалю не доводилось так бегать: он петлял, шараялся из стороны в сторону, ежесекундно менял направление, заставляя летчика вновь и вновь заходить на новый круг.

Немец даже не заметил, что в это время по нему самому ведется огонь. На третьей минуте дуэли одна из пуль Марроканских стрелков перебила тягу рулей «Альбатроса», другая раздробила ногу германца. Самолет воткнулся капотом в землю в нескольких метрах от Рошалья и вспыхнул, теряя в огне хищный оскал боевой окраски.

Рошаль потерял виски, отгоняя призрак недавнего прошлого. Пленный германец, с досадой разглядывая заляпанного осенней грязью счастливого лейтенанта, тогда лишь процедил сквозь зубы: «Охота на козленка». Быть может, из-за этих слов комиссар сейчас и вспомнил день верденской дуэли.

«Что, если предположить обратное. Стрелявший прекрасно знает о достижениях криминалистики. Тогда он не подбирает улику, а подает знак, тащит следствие в нужном ему направлении. Или же вовсе — черный козел в качестве жертвы — не случайность, а пресловутый библейский козел отпущения. По словам русских, на Рафаилове немало грехов. Что, если некто, мистически настроенный, как бы это сказать... переложил грехи миллионера на ни в чем не повинное животное, а затем убил его. Но кто бы это мог быть? — Рошаль вспомнил кабинет банкира, увешанный диковинными масками, уставленный резными фигурками экзотических богов. — Рафаилов долго жил в Маньчжурии, вполне мог заразиться почитанием тамошних демонов. Однако же козел отпущения — фигура из

Ветхого Завета. Так что если и Восток, то Ближний, а не Дальний. Впрочем, огромная Российская империя связывала многие цивилизации воедино. Так что все может быть...»

Телефонная трубка вздрогнула на рычаге и задрезбжала.

— У аппарата Рошаль.

— С вами желает говорить префект полиции Симоне, — объявил вежливо-отстраненный голос дежурного.

— Анри-Жермен! — послышался вслед за этим хриплый баритон старой полицейской ищейки, Клода Симоне. — Наконец-то застал тебя! Скажи, ты хотя бы час в день проводишь в кабинете?

— В общей сложности — может быть.

— Дорогой мой, ты иногда вспоминай, что ты — уже окружной комиссар, а не рядовой агент. Всему свое время. Когда мы с тобой начинали в «Летучем дивизионе» в девятьсот десятом, мы носились, как борзые, высунув язык. Теперь — очередь молодых топтать мостовые.

— Клод, тебе нужна информация о пропавшем миллионере или ты просто из любезности решил узнать, какие у меня шансы на беговой дорожке?

— Старина, мне утром звонил министр, и я его заверил, что ты делаешь все, что в человеческих силах, и даже больше.

— Ты не соврал. Потому и ношусь, высунув язык, как в прежние времена.

— Добрые прежние времена, — вздохнул префект. — Тогда мы охотились на русских террористов, охраняя царских генералов, а теперь отслеживаем тех же генералов, потому что те покушаются на вчерашних террористов.

— О чем это ты, Клод?

— Ну-ну, Рошаль, не темни. Я же знаю, что главный подозреваемый по делу — генерал Згурский. Ты уже допросил его?

— Нет. На следующий день после исчезновения Рафаилова он уехал из Франции.

— Вот видишь! Классический случай! Убийца бежит с места преступления.

— Впоследствии не значит вследствие, — напомнил Рошаль.

— Да мало ли, что не значит! Ты же не будешь спорить, что у Згурского имелся прекрасный мотив для преступления. Говорят, Рафаилов украл у верховного правителя России пару десятков миллионов золотом.

— Да, у меня есть такие сведения. Но что дает Згурскому в этом случае гибель банкира?

— Может быть, Згурский его шантажировал? — предположил Симоне. — Шантажировал, а денежный мешок отказался делиться. Не исключено, что это и вовсе месть! Говорят, украденные капиталы поступили Рафаилову для закупки боеприпасов, а тот, не мудрствуя лукаво, прикарманил денежки, чем обрек армию на гибель. Отличный повод!

— Да, но почему — Згурский? Насколько мне известно, он воевал под другими знаменами. И почему именно сейчас? Опять же украденные деньги продолжают лежать мертвым грузом в банке. Полная бессмыслица!

— Рошаль, по-моему, ты все усложняешь. Ты же знаешь свирепость русских! А Згурский в этом смысле среди них — один из первых. Я думаю, это месть и шантаж. Возможно — порознь, возможно — то и другое вместе. Кстати, министр тоже считает именно так.

— Клод, с каких это пор мнение вчерашнего адвоката для тебя имеет вес? Или ты думаешь, что, став министром, он приобрел заодно с портфелем и твой опыт?

— Анри-Жермен, ну зачем ты так? — теряя бравурно-командный тон, префект вздохнул. — Сам понимаешь — дело политическое, меня торопят. Что я могу сделать, кроме как требовать результатов?

— На данный момент у меня нет прямых улик против Згурского, — отчеканил комиссар Рошаль.

— Ага, значит, косвенные все же имеются!

— Симоне, ты верно сказал министру — я делаю все, что в человеческих силах. А вместо этого разговора мог бы сделать что-нибудь полезное.

— Рошаль, не могу же я сказать ему, чтоб его превосходительство катился к черту и не мешал работать!

— Почему?

— Потому что он министр! Его очень интересует это дело.

— Да? Тогда пусть приезжает — я и ему подкину работу.

В дверь постучали.

— Господин окружной комиссар, к вам какой-то оборванец. Говорит, что у него есть информация по делу Рафаилова.

— Прости, Клод, я сейчас занят. — Рошаль повесил трубку на рычаг. — Что еще за оборванец?

— По виду — клошар. Сказал, что его зовут Гаспар Шену, и вы его знаете.

— Шену? Да, знаю. Пусть входит.

Бродяга бочком просочился в кабинет окружного комиссара.

— Мсье Рошаль! Как видите, я не забываю доброту. Хотя жизнь и наказывает меня за слабость и прегрешения, но я все же...

— К делу, Гаспар. Что ты хотел сообщить?

— Я видел автомобиль.

— Тот самый? Где?

— Ну да, тот самый, большой такой. Из него вышла дама, вся такая... в мехах, аромат — на лье в округе... И шофер — негр! Огромный!

— Говори толком! Где ты видел этот автомобиль?

— Неподалеку от Дворца правосудия. Остановился, негр вылез, дверцу открыл... Негр такой черный, весь в белом, автомобиль белый...

— Постой, ты же говорил, что автомобиль был темный!

— Ну да! А этот — белый! Но такой же.

— Что ж ты мне голову морочишь! — возмутился Рошаль. — Негр, дама в мехах... Ты разобрался, какая марка авто?

— Да почем мне знать? У него вроде спереди такой ангел. С колесом в руках.

— «Изотта-фраскини», — отметил комиссар. — Что еще?

— Ничего... Думал, вдруг вам это пригодится. Опять же, может, мне за это награда какая причитается...

— Ступай. — Рошаль вытащил из кармана франк. — На, держи. Вспомнишь что-нибудь существенное — жду с докладом. А нет...

— Все, понял-понял. Две недели за препятствование работе полиции.

— Вот именно, — делая грозное лицо, подтвердил Рошаль. — А «изотта-фраскини» — это уже зацепка. Машина для состоятельных людей, немногим по карману. И во Франции их всего пару сотен, темных — и того менее. Надо проверить в дорожной полиции, на ком записаны подобные авто, не было ли зарегистрировано угонов. Такая зацепка не один франк стоит.

Комиссар нажал кнопку вызова. Дежурный инспектор возник на пороге, ожидая распоряжений.

— Бетиньи, съездишь в дорожную полицию, наведешь там справки. Да, и еще, — перебивая сам себя, продолжил Рошаль: — Ты перезванивал в Сент-Этьен? Есть ли новости о мсье Згурском?

— Все сделал, как вы велели, шеф. Згурский вернулся в Сент-Этьен вчера около девяти вечера и сегодня утром отбыл в Париж.

— Вот даже как? Поистине, неугомонный. Дня не передохнул. Что-нибудь известно о его планах?

— Его секретарь не был уполномочен говорить на подобные темы.

— Не был у-пол-но-мо-о-чен, — нараспев передразнил Рошаль, — такое ощущение, что я звоню в Ставку русского императора! Здесь все же Французская республика! Здесь есть полиция, есть законы!..

Телефон вновь звонко напомнил о себе.

— Здесь Рошаль, — раздраженно бросил в трубку окружающей комиссар.

— У аппарата Згурский. Вы хотели меня видеть?

— Да, генерал, — сам не понимая, отчего запнувшись, ответил Анри-Жермен.

— Это касается дела Рафаилова?

— Именно так.

— Вы меня подозреваете?

— Нет, — покривил душой сыщик, — но вы проходите по делу свидетелем, как один из последних, кто видел Рафаилова до его исчезновения.

— Понятно. Комиссар, у меня мало времени и много дел. Сейчас я собираюсь обедать. Если удобно, могу заехать за вами, и отправимся в выбранное вами место. Надеюсь, с пристойной кухней, чтобы там решить все интересующие Сюрте вопросы. Устроит такой вариант?

— Да, вполне.

— Тогда через пятнадцать минут я буду возле Сюрте Женераль.

— Через пятнадцать минут, или минут через пятнадцать?

— Через пятнадцать минут. Спускайтесь к выходу, мой автомобиль — «изотта-фраскини» цвета «русский медведь» — не перепутаете.

Май 1924

Профессор Дехтерев поглядел на закипающий чайник и невольно отметил собственное сходство с этим немудреным агрегатом: радостные эмоции настолько переполняли его, что казалось, не сними он при входе канотье, оно бы запрыгало на голове, словно крышка.

— Подумать только, — в который раз за последний час всплескивал руками он, — просто чудо какое-то!

Профессору хотелось сказать что-нибудь совсем другое — более значимое, настоящее. Однако слова будто разбежались от наплыва чувств. Он глядел на сидевшую рядом Татьяну

Михайловну, очарованный ее мягкой улыбкой — чуть печальной, но оттого еще более обворожительной.

— Как же так? Я уж, признаться, и не надеялся.

Попав в уютную профессорскую квартиру, заставленную стеллажами книг и милыми безделушками, Згурская медленно оттаивала душой. Перед ее глазами вновь, но как-то уже издали, всплывали сцены ночного ареста, дни, проведенные в бандитском схроне, путешествие в Москву по уши в песке. Всё это ей сейчас казалось невероятным приключением. С безысходной ясностью Татьяна Михайловна понимала, что милейший профессор и есть причина ее несчастий, но не решалась сказать ему об этом.

— Вы как чай желаете — с сахаром? А то вот есть еще замечательная бухарская халва! Только утром сегодня в Моссельпроме купил целый фунт! Как чувствовал! Нет, ну как замечательно! Я-то думал — вы уже где-нибудь в Париже!

— Признаться, я тоже была удивлена, увидев вас здесь.

— Да, Татьяна Михайловна, это случай. Его величество Случай! Единственный всемогущий монарх в нашей республиканской стране. Но я не жалею, может быть, даже к лучшему, что остался здесь, а не уехал за сто верст киселя хлебать. Эта революция — настоящее обновление! Слом всего старого, отжившего! Если есть в мире достойное место для воплощения новаторских, революционных идей, то это именно Советская Россия! Я утверждаю, что никакая иная страна сейчас на такое не способна! Ни чопорная, надутая Европа, ни Америка со своим вечным подсчетом барышей. Да-да, именно Советская Россия! Здесь все теперь будет по-другому. Вот посудите сами: мой дед был дегтярь — обычный дегтярь. Его сын, мой отец — в юности работал на лесопилке, выучился грамоте и смог подняться до писаря в волостной управе. Не ахти какое место, но мне образование он дал. Братьям-сестрам моим — тоже. И все они стали достойными людьми. А теперь — вы только подумайте, Татьяна Михайловна, — целое государство печется о том, чтобы образовать свой народ, вытащить из грязи

и свинства! Теперь у нас повсеместно будет не три класса церковно-приходской школы, а добротное среднее и высшее образование!

— Но помилуйте, Василий Матвеевич, ведь профессором вы стали не при советской власти!

— Да. И что с того? Я был одним из многих, кто занимался академической наукой, читал лекции и в общем-то понимал, что мои изыскания, кроме меня самого и немногих моих коллег, мало кого интересуют. Ну что такое в самом деле проблемы мозга, когда сознание человека — предмет темный и всецело подчиненный божьей воле? Тема, доложу вам, крамольная. Вы бы знали, чего я наслушался, пока мы в прежние времена пытались раздобыть средства в казне на свои исследования. А какую ижицу Святейший Синод выписал! Так я уж было вспомнил и Средние века, и Джордано Бруно на костре.

А новая власть одним махом упразднила все это мракобесие. Не государь-император, а господа большевики поняли значимость моих исследований, их своевременность! Еще бы! Ведь они ставят во главу угла именно человека — простого истинного человека, а не какую-то абстрактную выдумку. Так что, как хотите, Татьяна Михайловна, а только я очень рад, что судьбе было угодно оставить меня на родине! Девятый вал и кровавая буря, слава богу, миновали. Что говорить, ужасно вспомнить о тех днях. Но, должно быть, таковы неотъемлемые реалии любой революции. А далее, как говорили древние латиняне: «Post nubila sol»^{*}! Но что ж это я, старый дурак, все о себе, да о себе! Вы-то как жили это время?

— До Крыма, как можно догадаться, мы с Оленькой не доехали. Работала в госпитале медсестрой, потом — до недавнего времени — учительницей в небольшом городке.

— Что ж, теперь вот решили вернуться в первопрестольную?

^{*} После туч — солнце (лат.).

— Да уж, решила, — грустно усмехнулась женщина. — Василий Матвеевич, думаю, вам следует знать... — она замялась, — дело в том, что я в бегах.

— В бегах? То есть как это?

— Меня разыскивает ОГПУ.

— Татьяна Михайловна, голубушка, — расплылся в улыбке Дехтерев, — я ведь уже вам сказал — это по моей, понимаете, по моей личной просьбе они вас ищут.

— Быть может, и так. Хотя и представляется странным. Люди, пришедшие ночью с ордером на арест, ни словом не обмолвились, что меня разыскивает многоуважаемый профессор Дехтерев. Уж не знаю, зачем вам понадобилась моя скромная особа. Но только это был форменный арест: меня оглушили, дочку связали, в доме устроили обыск.

— Ужасно! — Дехтерев, наливавший кипяток в стакан в серебряном подстаканнике, едва не выронил чайник. — Но поверьте, Татьяна Михайловна, могу поклясться вам чем угодно — я вовсе не желал такого исхода!

— Ну что вы! Верю. Однако новая власть не в силах отрешиться от своих прежних методов. Те же люди, та же вражда.

— Не скажите! С некоторыми из них я хорошо знаком! Вот, к примеру, Дзержинский — милейший, образованнейший человек, очень интересуется психологией. Ему такая работа поручена, что Геракл и его пресловутые Авгиевы конюшни — так, ерунда. Все равно что крошки со стола смахнуть. А он беспризорных с улиц убирает, преступность — до недавних пор просто ужасающую — к ногтю прижал, железные дороги поднимает. И каждое порученное ему дело Феликс Эдмундович исполняет стойко и с величайшей тщательностью — куда уж прежним министрам! Я уверен, что с вами, Татьяна Михайловна, вышла какая-то путаница. Надо будет сходить на Лубянку — у меня там есть личный пропуск, — рассказать Дзержинскому, в чем суть проблемы, и все устроится!

— Василий Матвеевич, не надо ходить на Лубянку, — возмущалась Згурская.

— Отчего?

— Той ночью, когда меня арестовывали, погибли люди. Сотрудники ГПУ.

— Вы их... — задыхаясь от волнения, шепотом спросил Дехтерев, — убили?

— Нет-нет. — Женщина вскинула руки, точно защищаясь от подозрения. — Один человек — он помог нам с Ольгой спастись...

— Белогвардеец? — прошептал Василий Матвеевич.

— Напротив. — Татьяна Михайловна сделала паузу, раздумывая, стоит ли называть старому знакомому имя спасителя. — Не подумайте ничего предосудительного... Он не белогвардеец и не мой... хм-м... ну вы понимаете. Он просто очень добрый и справедливый человек.

— Добрый, — недоверчиво усмехнулся профессор, — убил людей, извините, как прочихался.

— Но у него не было выбора!

— Конечно, это несколько меняет дело. Однако теперь и вас, и его ищут совсем уже не по моей просьбе. Что вы думаете делать?

— Не знаю, — покачала головой Татьяна Михайловна. — Приехала в Москву, надеялась отыскать здесь убежище, работу на первый случай, но, увы, тщетно.

— А что же ваш спаситель?

— Его ищут.

— В этом можно не сомневаться! Если найдут, наизнанку вывернут.

— Он очень сильный человек!

— Поверьте, голубушка, сила силу ломит. Вам нужно спрятаться. Надежно спрятаться.

— Но как?

— Я вам помогу.

— Василий Матвеевич, к чему такая жертва? Вы ведь понимаете — мы сейчас как зачумленные.

— Так уж и зачумленные! А кроме того, тиф и испанку пережили, глядишь, и с чумой совладаем! Я, Татьяна Михайловна, хоть и крестьянских корней, а все ж русский интеллигент. И если уж тот, который не белогвардеец, а наоборот, взялся помогать вам, то мне, как говорится, сам бог велел. Тем более что у меня для этого есть замечательное средство! Тот самый особняк на Сретенке, у которого мы встретились, новая власть отдает под лабораторию для моих исследований. Там впоследствии планируется учредить особый институт проблем мозга. Однако все это впереди. Сегодня же для проведения научных работ я набираю штат сотрудников, и, кроме того, что важно — по всей стране сейчас выискивают людей с необычайными способностями. Для общежития будет отведено целое крыло особняка. Среди этих феноменов можно будет укрыть и вас. Хорошо бы раздобыть новый паспорт.

— У меня он есть.

— Это просто замечательно! — Дехтерев взмахнул чайной ложкой, как дирижерской палочкой. — Тогда вы станете жить в этом общежитии, а ваш приятель... Знаете, если он дельный человек, я могу взять его на работу.

— Он, несомненно, дельный... Но, Василий Матвеевич... Ведь если вашу лабораторию курирует сам Дзержинский, то наверняка все ее сотрудники должны будут утверждаться им самим или его людьми.

— Да, об этом я как-то не подумал. Феликс Эдмундович проверяет своих людей, как говорится, до седьмого колена.

— Я подумала вот о чем... — тихо заметила Татьяна Михайловна. — Вы говорите, что этот особняк всецело отдан вам?

— Да.

— А знаете ли вы о подземных строениях, расположенных под ним?

— Сказать по чести, не имею ни малейшего представления.

— Между тем они там есть. И весьма обширные.

— Вам-то о них откуда известно?

— Мне рассказывал муж. Когда-то земля, на которой нынче стоит дом, была подарена его предку князем Пожарским. Здесь построили их первый терем, и уже тогда имелся подземный ход, по слухам, ведущий прямо в Кремль. Потом Федор Згурский был отправлен с посольством в Китай и, вернувшись, по обету чуть левее терема поставил домовую церковь во имя Федора Стратилата. В восемьсот двенадцатом году она сгорела, и на ее месте теперь левое крыло особняка. Но потайной ход и крипта церкви должны были сохраниться. Как уверял Владимир Игнатьевич, там можно спрятать целый взвод, не то что одного человека! У меня есть описание, позволяющее найти подземелье.

— Буквально граф Монте-Кристо! Что ж, была не была. Пока суд да дело, попробуем спрятать вашего друга в таинственном лазе. Правда, для начала его нужно отыскать.

Май 1924

Судаков поглядел в станционное окно, за которым виднелось выгоревшее на солнце расписание поездов.

— Не густо. Совсем не густо, — пробормотал он, машинально отслеживая в отмытом к майским праздникам стекле движения людей по платформе

«Прямым ходом отсюда ехать нельзя, — констатировал Судаков. — У Москвы, это точно, по вагонам ходят патрули, проверяя въезжающих пассажиров на предмет наличия всякого нежелательного элемента. Ехать той же дорогой обратно — вовсе дело тухлое, как пить дать, по всей губернии меня ищут. А рожка моя — ох как примелькавшаяся».

Бывший начальник милиции поглядел на свое отражение.

«Усы надо было все же сбрить», — с тоской отметил он.

С утра он попытался это сделать и даже помазок намылил, но рука не поднялась. Гордость кавалериста! Чай, не пехтура какая! А ведь надо было еще тогда — в схроне.

«На Серпухов, — подумал Петр Федорович, — поезд идет уже затемно. Глядишь, и проскочу. Если ходить будут, то в потемках авось и не рассмотрят. Кто ж вглядываться станет, когда все в вагоне храповицкого давят. Но до поезда, вот беда, полдня еще ждать. Ну да ничего... Лесок близко, сейчас билет возьму и там до времени схоронюсь».

Он мысленно поблагодарил генеральскую няньку, невзлюбившую его с первого взгляда. Узнав, что ночной гость решил уходить, она впервые улыбнулась ему и быстро собрала узелок с провизией, чтобы приятель милой Танечки не оголодал в пути.

Судаков подошел к кассе и наклонился к окошку:

— Одно местечко до Серпухова.

— Сейчас-сейчас. — Кассир мельком кинул взгляд на пассажира, затем на свой аппарат и опять на пассажира. — Подождите минуточку, уважаемый! Что-то эта шарманка не пробивает. Самый чуток погодите, сейчас все наладится! — Он встал с места, открыл дверь и крикнул в коридор: — Фролыч, подойди-ка сюда! Тут поломка образовалась!

«Мне кажется, или он волнуется? — глядя на переминающегося в дверях кассира, подумал бывший начальник милиции. — Да нет же, определенно волнуется!»

— Ну что ты, услышал, что ли?

«И на место не возвращается», — продолжил свои наблюдения Судаков.

Он отметил косой взгляд, брошенный железнодорожником.

«А ведь точно. Бойтся. В дверях торчит, чтоб, если я вдруг за оружие схвачусь, мигом из своей клетушки выскочить».

Он чуть сдвинулся в сторону и приподнялся на цыпочки, пытаясь увидеть плоскость стола: «Ну так и есть! Фотография. Не разобрать чьи, но вряд ли жены и детей. — Судаков огляделся по сторонам. — Вот же ж, чертов сын!»

Из невысокого помещения станционного буфета, на ходу расстегивая кобуры, выскочили два милиционера.

— Да вы не беспокойтесь! — заверил его кассир. — Сейчас все в один миг уладим.

Судаков развернулся на месте и бросился вдоль платформы.

— А ну стой! — понеслось ему вслед. — Стой, каналья! Стрелять будем!

За спиной ударил выстрел. Судаков дернулся в сторону, продолжая бежать. Потом еще раз. Новый выстрел. Судаков припустил быстрее. В один прыжок он осилил все ступени лестницы, скривился от удара о землю и вновь побежал. Пуля ожгла плечо, но Судакову было не до таких мелочей. Он бежал, стараясь не замирать на мушке револьвера, прыгая в сторону всякий раз, когда позади хлопал выстрел. Его преследователи — молодые ражие парни — и не думали отставать.

Не пробежав метров десяти до леса, Судаков остановился, схватил наган и, развернувшись, выстрелил над головами недавних коллег.

— Не убивать же, — процедил он.

Отрезвленные неожиданным отпором, милиционеры поспешили залечь в ровики у железнодорожной насыпи. Но стоило беглецу укрыться за деревьями, они вскочили и снова бросились следом.

— Давай-давай! Не отставай! — кричал первый, потрясая кулаком. — Не отста...

Мир взорвался в его глазах миллионом ярких звезд, и кровь струйкой хлынула из рассеченного рукоятью нагана лба.

— Это первый, — прислоняя оглушенного к дереву, процедил Судаков и тут же, подтянувшись на толстом суку, скрылся в ветвях.

Второй милиционер появился из-за поворота тропы спустя мгновение.

— Эй, ты чего? Ты жив? — Сотрудник НКВД наклонился над товарищем по оружию.

И тут Судаков разжал пальцы и прыгнул на плечи второй жертве.

— Молоды еще со мной тягаться, — обшаривая их карманы, недобро усмехнулся бывший краском. — Эх ты, напасть какая! А с билетом бы куда сподручнее вышло!

ГЛАВА 16

«Правильный обман — не ложь, а умелое использование правды».

Ким Филби

Октябрь 1628

Казачий атаман Варрава вытащил из-за голенища сапога нож и одним взмахом переполовинил лежащий перед ним яркий — почти красный — плод в шершавой кожуре.

— Тьфу ты, экие у них яблоки чудные! — выругался он, протягивая своему побратиму налитое соком угощение.

— Но вкусные, — очищая кожуру, ответил походный воевода, Федор Згурский.

— Да ну, скажешь... Я б сейчас наших похрумкал. В моем саду помнишь какие? Во! С кулак!

— Помню, чего же не помнить, — с тоской в голосе подтвердил тот. — Когда ж теперь домой вернемся?..

— Это ты у меня спрашиваешь? — ухмыльнулся казак. — На тебя вся надежда. Ты ж здесь, шо та писаная торба — как пришли в этот стольный град, так всякий день празднества, охоты, застолья до упаду. Кругом тебя разве что хороводы не водят! Девиц табун нагнали, только пальцем помани.

— Водят, не водят... А царь здешний ни посла, ни меня пред очи свои не допускает. Подозрительно это.

— Тут все не по-людски. Вон, глянь, — он указал на мелкое лохматое существо с выпученными глазами, возлежавшее на расшитой золотом подушке, — разве это собака?

Возмущенное непочтительностью существо затаивало: мол, собака, не хуже других.

— А ну цыть, подарок басурманский! А то вмиг щас сапоги тобой начищу! — прикрикнул Варрава и продолжил со вздохом: — Притомился я здесь уже, Федор. От чудес иноземных оскомина, домой ворочаться пора.

— Как же воротишься, когда воля царская по сей день не исполнена?

Атаман бросил рассеянный взгляд на низкий столик, уставленный яствами. Золотые блюда с фруктами, чеканные кувшины с вином и прохладительными напитками, серебряные, украшенные опалами, кубки, да и сама черная, обильно покрытая росписью лаковая столешница — должны были радовать глаз. Но лишь навевали тоску.

— Федор, так ведь и до второго пришествия досидеться можно! Ведь ты ж воевода! Стало быть, и веди! Сколько мы будем в чужой стране кур пасти? Не желает царь с нами дружбу водить, и мы ему в друзья не набиваемся. Сам же наемни говорил, что этот твой родич предсказывал, будто недолго владыке желтому править осталось. Хлопни кулаком об стол: да — да, нет — нет. Спасибо этому дому — пойдем к другому. Назначай день отъезда. Мы свое дело сполна исполнили!

Двери покоев, отведенных высокородному и славному воителю Белого царя и его свите, распахнулись, и на пороге, низко кланяясь, появился скороход в длинном халате, расшитом соколами.

— Славный и честный! — нараспев заговорил он, закатив от восторга глаза. — Просветленный и мудрый носитель кораллового шарика и двуглазкового павлиньего пера...

За время перечисления титулов и отличий раздавшиеся за дверью шаги приблизились, и при словах «хранитель Малого дворца Владыки Поднебесной» величественно не вошел, а ско-

рее втиснулся толстяк в длинном желтом халате, усеянном вышитыми золотыми павлинами, собольей куртке, в неизменной шапочке с коралловым шариком наверху и куском павлиньего хвоста, свисавшим за спину.

— ...Сунь Вань! — торжественно закончил глашатай.

— О, а вот и Ванюша пожаловал, — глядя на царского вельможу, хмыкнул Варрава. — Вот чтоб мне год в бане не париться, ежели царь опять во встрече послу не отказал!

— С сожалением и душевной печалью оглашаю я волю Владыки Поднебесной, любимца богов и сына неба. Посоветовавшись со звездами и приняв их совет, государь, мой повелитель, счел неудачным ранее объявленный день приема высокого посла Белого царя. Велено мне передать, что звезда утренняя нынче возшла в туманной дымке, а посему все, что будет начато сегодня, обречено на забвение и обращение в прах.

— Ну вот. Как в воду смотрел! — слушая перевод толмача, фыркнул Варрава. — Этак, покуда у всех звезд попереспрашиваешь, и жизнь закончится.

Згурский ему не ответил. Он пристально глядел на толстяка-евнуха, пытаясь уразуметь, о чем тот умалчивает.

Со времени встречи с Лун Ваном Федор неожиданно для себя обнаружил, что вполне разумеет местную речь. Поначалу он приписал это чарам встреченного колдуна, зачем-то набивающегося ему в родичи. Когда же вскоре оказалось, что и придворные, и простой люд отлично понимают речь воеводы, и в то же время не могут разобрать слова прочих его спутников, он удивился куда более. И в довершение Згурский чувствовал оттенки смысла хитроумных чужестранных речей.

Сейчас он видел, что Сунь Вань явно что-то не договаривает.

— Заходи, будь нашим гостем, — вставая с шелковых подушек, устилавших ковер, обратился Федор к вошедшему.

Тот будто ждал этого. Знаком отпустив свиту, он с пытением водрузился на предоставленное ему место и приказал слугам наполнить кубки вином.

— Да прославится вовеки имя величайшего и храбрейшего из воинов, вернейшего слуги Белого царя, опоры трона и меча Провидения — Юй Луна, вернувшегося в мир людей в образе благородного воеводы...

— Ты, Вань, не усердствуй, — поднимая кубок драгоценного финикового вина, привезенного из далекой Персии, прервал его велеречие Згурский. — Чем здравицы пить, скажи лучше, когда твой государь посла нашего пред очи свои допустит?

— Всякий шаг следует делать осмотрительно. Владыке же столь могущественному и славному, как государь Поднебесной, следует более, чем кому бы то ни было, всякое деяние сверять с волей небес. Звезды же для знающего — не что иное, как письма, коими боги оглашают свои чаяния. Ныне расположение светил таково, что государю нельзя и думать о встрече, которой он жаждет всем сердцем.

— Стало быть, теперича звезды кукиш кажут? — нахмурился воевода. — А завтра что ж?

— И завтра. И до новой луны впредь, — искоса глядя на лишенных языка невольников, стоящих у стены в ожидании приказа, тихой скороговоркой произнес вельможа.

— Вон пошли! — оценив по достоинству взгляд, крикнул им Юй Лун.

Безмолвные рабы не заставили повторять и расточились в мгновение ока.

— Это как так получается? — продолжил Федор. — Царь твой нас кормит-поит, подарками жалует, тешит, как малых детей, а толку чуть. И впредь он нас в сенах держать мыслит?! Так ведь и зима скоро! Домой путь неблизкий, как бы не сгинуть...

— Мой государь в неизреченной мудрости своей повелел освободить для посольства Белого царя дворец в Запретном городе, дабы высокочтимые гости могли жить в нем, ни в чем не испытывая стеснения и нужды.

— Погоди, Вань. Ты намекаешь, что до зимы мы отсюда не двинемся?

— До какой зимы? — глядя в потолок, негромко спросил обладатель кораллового шарика.

— Как понять «до какой»? — Згурский подбоченился.

— О чем он там лопочет? — вмешался казачий атаман.

— Он говорит, что повелитель его велел для нас дворян целый отвести и отпускать отсель вовсе не намерен.

— Экая блажь. На что мы ему? — Варрава грохнул кулаком по лаковой столешнице. — Не построена еще клетка, чтоб казак сдержала! Хошь из золота, хошь из каленого железа — все едино уйдем!

— Погоди, Егорий, не время еще за саблю хвататься, — остановил названного брата Згурский. — А скажи, Сунь Вань, ты ведь наверняка знаешь, что там у царя со звездами приключилось, что мы ему всякий день под боком нужны?

— Мои познания не столь безграничны, как познания Владыки Поднебесной, но изрядны. Ибо он почтил меня званием ближнего советника. Но для того чтобы ответить на вопрос славного Юй Луна, нет нужды обладать сокровенными познаниями — разгадка лежит на поверхности, как лилия на глади пруда. Каждый в стране ведает, что верховным и непререкаемым владыкой этих земель с незапамятных времен является династия Лунов. Они есть живое воплощение, единокровные дети Перворожденного Дракона, сотворенного из Начального пламени. По воле Творца вселенной пламень разделился на Дух Незримый и Огонь Деяния. Дух сей везде, он не имеет формы, но в каждом помысле, вдохе присутствует он неотлучно. Огонь же обрел форму Дракона, и все, что создано в этом мире, создано волею его.

— Мудрено рассказываешь... Дух — по всему выходит — Дух Божий. А Дракон, стало быть, образ врага рода человеческого.

— Между ними нет противоречия и борьбы, есть вечное непрестанное взаимодействие и взаимопроникновение.

— Эх, Вань, не уразуметь мне, о чем ты толкуешь. Ну да ладно. Встал из пламени дракон и встал себе. Я-то тут при чем?

— Ты — прямой отпрыск династии Лун, правившей тут в начальные времена. Когда Луны ушли, оставив трон наместникам своим, они лишь передали бразды правления. Вручили их обычным людям, созданным из земли, закаленной дыханием первого Луна и наполненной духом, о котором я говорил. Династия Лунов бессмертна и стоит над Поднебесной. Как бы ни был велик государь, восседающий на троне, он лишь держит свою власть именем рода Лунов, к которому принадлежишь ты. Не зря же на знамени его изображен дракон. Не всякому человеку по силам достойно нести такое величие. Порою сия ноша сокрушает в прах мудрых детей человеческих.

— Ты опять отвлекся.

— О нет, Юй Лун, я не отвлекся. Ты спрашиваешь, почему государь не желает твоего отъезда и в то же время не допускает к себе?

— Да. И я, и все мы хотим это знать.

— Но ведь это же просто. Пока ты здесь, ни один повстанец не осмелится приблизиться к Бейджину, ибо никто в стране, пусть даже он всей душой ненавидит государя, не осмелится поднять оружие против истинного Луна. Ты — его охран- ный амулет.

Правда, мой повелитель и сам побаивается тебя. Ведь только пожелай ты — и на троне вместо одной династии может оказаться другая. И в Поднебесной вновь будет мир, в опустошенные земли снова вернутся радость и благоденствие.

Государь повелел исполнять любую твою волю, любую прихоть, ублажать тебя и всех, кто приехал с тобой, но он не примет тебя ни сегодня, ни завтра, ни впредь. Поскольку, когда договор будет подписан, ты отправишься восвояси, а вся страна вмиг узнает, что Юй Лун покинул своего земного наместника.

— Так что ж, по его хотению мне здесь до гробовой доски век вековать?

— Луны не умирают. Они уходят и возвращаются. Ибо вся жизнь — это сон Первоначального Луна, и потомки его — лишь воплощения в этом сне.

— Вот же заладил! Толком говори!

— Разве я что-то не сказал доблестнейшему Юй Луну? Пока сей государь будет на престоле, вы никогда не встретитесь с ним.

— Проклятие! Постой, ты сказал «сей государь»? Думаешь, что он может... — Згурский положил руку на эфес сабли, чуть выдвинул ее и загнал обратно в ножны.

Евнух поднял руки к лицу:

— Солнце восходит не за тем лишь, чтобы порадовать владыку Поднебесной. Оно следует предначертанному ему путем. Точно так же и появление Луна. Как бы ни был велик земной государь, глупо полагать, что потомок и воплощение первого Луна явится лишь за тем, чтобы снять осаду столицы и служить охранителем владений одного из своих наместников.

— Быть может. И что дальше?

— Скорее все решат, что разгневанный неправым судом и непозволительными вольностями, Лун захотел наказать нерадивого управителя и поставить на его место иного — вернейшего из верных.

— Ах, вот оно как!

— Так думают многие в Запретном городе, — тихо, почти шепотом прошелестел Сунь Вань.

— И как же зовут сего вернейшего?

— Если великому Юй Луну интересно спросить у своего покорного слуги, каким он видит счастливый для страны выбор, то я бы нижайше ответил, что это храбрый Бао Сюй, известный своей мягкостью и высоким разумом.

— Он в родстве с тобой?

— Он — мой племянник. Но поверь, о величайший из великих, не это, но стремление к миру и пользе дало мне силы огласить потаенные желания твоих истинных друзей. Помыслы мои чисты, Юй Лун, и никогда ни прежде, ни ныне, ни впредь у тебя не было и не будет слуг более верных, чем он и я!

— Понятно. — Згурский поглядел на Варраву, ждущего перевода. — Тогда вот что, Сунь Вань. Ступай к своему царю и

объяви ему, чтобы он сегодня же принял русское посольство. Такова моя воля!

— Но как же...

— Если он сделает это, я покуда останусь здесь. Но ежели вздумает противиться, я утоплю Тайный город в пламени, и потомки рожденных сегодня будут за семь верст обходить то место, где он сейчас стоит. Ступай исполнять.

Май 1924

Дежурный внимательно пробежал глазами короткие строки документа, сверил фотографию, взглянув за стекло карательного помещения, и почтительно вернул удостоверение высокопоставленному сотруднику Ленинградской Уголовно-следственной комиссии.

— Конвой берете?

— У нас свой. — Болеслав Орлинский кивнул в сторону ожидавшего у входа китайца.

— Одну минуту, сейчас распоряжусь. — Дежурный нажал кнопку вызова и приказал возникшему на пороге милиционеру: — Выдай товарищам их «контру».

— Есть, — козырнул тот, вытаскивая пристегнутую к поясу связку ключей.

Еще через минуту тяжелая дверь с зарешеченным окошком громохнула, и лежавший на деревянных нарах Нильс Кристенсен услышал:

— С вещами на выход!

Виконт поднялся, подхватил небольшой узелок и молча пошел к двери.

— Что, пригрелся, золотопогонник? Ничего, в Лефортово не так уютно будет!

Сотрудник Красного Креста бросил на говорившего милиционера сожалеющий взгляд. Обезоружить этого самоуве-

ренного блюстителя порядка было делом нескольких секунд, но вульгарный мордобой, как и героическая перестрелка с последующей трагической гибелью при побеге, вовсе не входили в его планы.

— Что зыркаешь? Давай шагай!

— Добрый день, Сергей Владиславович! — приветствовал арестованного поджидавший его Орлинский. — Извольте подать мне руки.

Кристенсен выполнил просьбу, и стальные браслеты тотчас защелкнулись на запястьях.

— Настоятельно рекомендую вам не пытаться от нас убежать. Фен Бо, отведи арестованного в автомобиль. Так, где тут у вас расписаться?

Черная машина с задернутыми шторами на окнах выехала со двора особняка на Петровке, еще в восемнадцатом году облюбленного руководством Народной милиции.

— В Лефортово? — спросил Кристенсен у сидевшего рядом председателя Ленинградской Уголовно-следственной комиссии.

— В какой-то мере, Сергей Владиславович, в какой-то мере. Вот, ознакомьтесь. — Он протянул Виконту картонную папку. — Это материалы вашего дела.

Арестант углубился в чтение.

— Постойте, что это? Что это за бред? Я прибыл в Россию для того, чтобы возглавить белогвардейскую террористическую организацию в Казани?! Я такого никогда не говорил!

— Полноте, Сергей Владиславович, поверьте — так будет лучше!

— Куда уж лучше! Меня за эту самую деятельность поставят к стенке!

— Голубчик, — Орлинский тронул плечо шофера, — останови здесь. Сходи, будь добр, принеси сигареты. Фен Бо, постереги снаружи.

— Есть! — козырнул конвоир и выскочил из автомобиля.

— Сергей Владиславович, я же просил — доверьтесь мне. Я делаю все, что в человеческих силах, дабы спасти вас. Увы, я не господь бог, и даже если сниму ваши оковы и отпущу на все четыре стороны, сами вы не пройдете и двух кварталов! Я же по вашей милости окажусь в застенках. Эти признательные показания дают мне возможность вывести вас из-под удара.

— Каким, интересно, образом?

— Нет смысла держать вас в Москве, если тайная организация, которую вы, с позволения сказать, возглавляете, располагается в Казани. Сейчас мы едем в Лефортово, где вас сфотографируют, увы — снимут отпечатки пальцев, устроят весь прочий бертильонаж* и передадут мне для проведения следственных мероприятий. Я позабочусь, чтобы в вашем деле завтрашним числом стояла отметка, что вы отправлены по этапу в Казань. Соответственно, у нас есть всего несколько дней, чтобы провернуть все наши дела и покинуть Совдепию до момента, пока выяснится, что вы не прибыли в пункт назначения. Можете ли вы гарантировать мне безопасный выход через границу?

— Могу. Но прежде я должен выполнить свою миссию.

— В таком случае нельзя терять времени. У нас от силы дней пять, неделя...

— Не будем терять времени, — согласился Виконт. — Удалось ли что-нибудь узнать о лаборатории профессора Д.?

— Мне — нет. Не сомневаюсь, что в ОГПУ есть люди, обладающие подобной информацией, но их, видимо, очень немного. На то, чтобы их выявить, может понадобиться дней больше, чем у нас есть. Но я, кажется, знаю человека, который, вероятно, держит этот вопрос под контролем.

— Кто же это?

— Ваш бывший сослуживец.

* Бертильонаж — система измерения различных параметров человеческого организма, предложенная сотрудником парижской полиции Бертильоном.

— Штабс-капитан Зошенко?

— О нет! Полковник Шапошников. Думаю, вам известно, что теперь Борис Михайлович — командарм, и возглавляет Московский военный округ.

— Да, я слышал об этом.

— Шапошников известен как человек разумный и благородный. Он будет рад увидеть бывшего однополчанина.

— Несомненно. И сдать его в ОГПУ с красным подарочным бантиком на шее.

— Считаете, ваш командир способен на такое? Предать человека, лечившего вверенных ему солдат, а может, его самого?

— С тех пор изменилось многое.

— Да, это верно. Я предвидел и этот вариант, — заверил Орлов. — Люди из боевой организации доставят вам красноармейскую форму и удостоверение военного врача. У нас будет целая ночь, чтобы разработать вашу легенду: откуда вы прибыли, зачем, и тому подобное.

— Ага, после чего я приду к Борис Михалычу и спрошу: «Уважаемый командарм! Не болит ли у вас горло, не тревожат ли старые раны, хорош ли стул?»

— Нет. Конечно же, нет, — улыбнулся бывший статский советник. — Но профессия врача хороша тем, что, согласно клятве Гиппократ, он лечит всякого, кто к нему обратится. В том числе и высокопоставленных чиновников из ОГПУ.

— И что я такого налечил?

— Информацию о том, что эта не всегда гуманная организация разыскивает вашу общую знакомую, Татьяну Михайловну Згурскую. Вот, полюбопытствуйте. — Орлинский достал из кармана френча сложенный пополам конверт. — Здесь и портретик ее прилагается.

— Я прибыл в полк в начале войны, когда Татьяна Михайловна уже покинула его. Но слышал по рассказам, что она была женщиной очень доброй.

— Да, все так говорят. И это только повышает ваши шансы. Можно предположить, что полковник Шапошников испытывал к Татьяне Михайловне в высшей мере дружеские чувства, и он так же, как вы и я, будет в недоумении — отчего вдруг ОГПУ разыскивает эту славную и безобидную женщину. Скорее всего он пожелает ее спасти. Вам это представляется вероятным?

— Представляется. А далее я спрошу Бориса Михайловича: «А не знает ли товарищ командарм, где располагается лаборатория профессора Д., занимающаяся передачей эмоциональных сигналов на расстоянии?»

— Да, смешно, — без тени улыбки подтвердил контрразведчик. — Но обратите внимание вот на что: если подобные изыскания и впрямь производятся в Москве, то, бесспорно, армия их курирует. И уж конечно, командующий округом знает, где они ведутся, и имеет доступ на объект.

И второе. Меня не менее, чем вас, удивил приказ о поиске госпожи Згурской. Должен заметить, что подписан он непосредственно товарищем Дзержинским, что само по себе говорит о многом. Я постарался разузнать, чем вызван подобный интерес, и то, что мне удалось разведать, признаюсь честно, несколько ошарашило.

— Я весь внимание.

— Татьяну Михайловну разыскивают по настоянию лично мне не известного профессора Дехтерева. Не ваш ли это искомый Д.?

Виконт пожал плечами.

— Вот и я не знаю. Но, как я уже говорил, лично мне — а поверьте, я знаю очень многих особ, влияющих на принятие решений в ОГПУ и НКВД, — имя профессора Дехтерева ничего не говорит. Так что, если удача на вашей стороне, а пока было именно так, то мы напали на верный след. А теперь, — Орлинский постучал рукой в окошко, — Фен Бо, позови шофера! В Лефортово!

Май 1924

Генерал Згурский нажал на заводную головку часов, и серебряная крышка с тремя грациями легко откинулась, открывая циферблат.

«Еще минута», — отметил Владимир Игнатьевич и перевел взгляд на двери окутанного мрачными легендами здания Сюрте Женераль. Поговаривали, что тень Видока — короля преступников, ставшего королем сыска, и поныне живет здесь, в особняке на набережной Орфевр. Рассказывали также, что его тень бродит по каменному берегу Сены, постукивая дубовой тростью по тротуару. И если слышишь этот доносящийся ниоткуда звук, то лучше прибавить шагу, а то и вовсе бежать — где-то рядом Видок чует душегуба-разбойника.

Массивная дверь отворилась, и на улицу вышел поджарый мужчина чуть выше среднего роста, в модном клетчатом пиджаке и рубашке без галстука. Взгляд Згурского моментально оценил наведенные стрелки на брюках, выдраенные штiblеты и — что главное — офицерскую прямую осанку.

Мужчина начал оглядываться, рассматривая припаркованные у подъезда автомобили. Его лицо показалось Згурскому знакомым. Он напряг память, воскрешая события недавних лет. Где-то он его определенно видел.

Владимир Игнатьевич нажал на клаксон, и господин в сером клетчатом пиджаке тут же приветственно махнул рукой и зашагал к автомобилю.

— Добрый день. — Дверь автомобиля открылась.

— Приветствую вас, генерал. Сожалею, что для нашей встречи понадобился такой повод. — Мсье замаялся, что-то недоговаривая. — Я — комиссар Анри-Жермен Рошаль. Мы когда-то уже встречались прежде. Вы, конечно, не помните...

— При Мон-Спен. Вы командовали ротой Марокканских стрелков, — заводя мотор, равнодушно отозвался генерал. — Затем в восемнадцатом году вы уже исполняли обязанности

командира третьего батальона этих же самых стрелков. В звании капитана.

— Bravo! — Рошаль склонил голову. — У вас блестящая память! Я удивлен, что вы меня отметили среди прочих солдат и офицеров, но чтобы запомнить...

— У меня действительно неплохая память. Кроме того, после расписанной в прессе охоты на аэроплан барона фон Шауссе, вас несложно узнать.

— Польщен. Честно вам должен сказать — польщен.

— Куда мы с вами направимся? — не давая ему закончить фразу, спросил Згурский.

— Если не возражаете, в квартале Марэ есть очень милое кафе под названием «Литера». Там нам предоставят уютный кабинет, где мы сможем перекусить, а заодно обсудить имеющиеся вопросы.

— Я так понимаю, что должен говорить под запись?

— Да. Именно так.

— Ладно, — вздохнул Владимир Игнатьевич. — Ну, не будем терять времени попусту. Можем начать разговор здесь. Будьте уверены, я не откажусь от своих слов.

— Как пожелаете, — кивнул мсье Рошаль. — Надеюсь, это не будет мешать вам вести авто.

— Ни в малейшей степени.

— Скажите, вы знакомы с господином Рафаиловым.

— Знаком.

— Каков характер ваших отношений.

— Я вел с ним переговоры от имени Торгово-промышленного комитета. Это эмигрантская организация.

— Да-да, я знаю. Если не секрет, в чем суть упомянутых переговоров?

— Рафаилов украл деньги из казны адмирала Колчака. Торгово-промышленный комитет, понимая бессмысленность попыток вернуть украденные миллионы, желал привлечь Рафаилова к работе на благо России, к активному участию в фи-

нансировании благотворительных и медицинских программ белогвардейского движения.

— И что Рафаилов?

— Он не захотел передавать деньги ни РОВС, ни какой бы то ни было другой политической или военной организации.

— Вы поссорились?

— Мы никогда не были друзьями. Я считаю Рафаилова казнокрадом и мерзавцем. Будь моя воля, поставил бы к стенке.

— Но генерал, вы понимаете, что эти слова... — Рошаль потер переносицу, зная, что не должен говорить этого, — свидетельствуют против вас?

— Ерунда. Этот человек — казнокрад. Он похитил военные ассигнования, причем сделал это в критический для Отечества и для армии Колчака момент. На его совести тысячи жизней. Если уместно послать на гильотину негодяя, убившего и ограбившего в темном переулке одного-двух человек, то не вижу, почему следует жалеть Рафаилова.

Рошаль с грустью покачал головой.

— Итак, вы действительно встречались с мсье Рафаиловым и вели переговоры. В какой обстановке они протекали?

— Я старался быть спокоен, но под конец мне это не удалось.

— Вы хотите сказать, что у вас произошел скандал?

— Скандал? Крайне бессмысленное времяпрепровождение. Я пообещал Рафаилову, что приложу все усилия, чтобы разорить его и отдать под суд.

— Под суд? Вы имеете в виду французский суд?

Згурский пожал плечами:

— Меня больше устроил бы российский. Но, увы, об этом пока говорить не приходится.

— Как вам показалось, Рафаилов поверил угрозам?

— Вероятно, да. Насколько мне известно, я никогда не давал повода усомниться в истинности своих слов.

— Но, по сути, вы шантажировали Рафаилова?

— Господин комиссар, — чуть усмехнулся Згурский, — у вас странные воззрения на шантаж и справедливость.

— О нет, генерал. Ничего странного. Одно лишь соблюдение законности. Слуга-китаец, приносивший чай, утверждает, что его хозяин был сильно напуган и после вашего ухода не находил себе места. Что вы такое говорили мсье Рафаилу?

— Ничего страшней того, о чем уже упомянул. Впрочем, этот казнокрад не из храбрецов. Мог себе вообразить невесть что.

— Например?

— Это было бы уместней спросить у Рафаилова.

— Вы правы. Но позвольте, я предположу.

— Сделайте милость.

— Рафаилов знал, что вы — один из руководителей, так сказать, активного крыла РОВС. Он также знал, что в вашем личном распоряжении состоит несколько сотен умелых и опытных бойцов, готовых выполнить любой приказ. В том числе и приказ о физической ликвидации.

— Это ваши фантазии, мсье Рошаль.

— Это правда, мой генерал! Если вы станете столь очевидный факт отрицать, я буду вынужден начать его доказывать. И мои подозрения относительно вас в этом случае чрезвычайно усилятся.

— Печально. Но мне не было смысла убивать Рафаилова: украденные им миллионы могут пойти на улучшение жизни тысяч нуждающихся земляков, на школы, больницы, пенсии. В случае же гибели банкира деньги уйдут наследникам. Если таковые имеются.

— Это верно, — кивнул Рошаль. — Боюсь, до вскрытия завешания мы не узнаем, есть у Рафаилова наследники или нет. А так как его тело не найдено, это произойдет не ранее, чем через полгода... Хорошо, генерал, будьте добры, ответьте еще на один вопрос. Что вы делали в тот вечер после встречи с банкиром.

— Повидался со знакомым.

— Имя знакомого.

— Вряд ли оно вам что-нибудь скажет. Некий капитан Тимошенков. Затем отправился к великому князю Николаю

Николаевичу, заночевал у его императорского высочества по его приглашению и следующим утром отбыл в Сент-Этьен.

— Угу. Понятно. На этом самом автомобиле?

— Ну да. Я всегда на нем езжу.

— И всегда сами за рулем?

— Чаще всего.

— Скажите, вы встречались с этим русским мсье здесь же?

— В авто? Нет. Он работает в мастерской. Неподалеку есть кафе, мы сидели там. В это время у моего автомобиля проверяли тормоза.

— Ясно. А у великого князя вы, конечно, поставили машину в гараж.

— Нет. Там совсем небольшое имение — два автомобиля в гараже не поместятся. Я оставил «изотту» возле дома, благо, ночь была лунная, дождя не намечалось.

— Понятно. — Комиссар наморщил лоб. — То есть дважды в тот вечер вы подолгу не видели своего автомобиля.

— Да. Это важно?

— Может быть, генерал. Может быть... А вот, кстати, «Литера». И последний вопрос. Генерал, у вас есть враги?

ГЛАВА 17

«Если добро всегда побеждает зло, то победитель, по определению, добр».

Отто фон Бисмарк

Середина мая 1924

Сталин внимательно слушал. Магнетический взгляд черных глаз оратора, еще усиленный стеклами очков, мощные лобные бугры, словно норовившие прорасти дьявольскими

рогами, вызывали у Иосифа Виссарионовича глухую неприязнь еще с той незабвенной встречи в Царицыне, когда затянутый в пахнущую одеколоном кожанку речистый выскочка учил его — Сталина — делать революцию.

«Конечно, победителей не судят, — думал Иосиф Виссарионович, — но всегда нелишне знать, какова цена победы. Что осталось от революционной Красной Армии благодаря усилиям наркомвоенмора? Разве это прежний вооруженный народ, отстаивающий свои осознанные классовые интересы? Ни в малейшей степени!

Мы вновь пришли к тому, от чего уходили: профессиональная армия, опирающаяся на мощный офицерский костяк, комплектуемая, как и при царе, по обязательному призыву. Теперь, когда руководство комиссаров в армии отменено, она и вовсе отдана на откуп перекрасившейся белогвардейской сволочи!

Оставшиеся в войсках честные коммунисты числятся помощниками командиров, но они не имеют в руках всей полноты власти. Не завтра, так послезавтра этот болтун, жировавший за границей, никогда не знавший тягот революционной борьбы, пожелает избавиться от настоящих ленинцев. Кто тогда сможет помешать ему в один момент арестовать, а затем и расстрелять практически бесправных партийцев?» — Он еще раз мельком поглядел на человека во главе стола.

Тот говорил, ожесточенно жестикулируя, словно на трибуне. Вся страна знала его именно таким: энергичным, резким, бескомпромиссным, всегда стоящим подле вождя. Теперь портрет Ильича висел за спиной Троцкого, словно икона, не имея возможности напомнить о той острой, непримиримой борьбе, которая не утихала между первым и вторым лицами в Советской России.

Сталину хорошо была известна подноготная этой борьбы. И если, черня имя Ленина, враги первого в мире государства рабочих и крестьян поминали немцев и пломбированный вагон, то нынче, говоря о Троцком, шептались об английском

пароходе и о золоте союзников. В истории прибытия Льва Давидовича в Россию после Февральской революции была одна деталь, о которой сам наркомвоенмор старался не распространяться.

Вскоре после выхода из Нью-Йоркского порта пароход с революционерами был задержан канадским сторожевым кораблем. Но спустя несколько часов судно было отпущено по настоянию английской короны. Более того, по имевшимся агентурным сведениям, запрос об освобождении русских социалистов был отправлен в Лондон лично послом Англии в России Бьюкененом.

Безбедно живший в Америке на деньги своего дяди, банкира Животовского, Лев Давидович прибыл в давно брошенное отечество с единственной и ясной целью — захватить власть. Все его действия на посту председателя Петроградского Совета были направлены именно к этому, и до последнего момента он не был согласен с Ильичом ни по срокам, ни по тактике революционного переворота. Если б не гельсингфорсские матросы и егеря сто шестой дивизии верного лично Владимиру Ильичу полковника Свечникова, то кто знает, как бы еще повернулось дело.

Товарищ Троцкий был решительным и безжалостным врагом. Врагом всего того, к чему он — мальчик из захолустного селения Гори — шел всю свою жизнь. А враг должен быть уничтожен!

— ...Итак, товарищи, я подвожу итог. Революция победила. Советское государство, поставленное в нечеловеческие условия, обескровленное империалистической и гражданской войнами, выжило, выстояло и теперь демонстрирует всему миру яркий образец нового общества. Многомиллионный отряд мирового пролетариата смотрит на нас, как на избавителей от капиталистического гнета. Можем ли мы обмануть их ожидания, их чаяния, их надежду? Нет, товарищи! Уже сегодня мы должны готовить решительный и неотвратимый удар, который откроет нам прямую дорогу к высшей цели нашей

революции — откроет путь к революции мировой! Мы с вами были прямыми участниками недавних событий. Трагических для нас событий: крушения революционных походов в Польшу и Финляндию. Сегодня мы тщательно проанализировали свои ошибки и сделали надлежащие выводы.

Чего мы ждали? Мы ждали, что, как верно говорил дорогой наш товарищ Ленин, война империалистическая перерастет в войну революционную, классовую. Действительно, так и случилось. Однако же не были учтены глубокие корни национальной розни, зачастую — ненависти, которые имеют место в обломках бывшей Российской империи, присоединенных царизмом вопреки народной воле. Не были проведены или же были проведены ненадлежащим образом организационные мероприятия, которые бы разъяснили наши цели трудовому народу. Местное население воспринимало бы нас не как захватчиков, а как освободителей. В этом наша главная стратегическая ошибка.

Теперь мы должны сделать все, чтобы избежать этого.

Но кроме политической ошибки мы также должны признать и чисто военную: европейские театры военных действий сейчас настолько насыщены вооружением и опытными боевыми кадрами, что мы, имея в руках лишь молодую, что грех таить — порою слабо обученную Красную Армию, с военной точки зрения, обладали крайне малыми шансами на победу.

Сейчас политическая и военная ситуация в корне изменилась. Мы видим, что желанный мир принес Европе не меньше, а порой и больше тягот и невзгод, чем война. Пролетарии готовы нас поддержать, но буржуазия, контролирующая армию и полицию, тоже не дремлет и готова отразить удар с нашей стороны.

А это означает, что мы не можем сейчас начинать поход в Европу. Однако, как говорят наши специалисты, не стоит штурмовать стену там, где она толще всего. Мы должны ударить в мягкое подбрюшье нашего самого оголтелого врага — Британии. А подбрюшье английского льва находится в Пер-

сии, Афганистане и, конечно же, Индии. Вот приоритетное направление, товарищи! Поэтому мы должны активизировать — всемерно активизировать — нашу работу в Средней Азии и Закавказье, чтобы не пытаться, как мы уже пробовали, спичкою поджечь ледяную глыбу, а создать все условия для единого массового выступления на Востоке — в британских колониях. Я предлагаю направить лучшие кадры: в Среднюю Азию — товарища Фрунзе, моего заместителя по армии, а в Закавказье — нашего верного, испытанного товарища, опытного революционера и партийного организатора — Иосифа Виссарионовича Сталина! Я считаю, неразумно держать в Москве, пусть даже на такой ответственной должности, как секретарь ЦК партии, столь энергичного вожака народных масс, тем более хорошо знающего местную обстановку. Кто «за», товарищи? — Троцкий обвел собравшихся взглядом. — Большинство. Уважаемый Иосиф Виссарионович, надеюсь, вам хватит месяца, чтобы сдать дела новому секретарю и предоставить для обсуждения в ЦК ваш план действий.

— Безусловно, Лев Давидович, — сдерживая клокотавшую в груди ненависть, улыбнулся Сталин. — Я буду сражаться там, куда меня пошлет партия.

— Я знал, что тебе можно доверять, Коба! — Троцкий подошел к коренастому грузину и горячо обнял его. — Вот настоящий ответ старого большевика!

Члены ЦК расходились не спеша, переговариваясь, обсуждая накопившиеся мелкие и не очень мелкие вопросы, согласовывая совместные действия и семейные праздники. Над кремлевскими башнями, обещая жару, пламенел закат. У автомобилей в ожидании хозяев курили шоферы и охранники.

— Я все слышал. Я все понимаю, Иосиф Виссарионович, — тихо произнес Дзержинский. — У нас в запасе не более месяца.

— У нас менее месяца и никакого запаса. То, чего хочет Троцкий, нельзя ему позволить. Как нельзя потушить этот закат. Следующим ходом он попросту смешает меня с грязью.

Нам следует поторопиться. Скажите, Феликс Эдмундович, что слышно из Парижа?

— Наш агент нащупал вариант прямого выхода на генерала Згурского.

— Нашупал...-Вариант... — повторил Сталин. — Слишком мало времени, чтобы щупать варианты. Мы должны ударить быстро и точно. Пусть наш товарищ поторопится. Если нужно, пусть не жалеет денег, вербует хоть самого президента вместе с Эйфелевой башней, но операция «Картель» должна быть завершена в ближайшие недели! Успешно завершена.

Середина мая 1924

Дмитрий Скороходов развернул замасленную бумажку с карандашной надписью и сверил адрес: «Отель д'Арманьяк». Правила конспирации требовали уничтожать все записи, так или иначе касающиеся дела, но он решил пока сохранить этот обрывок «Пари трибюн», чтобы при необходимости апеллировать к случайности знакомства. Как говорят французы, улица полна неожиданностей. Любому полицейскому могло прийти в голову потребовать документы у импозантного мсье с иностранным выговором. К чему сообщать блюстителям закона, что перед ними сотрудник дипломатического представительства Советского Союза. В кармане Скорохова лежал аргентинский паспорт на имя Дмитрия Протасова, в изящном портфеле из крокодиловой кожи — рекомендательные письма руководству завода «Рено». Если что, сеньор Протасов занимается оптовой закупкой и продажей автомобилей, и ему срочно требуется механик.

Скороходов остановился у заросшего плющом въезда во двор и не спеша, словно любуясь, стал разглядывать старый особняк с небольшим парком перед ним. В те давние времена, когда городская резиденция графов д'Арманьяк только строи-

лась, она замышлялась как трехэтажное здание. На первом этаже были кухня, кладовые и комнаты слуг; на втором — залы, музыкальные салоны; третий этаж целиком отводился под комнаты господского семейства и гостей. Уже много позже, в девятнадцатом веке чердак величественного особняка был перестроен в мансарду и теперь глядел на Париж окошками маленьких комнатушек, смотрясь при этом довольно нелепо — как дамская шляпка на гвардейском кирасире. Судя по четверке перед номером квартиры, в одной из таких дешевых каморок мансарды и жил новый знакомец Скороходова.

Представитель аргентинской компании опустил взгляд. У правого крыла отеля под навесом красовался десяток столиков, вокруг которых, оживленно болтая, сидели люди довольно богемного вида. Из помещения доносились звуки фортепиано.

«Литера, — прочитал Скороходов. — Что ж, кафе — это неплохо. Это может пригодиться. Скорее всего господин Тимошенков столуется именно здесь».

Неподалеку от кафе на площадке стояло несколько автомобилей: «рено», «де-дион-бутоны», старенький «форд». Среди этого колесного хлама трехмачтовым клипером меж рыбацких шаланд красовалась новенькая «изотта-фраскини».

«Да, хозяин этой красотики живет явно не на четвертом этаже», — подумал Скороходов и замер, точно приклеившись к тротуару. К автомобилю быстрым размеренным шагом приближался коренастый широкоплечий мужчина с седеющей бородой, несколько угрюмым лицом и тяжелым взглядом исподлобья.

— Згурский! — прошептал SR-77.

Он постарался скрыться за густой завесой плюща. Всего несколько дней назад Скороходов помогал внести потерявшего сознание генерала в пражскую аптеку. Вряд ли Владимир Игнатьевич тогда запомнил его лицо. Но вдруг?

«Неужели он тоже приезжал к Тимошенкову? Если так, выходит, безвестный капитан — птица высокого полета. Ина-

че с чего бы вдруг одному из руководителей белого движения ездить к нему в гости? Надо быть с ним поосторожнее».

Скороходов, вжавшись в каменную ограду, смотрел, как выезжает из ворот отливающая темным лаком «изотта-фраскини».

«Идти или не идти?» — думал он. Осторожность — бледнокрылая богиня тайных операций — требовала повернуть назад. Но полученная утром директива Центра звучала жестко и однозначно: «Максимально ускорить... Принять самые энергичные и решительные меры...»

«Ладно, мичман Протасов. Кто не рискует — тот не пьет шампанского. Итак, я планирую купить большую партию автомобилей «рено». Мне необходим квалифицированный механик, чтобы проверить товар. А дальше, — Скороходов вздохнул, — как уж карта ляжет. Искать другие подходы к Згурскому, похоже, нет времени».

Постояв еще немного, «аргентинец» вальяжной поступью направился к отелю. Лифт отсутствовал. Лестница с третьего на четвертый этаж узкая, полутемная. Когда Скороходов поднялся на лестничную площадку мансарды, в коридоре, разделявшем два ряда комнат, послышался стук и чей-то голос:

— Мсье Тимошенков?

«Ну и ну! — нахмурился Скороходов. — Экая популярность!»

— Откройте, это комиссар Рошаль!

Снизу на лестнице послышались шаги.

«Неужели засада? — подумал SR-77, судорожно соображая, что делать дальше. В коридоре щелкнул замок, впуская полицейскую ищейку в комнату русского механика. — В конце коридора должен быть туалет, — вспомнил Скороходов и, едва дождавшись, когда захлопнется дверь, поспешил туда. — Если что, всяко бывает. Приключился казус, срочно припекло. Версия хлипкая, но, как говаривал Муравьев-Амурский, за неимением гербовой, пишем на туалетной».

Дойдя до ватерклозета, он встал за чуть приоткрытой дверью, сквозь щель наблюдая за коридором. В узком проходе

между комнатами мансарды появился человек. Он дошел почти до убежища Скороходова, вытащил ключ и вставил его в замок своего номера.

— Жилец, — внезапно успокаиваясь, прошептал «торговец автомобилями». Через некоторое время дверь номера мсье Тимошенкова отворилась, и Скороходов увидел, как удаляется мужчина в сером клетчатом пиджаке. Судя по фигуре — тот самый комиссар.

«Интересно, — подумал Скороходов, — за кем же охотится Сюрте? За Тимошенковым или Згурским? В любом случае при вербовке это может пригодиться. Как говорится, с Дону выдачи нет. И Советская Россия может с распростертыми объятиями принять тех, кого невзлюбила парижская Фемида».

Он подошел к указанному в записке номеру и постучал.

— Комиссар, вы что-то забыли? — донеслось из-за двери. Замок щелкнул. — Ба! Дмитрий Дмитриевич? Вот не ожидал вас в такое время! Простите, у меня не прибрано.

— Пустое. Я рад, что вообще застал вас. Думал, вы уже отправились в Сент-Этьен.

— Как видите, еще здесь. У меня жена и дочь. Я не могу так сразу бросить все!

— Ну да, конечно. А я к вам по делу, Сергей Артемьевич. И, признаться, очень рад, что вы еще не уехали.

— Да-да, слушаю внимательно.

— Видите ли, у меня тут образовался большой заказ на закупку автомобилей «Рено». Вы говорили, что служили в этой компании.

— Да, сразу после войны.

— Стало быть, хорошо знаете все pro и contra выпускаемых моделей.

— Ну конечно! Я разбирал автомобили до винтика, отлаживал, чтоб они работали не хуже швейцарских хронометров.

— Это как раз то, что мне нужно. Вы будете получать по десять франков за каждую осмотренную машину. Всего планируется закупить тысячу штук. Итого...

— Спасибо, я посчитал.

— Таким образом, до отъезда в Сент-Этьен вы заработаете кругленькую сумму. К делу можете приступать хоть завтра. Вот только... — Скороходов замялся.

— Что «только»?

— Простите, вопрос наверняка некорректный. Однако, нанимая вас на работу, я обязан знать. Поднимаясь сюда, я встретился с мужчиной, а когда постучал, вы упомянули некоего комиссара. У вас что же, проблемы с полицией или, упаси бог, с контрразведкой?

— Нет, о нет! — замахал руками Тимошенко. — Комиссар Рошаль живет здесь на первом этаже. Представьте, он ведет дело об исчезновении Рафаилова.

— Это миллионер. Колчаковец, если не ошибаюсь?

— Ну да. Так вот, представьте себе, полиция всерьез подозревает, что к делу причастен генерал Згурский. Мсье Рошаль нужно было, чтобы я подтвердил алиби Владимира Игнатьевича. Но, боюсь, он мне не слишком поверил.

— Да, печально, печально... А знаете что, — Скороходов наморщил лоб, — я вот подумал: французской полиции все равно, кто разобрался с Рафаиловым, но для нынешнего правительства социалистов выгоднее, если разыскиваемый мистером икс окажется не парижский клошар, а белый генерал. Я полагаю, что мсье Рошаль не просто не поверил в ваши слова, он и не должен был в них поверить. Над Владимиром Игнатьевичем собираются грозные тучи. Довольно мрачные.

Может быть... Если вам не сложно, отрекомендуйте меня генералу. Кажется, я знаю способ ему помочь.

— Что за способ, если не секрет?

— Вы слышали что-нибудь о концессиях в Совдепии.

— Нет.

— О! Это очень выгодное дело! Для того чтобы поднять свою экономику, большевики сдают в концессию шахты, рудники, заводы. Сроки оговариваются, но от семидесяти до де-

вяности процентов чистой прибыли на все время концессии идет мимо большевистских карманов.

— Что вы могли бы предложить?

— У меня есть добрый друг в Северо-Американских Соединенных Штатах — он легко может помочь генералу Згурскому превратиться в какого-нибудь Джона Смита и организовать концессию, ну, скажем, мотоциклетного завода. Где-нибудь на Урале. Думаю, никому и в голову не придет искать Владимира Игнатьевича в Советской России.

— Да-а... Рискованный вариант.

— Но ведь всем известно, что генерал Згурский любит риск.

— Хорошо. Я сообщу ему о вашем предложении.

Май 1924

Генерал Згурский вскинул руку с револьвером и нажал спусковой крючок. Огонек свечи, поставленной в десятке метров от него, метался из стороны в сторону, стараясь уклониться от выстрела. Хлопок — и язычок пламени сорвало вместе с фитилем.

— Следующий! — Згурский протянул оружие ассистенту и наугад взял один из лежащих перед ним новеньких револьверов.

Еще один выстрел — и еще одна погашенная свеча.

— Надо поработать над формой рукояти, — прислушиваясь к своим ощущениям, произнес он. — Пальцы должны плотнее ее обхватывать.

— Есть! — Ассистент сделал пометку в блокноте. — Еще какие замечания?

— Спуск туговат.

— Но иначе возможен самопроизвольный выстрел.

— Благодарю за разъяснение. Прежде мне это в голову не приходило, — чуть заметно усмехнулся генерал. — В бою не

всегда есть время взвести курок. И та доля секунды, которая уходит на преодоление тугого спуска, может стоить жизни. Дайте задание конструкторам — пусть думают. — Згурский поглядел на входящего в стендовый корпус полковника Варраву. — А, Георгий Никитич? Не желаете ли пострелять?

— С удовольствием, но в другой раз. Прибыл Механик.

— Уже?

— Да, у него занятные новости.

Генерал оглянулся на ассистента, и тот, повинаясь молчаливому приказу, не замедлил оставить помещение.

— Механик говорит, что вчера ближе к вечеру, вернее, после обеда, к нему приходил окружной комиссар Рошаль из Сюрте. Он интересовался вашей с ним встречей перед отъездом в Прагу.

— Оперативно. У этого Рошалья крепкая хватка! — прокручивая барабан револьвера и прислушиваясь к звуку, усмехнулся Згурский. — Но это не новость. Ясное дело, марокканский стрелок должен был проверить мое алиби.

— Это действительно не новость, а лишь полновости. Вторая половина в том, что сразу после комиссара Рошалья появился так называемый мичман Протасов.

— Уже интереснее. Кстати, Георгий Никитич, вы уверены, что этот самый мичман — агент ЧК?

— На сто процентов. Мы установили круглосуточное наблюдение за русским представительством. Мичман появился в Париже в тот же день, когда вы приехали из Праги. В самом представительстве у нас есть некий источник, который сообщил, что он о чем-то приватно разговаривал с послом, затем — с торгпредом, получил деньги, а потом ушел и более не появлялся. Однако наблюдатели передали, что советский торгпред уже несколько раз бывал в тех кафе, где впоследствии, а иногда и до того, оказывался господин Протасов. В Париже мичман выдает себя за аргентинца, представителя торговой фирмы.

— Занятно. И что же хотел товарищ из ЧК?

— Предлагал Механику подработку — так сказать, практические консультации при закупке партии автомобилей. И опять интересовался вами. Сообщение о том, что Рошаль подозревает вас в причастности к делу Рафаилова, его немало порадовало. Он сказал Механику, что благодаря связям с влиятельными лицами в Соединенных Штатах он может сделать вам американский паспорт.

— Очень любезно с его стороны.

— Но это не все. Мичман предлагает вам чрезвычайно оригинальное укрытие.

— Советский Союз?

— Так точно. Протасов говорил о концессиях, на которые Совдепия нынче идет с большой охотой, и о том, что Сюрте никогда не подумает искать белого генерала в красной глубинке.

— Не без фантазии. — Генерал Згурский выстрелил не целясь, разнеся в осколки пустую бутылку из-под шампанского. — Я тихой сапой уезжаю из Франции, чем, естественно, возбуждаю у Сюрте самый нездоровый интерес, а затем въезжаю в Совдепию с американским паспортом, который по ту сторону границы будет объявлен липовым, даже если все президенты Америки, начиная с Вашингтона, лично распишутся в нем.

— Так и есть, Владимир Игнатьевич, — подтвердил Варрава. — Как видите, ОГПУ настоятельно пытается заполучить вас в свои руки. Так что, думаю, вашу поездку следует отложить.

— У вас есть доказательства, что приезд Брусилова — фарс? Или, как это у вас называется, шпиль*. Есть доказательства, что великий князь Михаил Александрович действительно мертв? Если так, то поездку следовало бы не просто отложить, а отменить немедленно. Но таких доказательств нет. Лишь подозрения. Согласен, не беспочвенные. Но сами подумайте, Георгий Никитич. На весах с одной стороны — моя жизнь, а с другой — успех всего нашего дела. Думаю, нет смысла производить взвешивание.

* Шпиль (от нем. Spiele) — оперативная игра (жаргон спецслужб).

— Владимир Игнатьевич, это полное безрассудство! Вы тут давеча упоминали Орлова, который помог выбраться из Совдепии подполковнику Шведову. Пока вы отсутствовали, я поговорил кое с кем из наших, так сказать, общих знакомых... Занятная штука получается.

— Думаете, он проданся красным?

— Как раз тут-то нельзя сказать ни да, ни нет. С одной стороны, существует непреложный факт: благодаря Орлову было спасено несколько сотен офицеров, переправленных с подложными документами через линию фронта. С другой — ходят слухи, что Орлов — личная креатура Дзержинского. Кто кого использует, утверждать невозможно. Точно известно одно: они встречались задолго до переворота, и Дзержинский точно знает, кто перед ним.

— Значит, неясно, кто из них держит волка за уши?

— Неясно, — ответил Варрава. — Но если в юриспруденции все непонятное толкуется в пользу обвиняемого, то в контрразведке непонятное работает против него. Я подозреваю, что Орлов нужен Дзержинскому для большой игры. Насколько я мог знать Владимира Григорьевича по совместной службе, он всегда работал сам на себя. Государь-император или товарищ Ленин для него своеобразная абстракция, символ власти. Вроде обозначения «север» на компасе. Он готов служить верой и правдой, но ровно до тех пор, пока лично ему — господину Орлову — это будет удобно и выгодно. И еще одно важное обстоятельство: в своей работе сей персонаж не брезгует никакими средствами.

— Это вы о чем?

— Вы, конечно же, помните, Владимир Игнатьевич, в самом начале войны широко в печати освещалось дело жандармского полковника Мясоедова, любимца военного министра?

— Да, помню. Он ездил охотиться с кайзером.

— Да-да. Именно этот случай. Это первое крупное дело, в котором зарекомендовал себя Орлов в качестве сотрудника контрразведки. Он тогда был прикомандирован к Ставке. Глав-

нокомандующим состоял великий князь Николай Николаевич, который Мясоедова терпеть не мог. А еще более его императорское высочество не любил военного министра. Так что, по сути, шпион Мясоедов или не шпион, было решено заранее на самом верху. Но фактов в деле не хватало. В те дни мне приходилось контактировать с коллегами в Ставке. Они выражались весьма недвусмысленно, что многие улики были попросту сфабрикованы Орловым и что его последующий карьерный рост начался именно с этого подлога.

— М-да... Малоприятный тип.

— Я сомневаюсь, что такой человек может состоять в тайной организации и на протяжении семи лет заниматься глубоким конспираторством, подвергая тем самым себя нештучному риску.

— Порой жизнь заставляет совершать подвиги.

— Порою — да. Но тот ли это случай? А кроме того, Владимир Игнатьевич, я уже высказывал мнение по поводу так называемого «Манифеста великого князя Михаила Александровича». Признаться, я не удивлюсь, если узнаю, что он вышел из-под пера все того же Орлова.

— Я показывал манифест великому князю Николаю Николаевичу, он говорит, что и почерк, и манера изложения, несомненно, похожи.

— И все же манифест очень меня настораживает.

— А если Михаил Александрович тем не менее жив? А если Брусилов и впрямь создал в Совдепии боевую организацию, способную изнутри взорвать всю эту большевизию? Вы сможете себе простить, если не воспользуетесь шансом?

Полковник Варрава грустно развел руками и промолчал.

— Давайте попробуем товарищей из ОГПУ переиграть. — Згурский положил револьвер на стойку. — Я беседовал со Шведовым. Судя по всему, он не врет. Конечно, вполне доверять такому нельзя. Но, как мне видится, его используют втемную. Да так, кстати, и надежнее. Через того же Шведова мы сообщим Орлову-Орлинскому, что я собираюсь приехать в

Совдепию и хочу встретиться с руководством Брусиловского подполья. В то же время пусть Механик сведет разговор с мичманом на ностальгические темы, выскажет, как он скучает по России. Перед советской властью Механик ни в чем не виноват, и если мсье Протасов в самом деле тот, за кого мы его принимаем, он с радостью поможет Механику съездить в Россию. Для начала — по французскому паспорту. Если во время этой, с позволения сказать, ознакомительной поездки Механик передаст Советам портфель моего тестя, то, полагаю, подозрения по поводу его ностальгии быстро развеются.

— Танковые разработки Кречетникова? Но, Владимир Игнатьевич, помилосердствуйте! Ведь этак мы сыграем на руку большевикам!

— С нынешним уровнем промышленности они все равно не смогут воспользоваться его изобретениями. Для этого нужно строить настоящий танковый завод. Сие займет несколько лет. Если же мы будем действовать решительно, то вышеупомянутых лет у большевиков не будет. Как говорят китайцы: «Замани врага на крышу и столкни лестницу». Далее, Георгий Никитич, я встречу с Протасовым и приму его предложение прибыть в Россию с американским паспортом для заключения договора о концессии.

— Но мы ведь уже говорили...

— Да. Но только с этим паспортом поеду не я, а Шведов. Если Орлов на нашей стороне, он все поймет без лишних слов.

— А если нет?

— Значит, подполковник Шведов героически погибнет, выполняя свой долг. Или спасется, раз ему так везет. В любом случае это позволит выиграть время. Теперь слушайте внимательно. — В голосе Згурского зазвучал металл. — Как только американский паспорт будет у меня на руках, я передам его вам для соответствующей доработки. Фотографию Шведова из Праги вам пришлют. По легенде я как раз уеду в очередную командировку, не важно куда. Хотя бы в те самые Северо-Американские Соединенные Штаты. Насколько я помню, у Механика здесь жена и дочь?

— Так точно.

— Купите для него литовский паспорт и документы судового механика на какой-то из британских кораблей судовой компании «Аркос» — там много наших. При необходимости это поможет ему уйти. Но главное, разработайте и передайте ему набор кодовых фраз, которые он может вставлять в письма, отсылаемые в Париж. Письма стерильно-нейтрального содержания: погода, цены, ура-ура, как все прекрасно. Осмотревшись, Механик начнет собирать людей, работавших прежде над танковыми проектами. Пусть даст знать, когда процесс пойдет. В это время я уже буду по ту сторону границы. Как только получу от вас надлежащие известия, прибуду в Москву под видом одного из «специалистов».

— Но как вы попадете в Россию?

— Георгий Никитич, это — мое дело. Ваша с Механиком задача — обеспечить приглашение.

ГЛАВА 18

*«Самый опасный враг для воина — он
сам. Самый опасный, но не единственный».*

Александр Фарнезе

Середина мая 1924

Секретарь повесил трубку на рычаг, закрыл журнал записи телефонограмм, поднялся с места и подошел к двери. Ему не хотелось лишний раз тревожить председателя ОГПУ, но приказ Феликса Эдмундовича гласил: «Докладывать немедленно!» Секретарь чуть приоткрыл дверь и заглянул в кабинет. Дзержинский сидел над бумагами, оперев голову на руки. Глаза

его были открыты, но, кажется, появления своего помощника он даже не заметил.

Секретарь тихо кашлянул. Дзержинский вскинулся, тряхнул головой и с пронизывающей до нутра прямой глянул на вошедшего.

— Я, похоже, заснул, — растирая виски, смутился Дзержинский.

— Феликс Эдмундович, вам бы отдохнуть, — уклоняясь от прямого ответа, заговорил секретарь. — Вы же себя так в гроб загоните!

— Ну-ну, пустое, — отмахнулся председатель ОГПУ. — Ты мне еще скажи «бога побойтесь»! Такое кругом творится! Новый мир строим — некогда умирать! Вот контру выкорчем — тогда отдохнем. Сдам дела товарищу Менжинскому и пойду вчерашних беспризорников воспитывать. Как товарищ Макаренко, коммуны организую. — Дзержинский улыбнулся. — Я вижу, друг мой, вы не верите. А зря. Борьба с голодом, разрухой, преступностью — все это, конечно, важно. Как сказал бы Ильич — архиважно. Но воспитание детей, я полагаю, даже важнее всего этого. И если государство упустит сегодняшних детей, завтра мы получим не строителей коммунизма, а новую волну грабителей, убийц и прочих врагов революции. Так что не стоит улыбаться.

— Я и не улыбаюсь, — заверил секретарь. — Тут срочная телефонограмма по поводу Згурской.

— Что, нашли-таки?

— Не совсем. Товарищи с Горкинского уездного управления докладывают, что на станции Расторопино был обнаружен бывший начальник елчаниновской милиции Судаков.

— Обнаружен? — подняв брови, с нажимом переспросил Дзержинский. — Под лавкой валялся?

— Как сообщают, поймать его не удалось. Преступник скрылся, оглушив и обезоружив двоих милиционеров.

— Обезоружив, но не убив? Это, конечно, хорошо. Но довольно странно. Вы не находите?

— Быть может, он испытывает жалость, так сказать, к своим?

— Не исключено. В любом случае это дает нам повод надеяться, что бывший товарищ не окончательно безнадежен.

— В телефонограмме сказано, что он даже оружие не забрал. Только патроны.

— Это и вовсе можно счесть обычной предосторожностью. Чтобы наши люди, буде придут в себя и станут преследовать, не смогли его подстрелить. Нет, положительно мне представляется, что этот Судаков не враг. Он просто запутался. Я видел портрет, который нарисовал профессор Дехтерев. Госпожа Згурская действительно хороша собой. А что, если наш милиционер попросту влюбился?

— Да ну как-то это... несерьезно, — дернул плечом секретарь.

— А вы зря отбрасываете такую версию. Она многое объясняет. Вы запросили личное дело Судакова?

— Так точно, Феликс Эдмундович! Судя по имеющимся документам, просто образец красного командира. Службу начал в девятьсот четвертом, участвовал в Русско-японской. Награжден Георгиевским крестом за взятие в плен японского полковника. После демобилизации работал на пристани грузчиком, затем возглавлял всю артель. В империалистическую вновь был призван. И опять награжден «Георгием» — за выбытием офицеров возглавил спешенный эскадрон и удержал позицию до приказа об отходе. Произведен в унтеры. С Февральской революции в полковом комитете. После Октябрьской революции командовал эскадроном. Награжден именным наганом по приказу наркомвоенмора. Был тяжело ранен при обороне Камышина и по излечении откомандирован в Елчаниново для борьбы с бандитизмом. Представлен к ордену Красного Знамени, кандидат в члены ВКП(б), имеет блестящие рекомендации.

— Парадоксально! Прямо мистика какая-то. Впрочем, профессор Дехтерев как раз указывал, что госпожа Згурская вла-

деет своеобразным гипнозом. Вот как хотите, — Дзержинский хлопнул ладонью по столу, — я не могу поверить, что такой человек, кровью доказавший преданность революции, продался врагу! Это либо страсть, либо гипноз. Что, впрочем, почти одно и то же. Разошлите депеши во все губернские управления ГПУ и НКВД. Згурская и Судаков нужны мне живыми и желательно невредимыми!

Дзержинский рассек воздух рукой, словно отметая возможные противоречия.

— Феликс Эдмундович, вы бы не волновались так. — Секретарь с укоризной глянул на обострившиеся черты и без того худого лица председателя ОГПУ. — Может, вам чаю сделать с лимоном? Или вот кофе хороший есть — не морковный, настоящий!

— Да что ты заладил! Я намерен жить еще лет тридцать или сорок! И нервы у меня железные, на каторге выкованные! Ты мне вот что лучше скажи: в телефонограмме об одном только Судакове говорится?

— Да. — Секретарь протянул журнал.

Дзержинский быстро пробежал глазами текст и захлопнул грессбук:

— Хотелось бы знать — они вдвоем сюда прибыли, или Татьяна Михайловна где-то в ином месте прячется?

Секретарь пожал плечами.

— По логике вещей Згурская вполне может искать укрытие в Москве — она ведь коренная москвичка. Надо уделить особое внимание столице и пригородам: облавы, проверка паспортного режима, ориентировки для всех наших секретных сотрудников на местах. Тщательнейшим образом проверьте Расторопино и его окрестности. — Дзержинский замолк на полуслове. — Постой! Станция Расторопино. По правую руку — село Расторопино, а по левую — село Верхне-Семеновское.

— Так точно.

— А около него, — продолжил Дзержинский, — санаторий ОГПУ «Лесная даль».

Секретарь увидел, как мрачнеет лицо Дзержинского, и внутренне напрягся.

— А в этом санатории, как вы, несомненно, помните, содержится бывший генерал Джунковский.

— Феликс Эдмундович, — заговорил секретарь, чувствуя, как ему передается волнение шефа. — Вы полагаете, Судаков пробирается туда, чтобы убить Джунковского?

— На этот вопрос мы не можем сказать ни «да», ни «нет» и, следовательно, должны полагать, что «да». Немедленно телефонируйте в санаторий! Джунковского как можно скорее тайно доставить в Москву. В санатории устроить засаду, усилить посты, и доведите до сознания каждого бойца, что им противостоит чрезвычайно опасный враг. При отказе сложить оружие приказываю открывать огонь на поражение.

— Феликс Эдмундович, вы же вот только что говорили «взять живьем».

— У всякого бывают минутные слабости. Если враг не сдается, его уничтожают!

Середина мая 1924

Пес, узнав хозяйку, радостно завилял хвостом и повис на цепи, перебирая в воздухе передними лапами в безнадежной попытке водрузить их на плечи Татьяны Михайловны и преданно облизать ей лицо.

— Не шали, Самурай. — Хозяйка потрепала пса за ухом и вошла в сени.

— Мама! Ой, как хорошо, что ты приехала! — распахнула дверь Ольга. — Я так ждала, так волновалась!

— А вот и Танечка — голубка моя! — Надежда Акимовна, вытирая руки краем передника, устремила навстречу любимице. — А тут как раз и пирог испекся! С дороги, поди, устала? Сейчас и попотчует! Оленька, золотце, давай собирай на стол.

— А Петр Федорович где? — поцеловав морщинистую щеку старой кормилицы, спросила Татьяна Михайловна.

— Так улетел, сокол! Днем узелок свой взял и потопал.

— Куда?

— Да кто ж его знает? Может, на станцию, может, еще куда...

— Жаль как! — печально вздохнула Згурская. — А я как раз местечко для него нашла. Глупо получилось — даже не попрощались.

— Ну и что с того? — Надежда Акимовна развела руками. — Жизнь — она такая. Не всякий раз по-писаному случается. Иногда и так вот — запростежки. Ушел, как ветром дунуло. Главное ж не в том, что на пороге не почеломкались, а чтоб в другой раз, встречаясь, добра и здоровья пожелать хотелось.

Татьяна Михайловна чуть поморщилась от потока банальностей, но не стала унимать рассуждения хозяйки дома.

— А он, как я поглядела, человек хороший. И рассудительный, и так... Без всяких глупостей в голове. Еще поутру встал, я ему с собой еды положила, и, значит, пошел. Да ты присаживайся, присаживайся к столу, голубушка. Что ж стоишь-то?

— Сейчас, только руки помою.

— И то верно! Что это я, дура старая, совсем затуркалась!

Татьяна Михайловна подошла к рукомойнику, надавила на висящий стержень и, набрав в ладони воду, плеснула на лицо. Умом она понимала, что Судаков поступает верно, что где-то далеко его ждет семья. Что и без того она, Згурская, причинила ему столько неприятностей, подвергла стольким опасностям. И его самого, и его жену с дочерью. И все же со стыдом Татьяна ощущала боль и огорчение от расставания, тем более такого.

Она ловила себя на мысли, что все последние дни рядом с хладнокровным, уверенным в себе, сильным мужчиной она и сама чувствовала себя спокойней и уверенней.

«Господи, неужели я к нему испытываю что-то большее, нежели дружеская признательность? — с испугом подумала

Татьяна Михайловна. — Нет, не может быть. Не должно и не может быть!»

Она намылила руки бурым куском мыла, ополоснула. Ольга подала полотенце.

— Мама, ты чем-то взволнована?

Татьяна Михайловна покачала головой:

— С Петром Федоровичем нехорошо получилось.

— Честное пионерское, он сам ушел! Ему никто и словом не обмолвился!

— Да, конечно. Пойдем к столу. Завтра утром отправимся в Москву, так что после ужина, будь добра, не засиживайся, сразу ложись спать.

Ела Татьяна Михайловна без особой охоты, все пытаюсь разобраться в мыслях и чувствах.

— Да что ж ты не ешь совсем, голубонька? — выдернула ее из размышлений Надежда Акимовна. — Али невкусно?

— Нет, спасибо. Очень вкусно! Просто устала. Москва с непривычки оглушает.

— И то правда. Я туда на Пасху, значит, на ярмарку ездила, так приехала, будто у меня на голове целый день горох толкли! Так, может, спать пойдешь?

— Пожалуй, — согласилась Татьяна Михайловна.

Она встала из-за стола, и тут, сметая все на пути, в комнату влетела перепуганная Ольга.

— Что такое, доченька? — всполошилась Згурская.

— Мам, мне тебе по секрету сказать нужно. — Ольга схватила мать за руку и потащила на крыльцо.

— Ну что еще?

— Мам, я в уборную ходила, там... — она застеснялась, — неподалеку Петр Федорович прячется! Велел тебя позвать. Только чтоб тихо.

— Хорошо, спасибо. — Татьяна Михайловна удивленно поглядела в темноту. — Иди в дом, бабе Наде ничего пока не говори. Я скоро вернусь.

— А может, не идти тебе? — переспросила Ольга. — Он страшный! Как глянет...

— Постыдись! Как ты можешь?! — перебила дочку Татьяна Михайловна и начала спускаться с крыльца.

Возле одинокого деревянного строения до Згурской из кустов бузины донесся сдавленный шепот:

— Вы зайдите! Неровен час кто наблюдает!

— Да кто тут наблюдать может?

— Известно кто. Либо ГПУ, либо НКВД. Для нас что в лоб, что по лбу — все едино. Вы как сами-то добрались?

— Благодарю вас, хорошо. Место в Москве нашла. И вам есть где пока спрятаться.

— Эка оно... В Москву еще попасть надо.

— Я доехала спокойно.

— А я вот — нет. В кассу сунулся, а там мой портрет. И ваш, кстати!

— Местные жители редко берут в кассе билет на Москву. Если контролер идет — ему сразу и платят.

— Кто же знал? Да мне и не на Москву надо было. В общем, загвоздка вышла, Татьяна Михайловна. Осрамился, как последний дурень. На станции в кассе меня признали, потом погоня увязалась.

— Вы их убили? — всплеснула руками Татьяна Михайловна.

— Не стал. Оглушил маленько. Но голову на отсечение даю — теперь здесь вертеж начнется!

— Может, еще обойдется? — с надеждой в голосе спросила Згурская.

— Обойдется! Держи карман шире. Я их повадки знаю. Сейчас и сыск носом землю рыть будет, и топтуны по сторонам в три раза чаще зыркать станут. И гэпэушники лес частым гребнем прочешут.

— Так что же теперь делать? — обескураженно спросила женщина.

— Только, бога ради, не бойтесь! — шикнул на нее Судakov. — А то и меня разом с вами дрожь пробирает. Есть одна

задумка — как до столицы добраться. Не абы что, но другой, простите, не имеется. Только местечко нужно близ дороги, где бы до рассвета спрятаться.

— Я знаю такое место! — радостно заговорила Татьяна Михайловна. — Мне когда-то муж показал. Они там в казаков-разбойников играли!

— Надежное ли?

— Очень надежное, Петр Федорович. Когда шоссейную дорогу строили, на пути ручей был. Он как снег тает или при дождях разливается. А так — едва струится. Этот ручей в трубу забрали, и труба под самой дорогой. Вокруг заросло — со стороны не видно. Только если знаешь, где искать — найдешь.

— Хорошо. Стало быть, сейчас и пойдем. Вы пожитки свои берите.

— Я быстро. Только Ольгу соберу...

— Нет, Татьяна Михайловна. Да вы сами подумайте — мы ж с вами не за цветочками-ягодками идем. Дело такое. Может, свезет, а может — не свезет. Ольгу не ищут — на что она кому сдалась? Тут ей безопасней будет! Бабуля ваша толково говорила. Если что, Ольга — внучка ее, на лето приехала. Ежели бог даст, обустроимся, то и заберем.

Татьяна Михайловна промокнула невольные выступившие слезы.

— Да не рвите вы душу, — прошипел Судаков. — Я ж чувю, что вы сейчас сырость разводите! Бабух слез только не хватало. Давайте собирайтесь по-быстрому!

Судаков прислушался: доносившиеся вдали голоса стихли.

— Кажись, прошли, — прошептал он.

— Кто это? — в тон ему произнесла Татьяна Михайловна.

— Известно кто, — скривил губы бывший начальник елчаниновской милиции. — Сейчас в лес не сунутся — больно темно. Тут тебе и леший на кабана под носом проскользнет — не увидишь. Так хоть патрулями дорогу держат. А чуть рассветет — чесать начнут.

— Ну что, идем уже? — спросила Татьяна Михайловна.

— Нет, сидим покудова тихо. Лес вон какой трескучий, кто знает, когда следующий патруль тут окажется? Сначала выждем, прикинем, как они ходить будут, тогда к трубе и двинемся. И тоже так — с опаскою. На всю ногу не ступайте, а потихоньку — с пятки на носок, и чтоб словно наискось ступней перекатываетеесь. А то глупо будет у самого входа в схрон головы лишиться. И еще вот — делаем шаг в шаг, чтоб, ежели что, казалось, будто один человек идет.

Татьяна Михайловна с благодарностью поглядела на Судакова и в душе порадовалась, что он не видит этого взгляда.

В отдалении прошел еще один патруль. За ним — еще и еще.

— Негусто ходят, — отгоняя зудевших комаров, пробормотал бывший командир эскадрона. — Ну да оно и к лучшему. Идемте-ка. Но тихо. Как я учил.

Они ступали и притаивались. Вновь ступали, вслушиваясь, не раздастся ли со стороны дороги окрик или, того хуже, лязг затвора.

— Левее, — шепотом сказала Татьяна Михайловна. — Там меж камешков ручей.

— Вот по нему и пойдем. Ног не подымайте, чтоб не плескать. Так, по дну, двигайте. Только ж, ради бога, не оскользнитесь!

Еще минут через пятнадцать они наконец добрались до трубы. Должно быть, ее не чистили лет десять. На треть она была забита подсохшей грязью, но, скрючившись в три погибели, там можно было примоститься.

— Хорошее местечко. — Судаков удовлетворенно погладил усы. — Без собак такое не сыскать!

— А если будут собаки? — спросила Татьяна Михайловна.

Петр Федорович достал из кобуры наган.

— По следу нашему пустить их вроде не с чего. Хотя как знать. Может, из дому уже что прислали. Ну, ежели собаки, то все, Татьяна Михайловна. Пиши пропало.

Ночные часы тянулись медленно. Наконец рассветный туман заволокл лес. Утренняя сырость заставляла стучать зубами как тех, кто дежурил на дороге, так и прятавшихся под ней. И вот до чуткого уха Татьяны Михайловны донеслись резкие звуки команды, и вслед за тем лес наполнился голосами и хрустом сухих ветвей, ломающихся под коваными сапогами.

— Ну, слава богу, — выдохнул Судаков. — Значит, минут через десять и нам пора выбираться. Я первым пойду, а потом вас кликну.

Хруст веток отдалился и стих, и Судаков, прислушавшись для полной уверенности, ужом выскользнул из сырого убежища. Когда он заглянул снова в трубу, Татьяна Михайловна судорожно закрыла рукой рот, чтоб не вскрикнуть. На Судакове вновь красовалась свежестиранная и отутюженная милицмейская форма.

— Тише, тише. Это я. Значит, так, в саженях двухстах отсюда стоит грузовик. Там шофер и еще один солдат для охраны. Мы к ним подходим как раз со стороны кузова, идем по дороге, не скрываясь: вы — первая, я — за вами, как бы держу на мушке. Когда будем подходить, вы платок разверните, словно с головы его снять или перевязать хотите. Ну, чтоб лицо мое прикрыть. Да только ж не бойтесь! Христом богом вас прошу!

Татьяна Михайловна улыбнулась неожиданно для себя самой — почему-то именно сейчас ей было очень спокойно. Будто собиралась она прогуляться ранним утром по любимому расторопинскому саду.

Они шли по дороге, радуясь обрывкам утреннего тумана. Как и заверил Судаков, грузовик стоял у обочины. Рядом, с карабином на изготовку, подозрительно оглядывая ближайшие кусты, караулил молоденький красноармеец. Он не сразу заметил идущую по шоссе пару. Как только солдат повернулся, Татьяна Михайловна подняла укрывавший ее плечи платок и развернула его, словно желая повязать на голову.

— А ну, тетка, не балуй. Не сучи руками! — прикрикнул Судаков. — Давай вон, ладони на затылок!

— Стой! Кто идет? — переполошился боец.

— Да уж дошли! Спать меньше надо!

— Что, неужто взяли?

— Вот мастак ты глупые вопросы задавать! Сам, что ль, не видишь? Иди лучше помоги этого тянуть!

— Сам, что ли, не дойдет?

— Что ли — не дойдет... Когда брали, прикладом по башке двинули, так он сейчас мешок мешком. А там, у поваленного дерева подъемчик — вдвоем этого кабаняру не затащить! Давай бегом! — Судаков сделал еще шаг, скрываясь за кузовом.

— А ты сам вроде не из наших.

— Ага! Генерал Врангель — моя фамилия! Мы со стороны Расторопино идем. Чтоб как ладонями схлопнуть — бац, и бежать некуда.

— А-а, — боец закинул оружие за спину. — Так я тогда — одна нога тут, другая там!

— А третьей — шевели к своим, да скажи, что можно возвращаться!

Красноармеец бегом устремился в указанном направлении. Едва он скрылся из виду, как Судаков оказался в кабине, и холодноватый ствол револьвера уперся в лоб водителя:

— Заводи мотор.

— Так, а...

— Быстро! Татьяна Михайловна, лезьте скорее!

Машина взревела и, прочихавшись, рванула с места.

— Все равно вам не уйти! — вцепившись в баранку, как тонущий в спасательный круг, бросил шофер.

— А кто его знает, как его будет. Пароль и отзыв.

— Не скажу!

— Голуба, я и сам авто водить умею. Выбирай: поможешь выбраться — жив останешься, потом наплетешь как я тебя связал, рот заткнул и без тебя уехал. А нет — извиняй, хлопну тебя, как жука навозного.

— Пароль «Вологда», отзыв «Рязань».

— Вот и молодец. Что там у нас впереди?

— На въезде в город застава.

— Значит, так. У заставы тормозишь, я уж как-нибудь скрючусь, а ты скажешь, что Згурскую взяли, и теперь ты ее доставляешь на Лубянку, аллюром три креста.

— А дальше?

— Ну, если все будет хорошо, то едешь ты в сторону этой самой Лубянки, куда тебе уважаемая Татьяна Михайловна не прикажет остановиться. Все понял?

— Все.

— Тогда, паря, не делай глупостей. Стреляю я отменно, а наган, сам знаешь, осечек не дает.

Середина мая 1924

Пожилой садовник почтительно склонил голову, отмечая приближение хозяина завода:

— Бонжур, мон женераль!

Помощники садовника — гренадерского роста и выправки, на мгновение оставив работу, вытянулись в струнку, приветствуя командира.

— Добрый день! Вольно, — негромко, но очень четко произнес Згурский и мерным шагом двинулся мимо украшенной благоухающими цветами зеленой изгороди.

Садовник был одним из немногих, кто остался здесь работать при «новой власти». Пейзажный парк, тянувшийся от самого заводоуправления на четверть лье, являл собою настоящий образец изысканного вкуса. Парк насадили еще полвека назад, и едва ли не половину этого срока садовник ухаживал за кустами роз, клумбами, баскетами и посыпанными мелким гравием аллеями. Новый хозяин платил хорошо и исправно, но, к глубокому неудовольствию садовника, казалось, не замечал окружавшей его красоты.

Генерал Згурский шел по аллее, углубленный в размышления, пытаясь найти разгадку «брусиловского ребуса», как окрестил он для себя это дело. Суждение Варравы, четкое и однозначное, звучало: «Слишком хорошо, чтобы быть правдой». Великий князь Николай Николаевич, кажется, с радостью готов был переложить на «чудом спасшегося» племянника непростое бремя — стать знаменем борьбы с большевизмом. Как ни грустно, но с его высочеством все понятно — он попросту устал от всего этого и, когда бы мог, жил бы себе частным лицом. Кутепов рвется в бой, уже формирует армию вторжения в белорусских лесах.

Но что, если все это — грандиозная провокация красных? Владимир Игнатьевич прищурился от яркого солнца.

«А если нет? Мучительное чувство — быть ответственным за судьбу Отечества. Но когда боишься принимать на себя такую ответственность, то погоны лучше не надевать. Выходит одно — надо идти. Надо рисковать, совать голову в пасть льву, чтобы, если будет на то господня воля, выиграть битву, равной которой еще не знала Россия».

Ему вспомнилась история почти четвертьвековой давности. Тогда, после окончания николаевской Академии Генерального штаба, он только-только прибыл в Благовещенск в формируемый Восточно-Сибирский стрелковый полк.

— Эк вы, голубчик, вырядились, — глядя на парадную форму капитана-генштабиста, покачал головой командир стрелков. — Здесь так не ходят. В этом наряде хунхузы из вас за пять минут посылку маме с папой сделают.

— Шалят? — поинтересовался Згурский.

— Озорничают, — хмуро ответил сибирец. — Войны не мигновать. С той стороны Амура что ни день, то вылазки. А у нас пшик: горстка казаков, полк вон еще — одно название, да городское ополчение. Если всерьез полезут, боюсь, не удержим город.

— Следовало бы провести разведку, — горячо заявил молодой капитан. — Выяснить расположение, численность и планы врага.

— Экие вы, штабные, быстрые! Разведку провести... Как же вы ее проводить намереваетесь? Когда с этой стороны Амура китайцев тьма-тьмущая, а с той стороны — ни одного европейского лица не сыщешь.

— Разрешите провести, ваше высокоблагородие? — вытянулся Згурский.

— В герои рвешься или смерти ищешь? — подозрительно глянул на него командир полка. — Я почитал. Аттестация у тебя отменная, из лейб-егерей, Академия с отличием. И вдруг на тебе — Благовещенск. Проигрался? Хотя нет — от злой любви в нашу глушь сбежал?

— Ни то, ни другое. Так что ж, разрешите?

— Ох, смотри. Голова-то на шее одна. Но разведка и впрямь нужна.

— У меня план есть...

План у Владимира Игнатьевича действительно имелся. Он возник примерно за час до прибытия в Благовещенск, когда, проезжая через небольшое приречное село, капитан застал разгульный, во весь мах, китайский погром. Во главе погромщиков, потрясая шашкой, выступал полицейский пристав.

— Отставить безобразие! — поднялся в стремях молодой офицер.

— Эт чей-то ты тут раскомандовался? — горячо выкрикнул полицейский чин.

— Унять дебоширов! — распорядился Згурский отряженным для его встречи стрелкам.

Погром как-то вмиг утих, толпа пустилась наутек, арестованный пристав под конвоем был доставлен в Благовещенск, а через пару дней на противоположный берег Амура направилось множество лодок с местными китайцами и их нехитрым скарбом. Вместе с ними для принесения официальных извинений губернатору провинции отбыл и капитан Згурский. На обратном пути он исчез. Как растворился. А еще через неделю возник в Благовещенске, обряженный в нелепый балахон из волчьих шкур, закрывавший лицо. Глухонемой нищий с протянутой рукой не вызвал подозрения у готовившихся к наступ-

лению на Благовещенск китайцев, но по эту сторону Амура выглядел нелепо.

«Почти четверть века назад, — про себя вздохнул Згурский. — Следует проделать нечто подобное. Вот только ставки теперь куда выше».

— А это растение называется гибискус, — услышал он рядом приятный женский голос. — На латыни *Hibiscus rosa-sinensis*. Обратите внимание на черешчатые листья — они блестящие и словно немного помятые.

Генерал точно очнулся от своих мыслей. Учительница основанной при заводе русской школы, окруженная стайкой учеников, указывала на стену высокого, украшенного алыми цветами кустарника.

— Видите, какие прекрасные цветы? Они могут быть красными, розовыми, желтыми...

Згурский, не отрываясь, смотрел на учительницу. Тонкой ли фигуркой, интонацией — чем-то неуловимо она напоминала Владимиру Игнатьевичу его Танечку. Таню. Ландыш, превращенный в человека. Згурский нахмурился, отгоняя непрощеную мысль, но та не уходила.

«Я хочу вернуться в Россию, чтобы найти Татьяну и Ольгу, — вдруг ясно сформулировал он. — И что бы мне сейчас кто ни говорил, я знаю, я чувствую, что должен быть там!»

— Дети, а кто мне скажет, как еще называется это растение?

— Китайская роза! — не замедлил с ответом один из учеников.

— Правильно, китайская роза.

— Правильно, — словно эхо, вторя учительнице, пробормотал генерал.

Сентябрь 1901

— ...Это растение называется у нас фу-сан, иначе — китайская роза. Листья и цветы его очень полезны — их добавляют в средства от злокачественных опухолей, а также в лекарство от

хвори, именуемой у вас «свинкой». Близкий родственник этого растения джи-чи еще более целебен. И кора, и корень его пригодны для врачевания. Он снимает жар, лечит желудок, унимает кожный зуд, исцеляет головную боль и простуду, а также гнойные раны. — Лун Ван любовно погладил маленькую, обернутую пергаментом, тыковку с очередным зельем.

— Зачем ты мне все это рассказываешь? — спросил тогда Згурский.

— Потому что Юй Лун должен знать это. Вернее, не так: ты уже знаешь все от рождения. Надо лишь вспомнить, позволить себе поверить, что ты не обычный человек.

— Старый ты льстец, Лун Ван! «Не обычный»... Самый что ни на есть обыкновенный.

— Не пробуй это понять умом. Мои слова тебе кажутся лестью или сказкой, и уже не в первый раз. Не отторгай моих речей,пусти их в сердце. Прислушайся к себе, позволь открыться тому, что в тебе заложено.

— Ну конечно! Тогда я смогу разгуливать по семь верст за шаг в прошлое и будущее, совсем как ты вчера!

— Ты и так можешь делать это.

— Лун Ван, признайся, что это какой-то фокус!

— Когда-нибудь, Юй Лун, ты убедишься в моей правоте. И я молю небеса и нашего общего прародителя, чтобы в этот миг у тебя хватило силы принять ее, а не прятаться, как сейчас.

Середина мая 1924

В памяти генерала всплыла пражская аптека, ошеломленное лицо доктора с китайским лекарством в руках.

— Неужели Лун Ван не кривил душой? — с каждым шагом впечатывая слова, прошептал Владимир Игнатьевич. — Я — дракон Юй Лун! Я могу все, могу пронзать время и пространство, точно ватный шарик иглой... Хочу быть в Москве! На Красной площади! Как?.. Нет... Чушь! Небывальщина!

Згурский оглянулся. Вокруг благоухали китайские розы, удалялась группа школьников во главе с хрупкой большеглазой учительницей. Впервые в жизни сожалел, что старый мошенник врал, как сивый мерин, Згурский развернулся на каблуках и зашагал к заводууправлению.

ГЛАВА 19

*«Всякий, кто говорит «не могу»,
лжет».*

Граф Калиостро

Август 1629

Бейджин ликовал — в распахнутые крепостные ворота на покрытом роскошным ковром скакуне въезжал грозный полководец владыки Поднебесной, У Сань-Гуй. Следом за ним на золоченой колеснице, в окружении личных императорских стражей под своды ворот вступил сумрачный, как февральское ненастье, Хранитель Пяти царств, опора трона Преславный и Всевеликий Юй Лун — Федор Згурский. Пришедшее с севера войско маньчжуров было разбито наголову, тысячи ограбленных до нитки мертвых тел остались на полях сражений кормом для воронья, толпы пленников следовали за гвардией владыки Поднебесной, и громадный обоз с трофеями, забивая дорогу в столицу, тянулся на много верст.

На площадке широкой лестницы перед императорским дворцом расторопные слуги водрузили золотой, усеянный множеством шелковых подушек, трон, на котором, встречая победителей, горделиво восседал Чун-Джень — Желтый император. Глядя на повелителя великой страны, кто бы сейчас осмелился сказать, что два с половиной века тому назад его

предок — крестьянский сирота — по милости настоятеля одного из монастырей облачился в оранжевое одеяние монаха, чтобы собирать милостыню для обители. Сейчас на государе не сверкало золотом лишь то, что блистало и переливалось драгоценными камнями.

Командир телохранителей поднял руку, и всадники эскорта остановились, не смея переступить запретной черты. У Сань-Гуй спешился и через двор пошел к трону. Лишь Юй Лун оставил колесницу у самых ступеней. Желтый император хлопнул в ладоши и несколько мускулистых невольников, возглавляемых осанистым казначеем, вынесли и поставили у трона два тяжелых сундука. Казначей отпер их и поднял крышки. Сияние разлилось над сокровищами.

— Это лишь небольшой дар, который я преподношу вам, о храбрейшие и могучейшие из воинов, — в знак признательности за победу над маньчжурами. Моя благодарность не будет знать границ. Конечно, по древнему обычаю, кроме этого вам принадлежит десятая часть всех трофеев и право сделать выбор сразу после меня. Также я дарю вам треть маньчжурского полона — судите и милуйте по своему усмотрению. Если у вас есть еще какие-нибудь желания, я с радостью исполню их.

Повелитель Китая глянул на командующего, затем перевел взгляд на Юй Луна:

— Я жду твоих слов, мой друг.

— Владыка Поднебесной, государь-надежда! Я недостоин всех этих богатств. Ни в великом сражении, ни в малом бою, ни даже в схватке грудь в грудь — ни разу я не выехал во чисто поле, саблей не махнул на пути врага. Точно вызолоченный столб, стоял в стороне, и даже когда гибли воины стражи моей, мне в сечу ворваться не дозволялось.

— Юй Лун, — владыка Поднебесной покачал головой, — то, что было по силам моим воинам, они совершили под мудрым командованием У Сань-Гуя. Твое же присутствие знаменовало победу. Ты сделал для нее не меньше, а даже больше всех моих людей, вместе взятых. Не отвергай предложенные

сокровища! Скажи еще, что ты желаешь, дабы мог я тебя наградить на славу!

— Я желаю вернуться домой!

Император изобразил огорчение на лице:

— Зачем, Юй Лун? Разве там, в далеком северном краю, твой дом? Разве там ты удостоен славы и почета большего, чем здесь? Скажи, что влечет тебя вдаль? Белый царь хотел торговать со мной, и я дал ему самые выгодные права и условия для торговли. Если ты скучаешь по друзьям — скажи: я велю написать Белому царю, чтобы он прислал их. Если там, далеко за Серединным хребтом, у тебя осталась женщина, я сделаю так, что повелитель московитов пришлет сюда и ее. А хочешь, можешь выбрать любую из здешних красавиц или десять, или сколько тебе будет нужно. Каждая будет рада взойти с тобой на ложе. Скажи только.

— Нет.

Насурьмленные брови императора чуть дрогнули:

— Что ж, пойдем со мной, Юй Лун. То, о чем мы говорим, не следует знать посторонним. — Он поманил к себе одного из евнухов, что-то шепнул ему, пересел с трона на крытые балдахинном носилки и, оставив стоящую во дворе процессию ждать, направился во внутренние покои дворца.

Стражники закрыли за владыкой и могущественным Юй Луном тяжелые бронзовые двери и заслонили их собой, готовые убить любого, кто осмелится приблизиться.

— Скажи начистоту, мой драгоценный друг, — начал император, — разве тебе плохо здесь?

— Чего уж... Почета и славы тут с избытком. Богатства — и за год не счесть. Но только пойми — там я сам по себе. Бывало, что на удачу рассчитывал, но все более — на удаль свою, на руку крепкую, на ловкость и ратное умение. А в твоих землях что ж? Ни дать ни взять — икона ходячая.

— Юй Лун, ты слишком драгоценен, чтобы подвергать жизнь свою опасности. Белый царь не понимает этого, но мы... — Он взял с сервированного лакового столика расписную фарфоро-

вую чашечку с ароматным напитком. — Утоли жажду. Путь был долгим. Как у вас говорят, здрав будь!

Федор Згурский поднял чашу, сделал пару глотков и почувствовал, как Желтый император и комната в дорогом убранстве начинают расплываться.

— Опоил! — выдохнул он, пытаясь выхватить саблю. Но руки обвисли, точно у набитой тряпками куклы.

— Ты сейчас уснешь, Юй Лун, — продолжал Чун-Джень. — Напиток не опасен для тебя. Ты уснешь и проспишь целый день. Затем проснешься, мучимый жаждой. Этот волшебный подарок макового цветка дает возможность нашим мудрецам, умеющим заговаривать сны, рассказать, что здесь — твоя настоящая родина, и ты нужен ей, необходим. И пока не поймешь этого, Юй Лун, день за днем станешь утолять жажду этим напитком. Но лучше, если уразумеешь это скоро.

Он вновь хлопнул в ладоши, из-за украшенных павлинами шелковых занавесей беззвучно появились могучие императорские телохранители.

— Отнесите Юй Луна в его дворец! И пусть без моего личного повеления никто не войдет в его покои!

Он развернулся, теряя интерес к происходящему, открыл дверь и вышел на широкую площадку дворцовой лестницы.

— Огласите всем, что Хранитель Пяти царств остается с нами!

Юй Лун лежал в своей постели, и жидкобородый сановник, в расшитом одеянии, сидел у его изголовья, втолковывая напевным голосом:

— Ты плоть от плоти и кровь от крови...

Мир плыл вокруг Федора Згурского, ему казалось, что видит он все ясно, слышит и ощущает, вот только не может двинуться, как будто живой лежит на дне реки, и речные волны, сменяя друг друга, катятся в неведомую даль.

— Ничто для тебя не имеет цены, — слышал он сквозь эту «воду». — Только судьба Поднебесной и ее великого правителя...

Яркие картины, невесть откуда взявшиеся, точно цветные рыбки, плавали вокруг. То вдруг древний город, красавица, провожаемая толпой плакальщиков, и сам он на коне, с копьем в руках гонит жеребца к пещере, в которой поджидает красавицу страшный дракон. То вдруг картинка исчезает, и уже не понять — витязь ли он или огнедышащее чудовище. И будто схватка, но только на душе спокойно и радостно, как не бывает в бою.

А затем — новая сцена: могучие стены Бейджина, град стрел сыплется на атакующих, и будто бы он ведет горстку храбрецов на штурм неприступных ворот. А стрелы падают густо, и воздух наполнен их шелестом, точно майская ночь — песнею цикад. Его воины падают и падают, и нет другой защиты, кроме как за железным щитом диковинного вида пушки. И чувствует он, как закипает все внутри, безнадежная ярость собирается в ком, такой осязаемый и плотный, что и потрогать можно, когда б ни страх ожечься. Был этот шар с двенадцатифунтовое ядро, вот стал с головку от булавы, с кулак... И вдруг — точно на выдохе сжатая едва ли не в горошину ярость вырывается из его груди, и в следующий миг ворота разлетаются в щепы, сгорает в дым древесина, плавятся бронзовые накладки, стекают железным дождем стальные запоры.

«Когда Юй Луну не отворяют ворота, он открывает их пламенем», — молнией блеснула оброненная когда-то фраза одного из царедворцев, но времени обдумать ее не было. Выхватив саблю, Юй Лун вел за собой в бой остатки своего войска в странных, не защищающих от стрел нарядах с непонятным оружием в руках — то ли мушкетами, то ли копьями.

Потом вдруг все исчезло, и он увидел склоненное лицо Лун Вана.

— Ты как всегда добился своего, мой неистовый внук, и сам загнал себя в западню. Что ж, доволен ли ты?

Федор Згурский разомкнул уста, чтобы ответить, но слова точно не желали покидать его грудь.

— Можешь не отвечать, я вижу. Каждый день преподносит свой урок, но вот учиться или не учиться — воля рожден-

ного в поднебесном мире. Время понять, чему научился ты. Знаешь ли теперь, где дом твой?

Згурский вновь зашевелил губами.

— Он что-то говорит? — властно раздалось над ним.

— Да, о повелитель. Он молвил «там», но, увы, мне неизвестно, что сие означает.

— Ты что же, по сей день считаешь, что дом твой в Москве? Из-за чего? Из-за какой-то смертной женщины? Совсем как в тот раз.

Помнишь, когда ты стал из дракона воином, чтобы завоевать никчемную принцессу? Помнишь ведь, как ты сражался сам с собой в пещере? Это было забавно.

— Мой дом там, — уже громко и уверенно заявил воевода. — Там суженая моя и дети мои. Там сердце мое.

— Что он говорит?

— Он шевелит губами. Мы не в силах разобрать его речей, — огорченно вздохнул заклинатель снов.

— Нельзя быть таким упрямым, Юй Лун, — покачал головой его собеседник. — Впрочем, Луны — все упрямы. Но ведь это твой путь — ты должен пройти его. И что бы ты ни делал, ты снова будешь возвращаться на него.

— Я вернусь домой, — жестко, не допуская противоречий, объявил Федор Згурский.

— Не вернешься. Русского витязя опоили. Как последний дурак, он попался на уловку, о которой тут знает любой оборванец за городскими воротами. Не вернешься. Каждый день, куда не пойдешь, что здесь, и только здесь твой дом, ты будешь пить свой медленный яд. Но даже если сойдешь с ума, кто будет знать об этом? Главное для Чун-Дженя, чтобы ты был жив, мой дорогой внук. И находился здесь. Пока это так, никто не посмеет угрожать его власти.

Федор Згурский почувствовал, как ярость начинает закипать в нем, обжигая нутро, коверкая человеческое тело и превращая его в пламень. Казалось, будто кожа раздвигается, пропуская острия шипов, и становится твердой, будто железной.

— Кажется, у него жар, — объявил сидевший у изголовья ученый муж. — Он весь дрожит.

Згурский не слышал его. Он ощутил, что сжигавший его пламень уплотняется, будто кто-то уминает огонь руками. Резкий выдох...

Август 1629

Казачий атаман Варрава, на обратном пути выполнявший обязанности походного воеводы, подбросил в огонь смолистую ветку и устался на взвившиеся языки костра, будто выматривая пляшущую в них саламандру. Его спутник — один из лихих казачьих ватажников, — обойдя выставленные около лагеря заставы, присоединился к атаману, чтобы скоротать ночные часы.

— До Москвы, поди, верст пятьдесят осталось? — слушая, как потрескивают шишки, проговорил Варрава.

— Может, и поменее. Верстовые-то столбы по сей день где стоят, а где повалены.

— Может, и поменее. К вечерне, с божьей помощью, уже в столице будем.

— А то. Ежели посол со свитой в лесочке до полудня тешить пузо не будут, непременно доберемся!

— Кто ж им даст? — усмехнулся Варрава.

У костра повисло долгое томительное молчание. Атаман подбросил хвороста, пошевелил палкой уголья и тяжело вздохнул.

— Что печалишься, батька? Нешто все об воеводе?

— Кому воевода, а кому и братец названный. Тебе, паря, невдомек, а нас в былые годы как-то чуть на одном суку не вздернули. С той поры спина к спине против любого врага. А теперь вон оно как...

— Ну так не сгинул же брательник твой. Сам же видел, как его тамошний царь обхаживал да одаривал! Здесь ему бы такого вовек не снилось!

— Снилось, не снилось... Пустое гуторишь! Что я теперь жене его говорить стану? Что мужик ее в чужадальном краю на злате-серебре ест, в шелках да на перине лебяжьей спит? А для нее — прощай, Маруся?

— А чего там говорить. Как есть, так и сказывай. Он же обещал воротиться? Стало быть, и говори — обещал воротиться. А бабье дело — ждать.

Ватажник замолк и прислушался:

— Кажись, ветка хрустнула. Никак, идет кто-то!

Варрава приподнялся, кладя руку на эфес сабли:

— А ну, живая душа, отзовись! Не балуй!

— Я это, — послышалось из тьмы.

— Чур меня, — прошептал атаман.

— Никак, дух лесной озорует! — вторил ему ватажник, осеня себя крестом.

— Расточись, навь злая, наущение сатанинское! — одной рукой вытягивая саблю, другой сжимая в кулак нательный крест, крикнул Варрава.

— Угомонись, Егорий! Пошто на брата названного оружие поднимаешь? Мы с тобой кровью повязаны, крестами менялись!

На освещенную костром прогалину вышел кряжистый мужчина в длинном золоченом одеянии, расшитом драконами:

— Вот он — крест твой! Узнаешь?

Стрельнувший в небо язык пламени высветил простенькое серебряное распятие, лежащее на ладони.

— Батюшки-светы! — ошеломленно прошептал Варрава. — Никак, и впрямь Федор! Да как же ты нас догнал, друг сердечный?

— И сюда как мимо сторожи прошел? — недоверчиво оглядывая командира, спросил ватажник.

— Эх, други верные. И рад бы сказать — да нечего. Сам не пойму. Сдается, днем еще в Бейджине был.

Середина мая 1924

Скороходов заложил руки за голову и с нескрываемым торжеством поглядел на развернутые перед ним газеты. Исчезновение финансового магната всколыхнуло столичную прессу. Париж — слишком ветреный город, чтобы интересоваться одной и той же новостью больше трех дней, если, конечно, она не цепляет всех и каждого за карман. Но в то же время Париж столь велик, что в нем всегда отыщется какой-нибудь борзописец, жаждущий составить себе имя на трескотне, которую он сам величает «журналистским расследованием».

Великий город не обманул надежд и на этот раз. Скороходов вновь обратился к статьям, публикуемым из номера в номер: «Генерал Згурский — опасный убийца, расстрелявший мирную демонстрацию!», «Генерал Згурский спешно покинул Францию с молчаливого разрешения Сюрте!», «Генерал Згурский прячет золото Рафаилова в Европе!» и в бравурном тоне — «Доблестный комиссар Рошаль намерен прижать русского убийцу к стенке!».

«Одна и та же подпись — Вилли Спичек. Судя по фамилии, чех. Хотя в Париже и в прежние-то годы, точно в Ноевом ковчеге, легко было встретить всякой твари... Так что чех вполне может оказаться своим же русским с нелепым псевдонимом. Главное теперь — найти его и накормить до отвала развесистой клюквой. Судя по опусам, он не из привередливых. Только дай — съест с руками». — Дмитрий Дмитриевич поднялся из-за стола и вызвал горничную.

— Благодарю вас, мадемуазель. Газеты мне больше не нужны.

— Желаете еще что-нибудь? — заученно поинтересовалась гостиничная прислуга.

Скороходов достал из кармана банкноту.

— Я бы хотел посекретничать с вами. Вы ведь коренная парижанка?

— Да, мсье.

— И конечно же, следите за всеми любовными скандалами?

— Понимаете, мсье... — замялась служанка.

— Понимаю. Любопытство — не порок! Если бы Ева не была любопытной, а Адам — сговорчивым, они бы по сей день гуляли под руку по Эдему. А мы и вовсе бы не появились на свет.

Парижанка улыбнулась.

— Что вы хотите знать, мсье?

— Вы слышали о русском миллионере Рафаиллове?

— Том самом, который недавно исчез? Разумеется!

— Прекрасно! А до того, как он пропал — знали о нем?

— Богатые люди всегда на виду, — уклончиво ответила горничная. — А зачем вам это, мсье?

Скороходов поманил ее к себе и тихо сказал:

— Вы умеете хранить секреты? За приличное вознаграждение...

— О да, конечно, мсье! — косясь на деньги в руке состоятельного жильца, кивнула девушка.

— Я частный детектив. Некоторые люди, с которыми мсье Рафаилов вел дела — там, за океаном, — крайне недовольны его таинственным исчезновением. Они бы хотели знать все детали и подробности. — Скороходов аккуратно вложил купюру в кармашек фартука.

— О! Всегда рада помочь! Рафаилов приезжал к нам в отель раза три.

— «Риц» — замечательная гостиница, но останавливаться в нем, имея особняк на Елисейских полях?

— Мсье, я не сказала, что он останавливался! Он приезжал сюда к одной даме.

— О, прекрасно! Что за дама?

— Я смущаюсь, мсье...

— Сто франков помогут преодолеть ваше смущение?

Горничная кивнула:

— Это русская. Известная певица. Простите, я не выговариваю их нелепые фамилии, но у меня есть визитная карточка.

— Мадемуазель, я прошу вас, принесите ее!

— Но она дорога мне...

— Мы решим этот вопрос.

Горничная выскользнула за дверь, и SR-77 удовлетворенно потер руки:

— Это уже что-то! Да нет, не что-то, а нечто!

— Вот, — быстро вернулась служанка.

«Елизавета Завьялова» — гласила изящная надпись на картонном прямоугольнике. Дмитрий Дмитриевич на секунду прикрыл глаза — перед ним сами собой возникли штудированные еще в Москве папки личных дел. «Елизавета Завьялова, в девичестве Смоленкина. Третьим браком замужем за генералом Кандауровым». «Генерал-майор Кандауров Александр Васильевич. Войну начал командиром 15-го Грузинского гренадерского полка...»

«Как славно! Вот и мотивчик отыскался. Генерал Кандауров тяжело болен, того и гляди, отдаст Богу душу. А женушка его встречается, вернее, до недавнего времени встречалась с мсье Рафаиловым. Когда его высокоблагородие Александр Кандауров командовал грузинцами, во главе соседних Мингрельских гренадер стоял как раз Згурский. Так что вполне убедительное для французов шерше ля фам. Неукротимый русский убийца желает отомстить подлому совратителю за соблазнение жены боевого товарища. Очень хороший повод!»

— А скажите, мадемуазель, мсье Рафаилов случайно не оставял в номере каких-нибудь записей? Быть может, присылал букет с открыткой?

— Увы, мсье. Дама действительно всякий раз получала прекрасный букет, но, к сожалению, не осталось ничего.

— Жаль. Ну да ладно. Получите сто франков — вы честно их заработали. Надеюсь, я и впредь могу рассчитывать на вашу помощь?

— Всегда к вашим услугам, мсье.

Как только закрылась дверь, Скороходов вытащил бумажник и пересчитал купюры. Распоряжение Центра было несколько двусмысленно: «Деньги экономить, но при необходимости тратить без стеснения».

Так. Что мы имеем? Что у Рафаилова имелась пассия, мы установили. Значит, могла быть и переписка. Кому, как не любимой женщине, эта пиявка могла поведать о своих опасениях? Лучше всего было бы получить на руки настоящее письмо к госпоже Завьяловой от любящего ее имярека. Но даже если таковое и существует, вряд ли дама держит его на виду и готова с ним расстаться. Но можно ведь помочь исчезнувшему миллионеру в написании прелестного образчика эпистолярного жанра, который станет гвоздем очередного номера «Пари трибюн».

Скороходов накинул легкий плащ, захлопнул номер и отправился к лифту: «Нужен почерк. Хотя бы страничка. Вероятнее всего, таковая найдется в особняке. Конечно, там была полиция и все бумаги опечатаны. Но ведь это только деловые бумаги. Не может быть, чтобы в доме не осталось каких-нибудь черновиков, записок... Чем черт не шутит — мемуарных рукописей! Этот самый Спичек упоминал, что Рафаилов окружил себя китайскими слугами — с ними всегда можно найти общий язык. Особенно когда рядом нет хозяина. Если история про частного детектива сработала здесь, то уж там непременно сработает!»

Скороходов кинул швейцару ключи и, распорядившись подогнать автомобиль, стал привычно разминать пальцы. Еще в гимназии ему удавалось так копировать различные почерки, что никто — даже сами владельцы — не могли отличить оригинал от подделки. На новой службе этот талант пришелся очень кстати.

Блестящий, словно вымытая галоша, черный «форд» промчался под Триумфальной аркой и повернул направо — в сторону Сены. Ехать было недолго. Здесь, в глубине ухоженного

английского сада, скрытый от любопытных взглядов, стоял Пти-Буйон — помпезный особняк эпохи Наполеона III. До войны он принадлежал великому князю Константину Александровичу, но был куплен за бесценок мэрией у ближайших родственников убиенного, а затем полностью — со всем имуществом, картинам и коллекцией бронзы — продан миллионеру Рафаилову. Втридорога, но за половину реальной цены.

Скороходов остановил автомобиль у массивных чугунных ворот и нажал кнопку звонка. Спустя несколько минут у калитки появился человек. Вилли Спичек не солгал: внешность привратника недвусмысленно свидетельствовала о его происхождении.

— Вы говорите по-французски?

— Осень плохо понимать.

— Английский, немецкий, русский?

— Английский — да. Что нужно господин?

— Я — частный детектив. Меня наняли очень влиятельные люди. Их интересует, куда пропал твой хозяин.

— Я не знаю. Полиция никого не велит пускать.

— Хорошо-хорошо, — внутренне досадуя, согласился SR-77. — Она делает свое дело, я — свое. Разговаривать тебе разрешили?

— Кроме дел хозяин.

— Это уже хуже. Но вот что. — Скороходов сделал паузу. — Как тебя зовут?

— Лай Гун, благородный господин.

— Так вот, Лай Гун, у нас тут есть одно странное письмо. Мне нужно установить, написано ли оно твоим хозяином, или же это кто-то пытается вытянуть деньги из нанявших меня джентльменов. Ты бы не мог мне принести что-нибудь, написанное рукой мсье Рафаилова? Но только обязательно — его собственной рукой.

— Полиция все забрать.

— Совсем все? Неудачно, ах, как неудачно! — Дмитрий Дмитриевич демонстративно вытащил из бумажника сотенную купюру.

Китаец задумался.

— Есть меню, хозяин составлять на день рождения.

— Неси, — внутренне радуясь, кивнул Скороходов.

Лай Гун отсутствовал не более пяти минут. Когда «частный детектив» увидел то, что китаец называл меню, у него сердце забилось еще быстрее. Это был небольшой кулинарный трактат на семи страницах, в котором подробно описывались качества требуемых продуктов и подробная рецептура приготовления блюд.

— Спасибо, приятель! — Скороходов, точно опасаясь, что слуга передумает, выхватил рукопись и протянул деньги.

— Найдете дорогой хозяин — скажите, мы его ждем!

— Обязательно.

«Детектив» бросился к автомобилю.

— Отец будет доволен, — вслед ему по-французски без малейшего акцента прошептал Лай Гун.

Майское небо едва начало темнеть, когда Дмитрий Дмитриевич Скороходов промокнул чернила на листе пятифранковой бумаги и с улыбкой стал перечитывать текст, вышедший из-под его пера:

— ...«Особое же опасение вызывает у меня вовсе не твой муж, а этот неистовый зверь — генерал Згурский, — нараспев прочел он. — Как мне представляется, служба на Кавказе не исправимо повредила его рассудок. Он чувствует себя горским джигитом, желающим отомстить за честь кунака*. Сегодня он был у меня, наговорил множество грубостей, сыпал угрозами... Любовь моя, это очень опасный человек! Он и головорезы, которыми он окружил себя, способны на все! Я теперь крайне опасаясь подлой каверзы с его стороны. Тебе, мое сердечко, тоже следует побереечь себя — лучше всего уехать за океан. Я предоставлю нужную сумму. Всегда твой...» М-м-м! — причмокнул Скороходов, имитируя страстный поцелуй. — Душка! Теперь осталось подвесить сыр в мышеловку.

* Кунак — друг, соратник.

Он посмотрел на часы. В семь встреча с Тимошенковым. Как раз остается время доехать до отеля д'Арманьяк — там в кафе есть телефон.

Скороходов представил, как набирает номер и говорит взволнованно-проникновенным тоном:

— Алло, это «Пари трибюн»? Мне нужен ваш корреспондент Вилли Спичек. У меня есть для него чрезвычайно ценный материал о мсье Рафаилове и мсье Згурском!

Частный детектив положил исписанный лист под лампу: «К завтрашнему утру будет готово. Бьюсь об заклад, «Пари трибюн» не пожалеет за такую бомбу и тысячи франков».

Середина мая 1924

Рослый мужчина средних лет, в форме с ромбами высшего комсостава в петлицах, быстрым шагом спускался по лестнице здания Штаба Московского военного округа к автомобилю. Трое адъютантов спешили за ним.

— Товарищ командарм! Борис Михайлович! — наперерез военачальнику бросился человек в полевой форме военного медика.

Расторопные адъютанты ринулись защищать командарма от наглого просителя — им не впервой было остужать таких излишне прытких, желающих попасть на прием без предварительной записи. Старший адъютант закрыл собою командующего округом, на всякий случай держа руку на кобуре. Его товарищи ухватили медика под локти, не давая продвинуться дальше.

— Борис Михалыч! — не унимался тот.

— Ну-ка, постой. — Командарм Шапошников отодвинул подчиненного и подошел к задержанному. — Вот негаданная встреча! Сергей Владиславович, откуда вы? Какими судьбами? Отпустите его!

— Товарищ командарм, — начал адъютант. — А вдруг...

— Не волнуйтесь, — понимая, какое «вдруг» имеет в виду адъютант, успокоил Виконт. — Я не вооружен, можете проверить.

— Это сколько же мы с вами не виделись? — продолжал Шапошников.

— С осени шестнадцатого года. Перед моей контузией — последний раз. Без малого восемь лет получается.

— Вы, стало быть, на нашей стороне. Это хорошо. Это правильно! А знаете что, Сергей Владиславович? Я сейчас отправляюсь в Большой театр, там нынче супруга моя поет — составьте мне компанию. Заодно и поговорим, расскажете про свое житье-бытье.

— С удовольствием. Но... — Военврач указал на свою полую форму.

— Ничего, пустое! В моей ложе вас никто все равно не увидит. А я уж как-нибудь по старой памяти перетерплю. — Шапошников поглядел на одного из адъютантов и скомандовал ему возвращаться. — Ну что ж, Сергей Владиславович, рассказывайте. Какими судьбами?

Шапошников подошел к автомобилю и, усевшись, указал доктору на место рядом с собой.

— Служу в Приволжском военном округе, — начал Виконт. — Как сами видите, в прежнем качестве. Сегодня только приехал.

— Где остановились?

— Пока нигде, — покривил душой доктор Деладоннель.

— Выходит, сразу ко мне? Можно сказать, с докладом?

— Точно так, товарищ командарм. Только, — он покосился на адъютантов, — мне бы доклад этот вам с глазу на глаз сделать. Вопрос, можно сказать, личный. Щекотливый.

— Ну хорошо, — внимательно глядя на старого знакомого, кивнул Шапошников. — В антракте доложите. — Лицо командарма приобрело жесткое деловое выражение. Всю радость от неожиданной встречи будто ветром сдуло.

Вскоре автомобиль остановился у колоннады Большого театра, и, приветствуемый билетерами, высокий гость со свитой проследовали в бывшую великокняжескую ложу. У входа в театр Виконт заметил красноармейца с непривычной для этих мест китайской внешностью, но не подал виду.

В Большом давали «Князя Игоря». Очаровательная Ярославна лирическим сопрано жаловалась, что все вокруг уныло, и ждала домой своего командарма.

— Давайте рассказывайте, что у вас за дела, — отослав адъютантов, наконец обратился к доктору Шапошников.

— Не совсем у меня, — оглянувшись по сторонам, тихо начал военврач. — Видите ли, Борис Михайлович, так получилось, что я сейчас работаю в госпитале по линии НКВД, и больные у меня сами понимаете какие.

— Понимаю, — нахмурился Шапошников. — Так что ж, помочь тебе перевестись в Москву? В армейский госпиталь?

— Нет-нет, я не о том. Строго говоря, меня это дело вообще мало касается. Но я подумал...

— Сергей Владиславович, дорогой мой, сразу видно — не учат медиков как следует докладывать. «Меня не касается», «я подумал»... Говорите четко и обстоятельно: что, почему, отчего?

— Вот, полюбопытствуйте. — Виконт достал из кармана френча склеенный из кусочков лист бумаги, исписанный ровным гимназическим почерком.

— Что это?

— Приказ отыскать и препроводить в Москву Татьяну Михайловну Згурскую. Подпись, как можно убедиться, самого Дзержинского.

— Таню Згурскую? — Брови командующего округом удивленно взметнулись и над переносицей сложились две глубокие вертикальные морщинки. — Я и не знал, что она осталась в Союзе!

— Признаться, я тоже. Но приказ... Понимаете, один из моих пациентов... Ну, в общем, у него сильное нервное переутомление...

— Пьет, что ли, много? — перебил его Шапошников.

— Не без того. Так вот, во время приема пакет с этим приказом выпал из его кармана. Я поднял возвратить, а он взял, порвал и выкинул. Говорит: недавно ОГПУ приказало генеральшу Згурскую отыскать и в Москву отконвоировать, но обнаружилось, что она либо непосредственно в столице, либо где-то рядом. Так что нам все это уже без надобности. Я обрывки из ведра достал и склеил.

Шапошников еще раз пробежал глазами текст приказа.

— Чем же им Татьяна Михайловна не угодила? Святая ведь душа!

— Я не знаю. — Доктор развел руками. — Мне, правда, удалось выведать, что вроде бы Татьяну Михайловну следует отыскать для какого-то профессора Дехтерева.

— Ну как же, слышал о таком! Намедни мы с Климом Ворошиловым о нем разговаривали. Дехтерев тоже врач.

Командарм задумался.

— Решительно ничего не понимаю. Не на людях же этот профессор намерен опыты ставить! А если, не дай боже, на людях — то вон их вокруг сколько. Зачем ему Татьяна Михайловна понадобилась?

Виконт огорченно вздохнул:

— Ничего не могу сказать. Но я как узнал, что ей угрожает опасность, решил, что кроме вас помочь некому. Это, конечно, очень рискованно...

— Тихо! — оборвал его Шапошников. — Нашел кого пугать. У нас, казаков, жизнь положить за други своя — дело правое.

— Борис Михайлович, если вдруг что — я с вами. Можете на меня рассчитывать.

— Да чего там, уже помог, — отмахнулся было Шапошников. — Хотя...

Он на мгновение задумался:

— Если Татьяну Михайловну ищут для лаборатории Дехтерева, то недурно бы в ней своего человека держать. Как, Сергей Владиславович, пойдете в разведку?

— За правое-то дело!

— Вот это по-нашему! Остальное утрясем.

ГЛАВА 20

*«На тысячу баранов хватает одного
кнута, но остерегайся поднять его на волка».*

Имам Шамиль

Черные круги под глазами Дзержинского красноречиво говорили, что этой ночью, а также прошлой и позапрошлой, Феликс Эдмундович спал не более трех часов. Секретарь печально глядел на вышагивающего по кабинету председателя ОГПУ: ему было чертовски жаль этого сильного волевого человека, нимало не заботящегося о своем подорванном каторгой здоровье. Все последние годы — революции, гражданской войны и пресловутого нэпа — «железный» Феликс взваливал на себя все новые и новые дела, силился совершить невозможное — поднимал из руин, спасал, давал кров и хлеб, не чураясь грязной работы, сражался с непримиримыми врагами советской власти. Вот и сейчас секретарь понимал, что Дзержинский пусть из последних сил, но всецело занят работой, и что не садится он лишь для того, чтобы не уснуть за столом.

Секретарю очень не хотелось сообщать новость, с которой он пришел, но выбора не было.

— Феликс Эдмундович, — извиняющимся тоном начал он, — у нас чрезвычайное происшествие.

Он запнулся.

— Что случилось?

— Сейчас только с Петровки звонили. В Большом Кисловском переулке возле бывшей гимназии Брюхоненко обнаружен грузовик...

— Тот самый, что на рассвете угнан из-под Расторопино?

— Так точно. В нем связанный водитель. Проходивший мимо солдат Красноуфимского полка увидел знакомые номера и заглянул внутрь.

— Значит, водитель жив?

— Жив.

— Что ни говори, а этот Судаков положительно не желает лишний раз марать руки кровью.

— Видимо, так, Феликс Эдмундович.

— Шофера допросили?

— Допросили. Словесный портрет, который он дает, полностью совпадает с описанием Судакова и Згурской. Как утверждает, — секретарь поглядел в записи, — вышеупомянутый красноармеец Топорков, они хитростью отослали сопровождающего и внезапно захватили автомобиль. Так что он даже не успел применить оружие. Под прицелом револьвера водитель был вынужден провезти Згурскую и Судакова через контрольную заставу прямо в Москву. Неподалеку от Никитского монастыря ему было велено остановиться, после чего Судаков оглушил его. Наверное, потом Судаков сел за руль сам.

— От Никитского монастыря до гимназии — рукой подать. Зачем это ему было нужно?

— Возможно, беглецы намеревались и дальше продолжать свой путь на автомобиле, но их что-то спугнуло?

— Может быть, но вряд ли. Вероятно, они просто сочли неудобным оставить машину возле монастыря. Ладно, пока что внятного ответа на этот вопрос нет. Но ясно другое — Згурская и Судаков совсем рядом. Похоже, эта парочка просто издается над нами! Еще немного, и оставили бы грузовик непосредственно под окнами Лубянки! Нет, положительно, я хочу понять этого Судакова! Что могло подвигнуть его — ко-

ренного пролетария, боевого краскома — перейти на сторону белогвардейского отребья?

Дзержинский подошел к столу и дробно застучал по нему длинными музыкальными пальцами.

— Орлинский на конспиративной квартире во Втором Зачатьевском переулке?

— Так точно, в доме Талей.

— Да, — вздохнул Феликс Эдмундович, и секретарю показалось, что он на мгновение заснул. — Совсем недавно здесь дневал и ночевал Шалапин, а теперь вот мы...

В кабинете повисла долгая пауза.

— Соедините меня с Орлинским!

Оставшись один, Дзержинский устало прикрыл глаза и машинально снял трубку с телефонного аппарата в ожидании знакомого голоса.

— Слушаю вас, Феликс Эдмундович.

— Как продвигается наше дело?

— Доктор Кристенсен всецело поверил в разыгранный спектакль с побегом и теперь действует исключительно под нашим контролем. Вчера вечером он общался с Шапошниковым, и тот, как и предполагалось, загорелся идеей выручить из беды жену своего друга. Доктор предложил ему помощь, командарм ее принял. Пока о каких-либо конкретных действиях речь не шла.

— Понятно. Сообщите вашему подопечному, что Згурская точно в Москве. Шапошникову сегодня же доложат, что утром был угнан грузовик, принадлежащий автопарку Красноуфимского пехотного полка. Полагаю, сопоставив факты, Борис Михайлович и сам поймет, на кого устраивалась облава и, следовательно, кто и куда из нее вырвался. Но в случае необходимости...

— Все будет сделано в надлежащем виде, Феликс Эдмундович!

— Не затягивайте! Времени мало.

— Конечно. Все сделаем.

— И следите, чтобы наживка не сорвалась с крючка.

— Рядом с Кристенсенем всегда находится наш человек. Очень надежный — из интернациональной бригады.

— Хорошо, — резко проговорил Дзержинский. — Обо всех новостях сообщать немедленно!

— Слушаюсь! — в тон ему ответил бывший статский советник.

Положив трубку, Дзержинский подошел к открытому окну. Погода стояла уже совсем летняя, но зелень пока не покрылась серой городской пылью и радовала глаз. Дзержинский, не отрываясь, глядел на аккуратные вагоны остановившегося на площади трамвая, в которые втягивалась ждавшая на остановке толпа. Еще пять лет назад казалось, что никаких трамваев больше не будет. Что все, чего добились своими действиями революционеры-большевики — это кровь и разруха, новая кровь и новая разруха после ужасной войны. А теперь уже видно, что жизнь возвращается на прежние рельсы, что у нее будут совсем другие станции. Очень хочется дожить и увидеть.

— Феликс Эдмундович, — раздалось за его спиной, — к вам гражданин Джунковский.

Председатель ОГПУ повернулся, оставляя по ту сторону окна яркий май и начавшую понемногу налаживаться жизнь.

— Голубчик, — обратился он к секретарю, — потрудитесь организовать нам с Владимиром Федоровичам кофе, да покрепче.

Джунковский прошел в кабинет, едва поприветствовав залятого друга:

— Феликс Эдмундович, что это за странная история с моим похищением из санатория? Кто-то из ваших молодчиков обчитался Ната Пинкертон?

— Зря вы так, Владимир Федорович. Все, что было сделано, делалось исключительно ради вашей безопасности.

— Ну конечно. Для обеспечения моей безопасности не было иного средства, как погрузить меня в автомобиль на заднее сиденье, точно мешок картошки. Посадить едва не сверху

пару держиморд и посреди ночи везти в Москву, к теще на блины!

— Владимир Федорович, совсем неподалеку от санатория, где вы теперь проживаете, был замечен очень ловкий и опасный террорист. Мы опасались, что его хозяева из-за рубежа, узнав, что вы сотрудничаете с нами, вынесли вам приговор и решили привести его в исполнение таким образом.

— Пстойте, постойте, Феликс Эдмундович! При чем тут я, при чем тут какой-то приговор? Если я не ошибаюсь, вы устраивали облаву около Расторопино, чтобы изловить Татьяну Михайловну Згурскую и ее спутника.

— Да. Откуда вы знаете?

— Феликс Эдмундович, — Джунковский укоряюще вздохнул, — ведь я же не дитя малое. Пока мы ехали, нас по дороге трижды останавливали, и на каждой заставе мою личность с портретом сверяли. Но ответьте мне, ради бога, с чего вы взяли, что появление Татьяны Михайловны в этих местах как-то связано с моей особой?

— Мы решили подстраховаться, — немного виновато ответил Дзержинский.

Бывший шеф корпуса жандармов рассмеялся.

— Тут уж судьба сама меня подстраховала. Поверьте моему жизненному опыту: какие бы то ни было покушения с участием Татьяны Михайловны Згурской невозможны. Решительно невозможны! Что же касательно причины появления в этих местах... Она столь банальна, что просто лежит на поверхности. Расторопино — имение Згурских. Расторопинский конный завод устроил дед Владимира Игнатьевича — после войны восьмьсот двенадцатого года.

— Неужели вы полагаете, что Згурская просто так решилась вернуться в бывшее имение мужа?

— А вы считаете это невозможным? Вы, наверное, представляете себе, что крестьяне, увидев молодую хозяйку, схватятся за топоры и вилы и кинутся на нее с революционным кличем «Долой!»? Смею вас уверить, Феликс Эдмундович, в

жизни этих селян ничего более доброго и светлого, нежели Татьяна Михайловна, никогда не было. И, вероятно, уже не будет.

— Владимир Федорович! — возмутился Дзержинский. — Советская власть дала этим людям свободу, открыла им дорогу в будущее.

— Этим людям свобода нужна не более, чем мне буденовка и красные шаровары. У них была спокойная, размеренная жизнь и добрая хозяйка, которая построила для них бесплатную школу и больницу. Причем сделала она это от души, а не потому, что так было нужно. Что же касается светлого пути, то какой это путь? Покуда в вашей армии будет кавалерия, ей нужны кони. А значит, девять из десяти младенцев, родившихся в Расторопино, станут работать на том же заводе, как и их родители и деды. Феликс Эдмундович, как вам, неглупому, образованному человеку, невдомек, что царство божие невозможно на земле?

— Наш спор беспредметен, — мрачно отозвался Дзержинский. — Очень надеюсь, что мы оба доживем до той поры, когда вы, как честный гражданин, радеющий о пользе Отечества, должны будете признать правоту нашей партии. А сейчас давайте вернемся к Згурским.

— Как скажете, Феликс Эдмундович.

— Зачем, по-вашему, Згурская и ее соучастник прибыли в Расторопино?

— Возможно, у них попросту не было выбора. Но очень может быть и другое.

— Что же?

— Сегодня ночью ваши люди разыскивали двоих: мужчину и женщину. Однако, насколько я помню, у Владимира Игнатьевича и Татьяны Михайловны была дочь Ольга. Ее крестная мать — вдовствующая царица Греции, в девичестве великая княжна Ольга Константиновна, родная сестра шефа мингрельцев Дмитрия Константиновича. Если предположить, что младшая Ольга жива...

— Да, вы правы. Из Елчаниново Татьяна Михайловна скрылась вместе с дочерью!

— Вот ее скорее всего и следует искать в Расторопино.

— Действительно следует. Через эту царскую крестницу, пожалуй, мы легко выйдем как на Татьяну Михайловну, так и на ее мужа.

Середина мая 1924

Судаков недобро поглядел на тяжелую калитку с висячим замком.

— Вот так-так! Это что ж, прикажете через ограду лезть? — Он окинул взглядом высокий каменный забор и перевел глаза на Татьяну Михайловну.

— Погодите, голубчик, — улыбнулась женщина. — Здесь есть небольшой фокус.

Она подцепила ногтем петлю, на которой висел замок. Та легко поддалась, и Судаков увидел, как увеличивается щель между древесиной и ржавым железом.

— Слава богу, здесь все осталось по-прежнему, как в старые годы, — улыбнулась Татьяна Михайловна.

Она потянула створку ворот на себя. Гвозди, которыми была приколочена петля, легко вышли и остались торчать четырьмя бурыми клыками.

— Ишь ты! — присвистнул бывший начальник милиции.

— Это же моя гимназия. Я тут в старших классах училась, после Смольного. Давайте скорее, — Згурская прошла вперед, — и помогите мне. Надо аккуратно придержать вторую створку, чтобы гвозди стали на место. Мы всегда так делали, когда с уроков сбегали.

Судаков нахмурился, ему казалось, что учительница не могла, не должна была прогуливать уроки. Но Татьяна Михайловна не заметила укоризненного взгляда.

— А знаете, в этой же гимназии тремя классами младше меня училась Верочка Левченко. Я отлично помню — прилежная такая девочка. Очень хорошенькая. У нас ставили в гимназии спектакль «Ромео и Джульетта», и все спорили, кому играть Джульетту — ей или мне.

— Татьяна Михайловна, к чему это? — чуть раздраженно перебил ее Судаков.

— Ну как же! — почти обиделась его спутница. — Верочка Левченко на выпускном балу познакомилась с молодым юристом по фамилии Холодный и стала знаменитой актрисой Верой Холодной. Неужели вы не видели ее фильмов?

— Видел, — дернул плечом бывший краском. — Да только теперь-то она к чему?

Татьяна Михайловна разочарованно вздохнула:

— Здесь раньше был странноприимный дом Крестовоздвиженского монастыря. Для того калитку и закрыли, чтоб к нам побирушки не забредали. Но отсюда дворами можно легко пройти незамеченными.

— Вот и пойдемте. — Судаков подозрительно оглянулся вокруг. Москва пугала его своей огромностью. Чудилось, будто опасность таится за любой дверью, в любом окне, за фонарем — где угодно. И в то же время, заражаясь от вернувшейся в безмятежную юность спутницы, он ощущал подъем, едва ли не радость. И эти разнородные чувства боролись в душе Судакова, не прибавляя ему хорошего настроения.

Татьяна Михайловна двинулась вперед молча, не желая больше разговаривать с отчего-то помрачневшим собеседником. Ей вспоминались блаженные годы учебы в гимназии, спектакли, балы с юнкерами. Как бегала она в ближний Никитский монастырь за просвирками — они там были особо вкусные. После одного из рождественских балов за ней принялся ухаживать некий юнкер Ганин. Он дарил ей цветы, писал томные элегии и не желал слышать отказов. Когда на Арбате он вдруг увидел ее с Володечкой, то вспыхнул. Даже рас-

сказывали, что хотел вызвать соперника на дуэль. А потом куда-то перевелся. Кажется, в мореходное училище...

При воспоминании о майских прогулках с подполковником Згурским у Татьяны Михайловны зануло сердце. Захотелось сесть и расплакаться от собственного бессилия. От того, что приходится бежать и прятаться, от нелепости происходящего вокруг. Учительница глубоко вздохнула, заглушая невольный вскрик, и услышала раздраженное ворчание Судакова:

— Ну что еще там?

— Ничего. Скоро будем.

Татьяна Михайловна остановилась в подворотне и поглядела вдоль улицы.

— Опасности нет, идемте.

«Где же, где же ты, Володечка? — думала Татьяна Михайловна, чуть не плача. — Приди, заведи нас отсюда!»

Сама не ведая как, она словно знала, что Владимир Игнатьевич жив, что он думает о ней и непременно делает все возможное для их спасения. Как же иначе?

— Долго еще? — услышала она вопрос Судакова.

— Нет. Вон... — Татьяна Михайловна замерла, недоговорив.

Возле кованых ворот старого особняка в тени векового дуба, лузгая семечки, на табурете сидел милиционер.

— Вчера еще здесь никого не было, — прошептала она, растерянно оглянувшись на Судакова.

— А сегодня вот есть. — Петр Федорович обхватил рукой подбородок и задумчиво потер его. — Вот незадача!

Между тем милиционер поднялся, лениво подошел к легковому автомобилю, подъехавшему к воротам, наклонился, взял под козырек, о чем-то коротко поговорил и бросился отпирать ворота. Дождавшись, пока авто проедет, он снова вернулся на табурет и опять меланхолично принялся лузгать семечки.

— А другого подхода, часом, нет?

— Нет.

В этот момент к воротам подошли еще два сотрудника милиции, сопровождающие поповского вида бородача. На этот раз охранник даже не потрудился встать, а лишь кивнул на калитку.

— А знаете что, Татьяна Михайловна, давайте-ка рискнем. Сейчас если вон оттуда пойти, солнце парню в глаза бить будет. Даст бог, не спохватится.

— А если спохватится?

— То не дай бог. — Судаков покачал головой. — Лучше даже не думайте. Как говорится, не буди лихо.

Как он и предполагал, милиционер, вероятно, спозаранку охраняющий никчемные ворота, не стал разглядывать подошедших.

— Эй, браток, — окликнул его Петр Федорович, — здесь, что ли, лаборатория?

— К прохвессору кого привел? — не то вопросительно, не то утвердительно откликнулся недреманный страж.

— Ага, к нему.

— Второй этаж. Там спросишь.

— Эк ты тут пристроился, — прикрывая собой Татьяну Михайловну, завистливо протянул Судаков. — Словно этот... кот ученый.

— То-то ж, что ученый! Завтра, сказали, будку поставят. Все чин-чинарем. А нынче — вот.

— Ну давай, браток, будь.

— И тебе не хворать, — равнодушно ответил милиционер, опять принимаясь за семечки.

— Как же мы дальше пойдем? — уже у особняка поинтересовался Судаков. — Этого телепня, слава богу, обошли, но в особняке еще как минимум двое, которые бородастого привели. А может, и больше.

— Не волнуйтесь, Петр Федорович, пройдем. — Татьяна Михайловна потянула его в сторону липовой аллеи, оглянувшись, повернула за угол здания и указала на неприметную дверку. — Дом старый, прислуги в нем было много. Чтобы под но-

гами не путалась, здесь почти за всеми стенами своего рода потайные коридоры для слуг.

Она достала выданный ей Дехтеревым ключ:

— Нас никто не увидит.

Профессор Дехтерев откинулся в кресле и потер виски. С утра, когда он только пришел в лабораторию, у ворот его встретил невыспавшийся милиционер, потребовавший мандат. На гневное замечание, что он — профессор Дехтерев, руководитель лаборатории, страж порядка заявил, что с завтрашнего дня здесь и вовсе установят пост ОГПУ и что приказ есть приказ.

«Господи, — думал Дехтерев, — что же теперь будет? Они придут, ни о чем не подозревая, и тут же окажутся в западне. Во что я втравил несчастную женщину?»

От размышлений его оторвал тихий стук, доносившийся из шкафа. Дехтерев не поверил своим ушам, встал из-за стола и прислушался, соображая, что делать дальше. Стук повторился. Профессор открыл шкаф, отодвинул висевшие там вещи и прошептал:

— Сейчас!

Затем вышел в приемную и объявил секретарше:

— Я принимать не буду пока. Сходи-ка распорядись, чтобы самоварчик поставили.

Заперев дверь на ключ, профессор бросился к шкафу.

— Сейчас, сейчас. — Он стал неловко отодвигать заднюю стенку. — Погодите.

Когда наконец образовался проход, он втиснулся в коридорчик для прислуги и быстро заговорил:

— Татьяна Михайловна, голубушка! Я так рад, что вы дошли! Тут такое происходит!

— Мы уж видели, — процедил Судаков.

— Прошу простить, друзья мои. Я не знал, я не причастен к этому. Но раз уж вы смогли пройти, теперь будет намного легче. Сегодня ночью мы все сделаем. А куда вам придется здесь посидеть. А то слишком много милицейских ходит! Про-

стите, — он покосился на форму Судакова, — тут вот еще какая история: несколько минут назад привезли некоего доктора с предписанием от командующего округом, что он прикомандировывается к моей лаборатории. Этого доктора я впервые вижу, но подозреваю, что он не иначе соглядатай! Надо соблюдать осторожность... Когда все разойдется, я вас выпущу — отправимся искать вход в подземелье.

Середина мая 1924

Сергей Тимошенко утер пот со лба. Майский Париж был прекрасен, настроение — отменное, а полученный от мичмана Протасова аванс давал возможность устроить семье настоящий праздник. Все это было очень кстати, и потому сейчас, неся тяжелые сумки со снедью, вином и фруктами из колониальной лавки, он радостно улыбался солнцу, насвистывая в такт доносившемуся из окна аккордеону.

— У мсье тяжелая поклажа, — раздалось с обочины. — Уверен, мсье желает взять такси.

Тимошенко повернулся на голос. Желтый автомобиль с шашечками стоял чуть поодаль, маня открытой дверью. Возле авто топтался немолодой мужчина в шоферской кепке и кожаной тужурке, с добродушной улыбкой на простецкой физиономии. Капитан Тимошенко внутренне собрался, расправил плечи и немедленно захотел, чтоб его подвезли.

— Здравия желаю, ваше высокоблагородие! — «Мсье» расположился рядом с водителем.

— Доброго дня, Сергей Артемьевич. — Полковник Варрава завел мотор.

— Что-то случилось? Почему такая таинственность?

— Не случилось. Однако нельзя исключать, что объект желает изучить вас как можно пристальней и наймет кого-ни-

будь вести слежку. Лучше перестраховаться. — Георгий Никитич посмотрел на собеседника. — Вы согласны?

— Так точно, — подтвердил Тимошенко, в который раз с момента знакомства чувствуя во время разговора с контрразведчиком холодок между лопаток. Даже постоянная добродушная улыбка полковника казалась ему хищной.

— Как там ваш подопечный?

— Вчера после работы мичман сказал, что ему хочется отпраздновать удачную сделку, и пригласил меня посидеть в кафе, поскольку друзей у него здесь практически нет. После третьей рюмки Протасов сообщил по большому секрету, что две трети покупаемых им автомобилей на самом деле пойдут не в Аргентину, а в Совдепию.

— Он действительно был пьян или притворялся?

— Я почти уверен, что притворялся. Вначале говорил преувеличенно громко, но потом, когда речь дошла до конкретных предложений, заметно понизил голос. К тому же руки...

— Что руки?

— Когда со мной беседовал, то перебирал пальцами, точно играл на рояле.

— Понятно, — кивнул Варрава. — Что было дальше?

— Он рассказал, что люди, на которых он работает, делают огромные деньги на продаже большевикам товаров из списка запрещенных к ввозу в Совдепию. Я ответил, что завидую их оборотливости, а потом сказал, что очень скучаю по России и что из-за дурацкого стечения обстоятельств оказался далеко от родины.

— Насколько я понимаю, он поддержал эту тему.

— А как же. Пожалел, что здесь мои способности пропадают втуне, а Россия сейчас — страна неограниченных возможностей, и люди с головой и руками там могут горы свернуть. Я попросил его не травить мои раны, затем рассказал о портфеле с изобретениями Кречетникова: что эти документы сейчас на вес золота. Причем все равно — в Советском Союзе их ис-

пользовать, или на Западе, — легко можно стать миллионером. Вот тогда-то он и сделал мне серьезное предложение.

— В чем оно заключается?

— Мичман предложил объединить усилия. На заводе «Рено» якобы знают, что автомобили пойдут в Россию, но из-за хороших прибылей согласны закрыть на это глаза. От изготовителя машины должны прибывать в сопровождении механика — для устранения неполадок и обучения местного персонала обслуживанию машин. Протасов готов добиться моего приема на работу в концерн в качестве такого механика.

Кроме того, он сказал, что в Москве у него остался добрый приятель еще по службе — сейчас он в немалых чинах в штабе Красной Армии и, без сомнения, не откажется помочь старому другу. После того как я достану портфель, мы совместно решим, как его лучше использовать. В любом случае французский паспорт поможет при необходимости вывезти документы на Запад.

— Весьма пагубная иллюзия, — чуть заметно скривил губы Варрава. — Теперь слушайте меня. Как мы уже говорили, предложение вы должны принять. Не без колебаний, но не затягивая. Далее. Специально для вас изготовлен ящик с двойным дном — для инструментов. В скрытом контейнере там находится литовский паспорт и удостоверение судового механика парохода «Сен Кристоф» британской компании «Аркос». Там же — крупная сумма в советских рублях и двести фунтов стерлингов. И подробные инструкции на случай перехода на нелегальное положение. В среднем корабли «Аркоса» бывают в Петрограде раз в два дня. Вы можете подняться на борт любого из них.

— Есть.

— Не беспокойтесь о вашей семье — они будут продолжать исправно получать оговоренное ранее денежное содержание вплоть до вашего благополучного возвращения.

— Благодарю вас, Георгий Никитич.

— Это лишнее. В России, конечно же, вам быстро объяснят, что бумаги Кречетникова не стоит никуда везти и лучше

всего их использовать на месте. Соглашайтесь и начинайте собирать специалистов. Вот адрес. — Полковник достал из кармана исписанный лист бумаги. — Прочтите, запомните и верните мне. Как только дело пойдет, отправьте сообщение такого содержания: «Уважаемый Константин Николаевич! Надеюсь, вы в добром здравии. Сейчас мы снова начинаем большую работу, и я был бы рад видеть вас рядом с собой в прежнем составе. Безмерно уважающий вас, Тимошенко». Все понятно?

— Так точно.

— Если, паче чаяния, вы будете работать под чрезвычайно плотным наблюдением ОГПУ и активная деятельность окажется невозможной, в телеграмме вместо «Безмерно уважающий вас» напишите «С неизменным уважением». Это будет означать, что вам необходима помощь. Кроме того, если вам в Москве понадобится, так сказать, силовая поддержка, — Варрава достал из кармана тужурки блокнотный лист, — вот здесь варианты паролей и отзывов, а также места и условия конспиративных встреч. Прочтите и запомните.

— Слушаюсь, господин полковник.

— Что-нибудь еще говорил наш «аргентинец»?

— Так точно. Он проявлял тревогу по поводу генерала Згурского.

— Статья в «Пари трибюн»?

— Вы уже видели?

— Станный вопрос. Видел.

— Извините.

— Скорее всего письмо, выдержки из которого опубликованы в «Пари трибюн», советская фальшивка. Сейчас наши люди выясняют, каким образом оно попало в газету. Полагаю, сам же Протасов всю эту чехарду и устроил. Но в одном он не просчитался — комиссар Рошаль со вчерашнего дня уже четырежды звонил, разыскивая Владимира Игнатьевича. Так что резонно предположить, что следующим ходом благородный мичман изъявит готовность помочь генералу Згурскому скрыться от полицейских ищек.

— Так и есть. Он добивается личной встречи и обещает скорейшую помощь, какую только можно.

— Завтра же передайте нашему дорогому благожелателю, что вы организуете ему встречу со Згурским в ближайшие пару дней. Все запомнили?

— Так точно.

— Выполняйте.

Тимошенко открыл дверцу, собираясь выйти, и тут же к автомобилю порхнула миниатюрная девушка восточной наружности.

— Такси свободен? — прошептала она.

— Прошу вас, мадемуазель. — Варрава указал на освободившееся место.

Машина тронулась. Сергей Артемьевич глядел ей вслед; пока авто не скрылось за поворотом, затем взял покупки и зашагал к дому.

«До чего все же прекрасен май в Париже», — думал он.

ГЛАВА 21

«Чтобы победить, главное — не думать о спасении».

Александр Македонский

Комиссар Рошаль с силой опустил телефонную трубку на аппарат и процедил сквозь зубы:

— Дерьмо!

— Мсье Згурский все еще отсутствует? — сочувственно глядя на шефа, поинтересовался старший инспектор Клебан.

— Генерал отправился в командировку — инспектировать торговую сеть компании. На этот раз, кажется, в Польшу.

— Вы думаете, он скрывается?

— Искренне надеюсь, что нет.

— Быть может, стоит объявить его в розыск?

— А что это даст? Если он действительно в Польше, искать его на территории Франции бессмысленно.

— Но вдруг он решит вернуться. Его можно будет арестовать, как только он пересечет границу.

— Арестовать? За что? За то, что пропавший неизвестно куда мсье Рафаилов жалуется своей любовнице на неучтивость генерала Згурского? Будем смотреть правде в глаза: ему не за что любить этого позолоченного нувориша, более того — есть за что презирать. Однако это не повод для ареста.

— Но в письме явно говорится о прямой угрозе, о головорезах, которыми окружен этот неистовый русский. Как нам достоверно известно, он на самом деле не слишком уважает ни наши законы, ни наши традиции. Чего только стоит история с разгоном профсоюза на его заводе!

— Не уважает, — признал комиссар Рошаль. — Но и не нарушает. У нас нет оснований не то что для ареста, а даже для задержания более чем на сутки. Но и в этом случае можно не сомневаться — спустя полчаса после его задержания здесь соберется армия лучших парижских адвокатов, жаждущих нашей крови.

— Что же вы предлагаете?

Рошаль бросил на подчиненного гневный взгляд:

— Вести расследование. Этот самый, — он поглядел на передовицу лежащей перед ним «Пари трибюн», — Вилли Спичек — прибыл?

— Ждет позволения войти.

— Зови!

— Сию минуту. — Дежурный офицер направился к двери. — Да, и вот что. Звонил мэтр Рене Мербёф — нотариус Рафаилова. Сказал, что вы просили его о встрече. Через сорок минут он может подъехать.

— Хорошо, — кивнул Рошаль, вставая из-за стола. — Позвони ему, скажи, что я жду.

— Слушаюсь, комиссар.

Дежурный офицер скрылся за дверью, и спустя несколько секунд на его месте образовался рыжий субъект с торчащими в стороны пышными нафабранными усами.

— Мсье Вилли Спичек? — уточнил Рошаль, ловя на себе испытующий взгляд журналиста.

— Он самый, мсье окружной комиссар, — с вызовом ответил журналист. — А разве я похож на императора Наполеона?

— Присаживайтесь, — пропуская мимо ушей колкость, указал на стул полицейский.

— Если вы хотели меня видеть по поводу опубликованного письма, то обратились не по адресу, — с места в карьер начал корреспондент, одергивая мятый, пропахший дешевым табаком и одеколоном, пиджак. — Это собственность редакции, у меня его попросту нет.

— Ваша редакция уже получила извещение, что если сегодня же письмо не окажется здесь, «Пари трибюн» ждет обвинение в сокрытии улики в деле о похищении, а может быть, даже об убийстве, — флегматично разглядывая собеседника, оповестил комиссар Рошаль. — Вас же я пригласил, чтобы выслушать подробный рассказ о том, от кого и при каких обстоятельствах вы получили этот документ.

— А если откажусь? — закинул ногу на ногу корреспондент.

— Мсье Спичек, вы, если не ошибаюсь, чех?

— Да. Но мои отец и мать бежали сюда от австрияков четверть века назад. Мне тогда было чуть больше десяти лет.

— Это не имеет значения. Вам, конечно же, известно, что Сюрте не занимается всякой ерундой типа базарных краж и срезанных ридикюлей. Мы не только полиция, но и контрразведка. Если вы будете упорствовать, я добьюсь, чтобы вас обвинили в связи с австрийской разведкой и выслали из страны.

— Вы меня запугиваете?

— Я честно рисую вам перспективы запирательства. В свою очередь, дружба со мной, несомненно, может пойти вам на пользу.

Журналист достал жестяной портсигар, открыл его и, убедившись, что тот пуст, хлопком закрыл.

— Хорошо. Но это строго между нами. В конце концов я все равно почти ничего не знаю... Несколько дней назад я уже собирался идти домой, когда меня вызвали к главному редактору и сообщили, что кое-кто желает дать ценную информацию по делу генерала Згурского.

— Это было утром, днем, вечером?

— Вечером. Я же говорю — собирался идти домой.

— Хорошо, продолжайте.

— Неизвестный звонил по телефону, сказал, что у него с собой письмо, которое мсье Рафаилов написал своей возлюбленной после того, как от него ушел генерал Згурский. Что готов передать это письмо мне, но требует за это тысячу франков. У меня, конечно, таких денег не было, но главный редактор выделил названную сумму из особого фонда.

— Где этот мсье назначил встречу?

— В районе рынка Сен-Туан. Там марокканское кафе, в нем курят кальян, но иногда покуривают и гашиш... Понятное дело, в отдельной комнате, — заговорщицким тоном добавил Спичек.

— Этот мсье что же, наркоман?

— Не знаю. По виду так не скажешь. Я, к сожалению, плохо его разглядел.

— Вы опять за свое?

— Клянусь вам! Я действительно плохо его рассмотрел! В зале царил полумрак, к тому же дым... Могу сказать одно — мсье говорил по-французски с довольно заметным русским акцентом. Это молодой человек. Около тридцати, хорошо сложенный. У него аккуратные усы и борода а-ля Деникин. Ну, может, приклеенные. Не могу сказать.

— Что было дальше?

— Этот мсье сказал мне, что его друг безуспешно ухаживал за мадам Завьяловой. Это такая русская певица. Расстроенный ее неприступностью, он попросил этого мсье, ранее якобы ра-

ботавшего в полиции, выяснить, нет ли у него удачливого соперника. Мсье подкупил служанку госпожи Завьяловой. Та передала доставленное хозяйке письмо, которое он нам и предлагает. По его словам, друг в отчаянии. Бедолага считал мадам Завьялову своего рода ангелом во плоти, недоступным мирским страстям. Теперь мир рухнул, и мсье желает уехать из страны. Но ему нужны деньги.

— Ясно. Почему вы решили, что предложенное вам письмо именно от Рафаилова?

— Видите ли, мсье комиссар. Этот Рафилов близко знаком с нашим главным редактором. Недавно ему стукнул полтинник, и господин Рафаилов преподнес торжественный адрес с собственноручным поздравлением. Так что у меня был прекрасный образчик почерка для сличения.

— И каков результат?

— Двух мнений быть не может. Оба текста написаны одной и той же рукой.

— Два мнения могут быть всегда, — оборвал его Рошаль. — Имеете ли вы еще что-нибудь сообщить?

— Нет. Мсье дал мне письмо, я посмотрел — это был стоящий товар. Мы обменялись конвертами и разошлись в разные стороны.

— Что ж. — Комиссар потер сломанную когда-то переносицу. — Если так, оформите свои добровольные показания у дежурного офицера и напомните вашему главному редактору, что я жду оригинал письма. И последнее. Когда будете писать, укажите как можно точнее время звонка, время встречи и вообще как можно подробнее расскажите о том вечере.

— Я могу идти?

— Пока да. Пропуск вам подпишут.

Оставшись один, Рошаль уселся на подоконник и принялся глядеть на безучастную к людским проблемам Сену.

«Складная история про обманутого воздыхателя. Служанка, конечно, будет все отрицать, — думал Рошаль. — Но ведь она будет все отрицать и если продала чертово письмо, и если

в глаза его не видела! Станный мсье, якобы служивший в полиции, назначающий встречу в клубах дыма и таинственном полумраке — вот, по сути, единственная зацепка. Можно предположить, что отвергнутый поклонник из ревности дал поручение оборотистому другу продать компрометирующее письмо в газету? Можно. Но для чего продавцу такие меры предосторожности? Вряд ли он мог всерьез опасаться мести со стороны тяжелобольного мужа мадам Завьяловой, да и людей Згурского — тоже. Повод для мести совсем как в женских романах. Сейчас Завьялова все ожесточенно и гневно отрицает. Говорит, что не видела Рафаилова иначе, как на светских приемах, и муж, похоже, склонен ей верить. Была ли она любовницей миллионера или нет — неизвестно. Но без заработка певицы бывший генерал Кандауров попросту окажется в нищенском положении. Что-то во всем этом деле есть ненатуральное. Но что?»

Рошаль открыл окно, впуская в кабинет наполненный ароматом сирени воздух. Рошалью неудержимо захотелось оказаться там — внизу, на набережной, среди гуляющих пар. Бросить к чертовой матери все эти кипы грязного белья, изучение которых входит в его каждодневные обязанности. Комиссар стоял у окна, разглядывая людей, выгуливающих собак, целующиеся пары, скользящие по мостовой авто... Чем бы он мог заняться, если бы не стал полицейским? И чем ему заняться, если плюнуть и уйти, не дожидаясь пенсии? Остров Сите несокрушимым кораблем рассекал волны Сены, мир вокруг был светел и радостен. Казалось, все плохое, гнусное, мерзкое сосредоточено внутри старинного особняка на набережной Орфевр. Что стоит комиссару отвернуться от окна, и мир для него снова наполнится убийцами, фальшивомонетчиками, продажными чиновниками, сутенерами и прочими отбросами человеческой породы.

Рошаль еще раз вдохнул пьянящий майский воздух и собрался было уже закрыть окно, когда увидел темную «изотту-фраскини», подъезжающую к парадному входу Сюрте.

— Згурский? — свешиваясь из окна, чтобы получше разглядеть, кто выйдет из остановившегося перед зданием автомобиля, прошептал он.

Но нет. Дверь машины открылась, из салона вылез пухлый, явно довольный собой и жизнью человек.

— Вот так-так. — Комиссар закрыл окно и вернулся к столу.

Спустя пару минут дежурный офицер доложил:

— К вам мэтр Рене Мербёф.

— Пусть входит.

Первое впечатление не обмануло комиссара. Нотариус господина Рафаилова действительно был патологически доволен собой. Он принадлежал к той немногочисленной категории парижан, которая могла шаг за шагом проследить свой род до времен Столетней войны, с полным основанием утверждая, что уже тогда их предки жили в Париже. Можно было только гадать, сколько нотариусов, поверенных, адвокатов, юристов, прокуроров революционного трибунала, королевских судей значилось среди предков мэтра Рене. Но в глубине души этот мсье полагал, будто он и есть Париж.

— Рад с вами познакомиться, мсье Рошаль, — заученно улыбаясь, деловым тоном начал нотариус. — Признаться, не понимаю, зачем я опять понадобился Сюрте. Но я слышал о вас много хорошего, поэтому счел возможным принять ваше приглашение.

— Благодарю вас, мэтр. Прошу, мсье, присаживайтесь, будьте любезны.

— Если вы пригласили меня по поводу этой грязной статьи в «Пари трибюн», сразу вас огорчу — какими бы ни были отношения моего клиента с мадам Завьяловой, я не стану о них говорить.

— Увы нам, — улыбнулся комиссар. — Оставим альковные тайны в стороне. Я пригласил вас по другому вопросу.

— Вас, конечно же, интересует содержание завешания господина Рафаилова? — предположил нотариус.

— Очень интересует. Но я знаю правила, — вздохнул Рошаль.

— Не станете испытывать? — Мербёф заинтересованно поглядел на полицейского. — Угрожать? Выдумывать всякие штучки?

— Ну что вы, как можно! Я просто хотел поговорить с вами немного о мсье Рафаилове.

— Он был моим постоянным клиентом, — не спуская любопытного взгляда с улыбающегося собеседника, несколько обескураженно проговорил нотариус. — Как вы знаете, очень состоятельным. Так что я очень надеюсь, вам удастся найти его живым и, хотелось бы верить, здоровым. И он вновь сможет пользоваться моими услугами.

— Я тоже хочу в это верить. И потому очень надеюсь на вашу помощь в поисках.

— Ну, какой из меня помощник? Я даже рассказать вам толком ничего не могу. Мы не виделись в день, так сказать, исчезновения. Впрочем, я уже говорил об этом инспектору... кажется, Фурли.

— У вас хорошая память! Благодарю, я читал.

— Честно говоря, — обрадовавшись, что допроса не будет, продолжал мэтр Рене, — мне самому интересно знать, зачем мсье Рафаилов приезжал. Он точно знал, что меня не будет дома. У меня куплена ложа в «Гранд-Опера», по пятницам мы всегда проводим там вечер. Я, знаете, не большой любитель, но моя жена... А потом, после оперы мы направились к мсье Лавуа — это мой компаньон. У него как раз был день рождения. Так что вернулись мы уже за полночь.

— И Рафаилов знал о ваших планах?

— Более того скажу. Лавуа приглашал на день рождения и самого Рафаилова. Между нами говоря, я был уверен, что он не придет. Все же младший компаньон — сами знаете, птица не того полета, чтобы столь известный банкир запросто приходил к нему в гости.

— Понятно, — утвердительно кивнул комиссар. — Простите мне, быть может, не совсем тактичный вопрос. Ваш шофер может подтвердить, когда и куда вы ездили в тот день?

— Видите ли, господин комиссар, я сам люблю водить машину. Это очень увлекательная вещь. Так что, увы, шофёр, коего в природе не существует, ничего подтвердить не сможет. Хотя постойте... В тот вечер я оставлял своё авто в гараже. Сами понимаете, на всяких таких домашних празднествах есть шанс перебраться, ну и, ясное дело, я не хотел садиться за руль пьяным.

— То есть ваш автомобиль находился в гараже?

— Ну да. А в чем суть вопроса?

— Нет. Можно сказать, досужий интерес. Просто, знаете ли, думаю купить себе что-нибудь с четырьмя колесами. Вот и размышляю, как ее безопасно ставить. Поработаешь тут — в каждом человеке видишь вора и мошенника. Простите, мэтр Рене. К вам это, конечно, не относится. Так что? Эти гаражи вполне безопасны?

— Если на них хорошие двери и замок. На моем, скажем, сейфовый замок фирмы Андерса — с тайным кодом. Никаких тебе ключей, отмычек. Работает замечательно. Мсье Рафаилов у себя плохих замков не ставил.

— Простите, мэтр Рене. Я, должно быть, что-то пропустил... При чем тут мсье Рафаилов?

— Так ведь еще три месяца назад моя «изотта» принадлежала именно ему. Потом он купил себе «роллс-ройс», а эту красотку я у него приобрел вместе с гаражом. Правда, далеко от дома, но как раз есть лишний повод немного прогуляться. А то все за столом да за столом. — Нотариус с усмешкой погладил живот.

— Значит, машина принадлежала Рафаилову?

— Да. Что в этом странного? Вы знаете, это очень деятельный человек. Ему постоянно нужны деньги. Он непрерывно что-то продает, покупает, закладывает, перезакладывает. Дает кредиты, берет кредиты. Очень выгодный клиент. — Мербёф

посучил пальцами, будто подсчитывал барыши. — Хотя и то сказать — такой ритм жизни для здоровья не полезен. Крутишься волчком, даже присесть некогда. К чему, я вас спрашиваю, столько денег, если некогда получить удовольствия от обладания ими?

— Что вы имеете в виду?

— Ну вот, к примеру, полгода назад мсье Рафаилов купил себе загородный дом в Понтины. Старая такая усадьба, но в очень живописном месте. Парк, ферма, пруд с зеркальными карпами. Как вы думаете, мсье Рошаль, сколько раз мой клиент побывал там за все это время?

— Ни разу, — предположил комиссар.

— Вот именно. — Нотариус радостно хлопнул рукой по столу. — Вы правы! Так и есть.

«А может, и не прав», — про себя пробормотал Рошаль.

Август 1629

Длинная колонна тянулась по столбовой дороге, вздымая пыль. Изукрашенный возок посланника, крытые повозки его свиты, тяжелые возы с дарами и простые крестьянские телеги с нехитрым скарбом стрельцов и казаков. Возглавлявшие кавалькаду атаман Варрава и чудом догнавший своих походный воевода, стараясь не слишком отрываться от строя, о чем-то негромко переговаривались между собой.

— ...Верю я тебе, Федор, верю. Как мне тебя во лжи упрекать, когда вот он ты — пред очами. Хошь — пальцем тыкай, хошь — крестом осеняй. Никуда не денешься. Да только ж и ты пойми! Ну, людям мы, положим, сказали, что царь тамошний отпустил тебя с миром. И ты за нами так помчал, что давеча последнего коня загнал. Но люди ведь тоже не дурни пусто-головые. Смекнут, что к чему. Того и гляди, по Москве слух пойдет, что ты у басурман чародейству выучился.

— Ничему я не выучился.

— Сам же рассказывал, как главный среди тамошних демонов тебя к себе в чертог заманивал и наставлял супротив яви!

— И что с того, — хмуро буркнул Федор Згурский, — я на уговоры и посулы его не поддался. Как был, так и ныне пребываю в вере Христовой.

— Ох, чудно все это, братушка мой названный.

— Чудно, — согласился воевода. — Этот их главный — Лун Ван — без устали твердит, что он мне дед. Мол, одной мы с ним крови и роду-племени. А как же тут ему поверить, когда только глазом кинь, и ясно станет, что никакие мы не родичи. Искушают мя демоны! Уж прости ты меня, Егорий, за правду. Но видать, оттого искушают, что я прежний свой крест, от роду полученный, на православный сменил. Почуяли демоны слабину и не дают покоя. Вроде как и улещивают, и даже помогают, а только все едино — душу мою изъять хотят.

— Уже сулили чего? Ты нам душу, а мы тебе... уж не ведаю... Царский венец, что ли?

— Нет, не сулили. Лун Ван, когда со мной говорил, твердил, что раз я их родич, то сердце у меня не человеческое, и вместо крови живой пламень. А я так себе смекаю, что не может того быть. Нешто крови я своей не видел? Как он ни крутись, а веры демонам нет и не будет.

— Пламень, говоришь? — задумался Варрава. — Знаешь, Федя, мы когда в Крым на татаровей в набег ходили, один из тамошних стариков как-то сказку сказывал — о местных шайтанах. Это, значит, черти такие. Так вот, у них тоже вместо крови — огонь. Выходит, и впрямь твой Лун Ван — демон во плоти.

— Или без плоти, — скривился Згурский, вспоминая недавнюю встречу в тайной комнате императорского дворца.

— Ты гляди, — Варрава привстал в стременах, — никак, всадник к нам мчит!

— И точно, — из-под ладони разглядывая конника, подтвердил воевода. — Видать, из Москвы с вестью.

Через несколько минут верховой остановил взмыленного коня:

— Царь-батюшка наш Михаил Федорович прислал сказать, что ждут уж вас. Почитай, с самого рассвета ждут.

— Это как же так? — Згурский удивленно поглядел на покрытого густой дорожной пылью казака. — Мы ж самого тебя спозаранку в столицу с весточкой послали! Вот и считай — туда более двух часов быстрой скачки, да оттуда — чуть менее того. С чего царю нас прямо с утра ждать? Мы-то с поклажей малой скоростью движемся. Откуда Михаил Федоровичу прежде тебя о нашем возвращении знать?

— Не гневись, воевода-батюшка! — утирая пот с лица, поклонился казак. — Что мне велели передать, то и передал. А еще сказали, будто сам Желтый царь к нашему государю личного посланника отрядил, и тот уже прям на заре и прибыл.

— Какого посланника? — нахмурился Згурский и оглянулся на казачьего атамана. — Не припомню я, чтобы владыка Поднебесной для упреждения кого снаряжал.

— А то мне неведомо, — пожал плечами всадник. — Сказано, что сам посланник, дочь его и трое охранников уже в Москву прибыли и ныне отдыхают.

— Ступай и ты в обоз, дух переведи, — отпустил своего человека Варрава, а затем обернулся к названному брату: — Федор, я тут смекаю, а как бы это не семейство твое! Помнишь, там — в пустыне, когда нас порвать хотели? Тоже: сам, да с ним четверо — три мужика и баба.

— Откуда им тут взяться?

— Глупое ты сейчас спросил, — почесал затылок Варрава. — А сам здесь откель?

Глаза Федора Згурского метнули молнии, от которых едва не задымилась сухая трава на обочине:

— Твоя правда. Но что им тут-то нужно?

— Так, как водится! Ты и нужен. Может, и вправду ты какой-нибудь царь шайтанский? Нам татарин сказывал, что бы-

вало такое: будто с виду обычный человек, а изнутри — самая что ни на есть шайтанская порода.

— Скажешь тоже, — обиженно насупился Згурский. — Все во мне человечье! Это искушение — за нестойкость в вере наказание.

— Ой, не то, Федор, говоришь! Молния, что средь бела дня в дуб шарахнула, пораньше была, чем ты к князю Дмитрию Михалычу на службу поступил.

— Ранее, — сдвинул брови воевода. — Ладно. Не человечье его разумения это дело. А что мне подобает — я и без того знаю. Быть слову верным, да в вере твердым.

— И то верно, — видя раздражение старого друга, согласился Варрава. — А там доживем — увидим.

Москва гудела колокольным звоном. У Сретенских ворот охочая до зрелищ толпа с восхищением обсуждала возвращающееся из далеких, почти сказочных стран посольство. Златотканое, шитое драконами, платье на воеводе заставляло часто и трепетно стучать сердца придворных модников. Вот она — настоящая роскошь!

Царь земли Русской, Михаил Федорович, в сопровождении кортежа, выехал навстречу своему посольству, спеша, должно быть, поскорее увидеть расписанные посланцем Желтого царя чудеса. Завидев государя, конные спешились. Все преклонили колени. Федор Згурский исподлобья глядел на царя, вспоминая давнюю, поросшую уже быльем встречу здесь же — у раскидистого дуба, рассеченного молнией пополам. Теперь перед русским воеводой стоял не испуганный собственным жребием юнец, а суровый властитель: порою благородный, порою вероломный, порою — и то и другое сразу.

— Поднимитесь с колен, — милостиво дозволил царь. — Добрую службу вы мне сослужили. За то и жалую вас. — Михаил Федорович сделал знак казначею, и тот вытащил из мошны пригоршню серебряных монет. — Каждому всаднику, будь

то казак или же служивый человек, по пять целковых! Пешцу — по три. Командирам же отдельная награда будет.

Государь поманил к себе Згурского:

— Покуда дьяк наш думный в Посольском приказе дело излагать начнет, поведай мне самолично, как все обстояло.

Воевода напрягся, чувствуя скрытый подвох.

— Не обучен я словесам, — склоняя голову, чтобы не глядеть в царские очи, отвечал он. — Туда ехали — всяко было. И с дикими народами бились, и по лесным чащобам продирались, и холодали-голодали, и в пустыне от безводья чуть не померли. А только службу как есть исполнили. И обратно малой кровью вернулись.

— Да уж, не речист ты, Федор, — усмехнулся царь. — А Желтого царя посланец о тебе много всякого рассказывал: как ты столицу его от мятежников спас, как в поход ходил супротив врага Желтого царя, как тот желал при себе тебя оставить, злато-серебро сулил, а ты отказался. Было ли такое?

— Было. Да только моего геройства в упомянутых делах и на мизинец не было.

— Диковинный ты человек, Федор. Не разумею я тебя, а когда не разумею — опасаюсь, — покачал головой царь. — Ты, может, думаешь, что я за давностью лет это местечко забыл? Ты не думай, я помню. Помню, как ты стоял да глазами зыркал так, что кони пятились. И что ж получается? Когда смерть над тобой витает, ты безмолствуешь. Когда слава крылья простирает — тоже слова не вытянешь. По чести скажу — князь Дмитрий Михалыч не зря тебя отличил и к себе приблизил. Как я ни присматривался, а случая упрекнуть или в чем заподозрить так и не представилось. А вот теперь ответь: почему ж ты мне так служишь? Ведь ни богатств, ни почета особого — ничего тебе здесь не было. Врать не буду — не царское это дело, прямо скажу: я не велел. А ты вдруг от злата и славы отрекся, лишь бы под мою руку вернуться. Поведай, в чем секрет?

— Нет секрета. Служу верой и правдой, как положено. Как слово давал.

— Ой, лукавишь, Федор. — В голосе царя послышалось недовольство. — Верой и правдой мне тут все служат! А помяни кого золотым калачом, так поминай, как звали!

— Нечего мне сказать, — вздохнул Згурский.

— Стало быть, от царя тайшьяся. — В голосе Михаила зазвучала сталь. — А ведь это ох как не к добру! Без злого умысла то чего от государя таиться? Значит, умышляешь что... Ну да бог с тобой, прошу ради праздника. В награду за храбрость и верность покуда не трону — живи да радуйся. Полсотни целковых велел я тебе выдать за поход.

— Благодарствую, надежа-государь! — поклонился Згурский.

— И вот еще, — буркнул миропомазанник, — этот посланец Желтого царя... Лун Ван — уж не знаю, чем ты так ему к сердцу припал, — просил меня, чтобы для постоя его и людей, с ним прибывших, определил я ему твой терем. Ничего иного и слышать не захотел. Так что ответил я согласием. А потому ступай в Посольский приказ — что надо будет, все получи. И уж расстарайся принять гостей так, чтобы они дорогу к нам не забыли. Лун Ван при Желтом царе, как я погляжу, человек немалый.

Середина мая 1924

Красная линия на карте, отделявшая Советскую Белоруссию от панской Польши, целиком скрывала под собой впадавшую в Случ речушку, едва ли не ручей, на берегу которой притаились наблюдатели.

— Граница охраняется секретами и конными разъездами, ваше превосходительство, — тихо, видимо, опасаясь, что гуляющий без дела ветер отнесет на ту сторону обрывки слов, говорил один из них. — Есть и пулеметные гнезда. К сожалению, подробной схемы у нас еще нет: недавно сменился на-

чальник заставы, так что все поменялось не больше двух недель назад.

— Новая метла чисто метет, — тихо проговорил тот, кого первый назвал вашим превосходительством. — Места глухие, секреты хоть каждый день меняй: болота, ручьи, буреломье — как нарочно придумано.

— Может, для перехода другое место подобрать?

— Чем удобнее место, тем пристальнее смотрят и нетерпеливее ждут. Расскажите о нашем человеке. — Он достал из кармана часы с тремя грациями на крышке и некоторое время задумчиво глядел, как движется секундная стрелка. — Вы давно с ним знакомы?

— С шестнадцатого года. Мы воевали в одном дивизионе. Он из корпуса пограничной стражи, служил здесь прежде. На той стороне осталась родня. Большевики узнали об этом и решили его завербовать. «Атлас» — его позывной. Человек он тут вроде и небольшой, но поскольку развозит почту по всем местным заставам, имеет возможность свободно перемещаться по округе. Все его знают. Время от времени он сбрасывает красным информацию о том, что происходит на этой стороне: о назначениях и перемещениях в пограничной линии, а также о действиях, с позволения сказать, армии, с позволения сказать, генерала Бэй-Булак-Балаховича.

— Да, на редкость отвратительный тип: поручик-генерал. За один только арест Юденича его бы следовало расстрелять. Не говоря уже о службе красным.

— Однако же Юзеф Пилсудский присвоил ему звание генерала Войска Польского.

— Каков маршал, таков и генерал. Хотя сам же Пилсудский, по слухам, говорил об этом военачальнике, что он вчера русский, сегодня поляк, завтра белорус, а послезавтра — и вовсе негр.

Над лесным убежищем повисла долгая пауза.

— И что ж, его банды сейчас как-то действуют?

— Банды и есть банды, — ответил местный представитель Сент-Этьенской фирмы. — Понемногу разбойничают. Устраивают набеги, но так, без особого смысла, чтобы не скучать. В двадцатом году после прорыва в Белоруссию Бэй-Булак-Балахович получил лесную концессию, и его войско теперь на самообеспечении, но грабить незащищенные деревушки легче, чем лес валить. О, вон смотрите, ваше превосходительство — видите белый платок на том берегу?

— Вижу.

— Наш человек подает знак. — Управляющий польским филиалом сложил руки у рта и трижды каркнул вороном.

Около ручья появился мужчина средних лет, с закатанными штанами и переброшенными через плечо сапогами.

— Прошу любить и жаловать! Вот и Атлас.

Через несколько минут агент уже стоял перед генералом Згурским.

— Капитан Особого корпуса пограничной стражи... — приложив руку к козырьку почтальонской фуражки, начал он.

— Отставить имена и звания! Докладывайте по сути.

— Как было приказано, встретился с начальником заставы и сообщил, что по имеющимся у меня данным в расположение дивизии генерала Бэй-Булак-Балаховича должен прибыть высокопоставленный представитель французского Генерального штаба для инспекции боеспособности войска и рассмотрения вопроса о целесообразности его финансирования. Предполагается, что специально к приезду француза Бэй-Булак-Балахович пожелает устроить показательную акцию на территории Советской Белоруссии.

— Начальник погранзаставы спросил у вас, откуда получены сведения?

— Так точно. Как и было условлено, я сообщил, что у меня среди балаховцев есть надежный источник из офицеров, ко-

торые не желают больше иметь дело с бандитами и хотят сдать-ся новой власти в обмен на гарантию амнистии.

— Начальник заставы поверил?

— Так точно. И он, и представитель Минского ГПУ. До сего дня я их никогда не подводил.

— Вот и славно.

— Представитель ГПУ осведомился, смогу ли я заранее сообщить о приезде француза. Я ответил утвердительно. Следующий вопрос был — смогу ли я раздобыть план действий балаховцев, но я «честно» сказал, что это неизвестно: если мой источник получит доступ к информации, то я непременно передам ее.

— Хорошо. Что было дальше?

— Представитель Минска уточнил, можно ли провести здесь скрытно конный отряд — полсотни — сотню сабель. Я сказал, что можно.

— Значит, красноперые проглотили наживку. У вас есть предположения, что за часть будет прорываться?

— Скорее всего диверсионный отряд Мухи-Михальского. Я о нем почти ничего не знаю. Известно только, что большевик, служил в ЧК, человек жестокий, но не без личности.

— Это уже немало. Благодарю вас за службу. Можете идти. И еще, прошу вас, напишите все, что знаете о гэпэушнике. Внешний вид, манеры, особые приметы.

— Слушаюсь, ваше превосходительство.

— Можете идти. Всю дальнейшую информацию вы получите, когда это потребуется. — Генерал Згурский дождался, пока Атлас достал спрятанный в кустах велосипед и отъехал по тропке метров пятьдесят. — Правда на нашей стороне, должно получиться. Через полторы недели мне необходимы будут десятка три бойцов. Брать только опытный, проверенный офицерский кадр. Оружие и дополнительные инструкции вам доставят через неделю.

ГЛАВА 22

«Жизнь — это то, что ежедневно побуждает нас действовать».

Бенджамин Франклин

Середина мая 1924

Дзержинский внимательно просматривал лежащую на столе оперативную сводку. Едва ли не по всей длине советской границы то здесь, то там отмечались стычки, попытки тайного пересечения или проникновения в пограничную зону. «В районе Иван-города группа из четырех человек с боем прорывалась на территорию Латвии, один из уходивших убит, один тяжело ранен. С нашей стороны ранены трое бойцов, убита собака». «Дальний Восток: полсотни сабель с двумя пулеметами захватили станцию Тихомировская на КВЖД, сожжен эшелон с продовольствием, убиты начальник станции и телеграфист, шестеро человек уведены, вероятно, в Китай». «Средняя Азия: Бухара, Коканд — не унимаются банды басмачей. Приходят уходят через горные перевалы, и чтоб преследовать их, нужна армия с артиллерией и аэропланами, а не разрозненные отряды НКВД, усиленные краснопалочниками*. На персидской границе та же история — нынешний шах никак не желает забыть, что он русский казачий офицер. «Кавказ...»

Феликс Эдмундович устало прикрыл глаза. Ему вспомнился утранный разговор со Сталиным.

— ...Дорогой Феликс Эдмундович, время работает против нас. Люди Троцкого ~~интригуют~~ интригуют кругом, торопя меня сдавать дела и готовиться к отъезду. Вчера верная шавка Троцкого —

* Краснопалочники — коммунистические отряды местной самообороны в Средней Азии.

наш замечательный полководец, командарм Тухачевский — пригласил меня к себе, чтобы распланировать боевые действия в Закавказье. Этот бывший царский поручик, должно быть, запомнил, как обмарал штаны, убегая из-под Варшавы. Он уже не помнит, кто спас его решительным ударом на Замостье.

Но еще хуже другое: Троцкий старается не упустить ни единого случая, чтобы отстранить меня от сколь-нибудь реальной деятельности в Центре, подчинить своим нукерам. До указанного срока осталось совсем мало времени. Я, может быть, смогу тут протянуть недели две еще, но даже этого не обещаю. Не сомневайтесь — если ему удастся сбросить меня, следующим будете вы, дорогой Феликс Эдмундович. Вы и я — ключевые точки обороны. Когда он избавится от нас, ничего не помешает Льву Давидовичу захватить единоличную власть в государстве.

— Иосиф Виссарионович, мы делаем все, что в человеческих силах. Счет идет на часы. Есть основания надеяться, что мы успеем нанести удар раньше, чем Троцкий и его клика.

— Здесь недостаточно надеяться. Здесь надо точно знать. Расскажите, пожалуйста, Феликс Эдмундович, как продвигается наше дело с так называемым представителем Красного Креста.

— Как и предполагалось, сейчас мы внедрили его в лабораторию. Завтра или послезавтра, смотря по обстановке, может быть подсекать рыбу.

— Подсекать — это хорошо. Но только так, чтобы она могла до поры до времени сорваться и уйти, но только под нашим пристальным надзором. Наблюдение за Орлинским что-нибудь дало?

— Он ведет себя в высшей степени примерно.

— Хорошо. Пока мы его не трогаем. Пусть занимается работой. Помните, что как только генерал Згурский окажется в наших руках, Орлинского вместе с другими членами так называемой брусилловской военной организации следует незамед-

лительно арестовать. Но пусть до последнего господин Орлов-Орлинский считает, что мы ему всецело доверяем...

Дзержинский открыл глаза. По-человечески ему было жаль старого знакомого. Да и в момент становления первых советских карательных органов знания и умения бывшего статского советника оченьгодились. Но времена, когда приходилось на весах взвешивать пользу и вред от того или иного попутчика советской власти, безвозвратно ушли в прошлое. И самую большую пользу, которую теперь мог принести товарищ Орлинский, — это вновь превратиться в бывшего царского контрразведчика Орлова на судебном процессе над красными бонапартистами.

Дзержинский невольно вспомнил дело многолетней давности, когда его самого допрашивал молодой, но очень ловкий следователь Орлов. Кто бы предположил, что жизнь потом сложится столь парадоксально? Дзержинский покачал головой, отгоняя воспоминания. Взгляд его вновь упал на сводку.

«По данным Минского ОГПУ на N-ском участке границы готовится крупная операция дивизии Бэй-Булак-Балаховича. Согласно агентурным сведениям, прорыв ожидается в течение ближайших двух-трех недель. Просьба направить опытных сотрудников, а также части особого назначения для отражения готовящегося удара и, возможно, ликвидации банды».

Дзержинский взял красный карандаш и сделал пометку на полях: «Помочь непременно». В кабинет, негромко постучав, вошел секретарь:

— Феликс Эдмундович, только что звонили из Расторопино.

— Ну-ну, что там?

— Гражданин Джунковский, как обычно, оказался прав. Прямо на бывшей господской усадьбе задержана дочь генерала Згурского, Ольга. Она скрывалась у своей няньки. Нянька арестована. Из Расторопино запрашивают, что делать дальше.

— Ольгу доставить ко мне. — Глаза Дзержинского холодно блеснули. — Вести себя с ней культурно, никаких неудобств не причинять.

— А нянька?

— Вплоть до дальнейших распоряжений доставить в районный отдел ГПУ. Пусть пока там посидит.

— Сейчас перезвоню. Будут еще какие-нибудь приказания?

— Нет, благодарю вас. Хотя погодите. Знаете что? Раздобудьте-ка мне конфет. Желательно шоколадных.

Девочка стояла перед могущественным председателем ОГПУ и смотрела на него прямо и твердо. Вызовом или насмешкой алел красный галстук на ее груди. Тонкая, хрупкая, большеглазая — она казалась Дзержинскому наполненной той несгибаемой внутренней силой, которую прежде он наблюдал среди отчаянных соратников — молодых революционеров.

— Здравствуйте, — указывая на стул напротив себя, поднялся с места Феликс Эдмундович. — Прошу вас, присаживайтесь.

Девочка сделала несколько шагов к столу и села, не спуская глаз с хозяина кабинета.

— Вы, если не ошибаюсь, Ольга Владимировна Згурская?

— Да. Как мне теперь известно, это мое имя.

Секретарь принес на подносе два стакана чая, несколько кусочков сахара и небольшую тарелочку с дюжиной конфет.

— Прошу вас, угощайтесь.

— Спасибо, — беря конфету, негромко ответила Ольга. — А вы и вправду Дзержинский?

— Да, — чуть оторопев, кивнул «железный» Феликс.

— Вот здорово! Когда в классе расскажу, что с самим Дзержинским чай пила — никто не поверит! А можно мне вашу карточку с подписью?

— Но у меня нет карточки. — Дзержинский несколько смутился. Он ожидал чего-то совсем другого. — Надеюсь, с вами хорошо обходились?

— Меня арестовали ни за что! Это все — одна большая ошибка! — Ольга возмущенно поднялась с места. — Феликс Эдмундович, я вам расскажу все как было! Мы жили спокой-

но, никому ничего плохого не делали. Мама работала учительницей, а до того — в госпитале медсестрой. Я училась, стала пионеркой. Я знаю, что дело Ленина и мировая революция победят! — Ольга отсалютовала, но столь искренне и без пафоса, что у Дзержинского перехватило дух. — Я знаю, что мой отец — генерал. Но ни я, ни мама его не видели уже скоро десять лет. Он нам не писал, ничего не передавал. И вот однажды ночью пришел один товарищ, по виду — настоящий разбойник. Он маму побил, меня привязал к стулу и рот заткнул. Потом к нам прибежал Петр Федорович — начальник милиции — и застрелил бандита и его помощника, который на улице ждал. А выяснилось, что они из ГПУ. Но я думаю — все-таки бандиты. А теперь, — Ольга чуть заметно всхлипнула, — мы все время убегаем и прячемся. А мы ж совсем ни в чем не виноваты! И Петр Федорович — он нас защищал!

Дзержинский, не отрываясь, глядел на девочку. Та говорила с таким жаром и подкупающей откровенностью, что не верить ей было просто невозможно. Казалось невероятным, что дочь белого генерала столь предана делу, которому сам он, Дзержинский, посвятил жизнь. Но ведь, с другой стороны, разве сам он, Владимир Ильич, Коллонтай не были потомственными дворянами, как и эта юная пионерка? Разве не подняла их на борьбу любовь к свободе, мечта о лучшем мироустройстве?

— Вы присаживайтесь, Ольга Владимировна! Не волнуйтесь так, я вам верю. — Дзержинский придвинул к себе стакан и подул на чай. — Вы правы. Здесь действительно произошла страшная ошибка. Можно сказать, трагическое недоразумение. Мы в самом деле искали вашу маму, но совсем не для того, чтобы выдвинуть против нее какие-нибудь обвинения. Мы хотели ей предложить работу в серьезной научной лаборатории. И больше ничего. Наши сотрудники неправильно поняли и переусердствовали. Но то, что случилось дальше... — Дзержинский развел руками. — Конечно, мы не должны прощать убийство наших товарищей. Самосуд — тоже преступление. Но

по-человечески понять вашего Петра Федоровича все же можно. Сейчас найти Татьяну Михайловну и его необходимо поскорее, чтобы не случилось чего-нибудь худшего.

— Ночью они уехали в Москву, — убежденная словами Дзержинского, грустно сказала Ольга. — Но куда точно, я не знаю. Мама собиралась приехать, когда они обустроятся, и забрать меня. Но теперь вряд ли. Когда облава была, там столько шуму наделали — все село гудело. Надежду Акимовну прикладами из дома выгнали, чуть было во дворе не расстреляли, — девочка судорожно вздохнула, унимая прорывающиеся слезы, — за то, что она меня прятала.

— Ай-яй-яй, как нехорошо вышло, — нахмурился Дзержинский и нажал кнопку вызова секретаря.

— Слушаю вас, Феликс Эдмундович.

— Соедините меня с Расторопино. С районным отделом.

— Одну минуту.

Очень скоро телефон на столе председателя ОГПУ залился бравурной трелью.

— Дзержинский у аппарата, — резко начал Феликс Эдмундович. — У вас находится задержанные в утренней облаве?

— Так точно, — раздалось из трубки.

— И эта женщина, у которой Згурская скрывалась? Да-да, Надежда Акимовна. Попросите у нее извинения и отпустите. И вот еще что — отвезите ее домой. Да. Хорошо. Доложите по исполнению. — Дзержинский опустил трубку на рычаг. — Работа у нас такая. Много врагов притаилось вокруг, бороться с ними приходится жестко, подчас жестоко. Но ведь любовь к ближнему — не преступление. Если за это карать, из кого мы нового, социалистического человека создавать будем?

— Няню отпустят? — восхищенно переспросила девочка, смагивая слезы.

— Конечно. ОГПУ не борется с нянями, оно стоит за справедливость. Надеюсь, вы понимаете это.

— Понимаю! — горячо подтвердила Ольга.

— В таком случае, хорошо бы, если б вы помогли нам найти маму и Петра Федоровича. Этим вы даже не нам помогаете, а их самих от гибели спасаете.

— Я бы с радостью, да только мне ничего не известно.

Дзержинский сделал несколько глотков, пристально разглядывая маленькую собеседницу: «Похоже, она не врет. Наивная, искренняя душа. Что же с ней делать? Отвезти обратно в Расторопино и установить наблюдение, ожидая, когда Згурская или хотя бы этот Судаков за ней пожалуют? Но сколько времени на это уйдет? Неделя, месяц, год? А у нас лишнего часа нет. Надо как-то привлечь внимание Згурской, вытащить ее из убежища. Но как? Не поместишь же в газетах объявление: «Задержана девочка. Звать Ольга Згурская. Желаящим забрать — просьба явиться на Лубянку». Н-да, в газетах о таком не написать, это не приезд коронованной особы. Хотя...»

Глаза Дзержинского блеснули и он поспешил опустить их.

— Скажите, Ольга Владимировна, вам нравится жить в Советском Союзе?

— Нравится, — без запинки ответила девочка. — Конечно, здесь тяжело, но мы строим замечательное счастливое будущее, где не станет места угнетению человека человеком, где всякий будет получать по труду!

— А вот ответьте мне. Правда ли, что ваша крестная — великая княгиня Ольга Константиновна — нынешняя королева-регентша Греции?

— Мама рассказала мне об этом совсем недавно.

— Могли бы вы написать ей открытое письмо, в котором честно рассказать, что собой представляет новая Россия? Что здесь не живут исчадия ада, что мы хотим не гибели, а возрождения страны?

— Могла бы, — подумав с полминуты, кивнула Ольга. — А зачем?

— Мы разместим это письмо в «Правде», и Ольга Константиновна поймет, что не стоит пугаться торговать и поддержи-

вать дипломатические отношения ее страны с Советским Союзом. И к ее голосу прислушаются многие.

— Хорошо. Я напишу.

— Только уж постарайтесь. Возможно, что такое письмо захотят перепечатать многие газеты.

— Я постараюсь.

— Вот и ладно. А пока ни о чем не беспокойтесь. Мы вас поселим в тихом месте. А когда найдем Татьяну Михайловну, надеюсь, вы нам поможете все объяснить, чтобы избежать ненужного кровопролития. Подождите пока в приемной, я распоряжусь.

Он вызвал секретаря:

— Будьте любезны, отвезите девочку на одну из наших конспиративных квартир. Позаботьтесь, чтобы была горячая вода, достойные условия и хорошее питание. Разумеется, круглосуточный надзор.

— Есть! Разрешите идти?

— Нет, постой. SR-77 докладывал, что у него появился контакт в «Пари трибюн».

— Так точно.

— Пусть использует свой контакт. Завтра в «Правде» должно появиться открытое письмо Ольги Згурской к королеве Греции. Пусть сделает все, чтобы послезавтра это письмо напечатали на страницах «Пари трибюн», а желательно и в других французских газетах.

Август 1629

Згурский ворвался в свой терем, разбросав по пути встречавших его челядинцев и довольно резко отстранив прильнувшую к его груди жену. Лун Ван сидел за столом, в руках его была маленькая расписная чашечка, над которой поднимался пар.

— Здравствуй, Юй Лун, — улыбнулся старик, пригубливая из драгоценного фарфора. — Надеюсь, ты добрался благополучно? Это напиток из верхних листиков кустарника ча, я только заварил его. Не желаешь ли?

Федор Згурский задохнулся от гнева.

— Да как ты посмел пожаловать в мой дом, демон? — Он сжал кулаки.

— Я вижу, тебя мало интересует, какова была моя дорога. Желаешь расправиться со мной? Это неучтивое и глупое желание. Но чтобы тебе раз и навсегда распрощаться с ним, вероятно, стоит попробовать.

— Ты явился гостем, я не могу поднять на тебя руку, — буркнул воевода. — Уезжай, улетай, делай, что тебе заблагорассудится, но только убирайся отсюда!

— Гнать из дому гостя или же поднимать на него руку — все едино, — пристально наблюдая за хозяином, улыбнулся Лун Ван.

— Зачем ты преследуешь меня? Не видать тебе моей души! Вот на, получи! — Згурский широко перекрестился. — Сгинь, расточись, морок адский!

Лун Ван еще раз отхлебнул темного густого настоя.

— Может, все-таки выпьешь ча? Очень помогает очистить мысли с дороги.

— Да ты издеваться вздумал? — Згурский в ярости схватился за саблю. Еще мгновение, и она привычно вылетит из ножен, неся смерть всякому, кто станет на ее пути.

И тут же мощный удар сбил Федора с ног. Тот вскочил, кипя от гнева, готовый сразиться с чужестранным демоном и, если надо, доблестно пасть в честной схватке. Но только поднялся он, что-то жесткое и гибкое, как якорный трос, обвило его ноги, дернуло, перевернуло, а затем прижало к потолку.

— Ты забываешь, что я, как и ты, дракон, мой маленький Юй Лун, — продолжая улыбаться, напомнил гость. — У дракона есть хвост. Ты вновь хватаешься за оружие, вновь противишься очевидному. И все лишь потому, что не понимаешь

его. Но и когда понимаешь — все равно противишься. Сколько еще доказательств нужно, чтобы принять истину — ты нашего рода, и должен быть с нами. Потом, если очень захочешь, сможешь навещать этот мир, но жить в нем — зачем тебе такой удел? Зачем каждый раз ты обрекаешь себя на долгую сонную зиму, зачем мрак твоего сознания порождает страхи для прочих живущих тут? Ты печешься о своей душе, Юй Лун? Что за нелепость! У тебя нет души — как ее понимают в твоей вере. Ты не существуешь здесь, сейчас. Для этого мира ты существуешь всегда.

— Не запутаешь, не запугаешь меня, дьяволово отродье! — прохрипел Згурский. — Даже если на твоей стороне сила, не отрекусь от веры своей! От Господа нашего и святых его.

— Святых? — Лун Ван засмеялся и поставил чашечку на стол. — Всякий раз незадача с твоей памятью. Скажи, Юй Лун, ты помнишь, как первый раз влюбился в смертную девушку?

— Здесь моя любовь и нет иной!

Невидимая сила, удерживающая его прижатым к потолку светлицы, неумолимо повлекла за собой и усадила за стол перед Лун Ваном.

— Да, ты говоришь правду. В этой твоей жизни у тебя нет иной любви и быть не может. Драконы постоянны. Но вспомни город Тарс у Серединного моря — в одном из своих путешествий, обратившись человеком, ты пришел туда и увидел дочь правителя. Ее звали Тамея.

— Я никогда не слышал этого имени.

— Слышал, Юй Лун, слышал. Ты увидел ее и решил, что без этой девушки свет тебе не мил, что готов остаться здесь, быть навеки заключенным в человеческую оболочку, лишь бы быть с ней. Видеть, как она старится, умирает. Мне это дико, Юй Лун — такого никогда не было среди внуков и правнуков, подаренных мне сыновьями. Но ты — единственный наследник моей дочери. Возможно, твоя нелепая привязанность к людям продиктована тем, что отцом твоим был человек, хоть здесь его и считают полубогом. Ты заигрался, мой мальчик.

Решил навечно остаться ребенком. Не перечь мне! — Лун Ван пресек попытку умудренного годами воеводы открыть рот. — Твои здешние годы — ничто! Я знаю все, что ты можешь сказать. Ты уже не в первый раз говоришь эту чушь: рядом с ней ты чувствуешь, что у тебя есть сердце, что ты живой. Что ты мелкая букашка, а не могучая стихия... — Голос старца гремел набатным колоколом.

Тогда в Тарсе храбрый воин сумел покорить сердце принцессы — история столь обыденная, что и вспоминать о ней скучно. Как водится, отец прелестницы не горел желанием отдавать единственную дочь за неизвестного чужака. Ни доблесть, ни богатство не имели значения. Царю Тарса нужен был союзник, который смог бы при случае защитить его никчемный городишко от нападения. Ты все еще ничего не вспомнил, Юй Лун?

Федор Згурский хмуро посмотрел на старца.

— У меня были видения о древнем городе и схватке с драконом, — медленно, словно через силу, признался он. — Но то был морок. Уж не ты ли, Лун Ван, навел его?

— Нет, не я. Мы, Луны, выше мелкого людского коварства. Хотя порою и способны на хитрости — вот как ты тогда. Я напомню тебе, что случилось дальше. Ты уехал за городские стены и там вновь обратился в дракона. И с неистовством начал разорять царя Тарса: сжигать его посевы, вырезать стада, пугать рыбаков, не давая им выйти в море. Тогда жители города взмолились, прося государя найти управу на чудовище, а один из местных жрецов — твой приятель — сказал, что ему было видение, будто дракон уймется тогда, когда в жертву ему принесут царскую дочь.

— Что за нелепицу ты городишь? Если я и впрямь любил ту девушку...

— Но это же была хитрость, Юй Лун. Твоя хитрость. Ты вернулся в город в час, когда рыдающая толпа провожала красавицу. Ее очень любили в Тарсе. Жители считали, что с ней благословение сходит на город: она улыбалась — и радовались

все, печалилась — весь город лил слезы. Ты преградил ворота своим конем и сказал, что готов сразиться с чудовищем, и если победишь, то станешь мужем принцессы. Царь нехотя согласился. Выбора у него особого не было. Тогда вместе с невестой и царской свитой ты отправился к облюбленной тобой пещере и вызвал дракона на бой. То, что случилось дальше, свидетели рассказывали испуганным шепотом. Всю округу заволокло клубами дыма, языки пламени метались над дикими скалами. Бой шел в пещере, но люди время от времени видели то драконью морду, то хвост, то страшные лапы с отточенными когтями. Видели и доблестного воина, иногда появлявшегося на поверхности, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Единственное, чего они не видели, — это дракона и воина вместе. Они и не могли их видеть, поскольку ими обоими был ты, Юй Лун. В конце концов ты вылез из пещеры победителем и повелел завалить вход тяжелыми камнями, чтобы ядовитое зловоние разлагающейся туши не отравляло округу. Очень скоро сыграли пышную свадьбу храброго воителя Георгия и принцессы Тамеи. В тот раз, мой дорогой друг, ты называл себя Георгием — порождением земли. Но что забавно, неподалеку, в Каппадокии жил другой Георгий, тоже воин, полководец. Он был христианином, и римский император велел ему отказаться от своей веры. Тот Георгий упорствовал, за что и был казнен. Казнь сопровождалась чудесами. Его не брали ни огонь, ни железо...

— Не богохульствуй! — выкрикнул Федор Згурский, понимая, к чему клонит рассказчик.

— Я не богохульствую. Я говорю тебе правду. А ты боишься ее услышать.

— Я ничего и никого не боюсь!

— Боишься, Юй Лун. Боишься правды и разоблачения. Как тогда — в Тарсе, так и сейчас. С тех пор ты все время возвращаешься в этот мир, возвращаешься — пораженный этим страхом.

— Я — человек, христианин, и верую в Бога Отца, Сына и Духа святого. И какими бы оболостительными речами ни смущал меня, не сдамся тебе, враг рода человеческого!

— Глупец, — неведомая сила сорвала воеводу со скамьи и отшвырнула к стене. — Нет смысла разговаривать с тобой. Ты упрям, как все Луны, и слеп, как человек. Я больше не вернусь к тебе. Но помни, что ты обещал мне, когда во время похода к Бейджину я спас вам жизнь.

— Я дал слово, Лун Ван. Меня положат во гроб с повестью о наших встречах. Так я сказал — так и будет.

— Прощай. Раз уж мы не увидимся, загодя поздравляю тебя с рождением сына, который появится на свет чуть менее года с этого дня. — Лун Ван сложил руки перед грудью в приветственном жесте и исчез.

Федор Згурский почувствовал, что больше его ничего не удерживает, и поднялся с пола. В светлицу с поклоном вошла его супруга и почтительно обратилась к месту, около которого по-прежнему стояла расписная чашечка.

— Гость дорогой, а не желаешь ли отведать пирожков свеженьких с белорыбцей?

— Ты с кем это говоришь, Татьяна? — ошарашенно глядя то на жену, то на пустую лавку, спросил воевода.

— Федор, да что ты такое молвишь? Он же ведь все разумеет! С гостем нашим!

— Ох, батюшки. — Згурский по стене, придерживаясь руками, двинулся к окну, скоро отворил его и высунулся наружу, вдыхая свежий воздух. Расколотый молнией дуб шелестел перед ним зеленою листвою, как ни в чем не бывало. За высокой оградой шумели гудошники и песельники, слышались крики ярыжек, во всю мочь луженых глоток объявлявших начало праздника в честь высокого посольства из земли Катай.

— Что с тобой, сокол мой ясный? — подскочила к мужу Татьяна.

— Дурно мне, голубка моя. Грехи мои великие да души загубленные на шее жерновом висят. Знаешь что, радость моя ненаглядная. Не хочу я боле из окна тот дуб видеть. Царь мне пятьдесят целковых даровал. Так вот решил я церковь тут поставить во имя покровителя моего Федора Стратилата.

— Как скажешь, так и ладно, — согласилась супруга, и на воеводу вдруг повеяло таким теплом и покоем, будто и не было встречи с проклятым демоном, будто и вовсе не уезжал он никуда из родного дома. — Да только с гостями что делать, Феденька?

— Уважь их, покуда не уедут, — через силу выдавливая слова, проговорил воевода.

Середина мая 1924

Задняя стенка шкафа отодвинулась, впуская в сумрак узкого коридора немного света.

— Татьяна Михайловна, вы здесь? — шепотом спросил профессор Дехтерев.

— Здесь, — откликнулась Згурская.

— Выходите. — Профессор отстранился, освещая лаз керосинкой. — Осторожно, я тут принес для вас на первый случай — одеяло, постель, немного еды, свечи...

— А ну как хватятся? — забирая лежащий на дне шкафа тюк, поинтересовался Судаков.

— Это вряд ли. Здесь до недавних пор было общежитие Наркомпроса. Когда его закрыли, кое-что осталось. Извините, не первой свежести.

— Да ладно, — отмахнулся Петр Федорович.

— А матрац я взять не смог. Согласитесь, с матрацем в руках я бы выглядел подозрительно, вопросы бы начались...

— Благодарю вас, дорогой Василий Матвеевич.

— Что вы, как можно, замахал руками Дехтерев. — Теперь ваша очередь, Татьяна Михайловна. Рассказывайте, куда идти.

— Сейчас. — Татьяна Михайловна подошла к столу и положила на него свой узелок с вещами. — Окажите любезность, присветите мне.

Она развязала концы платка и вытащила обтянутый сафьяном альбом с серебряным, покрытым эмалью гербом на крышке.

— Время ли сейчас фотографии смотреть, — покачал головой Судаков.

— Ну что вы, это не просто альбом! — улыбнулась ему женщина, как малому ребенку. — Здесь весь род Згурских с начала семнадцатого века: фотографии, миниатюры. Но не в этом суть.

Татьяна Михайловна приоткрыла крышку, положила указательный палец на расколотый дуб, украшавший один из гербовых шлемов, и чуть заметно сдвинула его в сторону. Внутренняя деревянная пластина отпала сама собой, лишившись задвижки.

— Ишь ты, тайник!

— Да! — гордо ответила Згурская. — Мне когда-то Володечка показал. Тут пергамент лежал. В нем Федор Згурский — первый из живших в России — восьмому из своих потомков завещает прийти к нему, дабы принять в дар великое откровение, им собственноручно на склоне дней записанное.

— Вот же незадача, — пробормотал Судаков, чувствуя неловкость от соприкосновения с обветшалыми дворянскими тайнами. — Связался я тут с вами...

— Прекратите немедленно, — тихо сказала Татьяна Михайловна.

Судакова от неловкости бросило в жар, как лет тридцать уже не бросало. Краском порадовался, что в сумерках этого никто не видит.

— Дом стоит на том самом месте, где был терем Федора Згурского, — продолжила Татьяна. — Его похоронили в склепе под церковью святого Федора Стратилата. Во время наполеоновского нашествия и церковь, и все окрестные здания сгорели, но генерал от кавалерии Георгий Згурский в восемьсот сорок четырем году отстроил вот этот особняк, а церковь перенес дальше. В середине прошлого века его получил по наследству отец Владимира. Вместе с усадьбой ему достался и

альбом, отец показал его своему наследнику — моему будущему мужу. Владимир как раз и есть восьмой потомок Федора Згурского, так что древнее послание адресовано ему. Когда мой муж выбирал комнаты для жилья, то остановил выбор на комнате в левом крыле здания, на первом этаже. Однажды ему приснилось, что под полом находится вход в подземелье. Владимир вскочил с постели, шпагой сорвал плинтус и увидел кольцо. Потянул за него: каменная плита, в которую оно было вмуровано, легко поднялась. Открылась лестница под стену. Он спустился в подземелье, а там — крипта и склеп, закрытый кованой решеткой. И какие-то жилые комнаты... Туда он не пошел.

— Вероятно, это тайник, — предположил Дехтерев. — Такие часто сооружались в семнадцатом и восемнадцатом веках, чтобы в случае вражеского набега отсидеться в безопасности.

— Может быть. Володя не очень хорошо рассмотрел. Говорит, там страшно было.

— Ну, понятное дело, спужался малец. Хорошо еще штаны не обделал, — сочувственно ляпнул Петр Федорович и тут же пожалел об этом.

— Да как вы смеете! — вспыхнула Татьяна Михайловна. — Владимир Игнатьевич — человек известной храбрости. Но он сказал, что там как-то странно.

— Странно, не странно. Идемте уж! — досадуя на себя, поторопил краском.

— И правда, надо идти. Только ради бога, очень тихо! — попросил Дехтерев. — В здании уже поселены участники экспертной группы, а внизу, у входа, дежурят два сотрудника НКВД.

— Всего двое... — пробурчал Судаков.

— Выкиньте из головы, — строго ответил профессор. — Ступайте очень осторожно. Где нет ковровых дорожек, держитесь стен — там полы скрипят меньше.

Потайной лаз нашелся быстро. Крышка поднялась легко и бесшумно: каменную плиту тянули вниз специально устроенные под полом противовесы.

— Добротная лестница, — заметил, спускаясь, бывший начальник Елчаниновской милиции. — Из лиственницы, что ли? Так и есть — из лиственницы.

— Какая разница? — полюбопытствовала Татьяна.

— Ну, это как сказать... Справная вещь. — Судаков оглянулся по сторонам и рассмотрел при слабом свете лампы какую-то церковную утварь, иконы в окладах. — Надо ж... не думал, не гадал, что буду в церкви жить.

— Нет-нет, — спускаясь вслед за Судаковым, возразила Татьяна Михайловна. — Посмотрите дальше, в углу должна быть дверь.

— Ага, есть. Эва, да тут вход — хоть на коне езд! Сажени в полторы, не меньше!

— Здесь, вероятно, был выход из-под крепостного вала, — ответила Згурская. — Триста лет назад.

— А вон и комнаты! — Судаков ткнул пальцем в едва просматривающиеся темные провалы дверей. — А там, кажись, решетка. Точно, решетка. — Он поднес лампу ближе. — И, кажись, мертвяк лежит. — Петр Федорович чуть заметно пожегся от суеверного холода, пробежавшего по спине. — Ну да ничего. Мы его не потревожим, а так он, по всему видать, сосед тихий. Недельку-другую пересидим, глядишь, все уляжется... Мне здесь тоже раздолье, — он кивнул в сторону комнат, — какую хошь выбирай.

— Хорошо, что вас здесь все устраивает, — неловко улыбнулась Татьяна Михайловна. — Я наверху расположусь, еду вам буду приносить. Василий Матвеевич обещал позаботиться.

— Да не волнуйтесь. Возвращайтесь уже. Время позднее, пора и отдохнуть.

— Вам здесь одному не будет страшно?

— Так, если что, с соседом поболтаю, — ухмыльнулся Судаков, подкручивая кавалерийский ус.

— Зря вы так, — пожурила его Згурская. — Ну, счастливо оставаться.

Она сделала несколько шагов к выходу и остановилась:

— Петр Федорович, вы сейчас слышали?

— Что?

— Не знаю, как и сказать... Как будто глубокий вздох.

ГЛАВА 23

«Мы возвратились на круги свои!»

Граффити в аду

Середина мая 1924

Тимошенков утер пот со лба:

— Рулевые тяги проверили?

— Конечно! — утвердительно кивнул представитель государственной приемки.

— А тормоза? Здесь, видите ли, следует обратить особое внимание на крепления. Очень капризный узел. — Сергей Артемьевич поймал себя на мысли, что сегодня, буквально с того момента, как пограничный сторожевой катер в Маркизовой луже* остановил аргентинский грузовой пароход «Эсперанса», без умолку болтает по-русски и ничего не может с этим поделать.

Тимошенков чувствовал, что получает физическое удовольствие от разговора на родном языке. Это было нечто сродни легкому опьянению, оттого он все время улыбался и бросался объяснять подробности, и без того понятные опытным техникам.

* Маркизова лужа — часть Финского залива от Кронштадта до Санкт-Петербурга.

— Сергей Артемьевич! — поправляя массивные очки в роговой оправе, окликнул его учетчик с неизменным гроссбухом под мышкой. — Вас тут один товарищ спрашивает.

— Какой товарищ? — удивленно поглядев на учетчика, поинтересовался Тимошенков.

— Из Москвы. Половину машин отсюда в Москву погонят своим ходом, вот он и хотел с вами переговорить.

— А, ну конечно, конечно! — Тимошенков вытер руки тряпкой. — Куда идти?

— Я проведу.

Они миновали заставленный контейнерами двор и поднялись по железной лестнице в маленькую комнатку учетчика. За столом, дымя сигаретой и закинув ногу на ногу, сидел человек в кожанке.

«На пролетария не похож, — для себя отметил Механик. — Руки холёные. Сколько ему? Лет тридцать, может, больше. Выглядит очень моложаво, спина прямая — точно аршин проглотил... Должно быть, кадровый военный».

— Мне того... Подождать на улице? — с подобострастной опасливостью спросил учетчик.

— Сделайте любезность, — по-хозяйски кивнул москвич. Он ткнул окурки в пепельницу и поднялся, резко протягивая Тимошенкову руку для пожатия. — Ганин.

— Добрый день, чему обязан?

— Мечтал познакомиться. Мой старый приятель, мичман Протасов, писал о вас много хорошего. Кстати, он говорил, что предупредит вас о нашей встрече.

— Да, припоминаю... — Тимошенков замялся.

— Сергей Артемьевич, — понижая голос, заговорил Ганин, — можете ничего не бояться. Я такой же офицер, как и вы. Более того, мы в одном звании. Если мой друг Протасов не ошибается, мы с вами одинаково болеем за наше Отечество и видим его будущее не европейским изгоем, каким желают его сделать всякие ллойд-джорджи, пуанкаре и вильсоны, а сильным, мощным государством! В России произошла хирургическая

операция: тяжелая, болезненная, стоившая большой крови и неисчислимых потерь. Но теперь у нашей страны появился шанс выжить. Уверен, вы это понимаете и потому находитесь здесь.

— Да, — подтвердил Механик.

— Отрадно, что вы приехали. Наша страна остро нуждается в грамотных, талантливых специалистах. Вы, конечно же, знаете о новой экономической политике?

— Очень немного. Я из порта непосредственно сюда. В городе еще не был. А там, в Париже, о здешних новостях почти ничего не известно.

— Это плохо, Сергей Артемьевич, очень плохо. Мы верим, что среди тех, кого ужасы гражданской войны заставили покинуть Отечество, — будто стоя на трибуне, вещал Ганин, — есть немало в высшей степени хороших, талантливых, как я говорил уже, честных людей. Оголтелое белогвардейское руководство намеренно скрывает от вас — простых граждан — то положительное, что происходит здесь. Если желаете, давайте в порядке испытания автомобиля проедем по Ленинграду! Вы сами увидите, как он изменился к лучшему!

— Это хорошая мысль. Я в последний раз здесь был почти десять лет назад. Потом фронт, Москва, опять фронт, а дальше — Париж.

— Протасов мне писал о вашей судьбе. Очень интересная история... Ну так что, я распоряжусь, чтобы подготовили автомобиль к выезду?

— Сделайте одолжение.

Ганин вышел из-за стола и, приоткрыв дверь, вызвал учетчика. Тот внимательно выслушал приказ, и вскоре по железной лестнице застучала дробь шагов.

— Вы знаете, у нас с вами в чем-то похожие судьбы, — уже без прежнего пафоса продолжил Ганин. — Я начинал службу в Москве, а потом по семейным обстоятельствам перевелся в Петроград и далее служил здесь. Тоже в бронедивизионе, только в Северной армии у Рузского. С четырнадцатого и по во-

семнадцатый год. Трижды в госпитале отдыхал, неделю в плену провел, удачно бежал.

— Тут мне до вас далеко. Я ведь, извольте понять, офицер военного времени. Сражался, конечно. Но по большей мере работал в конструкторской группе Кречетникова.

— Как же, как же! Я и сам с ним был знаком, и с дочерью его. Одно время даже за ней ухаживал. Как говорится, тесен мир. Она ведь, помнится, вышла замуж за Владимира Игнатьевича Згурского, а вы, как писал мне Протасов, до встречи с Дмитрием собирались идти работать к этому генералу.

— Да, Владимир Игнатьевич предлагал мне работу.

— Как он нынче?

— Тоскует по Родине.

— Очень жаль, что такой человек сейчас не в Советском Союзе, — со странной интонацией произнес Ганин. — Будем надеяться, что ваши личные впечатления подскажут ему верный путь. Тем более, как поделился со мной один знакомец из ОГПУ, Татьяна Михайловна осталась в России и сейчас, скажут, в Москве.

— Я ее видел лишь мельком: заходил взять почту для генерала Згурского перед отправкой во Францию.

— Как я понимаю, Кречетников вам доверял всецело, раз именно вас рекомендовали для столь ответственной миссии, как техническое обоснование закупок танков и бронемашин у союзников.

— Да, с Кречетниковым мы были чрезвычайно близки. Думаю, он видел во мне продолжателя своего дела.

— Замечательно! Я себе живо представляю, насколько увеличится мощь Красной Армии, если спроектированная и разработанная Кречетниковым техника вступит в её строй! Я слышал, Сергей Артемьевич, вы лично участвовали в боевом испытании артиллерийской установки «Перун»?

— Да. Но это только первые шаги. Кречетников вообще мыслил широко. Он видел развитие танка совсем не как орудия прорыва заграждений в позиционной войне. Хотя «Перун»

изначально разрабатывался именно для этого. Кречетников проектировал танки сопровождения пехоты и кавалерии; танки для нанесения мощных, глубоких ударов, рейдов в тыл врага; танки артиллерийского поражения... Он воистину был гений, и танки были его страстной любовью.

— Протасов мне писал, что вы знаете, где находится архив Кречетникова, — полувопросительно-полуутвердительно сказал Ганин, глядя на собеседника пристальным, изучающим взглядом.

— Знаю, — без малейшего смущения ответил Тимошенков. — И если советская власть гарантирует безопасность мне, моей семье, а также даст возможность продуктивно работать в достойных условиях, я готов предоставить большевикам и бумаги Кречетникова, и собственные умения. Уверен, Кречетников поступил бы так же. Боевая мощь Отечества для него была превыше всех политических дрызг.

— Я думаю, — коротко и очень внятно заявил «приятель Протасова», — советская власть сможет пойти на ваши условия. А сейчас, Сергей Артемьевич, обещанная прогулка по Ленинграду.

Середина мая 1924

Из окна второго этажа хорошо просматривалась вывеска «Стригу и брею. Баранов». Чуть ниже — в окне, на блекло-зеленой крышке от зарядного ящика виднелась в высшей мере загадочная надпись «Спасатель крыс, мышей, клопов, тараканов — выводит, морит с пользой. Безвредно и доступно страдающим нашествием! Тиф! Мор! Погибель! Смерть! Изобретатель Иван Савельич Сапогов». Болеслав Орлинский в который раз за сегодняшний день прочел эти невероятные письма и, насмешливо скривив губы, отошел от окна. Весь день бывший статский советник провел в четырех стенах, не имея

возможности не то что пройтись по улочке, но даже выйти во двор. В прихожей за ломберным столиком сидел дюжий верзила с пустыми глазами вологодской голубизны, и стоило Орлинскому приблизиться к двери, охранник преграждал ему путь с коротким безапелляционным «Не велено!».

«Неужели это начало конца? — меряя шагами комнату, думал старый контрразведчик. — Когда-то это должно случиться. Но, может быть, еще не сейчас? Может быть, просто тупой дуболом в прихожей не получил соответствующего распоряжения?»

Он знал такую породу людей — готовых, выполняя приказ, по-собачьи лизать тебе руки, а через минуту порвать в клочья.

«Хорошо, если так. Если домашний арест — нелепая случайность. Но ведь это совсем не факт». — Он снова и снова анализировал проводимую операцию. Кроме доброй воли Дзержинского, никакого другого прикрытия не было. Если завтра объявят, что цель достигнута и дело можно сворачивать, Болеслав Орлинский очень легко снова превратится в статского советника Орлова — затаившегося контрреволюционера, руководителя тайной организации, искавшей контакт с врагами за кордоном.

Владимир Григорьевич ослабил узел галстука и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. От таких мыслей становилось душно, в висках начало стучать. Он сел за стол и нервно забрал в кулак бородку.

«Надо уходить! Поскорее уходить! Вытаскивать чертова датчанина из лаборатории Дехтерева, объяснять ему, на каком хитром крючке он висит, и бежать как можно скорее. На этот раз никто не будет обеспечивать окно на границе, поэтому на доктора вся надежда: грузы Красного Креста все еще не досматривают...»

Орлинский напряженно уставился на пустой графин: если таким огреть по затылку, пожалуй, можно разбить голову. Орлинский сжал пальцами горлышко и критично осмотрел гра-

неную посудину: «Попробовать вырваться сейчас? Или выждать момент? Нет, сейчас нельзя. Даже если удастся справиться с охранником, куда идти? К тому же есть еще охрана. Если даже мимо проскользну, скоро хватятся, Москву перекроют в один момент. Чужой огромный город — это не знакомый с детства Вильно, не Варшава. Пропасть легко, а затеряться — поди попробуй... Надо действовать умнее».

Орлинский затянул узел галстука обратно, вышел из комнаты и начал спускаться по лестнице на первый этаж. Гэпэушник возник у нижней ступеньки, едва слышав шаги:

— Куда?

— Вода закончилась. Да и ужинать пора.

— Костюк! — не оглядываясь, крикнул гэпэушник. — Доставь воды товарищу. И съестного чего-нибудь!

— Сейчас! — послышался голос.

«Не прорваться, — вздохнул Орлинский. — Обложили. Может, из окна попробовать спуститься? Попозже, когда все улягутся. Иначе клиентам, маячащим в окне цирюльни, все видно будет — шум поднимут. Да и — как бы не сорваться...»

Дверь комнаты отворилась, и на пороге возник Костюк с подносом.

— Вот, — ставя ужин на стол, объявил гэпэушник. — Суп гороховый харчо, хлеб ситный — полфунта, каша пшенная с мясом. И вода, пожалуйста.

Он кивнул на полный графин.

— Еще чего желаете?

— Хорошо бы чаю.

— В разрядке не записано, но сейчас уточню.

— Сделайте милость, — недовольно бросил Орлинский, рассматривая принесенную тем деревянную ложку.

— Да вы не глядите, чистая! — успокоил Костюк. — А деревянная, чтоб заточить не пытались.

«Все еще хуже, чем я думал, — отводя глаза, неслышно прокомментировал бывший статский советник. — Надо бежать. Как можно скорее. Иначе отсюда уже не выйти. Дзержинский

решил закончить игру в кошки-мышки. Он будет держать меня здесь, а когда мышеловка захлопнется, порешит вместе с попавшимися мышками... Либо бежать, либо...» — Орлов мучительно пытался сообразить, чем еще может пригодиться высокому покровителю, и не вообще, а сейчас, немедленно.

— Костюк, ты там еще? — крикнули снизу.

— Ага! Чего случилось?

— Там к нашему этот пришел. Ну... Тот, нерусский!

— Китаеза, что ли?

— Ну да. Ты уж спроси у товарища Орлинского — пущать, или нехай ждет?

Костюк поглядел на подопечного, полоскавшего ложку в малопривлекательного вида похлебке.

— Пусть входит, — кивнул тот.

— Пущай его! — передал вниз Костюк.

«Может, не все еще потеряно? — возникла в голове Орлова отчаянно-жалобная мысль. — Может, я сам себя запугиваю? Вот, интересуются — пускать ко мне посетителя или повременить. Опять же, вообще кого-то пускают. Отрадный признак».

Он оборвал себя: «Что ты себе вообразил? Или забыл, как сам вел допрос — тогда в Варшаве, без малого двадцать лет назад? Улыбайся, пока набрасываешь удавку. Или ты думаешь, что Дзержинский настолько глуп, что не усвоил твой урок? Нет, он совсем не глуп».

Фен Бо буквально взлетел по лестнице и, легкой танцующей походкой обогнув массивного Костюка, застыл перед начальником:

— Ваше приказание выполнено.

В присутствии китайца Орлинский почувствовал себя увереннее. Конечно, висевший над головой меч пролетарского возмездия грозил рухнуть ровно так же, как и минуту назад, но теперь статскому советнику было кого позвать на помощь против этих безмозглых мордovorотов.

— Благодарю вас, товарищ Костюк, — командным тоном произнес Орлинский. — Будьте добры, принесите ужин и товарищу Фен Бо.

— Слушаюсь, — пробасил охранник и скрылся за дверью.

— Друг мой, — скороговоркой начал Орлов, едва стихли шаги на лестнице, — мы в очень опасном положении. Я должен вас предупредить, потому что не могу, не имею морального права использовать вас как пешку в чужой игре. Но скажите сперва — вы мне доверяете?

— Всецело доверяю, товарищ Орлинский, — бойко отрапортовал китаец.

— Мы работаем против сильной белогвардейской организации. Дзержинский решил, так сказать, «ловить на живца» и для этого создал в Ленинграде и в Москве псевдоконтрреволюционное подполье. Все шло в соответствии с планом, но, вероятно, Феликсу Эдмундовичу для пущей убедительности будущего судебного процесса нужны реальные жертвы с нашей стороны. Одной из них, по всей видимости, должен стать я. И как мой помощник, получается, и ты.

— Это очень плохо. Совсем нехорошо! Я так старался! Прикинулся ординарцем доктора, был рядом с ним весь день. Главное — я нашел женщину, которую ищет ГПУ! Она там.

— Так-с... — оживленно забарабанил пальцами Орлинский. — Ты хочешь сказать, что в лаборатории профессора Дехтерева скрывается Татьяна Михайловна Згурская?

— Да, я видел ее на портрете, который вы давали доктору. Профессор не доверяет датчанину, все время отсылает его от себя. Я решил за ним проследить.

— За профессором?

— Да. В том доме, где сейчас лаборатория, раньше было какое-то общежитие, остались кровати с постелями. Профессор тайком вынес в кабинет один из комплектов, из столовой потребовал принести к себе две порции обеда, но посуду обратно не вернул. Доктор вечером уехал, а я остался следить. Когда стемнело, вижу: профессор выходит из кабинета, с ним

Згурская и еще один мужчина. Плечистый, с усами. Они спустились по боковой лестнице на первый этаж — там в дальней комнате, как оказалось, есть подземный ход. Женщина и усатый туда спустились, потом женщина вернулась, а усатый остался внизу.

«Вот это да! — стучало в висках Орлинского. — Вот это удача! Сейчас же звоню Дзержинскому! Хотя...»

Быть может, еще сегодня утром Орлинский и схватился бы за телефонную трубку, но не теперь. Теперь пора действовать совсем в иной манере.

«Что толку, если сейчас я отдам Дзержинскому эту несчастную. Он станет мне больше доверять? Кто я для него? Предатель и перебежчик. Тварь, с которой считаться не стоит, если нужды в том нет. И растопчет он меня при первом же удобном случае. Похоже, такой случай настает. Есть время разбрасывать камни, и есть время бежать, чтобы не попасть под камнепад».

— Послушай, Фен Бо, — после недолгой паузы сказал Орлов. — Мне не простят дореволюционного прошлого, хотя все эти годы я был предан новой власти. Ты для них — и вовсе ничто. Запишут во враги, чтобы казалось, что их много. Мы должны бежать! Уйти, чтобы распутать этот клубок и доказать нашу невиновность!

Орлинский старался как можно более искренне глянуть на собеседника. Он числил себя неплохим актером, но этот узкоглазый чужак с вечной, будто приклеенной улыбкой вызывал у него неуверенность своей бесстрастностью. Как все те, кому приходилось долгие годы, не снимая, носить маску, статский советник Орлов терпеть не мог даже слабого подобия закрытости у кого-то другого.

— Бежать — в любую минуту, — кивнул Фен Бо.

— Не так уж это просто. Внизу охрана, — напомнил Орлинский. — Да и куда бежать? Не в лесу же землянку рыть.

— В Москве живет моя сестра Даньму. Она нас спрячет. Можем идти прямо сейчас.

— Да, но... — Следователь осекся. — Тише, сюда кто-то поднимается.

В дверях снова показался Костюк с очередной порцией горохового варева. Фен Бо посторонился, давая верзиле место, чтобы тот поставил на стол поднос. Костюк чуть наклонился. Руки китайца взлетели: одна — клещами перехватывая гортань, другая — точно птица крылом — опустилась на затылок гэпэушника. Бездыханное тело наверняка бы рухнуло, если б Фен Бо не оттащил его к стене и не уложил там.

— Собирайте вещи. Я сейчас позову вас. — Фен Бо учтиво поклонился и скрылся из виду.

Орлинский глядел на лежавшего без движения силача, опасаясь приблизиться: «Мертв или оглушен?»

Наконец он сделал шаг, опустился на корточки и попытался нащупать пульс.

— Кажется, мертв.

— Можно идти, — послышалось снизу.

Орлинский бросился к лестнице: второй гэпэушник сидел, уткнувшись лицом в ломберный столик, будто внезапно уснул.

— Ты убил его? — охрипшим от волнения голосом спросил Орлов.

— Да, — не меняясь в лице, подтвердил Фен Бо. — Ди Лун Ван — защита Лун Вана — не предусматривает другого исхода. Пойдемте, товарищ Орлинский. Моя сестра будет рада знакомству.

Середина мая 1924

Командарм Шапошников с улыбкой поглядел на стоявшего перед ним боевого товарища.

— А едемте-ка, Сергей Владиславович, в тучерез! Вот уж там я вас угощу!

— Куда? — переспросил Виконт.

— В дом Нирнзее. Это совсем недалеко — рядом с Тверской, в Большом Гнезниковском переулке, — благодушно пояснил Борис Михайлович. — Поверьте, лучшего места в Москве сейчас не найти. В «Эрмитаже» ныне Дом крестьянина, прости господи. В «Праге» — как там вещал наш вдохновенный пиит: «Здоровье и радость — высшие блага. В столовой Моссельпрома — бывшая «Прага». О прочих и говорить нечего.

— Всецело доверяю вашему вкусу.

— Да уж поверьте мне. — Шапошников сделал знак адъютанту вызвать автомобиль. — Ресторан на крыше тучереза — в этом есть что-то действительно новое, революционное. Кроме хорошей кухни там обещают горный чистый воздух и прекрасный вид. Ну, прямо скажем, насчет воздуха они приврали — нам ли не знать, какой воздух в горах Кавказа! А вид и впрямь отменный, и общество собирается пристойное: писатели, режиссеры, актеры, — Шапошников лукаво усмехнулся, — актрисы, между прочим. Вы как, Сергей Владиславович?

— Да я... — растерялся Виконт.

— Ну все, едемте. — Борис Михайлович хлопнул ладонью по столу. — Опять же на лифте вас покатаю. Небось в Казани такого механического дива еще нет? А здесь — пожалуйста! И всего-то двадцать копеек.

Командарм встал из-за стола.

— Пойдемте, доктор. Вспомним былое...

При мысли о том, что придется в подробностях и деталях «вспоминать былое», у Виконта заняло в месте соприкосновения организма с седлом. Конечно, богатейшая информация Базы в мгновение ока могла выдать ему детальную реконструкцию любой битвы недавней войны, но даже ей не под силу было знать, что сказал, к примеру, на бивуаке командир шестой роты поручику Н. Прошлая «контузия» многое списывала, но все же подобная забывчивость порождала сильные подозрения. Странно, когда человек хорошо помнит одни факты и напрочь забывает другие, происходившие в то же время.

Однако выбора не было. Командарм явно был рад встрече с однополчанином и теперь желал достойно ее отпраздновать.

Приказ, час назад доставленный адъютантом командующего округом в лабораторию профессора Дехтерева, был по-военному безапелляционен: «Немедленно прибыть». Уже тогда у Виконта похолодело внутри — этот вызов мог означать что угодно. Скажем, то, что Шапошников навел справки: запросил Приволжский округ на предмет выяснения подробностей о прохождении службы старым приятелем и получил недвусмысленный ответ: «Никакой доктор С.В. Деладоннель в медицинской службе округа не состоит». Чувство настороженности не оставляло Виконта, но приходилось рисковать.

— Как там профессор? — спросил Шапошников, садясь в автомобиль.

— Хлопочет. В общежитие при его лаборатории начали заселяться участники фокус-группы...

— Чего?

— Люди с необыкновенными способностями. Вы слышали о Вольфе Мессинге? Он перед войной гастролировал по всей Европе.

— А, слышал-слышал. Он вроде мысли угадывал, имена, будущее прорицал.

— Да, он.

— Ну, это же фокусник, шарлатан.

— Отнюдь. Ни малейшего шарлатанства в его выступлениях не было. Необычайные, необъяснимые сегодняшней наукой возможности нашего мозга — вот что это.

— И каждый, получается, может такое делать?

— Не исключено. Строго говоря, именно это и предполагается исследовать в лаборатории.

— То есть, — переходя с добродушного тона на деловой, начал командарм, — при помощи такого человека я могу, сидя в своем штабе, разузнать все намерения, скажем, англичан или немцев?

— Вероятно, да.

— И никакая сила не может этому помешать?

— Достоверно пока ни подтвердить, ни опровергнуть этого нельзя. Пока идут исследования.

— Какая важная тема, Сергей Владиславович! Крайне важная! Очень хорошо, что вы мне так просто ее растолковали. Я вчера с товарищем Ворошиловым беседовал — он был на лекции, когда профессор докладывал комиссии ЦК о необходимости этой лаборатории. Так Клим мне что-то набормотал: мол, построили аппарат для увеселения толпы, вроде радио — в Москве кто-то смеется, а в Ленинграде ему в ответ хихикают. Получается, не так совсем? Вот уж Клим — слышал звон! Если такой аппарат создать, то мы, скажем, у себя кого-то пугаем, а враг бежит в панике, бросая оружие?

— Не только враг, — напомнил Виконт. — Все оказавшиеся в зоне действия прибора.

— Ерунда, доработаете. Зря, что ли, лабораторию дали?!

— Работы, конечно, ведутся, но профессор Дехтерев мне не доверяет.

— Ясное дело, не доверяет, — возбужденно перебил Шапошников. — Потому что не он вас подыскал, а наркомат обороны прислал. Стало быть, как говаривали в прежние времена, вы — око государево. Но тут уж, Сергей Владиславович, я помочь не могу, а вам и карты в руки — расположите к себе профессора.

Автомобиль остановился в теснине Большого Гнездниковского переулка рядом со старой усадьбой Римского-Корсакова. Нависающая громада тучереза здесь казалась горным кряжем, а сам переулок — глухим ущельем.

— Экий домище! — выходя из машины, вскинул руки Шапошников. — Вот оно — будущее-то!

Спустя минуту лифт уже возносил командарма и доктора на крышу, где цвела сирень, играл духовой оркестр и суетились меж столиками лошечные официанты.

— Под вечер еще кино будут показывать, — занимая место, сообщил Шапошников с таким видом, будто устройство в

ресторане открытого кинозала — его собственная затея. — Сегодня у нас итальянская кухня. Значит, рекомендую попробовать жареного молодого ягненка с шафрановым соусом, минестроне с ломтиками поджаренного хлеба и оливковым маслом, пельмени по-ломбардски и на десерт, пожалуй, апельсиновый шербет Екатерины Медичи.

— На ваше усмотрение. — Виконт демонстративно подтянул ремень портупеи.

— Ну, полноте, полноте. Революция делалась как раз для того, чтобы каждый мог хорошо покушать. Так что нечего постничать.

Командарм подозвал официанта и сделал заказ.

— А теперь, — дождавшись, когда первые блюда оказались на столе, заговорил Шапошников, — давайте вернемся к Татьяне Михайловне. Вы были правы. Ее ищут. И более того — ищут действительно в Москве. Она с неким Судаковым совсем недавно скрывалась в Володином подмосковном имении... В смысле, Владимира Игнатьевича. Их там обложили, как волков флажками. Но этот Судаков чертовски ловок. Ему и Татьяне Михайловне удалось прорваться. Я отдал распоряжение всем воинским патрулям всматриваться в лица молодых женщин и задерживать всех подозрительных. Рисунок ваш мы уже размножили и раздали.

— Быстро...

— А вы как думали? Так вот, минут за двадцать до того, как вы ко мне приехали, звонили из оперативного отдела наркомата по военным и морским делам. Один из часовых утверждает, что видел Татьяну Михайловну дня три назад, то есть еще до облавы. Я думаю, она выходила на разведку — искала новое убежище.

— Почему вы так полагаете?

— А как иначе? Не святым же иконам помолиться она сюда приехала. К тому же я этот дом с Зубовской аптекой знаю. Татьяна Михайловна еще в Тифлисе рассказывала, что в нем ее тетка жила. Значит, сама Таня где-то здесь поблизости. Кре-

четниковы — род старинный, знатный. Наверняка друзья ее и родичи на окраинах не селились. Диспозиция следующая: мои люди перекроют центр, а вы, Сергей Владиславович, хоть из кожи вылезьте, хоть на животе танцуйте, а к профессору в доверие войдите. Неспроста же для него Татьяну Михайловну ловят. Если что узнаете, пусть ваш ординарец летит ко мне пулей. А я на всякий случай распоряжусь — у особняка днем и ночью патруль дежурить будет. Приказ ясен?

— Так точно.

— Вот и выполняйте. А теперь макайте, макайте хлебцы в масло — очень рекомендую. Минестроне тут отменное. Между прочим, любимое блюдо Леонардо да Винчи.

ГЛАВА 24

*«Приукрашивать войну — все равно
что развешивать рождественские гирлян-
ды в преисподней».*

А.И. Деникин

Конец мая 1924

Полковник Варрава жестом фокусника выложил на стол документы:

— Вот, пожалуйста, Владимир Игнатьевич! Все, как вы заказывали! Здесь удостоверение капитана дефензивы* Владзи-межа Михульского. Можете не волноваться — документ самый что ни на есть настоящий! Спасибо нашим друзьям в Варшаве — при случае никто не будет задавать лишних вопросов: кто вы и что делаете в приграничной полосе.

* Дефензива — контрразведка и политическая полиция в Польше 1918—1939 гг.

— Хорошо, — кивнул генерал Згурский. — В прошлый раз с этим были определенные трудности.

— Вот и я подумал: три дюжины грибников с военной выправкой, да при оружии — тут надежное прикрытие необходимо. Идем дальше. Офицерская книжка первой дивизии Бэй-Булак-Балаховича на имя Владимира Ивановича Шестоперова, подполковника, кавалера и прочая, прочая, прочая. Прошу любить и жаловать.

— Спасибо, хорошая работа.

— Ну что вы, это ерунда! Почти ничего не стоило. А вот с этим было сложнее. — Георгий Никитич развернул удостоверение с потертой советской эмблемой на обложке. — Особоуполномоченный ГПУ Владимир Янко.

— Да... — разглядываю собственную фотографию под серпасто-молоткастой печатью, покачал головой Згурский. — Тонкая работа.

— Труднее всего было вывести следы крови. Если желаете, есть красноармейская форма. Даже орден Красного Знамени имеется.

— Думаю, это лишнее. Не стоит привлекать особого внимания. Неудобно, конечно, но обмундированием, если что, придется разжиться уже по ту сторону границы. Что у нас с деньгами?

— Спасибо террористам генерала Кутепова — деньги есть.

— Хорошо. А какова судьба хозяина этого удостоверения? — Згурский указал на «корочку» подполковника.

— Получив на руки деньги, он моментально купил билет в Прагу и отбыл туда, не предупреждая никого из «дровосеков». Я отослал распоряжение Комаровскому зачислить его в штат коммивояжером.

— Значит, его исчезновение не удивит и при случае будет вполне проверяемо. Кстати, Георгий Никитич, отпишите Комаровскому, чтобы готовил засылку Шведова.

— Жалко подполковника.

— Жалко, — согласился Згурский. — Но если бы он и его люди лучше стреляли, возможно, сегодняшние действия не понадобились бы. Так что пишите.

— Слушаюсь, ваше превосходительство, — со вздохом сказал Варрава.

— Ответственность за проведение этого этапа операции я возлагаю на руководство нашего пражского филиала. — Згурский открыл окно своего кабинета.

Благоухал май, цвели розы, слышался чей-то смех. Владимир Игнатьевич прикрыл глаза. Перед ним вновь предстала заполненная народом шумная набережная праздничной Ниццы.

— ...Как здесь хорошо, Володенька. Как восхитительно! — Танечка Кречетникова, юная, тонкая, грациозная, как первый весенний ландыш, кружилась по мраморным плитам, заразительно смеясь, радуясь солнцу и морю, наполненному блеском волн. — Так будет всегда, ведь правда же, Володенька?

Это был третий или четвертый день их знакомства. Сначала Згурский решил, что ослышался. Он — не юный мальчишка, боевой офицер, прошедший уже две войны, форсировавший реки крови, — и эта девочка... Должно быть, она оговорилась, назвав его так ласково. Но имя прозвучало вновь, и подполковник Згурский моментально понял, что окружен, разбит и взят в плен. Понял, что его больше не жжет холодный пламень, что сердце стучит, и нет счастья большего, чем глядеть в ее глаза и ловить ее улыбку...

— Владимир Игнатьевич, — окликнул полковник Варрава. — А насчет доспеха вашего разве не желаете полюбопытствовать?

— Да-да, конечно. — Згурский провел ладонью по лицу, отгоняя видение. — Показывайте.

Варрава подошел к двери, приоткрыл ее и скомандовал внести чудо техники.

— Полюбуйтесь, — показал он замаскированный офицерской гимнастеркой доспех. — Ей-богу, если все пройдет, тьфу-

тьфу, удачно, надо будет это приспособление на киностудию продать. Замечательное, доложу я вам, устройство получилось!

— Безопасное?

— Обижаете, Владимир Игнатьевич! За основу взят панцирь из сплава, разработанного подполковником Чемерзиным. На всякий случай, мы приобрели модель весом два с половиной фунта.

— Я слышал об этих панцирях, но самому видеть не доводилось. Они что же, настолько хороши?

— Пулю из трехлинейки такой панцирь держит с восьми шагов. Помнится, в июне девятьсот пятого года в Ораниенбауме один из подобных доспехов обстреливался пулеметной ротой. Из восьми стволов! На дистанции триста шагов в него попало тридцать шесть пуль. Не то что пробойны — трещины не оказалось! Браунинг держит с полушага, пуль маузера полумиллиметровая пластина не пробивается с трех шагов. Правда, стóбит, зараза, как автомобиль! При царе-батюшке от полутора тысяч до тысячи девятисот рублей.

— Да, изрядно, — поднял брови Згурский. — Такие бы кirasы в последнюю войну ох как не помешали бы! Что ж это за сплав такой чудесный?

— Того, кроме Чемерзина, никто не знает. А судьба его самого, увы, неизвестна. Знаю только, что в сплав входят платина, серебро, иридий, ванадий, железо, естественно. Но что еще и в каких пропорциях — можно лишь гадать.

— Понятно. Вот что, Георгий Никитич, сделайте-ка любезность — наведите справки, где ныне этот Чемерзин. Если, дай бог, жив — в нашем производстве очень бы пригодился.

— Сделаем, ваше превосходительство! Но позвольте досказать. В нужный момент вы должны хлопнуть рукой вот сюда — сбоку, аккуратно под карман кителя. Произойдет воспламенение детонатора...

В дверь постучали.

— Господин генерал, разрешите войти? — На пороге стоял адъютант Згурского с газетой в руке.

— Что вам?

— Прибыл свежий номер «Пари трибюн», — отчего-то запинаясь, сказал он.

— Она выходит каждый день — это что, повод нас прервать?

— Простите, ваше превосходительство, но тут...

— Новая статья Вилли Спичека? В чем еще меня обвиняет этот суетливый писака?

— В «Пари трибюн» опубликована перепечатка из газеты «Правда» — главной партийной газеты большевиков.

— Я знаю, что такое «Правда», — досадливо поморщился Згурский. — С каких пор «Пари трибюн» занялась перепечаткой красной прессы?

— Там было размещено открытое письмо вашей дочери, Ольги Згурской, своей крестной матери, королеве эллинов, Ольге Константиновне. Ваша дочь рассказывает, как хорошо ей живется в стране Советов.

— Что?! — взревел генерал Згурский, рывком выхватывая свежий номер из рук адъютанта.

— Вилли Спичек обвиняет вас в пособничестве ОГПУ и утверждает, что Рафаилова вы скорее всего похитили «по заказу этого кровавого органа большевистской расправы».

Конец мая 1924

Скороходов с улыбкой отложил «Пари трибюн» и щелкнул пальцами:

— Э вуаля!

После недавнего удара от публикации выдержек из «письма Рафаилова» репутация Згурского получила хорошую пробоину, но еще держалась на плаву. Теперь же спасти генерала от крушения могло только чудо. Опубликованное в «Правде» наивное послание юной пионерки Ольги Згурской и само по себе было сильным козырем. Ядовитое же перо рыжего борзо-

писца в мятом пиджаке превратило убийственный материал в произведение искусства. Оказывается, вот зачем нужно было Згурскому похищать и убивать Рафаилова — для того, чтобы выполнить заказ красных хозяев! Неужемного чеха, похоже, не беспокоило отсутствие логики в рассуждениях. Зачем бы большевикам понадобился Рафаилов, сослуживший им — пусть и невольно — хорошую службу? К чему бы публиковать в газете письмо Ольги Згурской, зная, что оно поставит крест на работе такого ценного агента, как один из руководителей РОБС? И вообще, каким бы образом греческая королева узнала о статье в «Правде»?

«Столь яркий талант не должен пропадать без пользы! Теперь надо подсказать рыжему писаке, что Згурского ОГПУ решило сдать, чтобы прикрыть еще более высокопоставленного шпиона. Пусть ищут, пусть каждый остается под подозрением!»

Размышления Скороходова прервал звонок.

— Добрый день, мсье. Тут вас спрашивает господин. Говорит, что вы ждете его.

— Я жду? Я никого не жду!

— Мсье говорит, что вы просили его назначить встречу.

— Постойте, — быстро сказал Скороходов, передумав класть трубку, — этот мужчина среднего роста, немолодой, седеющие виски, седина в бороде, военная выправка?

— Да, мсье.

— Передайте ему, что я уже спускаюсь.

Скороходов рывком поднялся, бросил газету на журнальный столик, надел пиджак и, застегиваясь на ходу, выскочил из номера. Генерал Згурский стоял у стойки гостиничного администратора, постукивая об пол увесистой тростью и разглядывая изящную решетку в стиле модерн, закрывавшую дверь лифта. Увидев «желанного гостя», SR-77, широко улыбаясь, бросился навстречу, соображая попутно, что лучше сделать — протянуть руку для приветствия или остановиться, как положено, в нескольких шагах и отрапотоваться.

Решил остановиться. Но вытянуться не успел: Згурский поднял на него изучающий, сверлящий взгляд и тихо скомандовал:

— Вольно. Капитан Тимошенко сообщил, — подходя к Скороходову, начал генерал, — что у вас есть информация для меня.

— Так точно, Владимир Игнатьевич!

— Итак... Я вас слушаю.

— Быть может, желаете куда-нибудь поехать отобедать?

— Спасибо, я сыт. Если не желаете здесь, давайте переговорим в моем автомобиле.

Они вышли из гостиничного холла и сели в роскошную «изотту-фраскини».

— Итак, кто вы и почему хотите мне помочь?

— Мичман Протасов, ваше превосходительство. — Скороходов расправил плечи. — Представляю панамериканскую экспортно-импортную фирму «Сидни Инкорпорейтед», вернее, ее аргентинский филиал.

— Насколько я помню, эта фирма производит закупки автомобилей, мотоциклов, тракторов и сельхозоборудования в Европе и развозит это по всему миру.

— Вы отлично осведомлены.

— Что понадобилось «Сидни Инкорпорейтед» от меня?

— Разве капитан Тимошенко не рассказывал?

— В последнее время он был какой-то возбужденный. Сказал, что едет в Россию, сопровождая партию автомобилей.

— Это так, — подтвердил мичман Протасов. — При нынешней обстановке с политической блокадой Советов самое время делать на них хорошие деньги.

Он чуть запнулся, поймав неодобрительный взгляд.

— Ваше превосходительство, мы же умные люди и прекрасно знаем соотечественников. Победить Россию запретами с ней торговать — невозможно! Русские крестьяне будут пухнуть с голоду, свистеть в кулак и люто ненавидеть не большевиков, которых числят своими, — они обвинят мироедов-капиталис-

тов, только и помышляющих, как погубить первое в мире государство рабочих и крестьян.

— Предположим, — согласился Згурский. — Вы хотели встретиться, чтобы об этом рассказать?

— Я хочу помочь вам. В первый раз, когда мне попалась на глаза газета, в которой какой-то бумагомарака обвиняет вас в причастности к исчезновению миллионера Рафаилова, то решил, что это чья-то идиотская нелепая выходка. Но пресса не унималась и не унимается, будто кто-то спустил на вас свору голодных псов. Это настоящая травля! Подозреваю, здесь не обошлось без социалистов из правительства — они вас очень не любят.

— Это взаимно.

— Бьюсь об заклад, — продолжил Скороходов, — что они поставили себе целью доказать, что именно вы — организатор похищения Рафаилова. Не стоит заблуждаться и недооценивать французских политиков! Они прекрасно видят, что благодаря вашим усилиям белая эмиграция во Франции все более и более превращается в монолит. А поскольку с самого начала россияне имеют четкие взгляды на французскую внешнюю политику, то сбрасывать со счетов зарождающуюся силу становится невозможным. Как мне представляется, господа с Елисейских полей желают ударить по вам, чтобы разрушить построенную уже структуру Российского Обще-Воинского Союза.

— Я не исключаю этого варианта. Что предлагаете вы?

— На мой взгляд, на время вы должны покинуть Францию.

— Я делаю это регулярно.

— Да, мне известно. Но вы читали вчерашний номер «Пари трибюн»?

— Читал.

— Боюсь, что тут и совдеповские, и французские власти, оказавшиеся союзниками, попали в цель. Для тех, кто не знает ни вас лично, ни вашу преданность белому движению, письмо Ольги станет красной тряпкой для быка.

— У вас есть конкретное предложение?

— Как я сказал, на время скрыться. Но в таком месте, где вас не смогут найти.

— Предлагаете участвовать в полярной экспедиции?

— О нет! Но предприятие не менее рискованное и опасное.

— Я слушаю.

— В обход экономической блокады мы торгуем с Россией. Сейчас она пожелала возводить собственные автомобильные заводы, чтобы не зависеть от мировой политической обстановки. Своих средств у большевиков не хватает, поэтому они готовы дать концессию «Сидни Инкорпорейтед» на двадцать лет — для строительства и оснащения завода в Москве. Конечно же, концерну понадобятся там надежные, знающие люди. Я поговорил... Ну, скажем так, со своим родственником, который входит в правление компании. В случае вашего согласия «SI» будет рада видеть вас главой российского филиала.

— Скрываться от французского петуха в пасти русского медведя? Забавно.

— Самое безопасное место в бою — вблизи вражеских позиций, — парировал Скороходов. — Если вы решите принять это предложение, то без труда получите американский паспорт на любое имя, какое пожелаете. Поверьте, у нас большие связи в Госдепе и миграционной службе — вам не придется ждать.

— Может быть, и так, — выдержав паузу, задумчиво сказал Згурский.

— Прошу прощения, Владимир Игнатьевич. Вы, кажется, совсем не слушаете меня?

— Отчего же, я вас слышу.

— Мне показалось, что вы полностью углублены в свои размышления... Вы думаете о дочери?

— Вы на редкость проницательны.

— Признаться, когда я увидел ее письмо в газете... Вернее, после того, как минул первый шок, я попытался вообразить, как обстояло дело. Маловероятно, что юная Ольга Згурская сама приехала в редакцию «Правды» и объявила, что она же-

лает опубликовать открытое письмо своей крестной — греческой королеве. Вероятно, она действует под контролем ОГПУ, и письмо — ее единственный шанс дать вам знать об этом.

— Возможно, — тихо, почти шепотом ответил Згурский. — Будем считать, что вы меня убедили. Но ответьте мне на один вопрос: почему вы вдруг решили столь ревностно помогать мне?

— Владимир Игнатьевич, я бы сказал, что это из области иррационального, почти мистического.

— Я являлся вам во снах и требовал помощи?

— Вы почти угадали, — мичман Протасов улыбнулся, — в детстве над своей кроватью я вешал литографии из журнала «Нива». Помните, «Бой «Варяга» и «Корейца» с японской эскадрой», «Пленение японского шпиона»...

— Да, конечно, помню.

— Моей любимой картинкой была «Храбрый капитан Згурский ведет Сибирских стрелков на штурм Пекина». Вечером, засыпая, я представлял, как иду вместе с вами на штурм загадочного великого города. Если б вы знали, сколько раз я закрывал вас во сне от пули! Но, признаться, встретиться даже и не надеялся. А тут представился случай. — Протасов развел руками.

— Звучит красиво.

— Так и было на самом деле.

— Хорошо, — сказал Згурский, — дайте знать вашему родственнику — пусть готовит документы. Вечером я пришлю к вам адъютанта с фотографиями и личными данными.

— Буду ждать, — любезно улыбнулся Скороходов, внутренне ликуя.

— Всего доброго, — кивнул Згурский.

Мичман Протасов вышел из машины и зашагал обратно в отель. Он уже поднимался на лифте, когда к «изотте-фраскини» подошел щеголеватый молодой человек и, открыв дверцу, сел рядом с генералом.

— Ваше превосходительство, все сделал, как приказано: комнату осмотрел самым тщательным образом. В сейфе номера — крупная сумма во франках и долларах, пистолет системы «Браунинг». На тумбочке и журнальном столике — несколько газет. В основном «Пари трибюн». Все те номера, в которых упоминаетесь вы.

— Было бы странно, если б там обнаружилась буденовка. Есть что-нибудь действительно интересное?

— В тумбочке я нашел меню званого обеда... Даже не меню, а кулинарный трактат. На бумаге — герб Рафаилова.

— Уже теплее.

— В нем обильно исчерканы страницы: кое-где обведены буквы, кое-где — их соединения между собой.

— Похоже, мы отыскиали автора загадочного письма к мадам Завьяловой. Мсье Спичек ест у нашего мичмана из рук. А еще ясно, что кому-то очень не терпится видеть меня в России.

Конец мая 1924

Вокзальный перрон гудел, как это бывало всегда в час отправления поезда Париж—Варшава. Чемоданы, баулы, сумки, шляпные коробки, отъезжающие, провожающие, носильщики, полицейские — все это создавало непрерывную суетливую атмосферу, располагающую к клятвам вечно ждать и вытаскиванию кошельков у ротозеев. Вероятно, с тех пор, как Генрих Валуа — будущий король Франции Генрих III — несколько месяцев пребывал королем Речи Посполитой, Польша воспринималась в Париже чуть ли не отдаленным французским департаментом, вроде Мартиники. Недавняя же военная помощь, позволившая маршалу Пилсудскому отбросить от Варшавы рвущиеся на Запад красные орды, еще более поддерживала парижан в их давнем убеждении.

Перрон шумел, ожидая, когда раздастся над платформой и вагонами звук вокзального колокола, и семафор откроет путь ежедневному варшавскому экспрессу «Жозеф Понятовский». Среди всеобщей беготни и гомона почти никто не обращал внимания на двух мужчин средних лет, как сказали бы в Англии — джентльменов, стоявших у вагона первого класса.

— Владимир Игнатьевич, — тихо, но очень настойчиво, говорил один. — Еще раз прошу вас — одумайтесь! Пока не поздно, все следует отменить. Я уверен, что и брусиловская организация, и письмо великого князя Михаила — блеф, хитроумная большевистская западня. Вы же сами видели, как ловко эти негодяи подделывают любые почерки. Операцию нужно свернуть, Механика отозвать как можно скорее.

— От него есть новости? — словно не услышав всех прежних слов собеседника, спросил второй.

— Он прислал жене телеграмму из Петрограда. Пишет, что все прекрасно, его окружают исключительно милые люди. — Полковник Варрава сдвинул брови. — Это означает, что он работает под наблюдением, но пока ему не препятствуют в исполнении разработанного нами плана.

— Хорошо.

— Владимир Игнатьевич, то, что Механика не схватили и не бросили в Петропавловскую крепость, еще ничего не означает. Они ждут вас.

— Знаю. Не понимаю пока, зачем я вдруг им так понадобился, но, как говорят по ту сторону океана, им очень нужен мой скальп. Как в любом бою: либо мы их, либо они нас.

— Владимир Игнатьевич, это не любой бой, а засада, куда вы бросаетесь очертя голову. Вспомните наконец, что вы не просто командир дивизии, ведущий полки в атаку. В тайной войне крик «ура» обходится очень дорого. Руководство «Внутренней линии» считает нецелесообразным продолжение операции. Я уважаю ваши отцовские чувства, но подумайте: быть

может, письмо Ольги — всего лишь приманка. Быть может, вовсе не она писала эту пакость: крестины вашей дочери праздновала вся гренадерская бригада, мало ли кто донес!

— Не исключено, что вы во многом правы, Георгий Никитич. Но извольте понять: я чувствую — не могу объяснить как, но чувствую, что моя семья жива, что они нуждаются в моей помощи, что именно Ольга, не важно, из каких побуждений, написала треклятое письмо в «Правду»! Я должен быть там, должен спасти их. Если координационный совет считает, что я поступаю неверно, то буду действовать сам — на свой страх и риск. Когда пожелаете — прошение об отставке в ящике стола в моем кабинете. Но, во-первых, я по-прежнему считаю вполне возможным существование подполья в России, и именно в Красной Армии, и, во-вторых, надеюсь переиграть большевиков. Если же вы и прочие члены координационного совета не доверяете мне, можете достать бумагу из стола.

— Владимир Игнатьевич...

Звонкий колокол прокатил над перроном долгожданный сигнал к отправлению.

— Господа! Просьба занять свои места! — пышноусый, словно гусарский вахмистр, проводник окликнул стоявшего у вагона пассажира. — Мсье, поезд отправляется!

— Проследите за успехами нашего пражского филиала! — крикнул с подножки напоследок Згурский.

— Володя, Володя, отчаянная голова... — глядя вслед удаляющемуся поезду, покачал головой Варрава и перекрестил хвост состава. — Пусть тебе повезет и в этот раз.

Он еще раз тяжело вздохнул, повернулся и зашагал к площадке перед вокзалом, где стоял оставленный Згурским автомобиль. Возле него, ожидая хозяина, переминались двое полицейских.

— Что бы это значило? — пробормотал себе под нос полковник Варрава.

Постояв немного у афишной тумбы и убедившись, что флики* не уходят, отправился в ближайшее кафе, смотревшее из-под полосатых «маркиз» на вокзальную площадь огромными свежевывмытыми окнами.

Конец мая 1924

Командир партизанского отряда Муха-Михальский прислушался:

— Ишь, дрозды-то расцвирикались! Рановато — только ж смеркается.

Он снял фуражку и утер пот со лба.

— Ох, жарко... Почти как летом. Хорошо, в лесу мы. А в городе сейчас совсем не продохнуть. — Он поглядел на мужчину в почтарской куртке. — Ну что, двинем?

— Может, до вечера подождем?

— Нет, в сумерках пшеки** злее, пуганые. А сейчас, как пить дать, нас не ждут, расползлись, сигарки смалят в тенечке. — Он тронул шпорами конские бока и сделал знак ожидающим в леске всадникам следовать за ним. — К ночи до лагеря «дровосеков» доберемся. Если завтра они намерены ударить, то сегодня точно решат накатить по «мерзавчику» за успех операции. Вот тогда их теплыми и возьмем. Я эту свору знаю.

Почтальон согласно кивнул. Он тоже хорошо знал и солдат Бэй-Булак-Балаховича, почти начисто утративших былую отвагу и боеспособность, и сорвиголов Мухи-Михальского, второй год наводящих ужас на окрестные маетки.

— Тихо идем, — скомандовал Муха-Михальский, пересекая верхом пограничный ручей.

Через несколько секунд вслед за ним спустился еще один всадник, потом еще, еще. Почтарь Атлас насчитал неполную

* Флик (жарг.) — прозвище французских полицейских.

** Пшеки (жарг.) — поляки.

сотню. Польская сторона границы молчала, не проявляя ни малейшего интереса к нарушителям. Узкая тропка вилась между буреломами, ныряя временами в овраги, обходя заросшие осокой лягушачьи болотца. Идти приходилось в колонну по одному: растянувшись, иногда ведя коней в поводу. Лошади фыркали, отмахиваясь от комаров и мошек. Путь был долгий и неудобный. Но иной лазейки через приграничные укрепления не имелось.

Муха-Михальский и почтальон выбрались на очередной косогор, когда увидели всадника в русском офицерском мундире, мчащегося навстречу во весь опор.

— Это что еще за цаца? — пробормотал Муха-Михальский, доставая из деревянной кобуры маузер.

— Что вы, что вы, — остановил его проводник. — Выстрел же услышат!

— И то верно. Живьем возьмем.

Он поманил одного из своих десятников и указал на всадника.

— Погодите, — снова вмешался почтарь. — Это мой человек. Тот самый, из банды.

— Точно он? — переспросил командир отряда.

— Точно-точно! Должно быть, у него неотложное сообщение.

— Ладно, сообщение так сообщение. — Муха-Михальский приказал десятнику повременить и отряду рассредоточиться. — Здесь в теньке подождем.

Офицер, не щадя коня, галопом взлетел на косогор и тут же увидел высунувшийся из-за дерева ствол маузера.

— Ку-ку! Куда ты спешишь, золотопогонник? Слазь с коня, приехал! Руки за голову!

Соседние кусты ошетинились карабинами. Офицер быстро оглянулся, вскинул руки и радостно улыбнулся, увидев выходящего на тропинку почтальона.

— Ну, слава богу, успел!

Он взглянул на появившегося из укрытия командира отряда.

— Я так понимаю, вы товарищ Муха-Михальский?

— Что с того? Ты-то кто?

— Подполковник Шестоперов, штаб дивизии Бэй-Булак-Балаховича. Вот мои документы. Я желаю перейти на вашу сторону.

— Ишь, какой резвый! Как на мушку попал, так сразу «желаю перейти»!

— Нет-нет, я же вам говорил, — начал почтарь, — этот человек помогал мне...

— Никшни, — цыкнул командир.

— Он говорят правду! — прямо глядя на краскома, заявил подполковник. — Я давно уже работаю на вас. Вот и сейчас примчался, чтобы спасти.

— Да ну? — недоверчиво хмыкнул Муха-Михальский.

— Ну да. Вам надо отходить.

— Это еще с чего бы?

— Вчера в штаб дивизии прибыл человек с вашей стороны — такой худой, очки в стальной оправе, усики щеточкой. И сказал, что нынче вы планируете удар по лагерю, что у красных есть точные сведения о направлении прорыва Бэй-Булак-Балаховича, что туда стягиваются войска, а вы, пока балаховцев не будет на месте, уничтожите их базу.

— Тоший, усы щеточкой и очки в стальной оправе? — мрачняя на глазах, переспросил Муха-Михальский.

— Так точно. Я видел его, как вас.

— Ядрена матрена! Экий фортель! А ты, голуба, часом, не врешь?

— Сами убедитесь, — пожал плечами подполковник Шестоперов. — Пошлите бойца попроворней забраться на дерево и поглядеть в сторону, откуда я прибыл.

Командир отряда кивнул десятнику, тот быстро спешился и белкой взлетел на росший поблизости вековой дуб.

— Ну как?

— Не врет. — Помощник Мухи-Михальского спустился на землю. — Примерно за версту отсюда яр, через него в нашем направлении повзводно переправляются балаховцы.

— Там до полка, — пояснил Шестоперов. — Приказано вас взять живьем, остальных уничтожить.

— Ну спасибо, браток. — Муха-Михальский, кусая от досады губы, повернул коня. — Возвращаемся!

— Я с вами! — немедленно заявил подполковник. — Мне обратно нельзя. Вот, — он протянул командиру отряда распечатанные пакеты, — это инструкции французского Генерального штаба. Их эmissар не хотел отдавать бумаги добром, пришлось его очень попросить. Так что обратной дороги у меня нет.

— Ладно, давай. Уходим! — скомандовал Муха-Михальский, и весь отряд без лишних слов повернул восвояси.

Спустя час вновь показался знакомый ручей, и всадники, уже нимало не скрываясь, развернулись в лаву, спеша скорее пересечь границу. Но в тот момент, когда уже казалось, что все благополучно закончено, когда лошади уже омыли копыта в ручье, вдоль русла кинжальным огнем ударили пулеметы.

— Уходим, уходим! — кричал Муха-Михальский, видя, как у кромки воды один за другим падают его всадники.

Красные выбрались на свой берег, но пулеметы продолжали стрелять вдогон.

— Не возьмешь! — Шестоперов выхватил наган, выстрелил туда, откуда строчил один из пулеметов. Раз, потом еще два раза.

Огонь прекратился. Затем вдруг скрытое в кустах пулеметное рыло огрызнулось короткой очередью. Посыпались срезанные с дерева ветки. Подполковник резко схватился за грудь, и Муха-Михайльский увидел, как три пули одна за другой пробивают офицерский китель, разрывая его в клочья, как разлетается брызгами кровь из ран, и Шестоперов, обвиснув в седле, мчит в лес на испуганной лошади.

— Храбрый парень был, — только и успел прошептать Муха-Михайльский, глядя, как скрывается из виду их убитый спаситель. — Уходим! Уходим!

ГЛАВА 25

*«Все происходящее — сплошной повод
для несогласия с ним».*

Кеннет О'Брайен

Конец мая 1924

Напольные часы в футляре из красного дерева пробили полдень. Дзержинский отвлекся от чтения оперативной сводки и поглядел на секретаря:

— Товарищи из Минска сообщают, что вчера поляки обстреляли нашу территорию.

— Феликс Эдмундович, на самом деле ситуация довольно щекотливая. Поляки открыли огонь по диверсионному отряду товарища Мухи-Михальского, который возвращался с их стороны.

— Вот как? Неприятная история. — Председатель ОГПУ сверлил взглядом помощника, ожидая дальнейших объяснений.

— Несколько дней назад, — начал тот, — из Минска докладывали, что на границе ожидается активизация балаховцев. Наши белорусские товарищи просили срочно помочь толковыми оперативными работниками и войсками для отражения возможного удара.

— Да, я помню.

— Также было решено направить в тыл врага диверсионный отряд Мухи-Михальского. Это опытный партизанский

командир. Он уже неоднократно выполнял специальные задания на оккупированной поляками территории. Вот доклад самого Мухи-Михальского. — Секретарь вытащил из папки несколько скрепленных листов, исписанных размашистым почерком. — Командир отряда сообщает, что наш человек, работавший в штабе дивизии Бэй-Булак-Балаховича, успел предупредить о готовящейся засаде. Муха-Михальский пишет, что, по сведениям все того же разведчика, информацию о планах и расположении наших войск балаховцам доставил некто, по описанию весьма напоминающий представителя республиканского ГПУ в местном погранотряде.

— Отвратительное известие. — Дзержинский начал что-то дробно выстукивать костяшками пальцев. — Необходимо досконально проверить обвинение. Предательство в ГПУ — вдвойне предательство! Этот разведчик сможет опознать того, кто выдал наши планы балаховцам?

— Увы, нет. — Секретарь протянул Дзержинскому офицерскую книжку. — Он погиб при переходе границы. Но перед этим успел передать товарищу Мухе-Михальскому инструкции французского Генерального штаба балаховцам — их сейчас переводят.

— Пусть поторопятся, — на жестко очерченных скулах Дзержинского заиграли желваки. — Они могут стать серьезным козырем в наших переговорах с Францией.

Секретарь вытянулся в струнку.

— Шестоперов, — прочитал Дзержинский. — Подполковник.

Удостоверение было потрепанным, не раз промокшим, с темной, едва различимой фотографией.

— Да, жаль, что этот офицер погиб столь несвоевременно. Вы, кстати, проверяли его личность?

— Мало что можно сказать. Скорее всего — обычный службист. В архиве Ставки о нем почти не сохранилось бумаг. В шестнадцатом году награжден «Станиславом с мечами». Как удалось узнать, в последнее время состоял квартирмейстером

штаба дивизии Бэй-Булак-Балаховича, несколько дней назад исчез.

— Жизнь порой бывает очень несправедлива. — Дзержинский встал из-за стола. — Ну что ж, хоть похоронить его следует как красного командира — с воинскими почестями.

— К сожалению, и это невозможно.

— Почему?

— Конь, испугавшись, понес. Его обнаружили только на следующий день в десяти верстах от места перехода. Тела не нашли. Там — в округе — много болот, конь был в тине...

— Обидно. Но что поделаешь. — Дзержинский помолчал, склонив голову. — И все же, согласитесь, очень симптоматично, что люди честные, независимо от их бывлой принадлежности к офицерству, всеми силами пытаются вернуться на Родину. Вот и этот капитан Тимошенко — тому еще одно подтверждение.

— Так точно. Ганин сообщает, что его подопечный радуется возвращению, как ребенок. Они объездили весь Ленинград и округу. Тимошенко рассказывал ему о своей жизни, об учебе в институте, о сражениях, в которых довелось участвовать. За прошедшие дни он встретился с несколькими знакомыми — в основном по студенческим годам, и уже начал собирать группу для возрождения бронетанкового бюро. Ганин постоянно был рядом, ничего предосудительного не заметил. Завтра они выезжают в Москву. Тимошенко готов предоставить нам архив Кречетникова.

— Архив действительно столь важен?

— Кречетников был воистину гениальным конструктором и к семнадцатому году полностью курировал разработки в области бронетехники в России. Его бумаги могли бы дать мощный толчок нашему танкостроению. А как утверждает товарищ Троцкий, именно бронированный танковый кулак сметет империалистическую нечисть в будущей войне за освобождение мирового пролетариата.

Дзержинский поморщился от трескучей риторики. Ему, совсем недавно входившему в состав созданного «про запас» правительства советской Польши, было хорошо известно, чего стоят на деле посулы скорой победы Красной Армии над мировой буржуазией и что бронированного кулака Советов пока что нет и на мизинец. Сегодня, увы, речь шла не о грядущих победах, а о сохранении завоеванного. И тут все, что могло помочь усилиться и выстоять, было на вес золота.

— Очень хорошо, — задумчиво сказал Дзержинский. — Даже если этому SR-77, кроме вербовки Тимошенко, ничего не удастся, он уже достоин награды.

— Феликс Эдмундович, — секретарь вытащил из папки новую бумагу, — перед началом доклада пришла депеша из нашего представительства во Франции. SR-77 доложил, что генерал Згурский принял его предложение и на днях прибудет в Россию. Вероятнее всего, поездом из Риги. Номер поезда, вагон и все прочее SR-77 уточнит.

— Отлично! Что же вы молчали? Вот прекрасная новость! Поезд из Риги, значит — Ленинград. Пора заканчивать миссию Орлинского. Доктора сегодня же изъять из лаборатории Дехтерева, пусть Болеслав Янович берет его и готовит им встречу в Ленинграде. Думаю, непосредственные впечатления однополчанина о нравах в Красной Армии, а также известия о Татьяне Михайловне будут для его превосходительства весьма кстати! После такой приманки он наверняка поверит в брусловский центр. Звоните Орлинскому! Через полчаса я жду его здесь! Самое время начинать разыгрывать партию великого князя Михаила Александровича.

— Слушаюсь! — Расторопный секретарь выскочил за дверь.

Дзержинский прошелся по кабинету неожиданно бодрой пружинистой походкой: операция входила в последнюю стадию. Еще несколько дней, и клюнувший на удочку генерал — один из руководителей эмигрантской боевой организации — придет в Советский Союз с подложным американским паспортом, обнаружит здесь мощное подполье и, как паук, нач-

нет плести сеть, соединяющую РОВС, брусиловский центр, а через него — Троцкого и «скрывающегося великого князя Михаила Александровича». Затем можно будет потянуть сеть, и, словно в сказке, придет невод с золотой рыбкой. Конечно, Сталин гений. Его план непременно сработает. После окончания операции «Картель» Троцкий даже госпуду на страшном суде не сможет доказать, что не он создал всю эту тайную махину, намеревавшуюся стереть с карты мира государство рабочих и крестьян.

Дзержинский уже представил себе, как будет выглядеть опубликованный в «Правде» «изъятый на конспиративной квартире» манифест великого князя Михаила Александрович, в котором «граф Лев Троцкий назначается премьером нового правительства России»... Феликс Эдмундович на минуту задумался. Конечно, можно обвинить Троцкого и в прямой, неприкрытой попытке захвата власти. Однако с участием великого князя измена председателя Реввоенсовета покажется жуткой, невероятной в своей чудовищности. Дзержинский радостно улыбнулся, что в последние дни с ним случалось нечасто.

— Простите, Феликс Эдмундович, — в дверях показалось растерянное лицо секретаря. — Я только что звонил на конспиративную квартиру в Зачатьевском переулке...

— Что случилось? — видя по лицу секретаря, что дело пошло не так, как предполагалось, резко спросил председатель ОГПУ.

— Там работает оперативно-следственная группа. Утром бойцы пришли сменить пост — Орлинского нет, караульные мертвы.

— Я же приказал выставить там надежную охрану, отборных сотрудников!

— Феликс Эдмундович! Кочергу в узел завязывали! А тут оба мертвы, и что особо странно — никаких ран, никаких следов борьбы.

— Это Орлинский их так? Нет, не может быть. Чертовщина какая-то получается.

Так, датчанина задержать немедленно! Болеслав Янович писал, что тот владеет приемами джиу-джитсу... Выяснить, где он был весь вчерашний вечер! Послать лучших специалистов — пусть ищут, носом землю роют, но Орлинского найдут! Чертовщина какая-то... — Дзержинский стукнул кулаком по столу. — О результатах поисков докладывать мне каждый час! Если нужно — посреди ночи будите!

Конец мая 1924

Дверь квартиры отворилась, на лестничную площадку вышла давно, но безуспешно молодящаяся парижанка. Увидев у окна двух странных типов, она замерла на месте, раздумывая — достаточно ли только ретироваться или же вдобавок вызвать полицию? Двое стояли по обе стороны окна так, чтобы их не было видно с улицы, и что-то высматривали — дама не могла понять что. Один из чужаков был прилично одет, второй, видно, не утруждал себя расстиланием постели перед сном за неимением оной.

— Месье, что вы тут делаете? — отступая к двери, спросила дама.

— Мадам, — тот, что был поприличнее, обернулся к женщине и шагнул к ней.

— Не приближайтесь, я вызову полицию!

— Полиция уже здесь, мадам, — негромко произнес приличный, доставая удостоверение. — Окружной комиссар Рошаль. Если вы никуда не торопитесь, прошу вас вернуться в свою квартиру, не выходить оттуда и никому не звонить.

— Долго?

— Предположим, час.

— Будет перестрелка? — заинтересованно спросила женщина.

— Если вы не прекратите здесь ходить, определенно будет, — досадуя на говорливую даму, пообещал комиссар.

— Благодарю вас, мсье. — Дама захлопнула дверь и дважды повернула ключ в замке.

— Отвратительно, — пробормотал комиссар. — Сейчас эта курица по телефону растрезвонит всему району, что у нее в подъезде полицейская засада. Сегодня же это станет известно всему Парижу.

— Так, может, того... Уйдем? — жалобно спросил второй. — Я все, что знал, вам сказал!

— Гаспар, ты же хочешь сегодня нормально позавтракать?

— Конечно, мсье комиссар!

— Тогда стой и смотри в окно. А я пока уточню у консьержа, есть ли у мадам телефон, и если да, то где расположен щиток телефонной станции.

— Вы хотите отключить? — шепотом поинтересовался Гаспар Шену. — Это же запрещено!

— Запрещено нарушать предписания офицера полиции в том, что касается содействия правоохранительным органам. Если честная женщина выполнит мою настоятельную просьбу, то даже не заметит отключения телефона. Все, стой и наблюдай. Я скоро вернусь.

— А если он вообще сегодня не придет?

— Если он вообще сегодня не придет, мы будем вынуждены найти другую позицию. Но день рабочий — скорее всего придет. А вот если ты сбежишь, я подыщу тебе славные нары в чесоточном бараке.

— Мсье комиссар, за что? Я буду здесь хоть до полуночи!

— До полуночи не понадобится. — Комиссар Рошаль стал спускаться по лестнице. — Как я сказал — еще максимум час.

Он уже возвращался обратно от щитка, когда увидел невысокого мужчину в котелке, с палисандровой тростью в руках, идущего по улице с таким достоинством, что представлялось, будто сей почтенный буржуа инспектирует родовые поместья. Заметив прохожего, комиссар резко ускорил шаг и

свернул в подъезд. Консьерж поднял на полицейского удивленный взгляд:

— Что-то еще надо, господин комиссар?

— Да. Скажите, вам, случайно, не знаком во-он тот господин? — Рошаль указал на человека с палисандровой тростью. — Видите, он пошел в каретный сарай.

— Как же! Это господин нотариус.

— Вы его близко знаете?

— Нет. Просто знаю, что он нотариус. Недавно мсье Рафаилов продал ему свой автомобиль вместе с гаражом. Он оборудован как раз там — в бывшем каретном сарае.

— Прекрасно. А скажите, самого господина Рафаилова вы после этого видели?

— Не могу утверждать этого с уверенностью. Тут вот какой случай: мне показалось, что господин Рафаилов проходил здесь как раз в день его исчезновения. Но дело в том, что о похищении этого уважаемого мсье я прочитал только через два дня — на выходные я уезжал в Ла-Ренн к родне и увидел газету, только когда вернулся. Так что сейчас просто не знаю, верно ли я видел мсье Рафаилова в тот день, или по прошествии времени мне только показалось, что я его здесь видел.

Рошаль поморщился.

В этот миг, взревев мотором, мимо дома промчалась сверкающая лаком и никелем «изотта-фраскини».

— Мсье нотариус проехал, — пояснил консьерж.

— Догадался. — Рошаль устремился вверх по лестнице.

— Господин комиссар! — У окна, чуть не подпрыгивая на месте от нетерпения, мялся Гаспар Шену. — Я видел! Видел. Это тот самый автомобиль!

— Опять похожий?

— Нет! Тот самый! Я еще в первый раз заметил — на дверце вроде как пятно. Ну, оттенок, что ли, другой... Хотя цвет такой же. Довольно большое пятно.

Комиссар Рошаль прикрыл глаза, вспоминая гараж Рафаилова. Дверца его личного «роллс-ройса» была украшена ро-

довым гербом, таким же, как крышка найденных часов. Ясно же, продавая машину, миллионер позаботился, чтобы герб закрасили.

— Молодец! Что ж ты мне раньше не сказал о пятне? — возмущился комиссар.

— Я не думал, что это важно.

— Не думал! Не твое дело думать. Ладно, все равно молодец. Сейчас подпишешь свидетельские показания — и марш завтракать! — Он подтолкнул бродягу к ступенькам.

Дверь квартиры вновь отворилась.

— Мсье комиссар, а что, перестрелки не будет?

— Нет, — спускаясь по ступенькам, крикнул Рошаль. — У нас декада экономии патронов. Но в следующий раз — обязательно.

— Мерси, господин комиссар, — раздалось вслед. — И, будьте так любезны, включите телефон!

Анри-Жермен Рошаль ликовал: пасьянс складывался довольно неожиданный, но вполне логичный. Все шло к тому, что никакого похищения не было, лишь инсценировка — довольно грубая, должно быть, рассчитанная на то, что Сюрте не пожелает ввязываться в дела «этих чертовых русских» с их загадочной душой и непредсказуемыми действиями.

— Таким образом, — рассуждал Рошаль, поднимаясь в свой кабинет, — если Рафаилов предпочел на время скрыться, то, с уверенностью можно сказать, спланировал, как — при каких обстоятельствах — появиться вновь. Не мог же господин миллионер через неделю-другую после того, как коварного похитителя — безжалостного генерала Згурского — пошлют на гильотину, приехать как ни в чем не бывало в свой особняк и сказать, что просто решил отдохнуть в Сен-Тропе и забыл оповестить об этом прислугу... А что, если все не так? — Рошаль остановился перед дверью. — А если Рафаилов и не думает возвращаться? Вернее, не собирается появляться во Франции...

Необходимо срочно выяснить, какие суммы, когда и кому переводились его банком. Этот любитель прекрасного за здорово живешь пожертвовал тысячами соплеменников и соратников по борьбе, чтобы прикарманить русские миллионы. Опустошить карманы французов для него и вовсе — тьфу!

После невинных угроз Згурского мсье Рафаилов понял, что нужный час настал: во Франции русские ему жить не дадут. Генерал, конечно же, не уголовник, но жалости в нем действительно не больше, чем в африканской кобре — это хорошо известно. А значит, он и станет главным подозреваемым. Между тем банкир с десятками миллионов франков исчезнет бесследно и появится под другим именем в каком-нибудь Сингапуре... Надо срочно звонить префекту полиции! Нужен ордер на обыск загородного дома Рафаилова и ходатайство в министерство финансов об аудиторской проверке рафаиловского банка. Если, конечно, еще не поздно.

Рошаль открыл дверь и стремительной походкой направился в кабинет.

— Комиссар, — окликнул его инспектор Бетиньи, — прибыло заключение графологов по письму Рафаилова к мадам Завьяловой.

— Ну?

— Они не могут утверждать однозначно. Однако у них есть определенные сомнения в подлинности письма.

— Определенные сомнения, — хмыкнул Рошаль. — У меня тоже есть определенные сомнения, поэтому я и отослал текст в лабораторию. Мне нужно четкое «да» или «нет».

Он сел за свой стол и набрал номер Клода Симоне.

— А, Анри-Жермен! — послышалось в трубке. — Я все утро названиваю. Где тебя носит?

— Развлекаюсь в обществе грудастых блондинок.

— Все шутишь? А я, между прочим, должен твою работу делать!

— Клод, когда придет время получать твою зарплату, ты только скажи — я помогу.

— Судя по идиотским шуточкам, у тебя отличное настроение. С чего бы вдруг, — вспыхнул префект. — Министр с утра проел мне такую плешь, что еще пять минут, и ее нельзя было бы скрыть под шляпой! Он тыкал мне в нос статьи в «Пари трибюн» и кричал, что советский шпион руководит заводом, снабжающим нашу армию оружием и техникой. Что завтра мы окажемся беззащитными перед большевиками. Что русские шпионы распоясались настолько, что похищают среди бела дня виднейших финансистов, а Сюрте и в ус не дует!

— Клод, Сюрте дует в ус! Еще как дует! Поэтому я ответственно заявляю тебе — генерал Згурский невиновен.

— Ты думаешь, после статьи в «Пари трибюн» министру это можно доказать?

— Думаю, можно. Но для начала мне нужно...

— Для начала тебе нужно меня выслушать. Я приказал задержать Згурского и поместить его под стражу вплоть до окончания дела.

— Мсье префект, — переходя на официальный тон, заговорил комиссар Рошаль, — любой адвокат в пять минут докажет, что у вас нет оснований для задержания генерала Згурского дольше, чем нужно для выяснения личности. А выяснить его личность можно не более чем за час — при условии, что попадется слепой инспектор. У меня же есть все основания утверждать, что он невиновен.

— Не горячись. Честно говоря, с утра я звонил тебе, чтобы сказать, что передаю дело Болпертюи, но потом посидел и решил, что я тоже горячусь. Я тебя знаю. У тебя есть чутье и до сего дня ты меня не подводил. Поэтому слушай внимательно: я даю тебе двадцать четыре часа, в течение которых ты должен либо найти Рафаилова — мне нет дела, мертвым или живым, — либо назвать имя преступника. Если к завтрашнему полудню ты не сможешь дать мне требуемого, я отстраню тебя от дела. Да, кстати, — добавил префект другим тоном, — на свою удачу твой любимый Згурский, похоже, опять куда-то уехал. Его автомобиль обнаружен на стоянке у вокзала. Там с самого утра

дежурит пара наших парней, но пока впустую. Так и быть, я распоряжусь снять наблюдение, но помни — только двадцать четыре часа. А теперь говори, что там тебе нужно.

Конец мая 1924

Сон был тяжелый и пустой. Судаков провалился во тьму, едва коснувшись подушки. Сквозь дрему он думал, что впервые за последние дни может спать спокойно, не опасаясь стука в окно или окрика. Но доводы разума казались бессильны — даже не просыпаясь, Судаков постоянно ощупывал рукоять лежащего под головой нагана, будто это оружие и впрямь могло спасти его от грядущих бед. Он хотел увидеть во сне дочь и жену, перенестись к ним, желал бросить все к чертовой матери, вылезти из этого холодного и довольно сырого погреба и отправиться куда подальше от Татьяны Михайловны с ее никому не нужной добротой и обезоруживающей улыбкой. У Судакова было скверно на душе. Он жаждал узнать, добрались ли Варвара с матерью до Харькова, удалось ли им обустроиться по-тихому, не испытывают ли в чем нужды, но выяснить это не было никакой возможности.

Судаков повернулся набок, силясь поплотнее завернуться в латаное ватное одеяло. Холод пробирал до костей.

«Вот же ж связался! — подумал Петр Федорович. — Вот же ж напасть на мою голову!»

Он вспомнил недавнюю размолвку с Татьяной — там, наверху, когда Згурская достала из узелка с вещами старинный семейный альбом. Судаков и сам не понял, с чего вдруг все эти давным-давно умершие генералы, помещики и тайные советники показались ему столь противными.

«Они враги! — попытался убедить себя бывший краском. — Классовые враги! Да нет же...» — отмел этот революционный довод освободившийся из-под дневного контроля мозг. Как-

то сама собой выплыла из глубин сознания картина: как восемь лет назад, отбиваясь штыком от наседавших австрияков, он спасал раненого командира роты — молоденького подпоручика.

«Но ведь и то сказать — с самого прибытия в полк этот подпоручик из кожи лез, не зная покоя, чтобы сохранить жизни своих бойцов. Разве он был враг? Почему же враг Згурский? А тем паче — его предки, которые хоть и давно, каждый в свое время, но грудью стояли за Россию так же, как я. И грудь у них была столь же уязвима для вражьего свинца, и за чужие спины они не прятались», — эти пробивавшиеся сквозь сон мысли не давали Судакову окончательно забыться. Он крутился с боку на бок, не находя удобного положения и желанного покоя.

«Глупо как-то все получилось, нелепо. Вроде бы как лучше, по правде. А эвона, куда эта правда завела». — Петр Федорович открыл глаза, пытаясь разглядеть сквозь тьму высокий каменный свод. Ему почудилось, что где-то совсем неподалеку раздался глубокий печальный вздох.

— Что за напасть? — прошептал он, сам не понимая, почему шепчет. — А ну, есть тут кто? Выходи!

Он взвел курок револьвера, с невольной радостью услышал знакомый щелчок и замер снова, пытаясь распознать, где находится чужак. Издали доносился какой-то шорох и странный звук, похожий на журчание воды, скрип и потрескивание.

«Видимо, дом проседает, — хозяйственно подумал Судаков. — Поди, с начала века не ремонтировали. А может, крысы озоруют».

Судаков не любил крыс. Эти умные твари всегда казались ему куда опаснее, чем представлялись на первый взгляд. От деда он слышал рассказы о крысином царе, который, обидевшись, может собрать неисчислимые серые полчища безжалостных зверьков и послать их на обидчика. Тогда никакие стены и никакое оружие не удержат ужасный живой поток.

Передернув от омерзения плечами, Судаков открыл дверцу фонаря и чиркнул спичкой. Огонек взвился на фитиле све-

чи и причудливо изогнулся под действием тянущегося откуда-то сквозняка. Закрыв фонарь, Петр Федорович поднял его над головой и огляделся. Хвостатых тварей рядом не было.

— Причудится же, — под нос себе пробурчал Судаков. — Эдак и ума лишиться можно.

Он встал на ноги и вышел из «спальни» в коридор.

«Когда рассудить, то может статься, что у подземелья не один выход. Ежели и впрямь из-под крепостного вала ходов много, то вдруг кто чужой здесь шастает?» — Бывшему начальнику милиции вспомнился лесной схрон и живо представилась шайка грабителей, скрывающаяся в подземелье. Что-то словно подтолкнуло его. Он пошел, все больше удаляясь от старой церковной крипты.

«Значки надо какие-то ставить, — подумал он. — А то неровен час заблудиться недолго».

Судаков наклонился и процарапал мушкой нагана стрелку на камне. Примерно на уровне колена: «Если кто, не зная, пройдет, наверняка сюда не посмотрит».

Почему-то эта мысль успокоила Судакова, и он двинулся вперед, держа оружие на изготовку. От знакомого чувства погони ему стало не то чтобы легче, но привычнее. Он ждал, что за каким-нибудь поворотом встретятся домушники, делящие награбленное, или душегубы, прячущие труп богатого нэпмана. Судаков шел все дальше, коридор не кончался. Судаков вновь опускался на колено, рисовал стрелку и опять шел.

Впереди показался завал. Судаков уже собирался повернуть назад, но тут увидел узкий лаз и, протиснувшись, оказался в новой галерее, уходившей довольно резко вниз. «Может быть, под реку? — подумал бывший краском. — А может, ну его все? — мелькнуло в голове у Петра Федоровича. — Что толку так бегать, скрываться? Найти выход отсюда и заявиться на Лубянку, к самому товарищу Дзержинскому. Изложить как есть, без утайки. Оно, конечно, за убийство товарища Гуца и его шофера по головке не погладят. Но хоть с души груз сниму. И снова все станет ясным и понятным. Тут наши, там —

враги. Пусть даже и к стенке поставят, черт с ним. Не хотелось бы так глупо от своей пули умирать. Ну да чему быть — того не миновать, все под богом ходим. А то еще и помилуют. Мало ли, где опытные солдаты нужны: дадут в руки винтовку — и вперед, бывший наш товарищ Судаков, смывайте кровью преступление!»

От такой мысли ему стало даже хорошо, почти весело. И тут он увидел первую крысу. Она сидела в сужающейся вглубь нише, должно быть, заваленной некогда бойнице сухого рва, и глядела удивленно, пожалуй, даже недоумевающе.

— А ну пошла! — цыкнул Судаков и притопнул ногой.

Крыса надменно развернулась и удалилась в глубь ниши. Спустя пару сотен шагов по коридору крысы появились вокруг краскома со всех сторон.

— Твою же мать! — выдохнул Судаков и ринулся обратно.

Он бежал, казалось, слыша за спиной противный истошный писк, боясь остановиться и оглянуться. В каком-то месте ход вдруг раздвоился. Судаков не успел сообразить, как пропустил развилку. Новая дорога вела вверх, и он рванул по ней. Бежал, бежал, бежал... Задыхаясь и не оглядываясь. Галерея поднималась все выше, затем вдруг повернула. Слева и справа Судаков увидел темные проходы, свернул в один, потом в другой. В изнеможении остановился и понял, что преследователей за спиной больше нет.

«Куда ж теперь идти-то?» — подумал он, освещая стены.

Огарок свечи в фонаре обещал продержаться минут пятнадцать—двадцать, не более.

«Вот это влип! Попал, как кур в ощиц. — Он залез в карман, вытащил ошмечный коробок, потряхнул. — Если присвечивать ими, тоже надолго не хватает. Ничего... Главное — успокоиться и выйти на ту галерею, от которой начал петлять».

Судаков дунул на свечу и закрыл глаза, давая им привыкнуть к отсутствию света.

В детстве, когда похожим образом он однажды заблудился в лесу у Зазнобина озера, ни звонкое «ау», ни попытки отыс-

кать дорогу не помогли. Тогда он посидел на берегу на поваленном дереве — том самом, у которого, как говаривали местные рыбаки, нашли елчаниновского байстрюка; посидел, закрыв глаза, да и побрел наугад — точно за руку его кто вел: выбрал на знакомую опушку.

«Ничего, бог — он и под землей видит, не даст пропасть».

Судаков пошел, привыкая к темноте и ошупывая руками влажные шершавые стены... И вдруг увидел свет — дневной свет.

Петр Федорович устремился туда и чуть не споткнулся о ступеньку. Лестница поднималась вверх двумя пролетами, вырубленными в камне. Наконец Судаков увидел над головой зарешеченное оконце. Он стоял на площадке: слева от него виднелся дверной проем, но, похоже, двери здесь давно уже не было — глухая кирпичная кладка.

Судаков постучал, приложив ухо, чтобы понять, насколько основательна преграда. Звук получился глухой, словно в каменную толщу.

— Экая напасть, — пробормотал Судаков. Он постарался дотянуться до решетки — еще б вершка три и дотянулся, но нет. А может, выстрелить? На грохот сбегутся люди, поднимут решетку, вытащат. Только б в прутья не попасть, а то еще рикошетом прилетит в голову и поминай как звали. Глупо, ох как глупо! Нет, стрелять пока не стоит. Надо дожидаться, пока кто-нибудь окажется рядом, и тогда уже рисковать».

Он простоял полчаса, может, более, пока неподалеку не раздались шаги. Судаков весь обратился в слух. Шли двое. Скоро он увидел в просвете между решетинами чьи-то отблескивающие чернью сапоги.

— Феликс Эдмундович, — с явным грузинским акцентом произнес один из подошедших, — конечно, исчезновение Орлинского — тяжелый удар по всей нашей операции. Но мы его выдержим. Я уверен, вы найдете способ, в крайнем случае — призовите вашего ненаглядного Джунковского. Меня крайне

удивляет другое: та легкость, с которой генерал Згурский согласился на предложение вашего человека.

— Но он был загнан в угол! Во Франции ему грозит арест за похищение банкира Рафаилова. А после нашей публикации в «Правде» даже соратники начали чураться его, как прокаженного.

— С газетой был очень ловкий ход! Вы настоящий мастер! Но все же я чувствую здесь подвох. За последний месяц мне довелось прочесть о Згурском все, что только смог найти. Очень хладнокровный, очень дерзкий и очень храбрый враг. Чрезвычайно подозрительно, что такой генерал испугался каких-то невнятных угроз. Вам не кажется, что он водит нас за нос?

— SR-77 докладывает, что лично передал Згурскому американский паспорт на имя Уолтера Томсона, а час назад агент доложил, что Згурский взял билеты на рижский поезд.

— Это все хорошо. Но, возможно, то, что мы видим, лишь отвлекающий маневр. В ближайшее время надо ждать и встречать его тут, в Москве.

— Вы полагаете, он раскусил SR-77-го?

— Я не исключаю этого, дорогой Феликс Эдмундович. — Говоривший остановился и после короткой паузы вновь обратился к собеседнику: — Как вам кажется, без Чудова монастыря Кремль стал выглядеть более строго, более по-государственному?

— Признаться, у меня не было времени так вдумчиво прогуляться по Кремлю.

— Это напрасно. Берегите себя, Феликс Эдмундович. Вы еще очень нужны революции. — Обладатель грузинского акцента двинулся дальше. И все же теперь Кремлю чего-то не хватает.

«Вот оно как! — Судаков присел у стены. — Пока суд да дело, Татьянинного мужа сюда бечевой тянут, как баржу. А Татьяна-то и не знает! И что это они про дочь ее говорили? Нешто старая все ж таки Ольгу сдала? Нет, быть того не может.

Предупредить надо! — Петр Федорович резко встал. — Или не надо?

Он вдруг почувствовал в сердце острый укол ревности.

«Ведь не кума брата-свата, белого генерала сам товарищ Дзержинский и второй, может, Сталин, а может, еще кто, сюда заманивают. Значит, так надо! Для Отечества полезно! А я тут со своим свиным рылом в калашный ряд... — Судakov прислонился лбом к влажной стене, и ему вновь показалось, что он слышит глухие тяжелые вздохи. Будто отдает богу душу разгромленный монастырь. — Господи, да что я в сам деле, «надо — не надо»... Выбраться бы отсель!»

ГЛАВА 26

«В моей смерти прошу винить мою жизнь».

Джордано Бруно

Июнь 1663

Вороны с недовольным карканьем взвились с золоченых крестов.

— Боярин, боярин приехал! — радостно несло по округе, и жители домов у Сретенских ворот — стрельцы, пушкарки, торговый люд — валили на улицу поклониться любимцу царя Алексея Михайловича, воеводе Дмитрию Федоровичу Згурскому.

Тот ехал впереди десятка верховых на тонконогом гнедом аргамаке, то и дело раскланиваясь со знакомцами и улыбаясь в ответ на пылкие взгляды румяных молодух. У распахнутых ворот своего дома воевода спешил и, бросив поводья на руки подбежавшему отроку, преклонил колени перед вышедшей навстречу матушкой.

— Как отец? — поднимаясь после матушкиного благословения, спросил он.

— Плох, — грустно ответила Татьяна. — Уж который день с постели не встает.

— А какова хворь?

— Неведомо. Лекари и так мерились, и так — не знают, что за хворь. Вроде и сила в теле не иссякла, руки, что клещи, а смотрит — как не видит. Угасает. Хорошо, что ты, Митюша, успел. Он уже велел нарочного тебе отослать. Говорит, до Троицына дня не доживет.

— В тоске, стало быть.

— Спокоен. Лежит, да подъяchemу целыми днями о жизни своей рассказывает, а тот все по его слову записывает. Я как-то одним глазком в те письма гляннула — там всякая небывальщина. Особливо о его походе в страну Китай. И к чему бы это он, — печально покачала головой женщина.

Воевода Дмитрий Федорович мягко отстранил мать и, перекрестясь на изукрашенную затейливой резьбой церковь Федора Стратилата, начал подниматься в терем. Из-за открытой двери опочивальни слышался глухой, но все еще сильный голос старого воина:

— И рек он мне, натешившись колдовством, что аз есмь не человек, волею божиею сотворенный, а змей, именуемый дракон, по прозванью Юй Лун, в людском облике воплощенный. Молвил он, что царствие наше не от мира сего, и жизнь наша неподвластна смерти и тлению. Что мир наш не здесь, и всяк из нас по хотению своему волен миры творить, точно куличи печь. Я отринул искушение бесовское и не поддался ни злату, ни булату, ни меди трубной, а потому ныне умираю в покое и душа моя в радости, ибо в Царствии Божием прощена будет.

— Вы рассказывали, отец-воевода, что сей колдун также предрекал, будто в восьмом колене от сына вашего вновь станете вы обретаться в земной юдоли, что воскреснете или же, по

иному говоря, возродитесь, — слышался из горницы почти-тельный голос писца.

— Так и было, — подтвердил Федор Згурский. — Как змея меняет кожу, так и ты меняешь жизни свои, — будто вспоминая что-то, произнес он. — Восьмижды восемь раз...

Дмитрий Федорович постучал:

— Позволь войти, отче.

— А, ты? Вернулся? Ну, слава богу. Заходи, чего на пороге стоишь, — приподнявшись на перине, откликнулся старец. — Ступай покуда, Мефодий, позже тебя кликну. Ну что, рассказывай, хоробрый воевода, каково оно — в Диком Поле?

— Несладко, батюшка. В степи порою и день идешь, и второй, а коня напоить нечем. Но владыку-государя не прогневили — до самых Крымских врат Гирея отогнали.

— Это добрая весть. Наша порода.

— Под Елчаниновым острогом славное дело было. Там у переправы татарове стали, как в землю вросли — с утра до ночи сеча длилась. И в стенах, и в поле. Однако ж погнали супостата и многих посекали.

— А что, самого боярина Елчанинова — след отыскался?

— Люди рассказывают — лютой смерти его татары предали за то, что он в крепости ворота не открыл. Конями на части рвали.

— Злая судьба. Выходит, и по христианскому обычаю его не схоронили.

— Куда там... И останков найти не удалось. А зазноба его из тамошних, как люди говорят, руки на себя наложила — в озере утопилась.

Федор Згурский молча утер слезу.

— За что так Бог карает? Сыновей Елчанинов еще в смуту лишился, а теперь вот... Эх. — Федор махнул рукой. — А ведь он мне, почитай, как второй крестный отец. Может, от невенчанной любви у боярина Елчанинова родился кто-то?

Сын пожал плечами:

— По ту пору рыбаки за судаками на озеро ходили, нашли у берега в корзинке дитя. Но его ли, нет... сие неведомо.

— Ты уж, Митюшка, разужнай. Если вдруг его, не оставь заботой.

— Все сделаю, как велишь. Да только что ж ты себя-то хоронишь, бока на перинах пролеживаешь? Встрепенись! Глянь, как бывало, чтоб аж пламенем обожгло! Возьми саблю харалужную. Воров побит, да не изжит. Того и гляди — вновь отдышитса, да и нагрянет. Кому как не тебе войско тогда вести?

— Царь велит — ты поведешь, а может, еще кто. Я уж стар для того. Верно меня пойми — не телом стар, душою. И друзья мои, и вороги уже в сырой земле лежат. Лишь матушка твоя да я из прежней жизни-то остались. Нынче все другое, все новое. Пора и мне уходить. За дядькой твоим Варравой, за князем Дмитрием Михайловичем, чье имя ты носишь. К другу моему, боярину Елчанинову... Мир праху праведных. А ты не тужи, Димитрий. Все своим чередом. Я и тебя, и сестер твоих взрастил, и деток ваших увидал. Теперь ваш срок жить, мой же — уходить. Так всем на роду написано.

— Всем? — переспросил Дмитрий, оглядываясь, плотно ли закрыта дверь. — А что это ты, батюшка, писцу сейчас сказывал, будто ты и не человек вовсе, а драконьего роду? И будто смерти ты неподвластен и вновь в сей мир вернешься?

— В сей, да не в сей. — В голосе Федора Згурского зазвучала сталь. — То, Димитрий, не твоего ума дело и не для тебя писано. А речи, которые ты сейчас урывком слышал, мне в дальнем краю еще до твоего рождения старец один говаривал. Может, колдун. А может, и демон. А может, — Федор замолчал и пожевал губами, — может, и впрямь дед мой, ежели не врет. Только вот оно какая закавыка: все прочее, о чем мне тот человек в стране Катай рассказал, сбылось один в один. Как по-писаному.

— Стало быть, и я драконьего племени? — В глазах молодого воеводы блеснул огонь.

— Тебе о том и думать негоже, — резко оборвал его отец. — Когда хочешь, иное послушай: тот же вещун толковал, что род наш к святому Георгию восходит. Вот об этом и думай.

— Как же так, батюшка? Как такое случиться может, чтоб единым разом и дракон, и драконоборец?

— Может. Ты верь слову моему. А ежели суждено тебе будет — и сам обо всем проведешь.

А сейчас выслушай, сынок, волю мою. Когда помру, тело в землю не кладите. Положите в крипте — в святой земле под церковью, а в руки мне дайте те писания, что Мефодий со слов моих на бумагу перекладывает.

— К чему это, батюшка?

— Не спорь, раз говорю — значит, надо!

— А тело? Долго ли оно без погребения надлежащего пролежит?

— Верно глаголешь — не долго. Но чует мое сердце — едва я преставлюсь, придет сюда человек из чужой земли. Один или четверо их будет — того не ведаю. И в каком обличье — тоже знать не могу. Только захотят они схоронить меня.

— Не волнуйся отец, — рука Дмитрия крепко сжала эфес сабли, — не выдам.

— Клинком против них не отмашешься. Все одно, что солнцу метлой грозить. То не простые люди. И потому как скажут они, так и делай. Обещаешь мне?

— Перед святыми образами клянусь! На книге Божьей и на булате ратном!

— Вот и славно. Теперь и уходить можно. Доведу повесть мою до конца — и в путь.

Конец мая 1924

Виконт сидел за столом в ампирном будуаре, ставшем вчера его кабинетом, и внимательно разглядывал артиллерию — старинный щит, украшенный лавровым венком, изящно обвивавшим живописно сложенные за щитом мечи, копья, боевые трубы. После великой победы над императором Наполеоном обычай

украшать стены, двери, мебель подобными образчиками военно-декоративного искусства был в моде у европейской аристократии.

Мастер-краснодеревщик, из-под резца которого вышел этот резной оружейный склад, потрудился на славу: утонченный вкус и четкость линий радовали взор. Но мысли доктора Деладоннеля были далеко, очень далеко.

— *Джокер-3, прошу вас обратить внимание, —* звучал в голове оперативника приятный, но требовательный женский голос, — *профессор Дехтерев — настоящий фанат своего дела. Он вышел из небогатой семьи, проложил себе путь в науку собственным умом и огромным трудолюбием, и потому искренне считает, что всякий пролетарий, благодаря свершившейся в России социальной революции, готов завтра же идти той же дорогой, что и он. Профессора не стоит пробовать вербовать, взывая к ностальгическим чувствам по старым временам. Он человек науки и уверен, что будущее всегда лучше прошлого, а настоящее имеет великую цену.*

— *Может, какие-то слабости? Увлечения?*

— *У него довольно много увлечений. Любит кошек, собирает почтовые марки. Но он — русский интеллигент, порода нигде больше в мире не встречающаяся. Для профессора Дехтерева нет ничего выше того, что он считает истинным. Богатство, слава, власть, даже сама жизнь имеют цену лишь тогда, когда они совместимы с этим его пониманием истины. Так что нет смысла ни пытаться его подкупить, ни пробовать запугать.*

— *Тяжелый случай.*

Высокая дверь с окрашенной белой краской летящей Никой приоткрылась, и в будуар мягкой неслышной походкой вошел Фен Бо.

— Вас хочет видеть товарищ Орлинский.

Виконт поднялся из-за стола:

— Передайте ему, что я сейчас занят. Мне надо повидаться с профессором по известному делу. Часа примерно через два я буду рад увидеться...

Фен Бо продолжал улыбаться, но, кажется, пропустил мимо ушей все, сказанное подопечным.

— Товарищ Орлинский велел не задерживаться.

— Я и не буду задерживаться. Как только окончу дела...

Виконт почувствовал, как железные пальцы ординарца смыкаются чуть повыше локтя. Раньше, чем успел понять, что происходит, Нильс Кристенсен перехватил запястье противника, и с разворотом перешел на болевой прием. Не тут-то было! Моментально Фен Бо осел, крутанулся на месте, подхватывая доктора под колени. Джокер-3, не сопротивляясь, отпустил захваченную руку и обрушил удар на плечи у основания шеи китайца. Неуловимым движением тот повернулся, сбрасывая удар, и отскочил в сторону.

— Это школа Чжоу И, — обескураженно произнес Фен Бо. — Никто в Европе не знает об этой школе.

Красноармеец ощупал подопечного взглядом, точно сканируя.

— Вам кое-что известно о нашей медицине, но вы никогда не были в Китае. И вообще, — не спуская с доктора настороженных глаз, проговорил Фен Бо, — вы здесь чужой. Совсем чужой.

— Я приехал из Дании, — как-то невпопад ответил Виконт, понимая, что для собеседника весь его камуфляж шит белыми нитками.

— Нет, — продолжая изучать странного лекаря, тихо произнес «ординарец». — Вы знаете, о чем я.

С полминуты они смотрели друг на друга, не столько пытаясь одержать победу в битве взглядов, сколько гадая: что теперь делать, как выйти из сложившейся нелепой ситуации.

— В многознании много печали. Умножающий знание — умножает скорбь, — процитировал Экклесиаста Виконт.

— Капли делают чашу из камня, но всякая чрезмерная капля не утоляет жажду, а таит горечь. — Фен Бо поклонился. — Хорошо, я дам немного времени завершить ваше дело.

— *Что у вас там происходит, Джокер-3?*

— У меня здесь о-о-чень странный китаец.

— Что в нем странного?

— Ну, к примеру, он безошибочно опознает школу Чжоу И, до создания которой еще лет двадцать.

— Действительно, странно. Погодите, я сейчас сообщу лорду Баренсу.

Виконт поклонился в ответ, и в этот момент в голове его зазвучал мягкий, почти ласковый голос лукавого царедворца, которым Джордж Баренс умел сообщать самые неприятные известия.

— Здравствуй, мой мальчик. Мне доложили, что у тебя контакт со Встречными*?

— Похоже на то, милорд.

— И, как я понял, в самый неподходящий момент.

— Да, я только-только смог нормально подойти к Дехтереву, и тут, на тебе...

— Я так и думал. А скажи мне, Крис. Знаешь ли ты, почему я рекомендовал отправить на поиски лаборатории именно тебя?

— Потому что я похож на доктора Деладоннеля?

— Да, это тоже. Но главное другое. У тебя есть замечательный дар — вряд ли ты сам его осознаешь, но он присущ тебе так же, как ум и железная логика — Камдилу, а виртуозная находчивость — Лису.

— О чем вы, лорд Джордж?

— Ты попадаешь в волну, и тебя всегда несет в правильном направлении. Не берусь объяснить это с точки зрения здравого смысла, но я специально просматривал все отчеты о твоих выездах, и заявляю с полной уверенностью: это факт. Следовательно, мой дорогой, оставим до поры до времени выяснение природы Встречного. Действуй так, как получается. Главное, что лаборатория обнаружена. Если пожелаешь, можно возвращаться —

* Встречные (оперативный институтский сленг) — название представителей иных высокоразвитых цивилизаций, работающих в сопределах.

мы пришем оперативную группу, она сама разберется и с профессором, и с его изысканиями.

— Я думаю, стоит повременить. Хочу сам поговорить с Дехтеревым.

— Хорошо. Ты определяешь — быть или не быть.

Крис молча вышел в коридор.

Встречные очень редко, но попадались в разрабатываемых сопределах. Отношения с ними всякий раз складывались неоднозначно. Хуже всего, если задачи оперативных групп оказывались прямо противоположными. У Виконта не было сомнений, что ординарец — совсем не тот, за кого себя выдает. Крис не мог понять, кто Фен Бо на самом деле и что ему нужно, и теперь чувствовал, что идет по коридору, будто под прицелом. Китаец словно контролировал каждый его шаг.

«Неужели конкуренты тоже пронюхали о разработках психотронного оружия? — крутилось в голове оперативника. — Если да, то каковы их намерения? Необходимо все же вызывать группу. Вероятно, иного выхода нет. Быть может, они из мира, в котором Поднебесная империя, проскочив какую-нибудь очередную кровавую смену династий, стала глобальной мировой державой, подмяв под себя, ну, скажем, всю Азию. А если Встречные собираются, не мудрствуя лукаво, склонить чашу весов здесь в удобную для себя сторону, разрушив энергетический баланс в ближних сопределах? Скорее всего любезность Фен Бо вовсе не любезность: он просто использует меня как танк прорыва, как обезьяну, таскающую каштаны из огня!»

От этих мыслей было чертовски противно. Виконт остановился у широкой лестницы, спускающейся к просторному холлу: «Быть может, выйти из игры? Охрана на входе — ерунда, они и пикнуть не успеют. А дальше — вперед, Москва большая. Ближайшая камера перехода неподалеку». Виконт еще раз посмотрел на лестницу, на затоптанную, а некогда роскошную ковровую дорожку...

«Что там Баренс говорил насчет моей парадоксальной везучести? Раз пойду так, значит, именно так и надо». — Он уже

вознамерился сделать шаг, но увидел быстро поднимавшегося по лестнице энкавэдэшника. Тот прошел мимо, кивнув доктору, и постучал в дверь профессорского кабинета:

— Товарищ ученый, там этих, задержанных привезли для вас!

— Что? — Дверь открылась. — Каких задержанных?

Василий Матвеевич, поправляя очки, вышел из кабинета.

— Ну этих... С мозгами.

— Голубчик, что вы такое говорите? Это совсем не задержанные! — не обращая внимание на стоящего в двух шагах «соглядатая», Дехтерев поспешил к лестнице.

Виконт застыл на месте: «Выскользнуть незаметно сейчас не удастся. А с другой стороны, — он перевел взгляд на полуоткрытую дверь, — наверняка в кабинете профессора должны быть бумаги. Отчеты по предварительным работам или документация действующей модели его излучателя — чем не шанс?»

Приемная была пуста, и это еще более утвердило Виконта в намерении разузнать побольше. Он скользнул в комнату. Убранство кабинета не предвещало долгих поисков: стол, два стула, кожаный диван, платяной шкаф и тяжелый сейф с темным контуром отбитого имперского орла на дверце.

«Несгораемый шкаф фирмы «Ван Келен», — моментально определил Крис. — Замок с пятью ригелями. Три по центру, по одному — вверх и вниз. Ключ четырехгранный с косоугольными штифтами».

Он подошел к сейфу, поднял язычок, закрывающий замочную скважину, вытащил из кармана заготовленную медицинскую тубу, снял колпачок и впрыснул «лекарство» в замок. «Через три минуты оно застынет и станет не хуже настоящего ключа. А пока — стол!»

Оставив тубу в замочной скважине, Виконт бросился перебирать бумаги. Микрофильмировать их было делом нескольких секунд. Заколка для галстука через «янтарную» вставку сразу передавала отснятые кадры на базу. Лист, еще лист... Виконт торопливо перекладывал отработанные документы.

— Уважаемый, а что это вы тут делаете? — раздалось с порога. — Стойте, не двигайтесь, иначе я позову охрану!

Конец мая 1924

Генерал Згурский прислушался: кукушка прокуковала трижды.

— Скажи-ка, птичка, сколько мне тут еще оставаться? — прошептал он.

Словно отвечая ему, пернатая вещательница крикнула раз, опять задумалась и добавила еще три раза. Згурский сложил руки у рта и трижды каркнул вороном.

— Ну, слава богу.

Спустя некоторое время рядом зашуршали кусты, и на прогалину около сожженного лесничества вышел человек в почтарской куртке.

— Здравия желаю, ваше превосходительство! Как вы, не ушиблись?

— Шутить изволите? — улыбнулся Владимир Игнатьевич. — Я вырос на конном заводе!

— А я там, на берегу как глянул — сердце оборвалось! Как пули по вам ударили, и вы так обвисли... Ну, думаю, все! Конец! Спасибо пулеметчикам — отменно сработали!

— Как видите, жив-здоров. Коня жалко — бросить пришлось. И кирасу утопить. Но зато все очень натурально вышло. Кстати, благодарю — форма точно впору пришлась.

— А откуда вы края наши так хорошо знаете? Это лесничество на картах лет двадцать уж не обозначено.

— Смешная штука — жизнь. Я когда в академии учился, в Барановичи на практику картографической съемки ездил. Вот мне этот квадрат как раз снимать и довелось. Я, собственно говоря, потому его для перехода и выбрал, что когда-то излазил каждый ухаб и всякую кочку. Ну что, в путь?

Згурский расправил солдатскую гимнастерку.

— Но только теперь без «ваших превосходительств». Я — особоуполномоченный ГПУ Владимир Янко, прибыл из столицы с чрезвычайным предписанием. У вас все готово?

— Так точно. К вечеру ждем-с.

— Вот и славно. Позаботьтесь, чтобы свидетели были наготове.

Говорившие быстро скрылись в лесу, и только примятая трава еще несколько часов напоминала о том, что около давно сгоревшего лесничества кто-то был.

Лай собаки оповестил хозяев дома о приближении чужака. Атлас с «особоуполномоченным ГПУ» обменялись взглядами, после чего Згурский встал и удалился в соседнюю комнату, задернутую старой рогожиной.

С улицы послышался крик:

— А ну уймите собаку! Паскуда, пристрелю!

Старик с окладистой бородой — хозяин дома, повернулся к девочке лет двенадцати:

— Внученька, давай-ка через задний двор за милиционерами.

Он встал из-за стола, положил деревянную ложку в миску с недоеденной просяной кашей и шагнул к двери:

— Сейчас на цепь посажу.

Со двора послышалась невнятная возня, поскуливание собаки, снова громкий лай, и в избу ворвался тощий верзила в галифе, офицерском френче и надраенных юфтовых сапогах.

— А ну иди сюда, контра недобитая! — поблескивая водянисто-серыми глазами из-под очков в стальной оправе, заорал он. — Ты что это такое Мухе-Михальскому наговорил? Ты когда это, гадина офицерская, видел, чтобы я на ту сторону ходил? Да я ж тебя, гнида, задавлю!

Тощий потянулся к кобуре.

— Стоять! Руки вверх! — раздалось за его спиной.

— Что-о? — Незванный гость развернулся на месте и наткнулся взглядом на незнакомца в солдатской форме. — Да кто ты такой?

— Предъявите ваши документы! — не отвечая на вопрос, рявкнул солдат.

— Вот я те дам документы! — Револьвер оказался в руке дебошира, но в тот же миг рука Згурского ударила того по запястью, выбивая оружие, а тяжелый кулак врезался в челюсть.

— Нокаут, — констатировал Згурский. — А теперь за работу.

Он присел, засунул в карман френча несколько стофранковых бумажек и застегнул его.

— Уже бегут! — вскочила в комнату запыхавшаяся девочка.

Следом за ней появились трое милиционеров.

— Что здесь происходит?

— Особоуполномоченный ГПУ Владимир Янко, — сурово посмотрев на охранителей правопорядка, представился Згурский. — Вот мой мандат.

— А это? — мельком пробежав глазами текст, фотографию и печать, спросил старший, указывая на лежащего без чувств гэпэушника.

— Это предатель. Мы давно подозревали, что кто-то сообщает на ту сторону о наших планах. Вчера по милости этой сволочи погибли три десятка наших парней. Окатите его водой! — скомандовал «особоуполномоченный». — Нам удалось выйти на его след, хотя это стоило жизни одному из лучших разведчиков. А сейчас эта продажная тварь хотела устранить последнего, кто его мог опознать. Но мы были начеку. Встать! Именем трудового народа ты арестован! — увидев, что гэпэушник открыл глаза, объявил Згурский.

— Да ты...

— Молчать! — «Товарищ Янко» обернулся к милиционерам. — Обыскать его! Вы будете свидетелями. — Он кивнул мнувшимся на пороге соседям.

Милиционеры рывком подняли гэпэушника на ноги и заломили ему руки.

— Все что найдете, кладите на стол!

— Часы Буре, — начал перечислять старший, — серебряный портсигар, карандаш, блокнот... А это что? — Он вытащил из кармана мокрые цветные бумажки. — Кажись, деньги. Не по-нашему написано.

— Франки, — пояснил Згурский. — Пересчитайте и оформите выемку.

— Это не мое! — взвился гэлэушник, пытаясь вырваться из захвата.

— Ты еще скажи, что мое! — хмыкнул «особоуполномоченный». — Наручники у вас есть?

— Нет, — огорченно признался старший.

— Это плохо. Ничего, придет еще время, когда у каждого нашего сотрудника будут наручники! А пока свяжите его вожжами покрепче, да в холодную, чтоб не сбежал. — Згурский еще раз оглядел милиционеров. — Вот этого, — он указал на одного из сотрудников с простодушным открытым лицом, — возьму с собой. Отконвоировать гада.

— Что, в саму Москву поедем? — обрадовался крепыш.

— Ну не в Сибирь же! Думай, что говоришь. И меньше вопросов — что надо, и так узнаешь.

— Слушаюсь, — вытянулся милиционер.

— Идем, — обратился к старшему Згурский. — Протокол составим, свидетельские показания снимем, командировку оформим. А ты пока, — он положил руку на плечо гордого оказанным доверием сельского парня, — позаботься-ка, товарищ, о подводе. Сейчас с бумагами управимся, а там хорошо бы на вечерний поезд успеть.

ГЛАВА 27

«Осторожность — хорошая вещь, но даже черепаха не сделает шагу, если не высунет голову из панциря».

Бокуден

Если бы взгляды убивали, Виконт уже лежал бы, неподвижный и бездыханный, возле профессорского стола. Но глаза Дехтерева только бессильно сверкали из-под толстых очков.

— Не надо звать охрану, Василий Матвеевич, — стараясь быть как можно убедительнее, сказал доктор Деладоннель. — Вы, наверное, заметили, что со вчерашнего дня возле здания дежурит усиленный армейский патруль? Прежде чем охрана прибежит, я высунусь в окно, и спустя минуту здесь будет взвод стрелков, готовых выполнить мой приказ.

Кристенсен блефовал, но другого способа действия у него не было.

— Прошу вас, закройте дверь и подойдите к столу. Нам следует объясниться.

— Я не желаю вас знать, милостивый государь! — закрывая, впрочем, дверь, сухо ответил Дехтерев.

— Это у вас уже не получится, — парировал Виконт. — Поэтому разрешите уж мне ответить на ваш вопрос и рассказать, что я тут делаю.

— Я и сам это вижу — шпионите за мной!

— Вы почти угадали. Я действительно проделал немалый путь, чтобы выяснить суть вашей работы.

— Немалый путь? — насторожился профессор. — Так вы агент? Белогвардеец?

— Нет. Прошу вас, садитесь. Я постараюсь все объяснить. Если сможете, не отвергайте моих слов лишь потому, что они покажутся вам невероятными.

Дехтерев нехотя подошел к столу и сел рядом:

— Так и быть, я выслушаю вас. Но обещайте сразу после этого убраться отсюда и никогда более не попадаться мне на глаза.

— Если это будет зависеть от меня, непременно, — ответил Нильс Кристенсен. — Итак, как я уже сказал — я не шпион и не соглядатай советских властных структур.

— Ну, разумеется, вы — ангел небесный, спустились осведомиться, покойно ли я почивал! — съязвил ученый.

— Почти. Вы слышали о теории множественности миров?

— Я человек серьезный, не занимаюсь поэтическими бреднями!

— Эти, как вы изволите выражаться, поэтические бредни — непреложная истина, реальность, данная нам в ощущениях. У меня нет сейчас времени объяснять суть множественности вселенной. Постарайтесь хотя бы гипотетически принять тот факт, что ваш мир не один, что существуют иные, что они связаны между собой и влияют друг на друга.

— Чтобы я принял это хотя бы гипотетически, я, как ученый, должен иметь доказательства столь бредовой концепции.

— Доказательства? — задумался Виконт. — Хорошо, попробую дать вам доказательства. Будьте любезны, рядом с вами лежит стопка писчей бумаги. Передайте мне, пожалуйста, лист на ваш выбор. Сами видите, — принимая бумагу из рук профессора, заметил Виконт, — он чистый и белый. Абсолютно чистый и абсолютно белый. Такой же, как и все остальные.

— Это я вижу.

Доктор Деладоннель склонился над столом, поправляя галстук, прикоснулся к залке, и через мгновение на листе бумаги появились отчетливые строки, написанные рукой Дехтерева.

— Вы узнаете этот текст?

— Да, это страницы из моих заметок. — Профессор схватил бумагу и поднес к лицу. Лист опять был девственно чист.

Дехтерев посмотрел на «шпиона». Тот продолжал стоять, чуть улыбаясь и теребя янтарную залку.

— Как у вас это получилось? — обескураженно спросил Василий Матвеевич.

— Вы все еще думаете, что это какой-нибудь фокус. Ладно, продолжим. — Доктор вновь положил перед собой лист бумаги и, демонстративно сложив пальцы в замок, заговорил: — Мандат. Выдан штабс-капитану медицинской службы Российской Императорской армии, Сергею Владиславовичу Деладоннелю в том, что он прибыл из будущего, из сопредельного мира.

Дехтерев ошеломленно глядел на бумагу: каждое произнесенное слово само собой проявлялось на листе. Причем — двух

мнений быть не могло — мандат был написан его, Дехтерева, собственной рукой.

— Подпись Дзержинского вас устроит? — участливо осведомился пришелец. — Вот, пожалуйста. Росчерк, печать.

Виконт снова поправил галстук.

— Вы что же! Вы издеваетесь? Как так? — Дехтерев схватил документ. На этот раз письма не исчезли. Он потерял буквы, поклонялся пальцу, снова потерял — никаких результатов.

— Бесполезно, — прокомментировал доктор. — Это не чернила. Слова выжжены на бумаге.

— Да как вы смеете? — вскочил Дехтерев, разрывая «мандат» в мелкие клочья.

— Не верите... — покачал головой Виконт, подошел к сейфу и вытащил импровизированный ключ из замочной скважины. — Как вы думаете, из какого материала выполнена эта отмычка?

— Понятия не имею, — сознался профессор, у которого любопытство ученого взяло верх над праведным гневом советского гражданина.

— И никто в вашем мире не имеет. Если вы передадите этот ключ в Академию наук, то все светила химии просто сойдут с ума, ибо существование такого материала у вас совершенно невозможно. Василий Матвеевич, — продолжил Виконт, — прошу вас, давайте покончим с демонстрацией технических фокусов и перейдем к тому, что действительно важно.

— Ладно, — уже без прежнего напора согласился Дехтерев. — Давайте.

— Благодарю вас. Так вот, профессор. Вы, конечно же, считаете, что командарм Шапошников прислал меня сюда наблюдать за вами. Это не так. Шапошников надеется отыскать и спасти Татьяну Михайловну Згурскую, которая если еще не скрывается у вас, то в скором времени наверняка здесь объявится. Во мне Шапошников видит своего боевого товарища. На самом деле ошибаетесь и он, и вы. Я прибыл из будущего. Для простоты можете считать, что из вашего будущего. Чтобы

определить, насколько вы продвинулись в изобретении психотронного оружия.

— О чем вы говорите? Я изучаю деятельность человеческого мозга!

— Профессор, я говорю о психотронном оружии. Вы еще не знаете этого термина, но в сравнении с вашими разработками, все пушки, самолеты, боевые отравляющие газы — весь этот железный и химический мусор — лишь детские игрушки, хулиганская забава.

— Что же вы меня морочите, милостивый государь?

— Я вас не морочу. Это изобретение, как вы абсолютно верно предполагаете, упразднит войну. Оно сделает ее бессмысленной, поскольку превратит человечество в тупое бессловесное стадо, слепо подчиненное кучке негодяев, стоящих у генераторов. Конечно, это произойдет не при вашей жизни. Но совершенные здесь гениальные открытия всего лишь создадут базу для технологического прорыва. Вы творите великое дело — пытаетесь разобраться, как работает человеческий мозг, каковы его настоящие возможности. Но благодаря глубокому пониманию процессов, управляющих сознанием человека, легко можно заставить людей убивать без жалости, ненавидеть ближнего, ничего не хотеть, считать правильной любую нелепицу. Ваши открытия в итоге позволят выжечь мозг любому, кто осмелится иметь собственное мнение.

— Вы серьезно? — чуть слышно проговорил Дехтерев.

— Более чем серьезно. В нашем мире, к сожалению, такое оружие уже существует. Оно запрещено международными соглашениями и, как утверждают все правительства, демонтировано, но никаких гарантий нет — уж слишком велико искушение. Я прибыл сюда, чтобы выяснить, на каком этапе ваши разработки. Я должен решить, стоит ли присылать сюда оперативную группу, которая сведет работу на нет, или же ликвидаторов. Думаю, нет нужды объяснять, чем занимается структура с подобным названием. Поймите меня верно, — продолжал Виконт. — Я вас не пугаю. Обдумайте мои слова...

В этот момент дверь кабинета распахнулась, в него ворвались, быстро рассредоточившись, четверо бойцов ОГПУ.

— Деладоннель Сергей Владиславович. Поднимите руки, вы арестованы!

— За что? — надевая маску военного врача, спросил Виконт.

— Не разговаривать! — рявкнул старший наряда. — Приказ Дзержинского. Оружие на пол, руки за голову.

— Я не вооружен, — пожал плечами доктор.

— Обыскать! — скомандовал гэдэушник.

— Сергей Владиславович, — попытался объяснить Дехтерев. — Если вы подумали, что это я, так...

— Не стоит, — улыбнулся Кристенсен. — Я знаю.

— Чистый! — объявил чекист, старательно прохлопавший все те места, где можно было скрыть оружие.

— Давай на выход!

Гэдэушники вместе с арестованным спустились по лестнице и, без лишних слов затолкав доктора в автомобиль, выехали со двора.

До Лубянки было недалеко, но, как говорят в Китае, и самый близкий путь может быть бесконечным. Едва автомобиль проехал пару кварталов, как из переулка на хорошей скорости в него врезался массивный «паккард». Удар смял радиатор, и весь передок автомобиля затянуло клубами пара. Оглушенный водитель выскочил на улицу, ругаясь, и тут же рухнул наземь.

Сведущий наблюдатель легко бы заметил, что машина, ставшая причиной аварии, совсем недавно принадлежала группе Болеслава Орлинского. Но таких свидетелей поблизости не оказалось.

Гэдэушники же увидели, как некий шофер-красноармеец в одно движение нокаутировал их товарища. Оставив бойца охранять арестанта, они полезли на помощь. Бой, вернее, уничтожение их, не заняло у Фен Бо много времени. Через минуту все было кончено. Последний охранник попытался было дос-

тать револьвер, но доктор Кристенсен с размаху опустил на его затылок сжатые в замок руки.

— Быстрее, — вытягивая оглушенного бойца из машины, поторопил Фен Бо. — Быстрее! Уходим!

Неподалеку уже слышались свистки милиционеров.

— Сейчас, сейчас. Ключ от наручников, — шаря по карманам стража, ответил Виконт. — А, вот есть! — и выскочил из автомобиля.

— Сюда, тут проходной двор! — крикнул Фен Бо. — Бегом!

Они помчались что есть мочи, перепрыгивая через скамейки, низкие палисады, лавируя между дровяными сараями и дощатыми клозетами. Позади слышались крики, свист, выстрелы в воздух. Как показалось Виконту, бежали они долго: иногда пересекая улицы, а иногда сокращая путь через сквозные подъезды.

— Лови! Окружай! — неслось позади, точно крик «Ату их!» на волчьей облаве.

Виконт бежал, с каждым шагом теряя надежду оторваться от погони. У очередной подворотни он чуть притормозил, оглянулся, и в тот же миг две пули ударили в гранитную кладку, вышибая осколки камня.

— Уходи, я их задержу! — скомандовал Фен Бо, скрываясь за металлической створкой ворот.

— А как же ты? — Кристенсен увидел, как Встречный поднимает револьверы.

— Не беспокойся. Ты лучше передай генералу Згурскому, что его жена находится там — у Дехтерева.

— Как я передам? — удивился Виконт.

— Беги давай, скорее!

Виконт понесся вперед и услышал, как за его спиной один за другим захлопали выстрелы.

«Надолго не хватит, — сообразил он. — Наган быстро не перезарядишь».

Доктор вскочил в ближайший подъезд, рванулся ко второму выходу.

«Проклятие! Заперто!»

Виконт осмотрелся и быстро побежал вверх по лестнице: «Чердак! На чердаке можно спрятаться, можно выйти в другой подъезд, можно перебраться на соседнюю крышу. Если, конечно, повезет».

Он слышал, как внизу продолжается стрельба. Потом выстрелы стихли, и до слуха оперативника донесся крик:

— Исчез!

— Как исчез?

— Ну как... Пропал!

— А второй где?

— Бес его знает. А вон, вон бежит! За ним!

Виконт припустил еще быстрее и через мгновение оказался у лестницы, ведущей на чердак. На тяжелой крышке уныло висел калач амбарного замка.

«Вот и все. — Кристенсен сел на ступеньку. — Сейчас сюда набегит толпа энкаведэшников, и на всякий случай, чтобы лишний раз не приближаться, меня нашпигуют свинцом, как утку яблоками. Обидно».

Он разжал кулак и поглядел на маленький ключик от наручников, все еще болтавшихся на левом запястье.

«Может, попробовать вырвать петлю? — Нильс взглянул на замок. — Вариантов все равно нет».

И тут он услышал шаги на лестнице.

«Все, — мелькнуло в голове у Виконта. — Хотя почему все? Поднимается один».

Доктор сжал наручники в руке, наподобие кастета: «С одним можно управиться. Даже если он вооружен. Так что потом прострелю замок...» — Он начал тихо спускаться, надеясь внезапно появиться перед неосторожным преследователем.

С лестничной клетки третьего этажа донесся звон колокольчика, затем голос:

— Марья Павловна! Для вас телеграмма!

Что-то щелкнуло, скрип несмазанных петель, приятный немолодой женский голос:

— Это вы, почтеннейший Иван Карпович? Доброго вам дня! Где расписаться?

— Вот туточки. Благодарствую.

— А не знаете, что там за стрельба на улице?

— Ловят кого-то. Говорят, на Сретенке машины столкнулись, так шофер убежал.

— И что, его со стрельбой ловят? Страсти какие!

— И то сказать... Всего вам доброго, Марья Павловна! — Почтальон начал спускаться по лестнице.

«А ведь это шанс, — подумал Виконт. — Голос приятный. Женщина, похоже, простая, сердобольная. На Руси битых любят — хоть до ночи можно пересидеть!»

Он подошел к двери и дернул за ручку:

— Марья Павловна!

— Забыли что-то, — послышалось оттуда, щелкнул замок. — А...

Виконт, не давая женщине опомниться, ворвался в квартиру и захлопнул дверь:

— Марья Павловна, не выдавайте! За мной гонятся! Я ничего плохого не сделал, я не разбойник, я доктор!

— Это правда, он доктор, — раздалось в конце длинного коридора. — Доктор Сергей Владиславович Деладоннель. Я не ошибаюсь?

Из темноты на свет выступил немолодой широкоплечий мужчина с аккуратно подстриженной бородкой. В одной руке он держал сложенную телеграмму, в другой — пистолет.

— Ваше превосходительство? — обескураженно прошептал Кристенсен, прислоняясь к стене. — Вы здесь? Господи, глазам не верю!.. Ваше превосходительство, — Виконт, как подброшенный, стал во фрунт, — разрешите доложить: ваша супруга Татьяна Михайловна скрывается в бывшем особняке Згурских на Сретенке.

Конец мая 1924

По уверению словаря «Лярус», городок Понтины возник на месте римского военного лагеря, расположенного у переправы через Сену в десяти лье от Парижа, выше по течению. Долгие годы здешний трехбашенный замок контролировал водный путь из Шампани в Иль де Франс, и потому частенько переходил из рук в руки. Во время Великой французской революции замок сильно пострадал, и после реставрации Бурбонов вернувшийся из Англии наследник живописных руин поспешил избавиться от обременительной недвижимости, уступив ее местному хозяину ткацкой фабрики. Тот безжалостно расправился с куртинами* и крепостными валами, оставив лишь одну полуразваленную башню среди насаженного им сада. Но над новым особняком, как и над старым замком, висел тот же рок: за последующий век дом сменил шестерых хозяев, пока, наконец, не перешел в собственность банкира Рафаилова.

Когда нотариус де Мербёф расхваливал комиссару Рошаль этот прелестный уголок, он был недалек от истины. Мэтру просто не хватало поэтического таланта, чтобы передать, сколь уютное гнездышко приобрел себе русский финансист. За век сад разросся. Небольшой, но очень изящный господский дом утопал в зелени и был окутан ароматом цветов от огромных клумб. Здесь можно было родиться, жить и умереть в покое и благодущии, слушая птиц и наслаждаясь восходом солнца за дальними холмами по ту сторону реки.

Война пощадила имение, и это еще больше придавало Понтины вид оазиса благополучия, поэтому, когда окружной комиссар Рошаль переступил порог местной жандармерии, буднично завтракавшие brave усахи просто онемели, узнав, что их маленький городок вдруг заинтересовал Сюрте. Поборо-

* Куртина — крепостная стена между двумя башнями.

сав вилки, подтянув ремни портупей и на всякий случай зарядив оружие, они двинулись к господскому дому, спеша окружить и не дать выскользнуть никому. Правда, как утверждали жандармы, последнее время усадьба пустовала. Новый хозяин аккуратно платил садовнику, который был по совместительству и сторожем, но сам почти не появлялся.

Не дослушав заверений блюстителей закона, парижанин затребовал садовника, и тот начал божиться, что дом пуст, в нем никто не живет... Кроме «того китайца».

— Китайца? — переспросил комиссар Рошаль.

— Ну да, — закивал садовник. — Он здесь давно, без малого полгода. Как новый хозяин дом купил, так китайца своего и поселил.

При этих словах жандармы переглянулись.

— Да он тихий! — заметив их удивление, стал оправдываться садовник. — Сидит дома, никуда не ходит, разве что по саду прогуляется. Картинки рисует да в кабинете развешивает.

— Больше ничего? — испытующе глядя на аборигена, поинтересовался Рошаль.

— Да вроде ничего... Вот еще видел, как он поутру и вечером в саду танцует — без музыки и чудно так... Медленно, а потом все быстрее руками-ногами машет, аж ветер стоит!

— Проводи-ка нас, приятель, к этому китайцу, — потребовал Рошаль.

«Неужели промах? — стучало у него в голове. — Неужели же все логическое построение — карточный домик, плод моего воображения? Рафаилов окружил себя китайцами — это понятно. Они верные, исполнительные, неприхотливые и уж точно не продадут его русским. Вполне разумно поселить одного из таких слуг в загородном доме — стеречь хозяйское имущество. Поговаривают, китайцы очень ловки в кулачном бою. Но причастен ли этот слуга к чему-либо?

— А скажи-ка, друг мой, — шагая по вымощенной дорожке к особняку, спросил Рошаль, — за последний месяц этот китаец никуда не уезжал? Или, может, к нему приезжал кто-то?

— Вроде не уезжал, — задумчиво ответил садовник. — И чтоб сюда кто ездил — тоже не видел.

— Ты здесь все время караулишь?

— Нет, господин комиссар, только до заката. По ночам дом стережет Юй Ши. Так китайца зовут.

В душе комиссара снова затеплилась надежда.

— Понятно. Тогда скажи вот что: как по-твоему, китаец вправду охраняет или спит по ночам? Может, детишки в сад лазят?

— Да кто ж его знает... Решетка тут кованая, высокая. Так просто не залезешь. Но вот недавно да — в башне кто-то был. Знаете, там в саду. Башня, еще от замка.

— Почему ты так решил?

— Я на рассвете пришел, и к розам сразу — они, понимаете, такие капризные, буквально по часам поливать надо. Если с утра почва сухая, на солнце листья быстро вянуть начинают.

— Приятель, ты отвлекся.

— Да, так вот, пошел я к розам, а это в самый раз мимо башни идти. Смотрю — между камней окуроч сигары. Я трубку курю, Юй Ши — тот и вовсе ничего такого, откуда ж окурочку взяться? А сигара хорошая!

— Откуда ты знаешь?

— Ну, я окуроч покрошил, да в трубку забил. Ох, забористый табачок!

— Ясно. — Рошаль повернулся к бредущим следом жандармам. — Рассредоточиться! Если кто-нибудь попытается бежать из дому — задерживать. При попытке сопротивления стрелять по ногам. Не забудьте, ноги — это то, что снизу!

Взбужденные напором парижского начальства жандармы закивали, и комиссар с грустью подумал, что если из шести выпущенных из револьвера пуль хотя бы одна попадет ниже пояса, это будет немалой удачей.

Возле ограды особняка стоял полицейский автомобиль с тремя инспекторами «летучего отряда» Сюрте.

— Клебан, Фурли, — скомандовал комиссар. — Вместе с этим мсье идете в дом. Осмотрите все. Там должен быть китаец — задержите его и приведите ко мне. Я с Бетиньи обследую башню.

— Слушаюсь, шеф! — отсалютовал старший инспектор Клебан.

— С китайцем поаккуратнее — этот коротышка может быть совсем не так прост, как выглядит.

Старая башня, или, как величали ее местные жители, — «руина», густо обвитая виноградом, служила хозяевам особняка местом отдохновения в часы меланхолической грусти. Кусок разрушенной стены возле искусственного пролома являлся частью живописной беседки. Лужайка перед ней была вытоптана.

— Вероятно, здесь этот Юй Ши исполняет свои танцы, — предположил Рошаль, внимательно разглядывая примятую траву. — И сегодня тоже упражнялся. Бетиньи, фонарь с тобой? Глянь, что там в башне.

— Пусто, — через минуту сообщил инспектор. — Какие-то щиты висят, доспехи... Я попробовал — картон.

— Картон нас не интересует. Что-нибудь еще?

— Кажется, здесь кто-то ходил. Если китаец прыгал по лужайке, мог и сюда забрести.

Рошаль подошел к нему. Свет фонаря выхватил замшелый камень и макеты доспехов, развешанные на стенах в художественном беспорядке.

— Мог, — подтвердил Рошаль. — Вот только что ему тут делать?

— По нужде, — предположил Бетиньи.

— Тогда б следы были. А вообще странная штука получается: садовник находит окурочек сигары возле башни — наверняка рядом с беседкой. Здесь же, как мы знаем, каждое утро и каждый вечер упражняется слуга Рафаилова. Сад большой, но китаец выбрал именно это место. Сам по себе такой факт еще ничего не значит, однако наводит на подозрения.

— А вдруг мсье Рафаилов прячется где-нибудь здесь?

— Похоже на правду. Во всяком случае, такой вариант объясняет наличие окурка и странное пристрастие Юй Ши именно к этому месту. Он просто доставляет еду хозяину. Непонятно другое — с чего бы вдруг Рафаилову прятаться от кого-то в своем доме?

— Может, он опасался, что садовник разболтает?

— Садовника он мог загодя уволить, мог заплатить столько, что тот и шагу бы не ступил за ворота. Или отправить его поправлять здоровье на Мартинику. Кроме того, если бы банкир опасался русских — того же генерала Згурского, — логично было бы предупредить всех жандармов в округе, что ему, Рафаилову, угрожает опасность. С такими-то деньгами... Можешь поверить, вся королевская рать ходила бы вокруг него, как вокруг рождественской ели. Здесь что-то не то.

— Шеф, вон Фурли бежит.

— Что там? — высунулся из башни Рошаль.

— Господин комиссар, в доме никого нет. И китаец...

— Что с ним?

— Простите, господин комиссар...

— Только не говорите, что вы его застрелили.

— О нет! Он все улыбался, кланялся, потом завернул за угол и исчез.

— Как это исчез?

— Ума не приложу. Я все вокруг обшупал — никаких следов.

— Фурли, вы понимаете, что упустили свидетеля? А может, не свидетеля, а похуже!

— Господин комиссар, клянусь Девой Марией, я не виноват! Я вдруг запнулся о порог, а он ступил чуть вперед, и вот...

— Фурли, если бы мне это сказал кто-нибудь из тех красавцев за забором, я бы еще понял. Но вы — инспектор Сюрте! Послушайте только, какую чушь вы несете!

— Но господин комиссар!

— Так! Бетиньи, предупреди жандармов — возможно, тут где-то имеется подземный ход, и этот желтый черт им воспользовался. Пусть дадут знать в полицейское управление — если вдруг появится где-то в округе, хватать немедленно! Китайцу трудно проскользнуть незамеченным. Фурли, ты возвращаешься в здание, вместе с Клебаном обыскиваете его до последнего ящика в шкафу! Ищите потайные двери, пружины... Черт возьми, не мог же он в самом деле пропасть!

— Но он исчез, господин комиссар.

— Пошел вон, Фурли! И пришли мне садовника! Да! Тут на телефонной станции мне сказали, что в доме имеется аппарат. Позвони в Сюрте, пусть задержат того китайца, что остался в особняке на Елисейских полях!

— Слушаюсь, шеф!

Рошаль досадливо сплюнул и уселся на скамейку в оплетенной виноградом беседке.

«Проклятие, — думал он, — похоже, кто-то решил водить меня за нос. Я чувствую, чувствую — Рафаилов где-то близко. Где-то здесь». Он еще раз смерил взглядом развалины. Сквозь прорезанные в каменной толще бойницы внутрь башни пробивался дневной свет, придавая заброшенной руине романтический и таинственный вид. Рошаль встал, обошел башню, ища хоть какой-нибудь след.

— Мсье, мсье, вы звали меня? — запыхавшийся садовник подбежал к комиссару.

— Да. А скажи-ка, любезнейший, что там за история приключилась с Юй Ши?

— Господин инспектор говорит, что он пропал.

— Это он и мне сказал. Быть может, в здании есть подземный ход или потайная комната?

— В особняке-то? Там нет. Уж, во всяком случае, я не слышал. А вот тут есть.

— Что? — переспросил Рошаль, боясь, что ослышался.

— Это еще до прежнего хозяина было, когда я только на службу поступил. Тогда в башне ход вниз имелся. А хозяин

велел сделать там комнату для свиданий — он с одной дамой встречался... Не хотел, чтобы об этом узнали. Но все равно о том стало известно, шумный развод был, вследствие чего особенно и продали...

— Это потом расскажешь. Ты знаешь, как отыскать потайную комнату?

— Ну я туда когда-то лазил — когда еще сам с девчонками встречался... Но в мои-то годы...

— При чем тут твои годы? Где вход? — не сдерживаясь, крикнул Рошаль.

— Сейчас, — испуганно выставил перед собой руки садовник. — Вот он, поглядите.

Старожил снял один из картонных доспехов и, взявшись двумя руками за крюки, потянул их вниз. Часть стены с тихим шипением въехала в глубь мощной циклопической кладки, открывая щель с ведущими вниз ступенями. Из щели пробивался свет.

— Вот так-так, — усмехнулся Рошаль, на всякий случай доставая пистолет. — А ну-ка, приятель, зови сюда старшего инспектора Клебана.

Он начал осторожно спускаться по лестнице. Снизу донесся голос. Кто бы ни был скрывающийся в подземелье затворник, кричал он не по-французски. Комиссар Рошаль не понял услышанного вопроса и продолжил спуск. На широкой кровати под балдахином, в комнате, освещенной множеством китайских фонариков, сидел давно небритый человек с всклокоченной шевелюрой и неподдельным ужасом в глазах. Увидев комиссара, человек вскочил и попытался спрятаться под кровать. Извлечь его удалось лишь с помощью подоспевшего здоровяка Клебана. Житель подземелья царапался, кусался, лягался, все время повторяя:

— Дракон! Дракон! Он все ближе! Юй Ши! Он пришел! Дракон! Генерал! Дракон! Это дракон! Юй Ши, где ты? Огонь! Он сожжет меня! Это дракон!

— Бедняга, похоже, не в себе, — заворачивая банкиру руки, пророкотал Клебан. — Драгун каких-то зовет...

— Явно не в себе, — хмуро отозвался Рошаль, вытирая рукавом кровь с разодранной щеки. — Чертов кретин. Ладно, главное — мсье Рафаилов найден живым и условно невредимым.

— Да уж лучше руки-ноги поломать, чем такое! — хмыкнул старший инспектор. — Что ж ему этот драгунский генерал сделал, что бедняга из ума выжил?

— Странная история, — покачал головой Рошаль. — До приезда в Понтины Рафаилов был в своем уме, точно. Такое впечатление, что это китаец его так запугал. Тем более... — комиссар задумался, — возможно, Рафаилов говорит не о драгуне, а чудовище-драконе. У китайцев драконы весьма в чести.

— Так это ж сказки.

— С Юй Ши бы поговорить об этих сказках.

— Шеф! Шеф. — По лестнице спускался Бетиньи. — Только что был звонок из Сюрте.

— Да, и что говорят?

— Наряд прибыл в особняк на Елисейских полях. Тот китаец...

— Не тяни.

— Тот китаец — Лай Гун, — он пропал.

— Тоже пропал?

— Да. На столе горячий чай, а китайца нигде нет. Все обыскали. Исчез, как в воздухе растаял.

Конец мая 1924

Паровоз медленно, точно крадучись, миновал полосатые столбы, над которыми реял красный флаг с серпом, молотом и пятилучевой звездой. Как только последний вагон поезда

оказался на советской земле, паровоз тяжело выдохнул, окутывая перегретые бока клубами пара, и остановился у длинной платформы. Вдоль всего поезда, ожидая, когда откроются двери, выстроились два десятка бойцов в форме пограничных частей НКВД. Подполковник Шведов глядел на них в окно с чувством тоски и полного опустошения. Ему, уже дважды выходившему победителем из поединков с советской пограничной стражей, нынешняя командировка представлялась смертным приговором.

«Они мне не поверили, — думал Шведов. — Я говорил чистейшую правду, а они сочли меня лжецом. И все потому, что мне удалось вернуться из ада, уйти живым оттуда, откуда не смогли вырваться остальные. Теперь они решили бросить меня на съедение и поглядеть, найдутся ли желающие откусить мне голову. Какая несправедливость!»

Он услышал, как в конце вагона открывается дверь, в коридоре начинают топтать сапоги, и со вздохом достал американский паспорт.

— Приготовить документы и вещи к досмотру! — пронеслось по коридору.

Вещей у Шведова почти не было. Он вытащил из-под дивана саквояж и предупредительно открыл его: пара белья, бритвенный набор — ничего существенного. Сосед Шведова — щекастый бюргер с отчетливым пивным брюхом — пыхтя, растянул чемоданы.

— Конфеты, — пояснил он.

Дверь купе открылась:

— Документы, пожалуйста.

Изучающий взгляд красноармейца с маленьким красным кубарем в петлице впился в Шведова, затем перешел на его соседа.

— Татс. Мартин Татс из Цюриха, — поспешил назвать себя коммивояжер. — Я занимаюсь шоколадом. Вот, попробуйте!

Он протянул пограничнику открытую коробку.

— Положите на место! — скомандовал проверяющий, изучая документы.

— Вы зря отказываетесь! Замечательный швейцарский шоколад!

Пограничник вернул ему паспорт и принял документы Шведова.

— Мистер Томсон? — со скрытым ликованием в голосе спросил пограничник. — Уолтер Томсон?

— Йес, оф кос.

— Пройдите с нами. Вы арестованы!

— Я плохо понимать по-русски. Я американ бизнесмен.

— Все вы отлично понимаете, ваше превосходительство! Нечего ваньку валять, давайте вставайте!

— Не желаете ли чаю, — спросили из коридора.

В просвете дверного проема мелькнула стройная фигура затянутого в униформу проводника с рыжими, чуть подвитыми усами и небольшой бородкой.

— Вернитесь в свое купе! — приказал ему проверяющий.

— Ой, простите. — Проводник попытался развернуться, не удержал поднос, и три стакана с кипятком опрокинулись на солдата.

Тот заорал благим матом. На помощь командиру выскочил из соседнего купе еще один красноармеец и тут же отпрыгнул, уворачиваясь от летящего в голову подноса. В следующий миг грянул выстрел, и пограничник упал, заливая кровью ковровую дорожку. Словно дожидаясь этого сигнала, из первого и последнего купе появились люди с револьверами в руках.

— Баррикадируйте двери! — командовал рыжеусый. — Сейчас здесь будет полно народу!

Ошпаренный красноармеец бросился на проводника, но один из чемоданов с конфетами вдруг обрушился ему на голову.

— Штабс-капитан Тотус! — отстегивая набрюшник, быстро представился недавний бюргер. — Здесь пистолеты. Под конфетами — патроны.

— На пол! Всем на пол! — проходя мимо купе, кричал граф Комаровский, расстегивая куртку проводника.

С платформы раздались выстрелы, посыпались осколки конных стекол. Вагон огрызнулся в ответ револьверным лаем. Двое красноармейцев упали на платформу, остальные отступили в укрытие, продолжая обстреливать поезд.

— Быстрее! Дай бог, чтобы все получилось! — шептал Комаровский, громоздя чемоданы в оконном проеме. Вряд ли они могли послужить действенной защитой от винтовочных пуль, но скрывали перемещение находящихся внутри купе. — Что же они медлят?

Отчаянный александрийский гусар не мог видеть, как лоснящийся потом кочегар, приставив браунинг к голове дежурного красноармейца, командует машинисту давать задний ход. Но Комаровский почувствовал, как дернулся состав и пополз, все более разгоняясь, в сторону Латвии. Пули, летевшие вслед поезду, прошивали стенки вагона. Одна из них ударила в плечо Комаровскому, тот выронил наган и зажал ладонью рану.

— Еще несколько минут — и мы в Латвии.

Он не услышал, когда выстрелы прекратились, и пришел в себя лишь тогда, когда его окатили водой. На него глядели люди в форме латышских пограничников.

— Штаб-ротмистр, граф Комаровский, — тихо отрапортовал он. — Сдаюсь, сопротивления не оказываю.

И Евгений Александрович вновь потерял сознание.

ГЛАВА 28

«Добро или зло зависят от собственного умения решать вопросы».

Юдзан Дайлодзи

Несколько раз Судаков видел свет. Он пробивался сверху из каких-то непонятных щелей. Когда Петр Федорович окончательно понял, что сбился с пути, вдруг увидел перед собой

деревянную лестницу. Он полез по ней, радуясь возможному спасению. Полез — и оказался в лежащей бочке. Вернее, в нижней ее части. Верхняя — просмоленная — нависала над головой так, что находиться в нижнем отсеке можно было лишь на четвереньках. Судаков несколько раз постучал по «потолку»: судя по глухому звуку, емкость была полна.

— Это что ж за штуковина такая? — прошептал он себе под нос и пополз вперед.

Еще несколько секунд, и он уперся носом в дно бочки.

— Вот же ерундовина! — Он начал ощупывать преграду. В каком-то месте его пальцы наткнулись на ремennую петлю. Судаков потянул за нее, но тщетно. — Ишь ты! Это выходит, сверху в бочке вино налито, а снизу лаз. Ежели надо — можно крантик повернуть — и оно польется. А чуть что вдруг — то через нижнюю часть — шашть, и под землю!

Он притянул ноги к груди и ударил ими в дно бочки. Нижние доски легко вышли из пазов и выпали наружу, удерживаемые скрытыми петлями.

— Ловко, ловко!

Судаков выбрался наружу, зажег фонарь и осмотрелся. В его памяти живо всплыла слышанная от деда сказка о пещере Стеньки Разина — с ее несметными сокровищами. Только здесь вместо злата-серебра стояли бочки, бочонки, висели окорока, связки колбас...

«Где это я очутился? — срывая с крюка увесистое кольцо подкопченной колбасы и жадно вгрызаясь в него, подумал Судаков. — Чье ж тут богатство такое-то?

Он обошел подвал, обнаружил дверь, окованную железом, подергал — все впустую. Дверь была заперта снаружи. Уже собрался возвращаться, как увидел несколько вязанок длинных, в палец толщиной, свечек.

«Вот это удача! — обрадовался Петр Федорович. — Ах, как славно! Оно, конечно, чужое все... Так я ж не задаром!»

Судаков полез в карман, намереваясь оставить вместо свечей деньги. Но тут за дверью послышался голос:

— ...Ну так посмотри!

Лязгнул замок. Судаков на всякий случай выдернул наган. Дверь отворилась. Перед бывшим начальником Елчаниновской милиции, буквально нос к носу, стоял лохматый верзила.

Увидев Судакова, он зайцем отпрянул в сторону и заорал:

— Атанда! Там мусора*!

Судаков выскочил за ним. Судя по столикам с остатками еды и опрокинутым стульям, совсем недавно помещение было заполнено народом.

— Вот же черт! — сплюнул Петр Федорович. — И ведь что обидно — знать бы куда идти, так поверху дотопать можно.

Он постоял еще немного, думая, не воплотить ли в жизнь недавние мысли: не пойти ли с повинной на Лубянку.

«До Лубянки-то уж во всяком случае путь расскажут. — Он спрятал револьвер в кобуру и собрался идти, как вспомнил подслушанную беседу. — Муж Татьянин, может, уже и в Москве. А ежели нет, то завтра-послезавтра здесь будет. Ищет он ее. Вот же шальная голова, даром что золотопогонник — на все наплевал! В самую пасть забрался, лишь бы вызволить!»

Он еще постоял на пороге опустевшего увеселительного заведения, глядя в затянутое тучами небо.

«Хотя ради такой-то как не забраться? — Он подошел к ближнему столику, наполнил стакан водкой и выпил залпом. — Если мне сейчас с повинной идти, то всяко придется рассказать — где был да что делал. То, что мы с Татьяной Михайловной вдвоем в Москву приехали, на Лубянке уже, как пить дать, знают — крутить начнут, не отвертеться. И пожалуют тогда ловкие да расторопные парни с Лубянки к этому профессору, достанут Татьяну хоть из-под земли. Выходит, что все зря? Зря столько вынесли, страдали вместе, скрывались? Глупо как...»

Он налил еще стакан, подержал его в руках и выплеснул на пол: «Пропади оно все пропадом!»

* От МУС — Московский уголовный сыск.

Судаков развернулся и, прихватив по дороге свечи, колбасы и копченый окорок, возвратился к хитрой бочке.

«Все равно отыщу!» — Он закрыл за собой лаз, спустился, повалил лестницу и зашагал, освещая путь экспроприированной свечкой. Спустя полчаса краском очутился в галерее, показавшейся ему знакомой. Наклонившись, Судаков начал искать оставленные прежде стрелки и когда, наконец, еще минут через десять наткнулся на одну из них, едва не пустился в пляс. В довершение ко всему вдалеке послышался голос:

— Петр Федорович! Вы где?

Судаков побежал, уже не опасаясь сбиться:

— Здесь! Здесь!

Вынырнув из-за поворота, он увидел Татьяну Михайловну, стоявшую у его темной келейки.

— Ну что же вы, Петр Федорович, — мягко, как-то по-матерински, пожурела она, — я тут еды принесла, а вы куда-то ушли. Я вся изволновалась — тут страшно так! Будто кто дышит. Не слышали?

— Да так как-то... — сбивчиво пробормотал Судаков, радуясь теплоте и заботе, которыми веяло от Татьяны Михайловны. — Я тут вот! — Он показал на колбасы и окорок. — Вы уж того, угощайтесь!

— А я вам каши принесла. Перловой, — немного растерянно сказала Згурская. — И ножа вот нет.

— К чему нож-то? — Судаков преломил колбасу. — И так хорошо! Вы угощайтесь!

— Спасибо. Если не возражаете, я с собой возьму, там пережу.

— Да, конечно, берите! Вот. И еще!

Татьяна Михайловна смущенно улыбалась:

— Вы так обо мне заботитесь!

— Э-ээ... Ладно. — Судаков хотел что-то добавить, но вновь услышал давешний звук, похожий на вздох. И поймал себя на ощущении, что более нигде в подземелье ничего подобного не было.

— Вот! Вот опять! — Татьяна Михайловна подняла руку, испуганно закрывая рот.

— Да, — бывший краском перешел на шепот, — я слышу.

— Страшно здесь, — снова призналась Згурская. — Был бы тут Володечка...

— Татьяна Михайловна. — Судаков рубанул ладонью воздух и замолчал. — Я хочу вам сказать...

Згурская молча подняла на него большие печальные глаза.

— Татьяна Михайловна, ваш муж... Генерал Згурский — он...

— Вы опять за свое. Что вы знаете о моем муже?

— Да не о том я, погодите! Он в России. Может, даже уже и в Москве.

— Петр Федорович, вы пьяны?

— Нет! Я правду вам говорю. Это точно! Я слышал!

— От кого?

— Тише! — Судаков приложил палец к губам. — Наверху кто-то ходит!

Конец мая 1924

На двери комнаты в наркомате тяжелой промышленности, где по приказу председателя Реввоенсовета находилось танковое бюро, висела табличка с невразумительной надписью «Рабочая группа специализированного подвижного состава». Курьер постучал, вошел и по-старорежимному, с поклоном, протянул начальнику бюро сложенный пополам лист бумаги:

— Вам служебная телеграмма из Липецка.

Тимошенко принял депешу и уселся на массивный стол — единственную мебель, оставшуюся от прежних хозяев помещения.

— Я смотрю, вы уже приступили к работе? — внимательно глядя на «соратника», поинтересовался Ганин.

— Да, — кивнул Тимошенков. — С утра нынче дал телеграмму инженеру Паршину — большому специалисту по броневой защите. Мы с ним работали в пятнадцатом году. И вот, пожалуйста. — Сергей Артемьевич протянул бумагу бдительному надсмотрщику.

— ОЧЕНЬ РАД СОТРУДНИЧАТЬ ВАМИ ТЧК СЛЕДУЮЩЕЙ НЕДЕЛЕ ВЫЕЗЖАЮ ЗПТ ВСТРЕЧАЙТЕ СРЕДУ ТЧК ВАШ А ТЧК ПАРШИН, — прочел Ганин.

— Вот видите! Видите, как все удачно складывается? — потрясая кулаком, радостно воскликнул Механик. — Если так и дальше пойдет, мы в кратчайшие сроки сможем организовать здесь отличное конструкторское бюро!

— А как же архив Кречетникова? — напомнил Ганин.

— Да-да, конечно... — Сергей Артемьевич перевел взгляд на окно. Сегодняшнее утро не шло у него из головы...

Номер в гостинице «Националь», куда поместили «иностранного специалиста», контролировался ОГПУ чрезвычайно плотно: соседи, дежурные на этаже, пост в холле... Поэтому, когда чуть свет в дверь постучала очаровательная миниатюрная китаянка с накрахмаленной рубашкой в руках, Тимошенков несколько опешил. Он знал, что еще с довоенных времен в Москве в прачечных работало множество выходцев с Дальнего Востока, но эта... ее скорее можно было принять за сиамскую принцессу, чем за прачку. Не говоря ни слова, девушка проплыла мимо, положила рубашку на кровать и чуть обозначила уголок записки в кармашке. И тут же вышла, вежливо улыбнувшись. Сергей Артемьевич поглядел ей вслед, затем достал сложенный вдвое листок. «Сегодня быть готовым к изъятию архива». Тимошенков положил записку на прикроватную тумбочку и начал одеваться. Он уже прежде видел этот почерк. В Париже, в такси полковника Варравы... Механик застегнул пуговицы одну за другой и вдруг остановился: девушку он тоже видел! Там же, в Париже, рядом с такси. Он собрался уже выйти, как вспомнил об оставленной на виду записке, чертыхнулся себе под нос, пошел обратно, как вдруг глаза его расшири-

лись — лежавшая на тумбочке бумага обуглилась и свернулась в трубочку.

— Вот это да! — прошептал Тимошенков, растирая записку в пыль...

Дверь снова открылась, и сурового вида работники в синих блузах, не обращая особого внимания на хозяина кабинета, ворча и переругиваясь, стали втаскивать книжный шкаф.

— Кто из вас Тимошенков? — осведомился артельщик.

— Я.

— Этот стол мы у вас забираем.

— Пойдите, ну как же?

— Сейчас вам доставят три других, стульев восемь штук, кресло одно, диван кожаный и, — грузчик сверился с бумагой, — несгораемый шкаф с тумбой. Потом электрики подойдут — сигнализацию подключат. Давай заноси! — теряя интерес к собеседнику, крикнул артельщик.

— Товарищ Ганин, пойдемте-ка, наверное. Не будем мешать.

— А расписаться?

— Когда вернусь, — ответил Сергей Артемьевич и двинулся к выходу, увлекая за собой соглядатая. — Здесь сейчас не поговоришь. А знаете что, я на Сухаревском рынке намерен видеть замечательную кондитерскую! Давайте заедем туда, купим вкусностей и отпразднуем — сегодня как-никак день, который потом назовут днем рождения первого советского танкового бьюти!

— И верно, такое стоит отпраздновать, — улыбнулся чекист. — Я сейчас автомобиль подгоню.

— Жду вас здесь. — Тимошенков с улыбкой поглядел вслед удаляющемуся Ганину.

Ему самому было невдомек, что произошло вскоре после того, как вчера он отправил телеграмму по указанному полковником Варравой адресу. Как только лента с текстом попала в руки липецкого телеграфиста, тот аккуратно сложил ее в

карман, чтобы порвать и выкинуть по дороге домой, и, свесившись с приказом из Центра, быстро отстучал в ответ кодовый текст. Кроме общего подтверждения работы канала связи, в ответной телеграмме было единственное значимое слово «среда». Будь там, скажем, «пятница» — и Тимошенков пожелал бы посетить кинотеатр «Арбатский Арс». «Суббота» — пошел бы гулять на Патриаршие пруды. Но в телеграмме значилось именно «среда» — и бывшего капитана Тимошенкова неудержимо потянуло на сладкое.

Они ехали по Москве не спеша, любуясь контрастной в свете надвигающейся весенней грозы столицей.

— Так как же бумаги? — спросил Ганин.

— Полагаю, их вскорости можно будет изъять, — обнадежил Механик. — Есть одна небольшая загвоздка. Там, где они лежат, сейчас какое-то советское учреждение, пост стоит.

— Чей пост?

— Вроде НКВД.

— Ничего, я сегодня же мандат оформлю, не волнуйтесь.

— Я не волнуюсь. Я вот что хотел бы обсудить...

Тимошенков замялся.

— Хотя нет. Пожалуй, нет.

— Вы о чем? — спросил Ганин.

— Как-нибудь в другой раз. Вот, кстати, и кондитерская.

Ганин нажал тормоз.

— Ну, как знаете...

— Давайте чуть позже.

Из приоткрытой двери с причудливыми узорами в стиле модерн, выгравированными на стекле, умопомрачительно пахло сдобой. На двери среди виньеток еще читалась надпись «Мой каприз», заклеенная облупленной полоской золотой фольги, поверх которой шло куда более актуальное название «Красный пирожок». Переживший революцию колокольчик звякнул, вызывая у хозяина за прилавком рефлекторную широкую улыбку:

— Добро пожаловать!

— Добрый день. А скажите, пожалуйста, у вас есть пирожное наполеон?

— Конечно.

— У вас Наполеон I или Наполеон III? — шутливо продолжил Механик.

Хозяин улыбнулся еще более радушно:

— Судя по тому, как недолго живут мои пирожные, это Наполеон II. Если пожелаете, есть упаковка к чаю. Для вас — всего двадцать копеек!

— Благодарю, заверните. — Тимошенков взял пакет и, поклонившись, вышел.

Ганин, еще раз пристально оглядев кондитерскую, — за ним.

«Пароль-отзыв верный, — на всякий случай проверяя себя, вспоминал Тимошенков. — Значит, встреча в восемь вечера. Неужели он здесь? Как быстро!»

— Вы все-таки чем-то взволнованы? — садясь за руль, спросил Ганин.

— Да, — признался Сергей Артемьевич. — Вот думаю... — он забарабанил пальцами по стеклу, — как бы это сказать...

— Говорите начистоту.

— Понимаете... Ну хорошо, действительно начистоту. В портфеле Кречетникова бумаги на многие миллионы фунтов стерлингов или, если хотите, долларов. Я твердо решил остаться в Советском Союзе, но у меня семья в Париже. Не знаю, удастся ли убедить их перебраться сюда. Пока руководство завода «Рено» не осведомлено о моем решении, оно выплачивает жене хорошие деньги. Но стоит им только узнать, супруга и дочь останутся без гроша. Мало того, вам, должно быть, известно, как относятся в белой эмиграции к семьям тех русских, что пожелали вернуться.

— Да, верно. У вас есть какие-то соображения на этот счет?

— Я однажды разговаривал с нашим общим другом, Протасовым, по поводу возможной судьбы документов. Не знаю, затрагивал ли он этот вопрос... Надеюсь, вы в курсе наших переговоров...

— Вы хотите продать бумаги за рубеж?

— Тогда бы мне не было смысла оставаться здесь, — усмехнулся Тимошенков. — Только мы втроем представляем себе реальную ценность документов. Если мы с вами без свидетелей их извлечем, никто не узнает, что именно лежало в портфеле.

Одного патента на стабилизацию орудия во время движения танка хватит для того, чтобы безбедно жить до конца дней. Мы не возьмем много, но даже трети от того, что есть, нам с вами и Протасову будет за глаза. Я верю, что советская власть пришла всерьез и надолго. Но и вы поверьте мне: я видел, с каким упорством белая эмиграция готовится к реваншу. Не думаю, чтобы вам помешала кругленькая сумма, лежащая, ну скажем, в Женевском банке на номерном счету.

Ганин прищурился и задумчиво тронул щеточку усов.

— А если я скажу «нет»?

— Ну, еще неизвестно, смогу ли я найти портфель Кречетникова... Прошло столько лет, все так изменилось...

Да поймите же — у нас с вами общие интересы! Никто не может сказать, как жизнь повернется и что будет завтра. Если возможно, лучше подстелить соломки.

— Лучше, — тихо повторил Ганин. — Ладно. Я с вами.

— Тогда сегодня вечером я жду обещанного вами мандата. И еще, — он подозрительно оглянулся, — вам надо будет позаботиться, чтобы за нами никто не следил. Каждая пара лишних глаз...

— Это лишний язык, — завершил Ганин. — Все понятно. Это возможно.

— Тогда в семь жду вас у себя.

Конец мая 1924

Виконт поежился под тяжелым пронизывающим взглядом — генерал Згурский смотрел в упор, изучая мимику и жестикуляцию собеседника.

— Владимир Игнатьевич, — снова повторял доктор Деладоннель, — я сам удивлен этой встречей не меньше вашего! Это какое-то наитие, чудо, если хотите!

— Я не хочу чуда. Я хочу понятного объяснения.

— Что еще я могу вам рассказать. В семнадцатом году я перебрался в Финляндию, оттуда — в Данию. У меня там влиятельная родня. Они помогли сделать датское подданство. Сюда я приехал по поручению Красного Креста...

— Все это я уже слышал, — оборвал его Згурский. — Еще раз доложите об операции господина Орлинского.

— Ему нужно было, чтобы я передал командарму Шапошникову, что ОГПУ разыскивает вашу супругу.

— Зачем им Татьяна? Зачем Шапошникову об этом знать?

— Не берусь вам ответить. Ясно только, что Орлинского и тех, кто за ним стоял, очень интересует ваша персона.

— Продолжайте.

— Еще в Копенгагене я получил задание выяснить суть разработок некоего профессора Дехтерева.

— Мне это имя ничего не говорит.

— Каким-то образом оно связано с Татьяной Михайловной. Во всяком случае, Орлинский утверждал, что именно у этого профессора и должна появиться ваша супруга. Дехтерев разыскивал ее с помощью ОГПУ. И как сказал мне во время нашего побега китаец, она сейчас действительно скрывается в вашем бывшем особняке.

— Какой еще китаец?

Виконт едва сдержался, чтобы досадливо не сморщиться: не объяснять же генералу Згурскому, что китаец — Встречный, да и сам доктор Деладоннель — отнюдь не тот, за кого себя выдает.

— Китаец — подручный Орлинского. Зовут Фен Бо.

— Китаец по имени Фен Бо? — переспросил генерал. — Сергей Владиславович, вы ничего не путаете?

— Никак нет, не путаю.

— Он, случайно, не говорил, как звали его отца?

— Насколько я помню, не говорил.

— Странная история. — Генерал Згурский задумчиво погладил бороду. — Вы говорите, он был подручным Орлинского?

— Да, именно он помог мне сбежать. Голыми руками Фен Бо уложил нескольких чекистов.

— Похоже на правду. — Згурский покачал головой. — Не понимаю...

— Я и сам не все понимаю, — подхватил Виконт. — Вот, скажем, там, в подворотне, когда он остался меня прикрывать... Сначала была стрельба, потом крик, что он исчез, и вопрос «где второй» — то есть я. И вдруг второй обнаружился, за ним погнались. Но я-то в этот момент был уже в подъезде! Значит, погоня увязалась за кем-то еще!

— Если это тот, о ком я думаю, — тихо проговорил Згурский, — то сменить внешний вид ему не сложнее, чем вам приподнять шляпу. Вот только откуда ему здесь взяться?.. Значит, вы добрались до Шапошникова, и он вам помог попасть в лабораторию Дехтерева?

— Так точно.

— Это нужно было Орлинскому и его хозяевам?

— Верно. Хотя, уверен, все это — часть какой-то провокации.

— Так и есть. Теперь слушайте меня. Сегодня вы пойдете со мною.

— Куда?

— В особняк на Сретенке.

— Но меня узнают! В доме охрана.

— Не узнают. Висячие усы, парик, накладки — не узнают. Надеюсь, вам прежде доводилось играть в любительских спектаклях?

— Когда-то приходилось.

— Вот и отлично. Если все так, как вы рассказывали, мы проведем операцию и уйдем.

— Но я вам там зачем?

— Лишний ствол в таком деле не помешает. К тому же оставлять вас здесь нельзя, отпускать — тоже. А там... Если в доме будет ждать засада, я вас пристрелю как предателя.

— Вы делаете меня заложником?

— Если вы что-то значите для советской власти, то да. Но скорее это необходимая предосторожность.

Дверь комнаты приоткрылась. Марья Павловна, шурша длинным подолом старомодного платья, подошла к генералу.

— Пьеро дал знак, что все нормально. Механик ждет распоряжений.

— Где он?

— У Пьеро. Появлялся днем с надзирателем, сейчас приехал один.

— Вы проверили, есть ли за ним наблюдение?

— Проверила. Не видно.

— Хорошо, будьте добры, дайте знать Пьеро — я жду их через десять минут. И еще, прошу вас, загримируйте этого молодого человека. Он пойдет со мной.

Если бы кто-нибудь в этот час увидел хозяина кондитерского салона «Красный пирожок», то пришел бы в изумление. Пьеро стоял рядом с Тимошенковым возле нового французского автомобиля «рено» в новенькой милицейской форме с двумя треугольниками в петлицах и, заложив пальцы за ремень с кобурой, смотрел вдоль улицы. Двое, мужчина средних лет с аккуратно подстриженной бородой и усач с длинной шевелюрой, одетый в летний плащ, вышли из подъезда и направились к автомобилю.

— Здравия желаю, товарищ особоуполномоченный! — Пьеро вскинул руку к фуражке.

Все четверо сели в «рено».

— Ордер на обыск в вашем особняке готов, — заняв место в салоне автомобиля, сообщил кондитер. — Не бог весть что, но при слабом освещении пройдет.

— Владимир Игнатьевич, но у меня же есть настоящий мандат! — удивленно напомнил Механик.

— Настоящий? Откуда?

Глаза Тимошенкова заметно округлились:

— Ваша китайка передала записку...

— Очень красивая, тонкое лицо, глаза, как ныне модно говорить, «с электричеством»?

— Похожее описание.

— Час от часу не легче. Сначала Фен Бо, теперь... она.

— Что-то не так? — спросил Пьеро.

— Все так, не обращайтесь внимания. — Згурский расстегнул верхнюю пуговичку кителя. — Духота ужасная. Что там ваш куратор, Сергей Артемьевич?

— Отдыхает в ванной комнате, связанный, как тук шерсти. С клепом во рту.

— Связанный? А если, не дай бог, развяжется?

— Это вряд ли.

— В нашем деле «вряд ли» быть не должно. Его следовало уничтожить.

— Помилосердствуйте, Владимир Игнатьевич! Я этого не могу.

— «Не могу», — нахмурился Згурский. — А надо бы мочь. Ладно, в путь. Я укажу дорогу.

Взрыкнул, просыпаясь, мотор, и автомобиль плавно рванул с места.

— Диспозиция следующая, — сухо объяснял Згурский. — Пьеро, ты остаешься с охраной. В случае необходимости знаешь, что делать.

— Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство! Чай, не впервой, сделаем, как учили.

— Итак, свободный выход на тебе. Механик, высаживаете нас и тихо, не привлекая внимания, ждете у ворот.

— Слушаюсь! — расправил плечи Тимошенков.

— А мы с товарищем идем вовнутрь. И дай бог нам удачи.

Конец мая 1924

Дзержинский медленно шел мимо замершего по команде «смирно!» воинского строя. Мало кто даже здесь, на Лубянке, имел право не то что спуститься, даже поглядеть во двор в эти минуты. Еще несколько дней, и подтянутые курсанты, а теперь — выпускники Особой военной интернациональной школы, сменив имена и фамилии, отправятся по заданию командования в Польшу, Венгрию, Германию, чтобы организовать боевые группы Коммунистического Интернационала и с оружием в руках ускорить грядущую мировую революцию. Дзержинский всматривался в лица выпускников, но мысли его были далеко.

«Завтра Сталин должен отправляться на Кавказ, — думал он, — уже завтра. А вопрос с военным троцкистским подпольем так и повис в воздухе. Если Иосиф уедет, в одиночку довести дело до конца будет крайне сложно. За Сталиным — молодая поросль большевиков. Они видят в Иосифе своего вождя. И правильно видят: кому же, как не ему... Еще совсем недавно казалось, что операция идет как по накатанной. И вдруг эта нелепость с поездом! Не надо было миндальничать с латышами. Подумаешь, месяц назад восстановили железнодорожное сообщение... Надо было послать на пограничную станцию целую роту — сразу отцепить паровоз. Но кто ж знал, что белые решатся на такое!

Теперь они в рижской тюрьме, но это только уловка. Как сообщают верные люди, не сегодня-завтра их отпустят под залог, и власти будут долго разводить руками, когда выяснится, что все отпущенные исчезли в неизвестном направлении. Если Коба ошибался, и генерал Згурский все-таки был в поезде, то на операции можно ставить крест. Теперь его превосходительство в Россию ни ногой. Возвращенные Латвией пограничники утверждают, что Згурский в поезде ехал, что все и началось с попытки арестовать его. Вот же идиотизм!

А если Иосиф не ошибается? Он вообще редко ошибается. Что, если стрельба на станции — это только отвлекающее действие. Згурский — военачальник опытный и, по словам того же Джунковского, мастер стремительного и неординарного маневра. Может ли такое быть? — спросил Дзержинский сам себя. И ответил с надеждой, похожей на последнюю соломинку: — Может. Тогда он на пути к Москве».

Феликс Эдмундович начал вспоминать сводки последних дней: не произошло ли что-нибудь необычное, странное, что могло бы указать след, ниточку, за которую нужно потянуть и размотать весь клубок.

«Кажется, нет. Все, как всегда. Хотя... — Дзержинский остановился и замерший в строю перед ним курсант еще шире развернул грудь. — Вот начальник железнодорожной милиции Орши доложил, что позавчера вечером к нему обратился милиционер из какой-то небольшой белорусской деревеньки неподалеку от Барановичей. Милиционер конвоировал арестованного по подозрению в измене сотрудника Минского ГПУ. Как утверждал милиционер, особоуполномоченный, проводивший арест, распорядился ему и арестованному выйти на станции Орша, говоря, что сюда за ними приедут и отвезут куда следует. Сначала наш сотрудник ожидал вместе со спутниками в помещении вокзала, потом ушел разузнать, куда подевались товарищи, да так и не вернулся. Только вечером милиционер с арестованным пришел к начальнику узлового железнодорожного пункта НКВД и сообщил о странном исчезновении особоуполномоченного. В Орше предполагают, что тот убит бандитами или людьми дифензивы, и разыскивают тело. А если это как раз и был Згурский? Да или нет? Мысль, конечно, бредовая... Нужно сейчас же, немедленно запросить Оршу — пусть как можно скорее вышлют словесный портрет! Если догадка верна, то Згурский уже в Москве!»

Только сейчас Дзержинский заметил стоящего перед ним в ожидании выпускника.

— Молодец, — похвалил Феликс Эдмундович, — отличная выправка!

— Служу трудовому народу! — отчеканил тот.

Председатель ОГПУ хотел еще что-то добавить, но тут во двор, с трудом переводя дыхание, выскочил его секретарь.

— Феликс Эдмундович! Неотложное дело! — Он подбежал к Дзержинскому и зашептал: — К вам пришел товарищ Орлинский. Говорит, что ему как можно скорее надо сообщить вам нечто важное.

— Орлинский? — переспросил «железный» Феликс. — Живой-здоровый? Сам пришел?

— Да, вроде того.

— Продолжайте без меня! — Председатель ОГПУ повернулся к начальнику школы.

Чуть ли не бегом Дзержинский бросился к кабинету. Бывший статский советник ждал его в приемной под охраной двух плечистых бойцов из комендантского взвода.

— Зайдите ко мне! — скомандовал Феликс Эдмундович.

— Чай принести? — в спину шефа поинтересовался секретарь.

— Не сейчас!

Дзержинский уселся за рабочий стол и указал Орлову на место перед собой:

— Уже не чаял свидеться, Владимир Григорьевич.

У Орлова нехорошо заныло в нижней части позвоночника. Обычно старый знакомый, соблюдая неписанные правила игры, именовал его Болеславом.

— Феликс Эдмундович, даю слово чести, я ни в чем не виноват! Это китаец, Фен Бо! Он захватил меня, привел в какой-то подвал — там живет его сестра...

— Какая еще сестра?

— Китаец называл ее Даньму: молодая, красивая, с черными волосами...

— Да уж ясно, что не блондинка! Зачем вы понадобились Фен Бо?

— Не могу знать. Он пришел на конспиративную квартиру, убил охранников — я и охнуть не успел! Что оставалось делать? Только покориться силе!

Дзержинский молча смотрел на перепуганное лицо Орлова. Похоже, тот не врал. Вернее не так: Дзержинский был уверен, что Орлов никогда не говорит всей правды, но в том, что к его исчезновению причастен Фен Бо, Дзержинский не сомневался. Он знал, что нынче днем тот же Фен Бо невесть за чем сорвал арест датчанина и, устроив перестрелку, позволил доктору уйти. Но что уж совсем не вписывалось ни в какие рамки — китаец и сам умудрился исчезнуть, точно растворился в воздухе.

— Продолжайте, — приказал Дзержинский.

— Феликс Эдмундович, я бы и раньше пришел, но вырваться не мог! Эта Даньму — просто какой-то дьявол в юбке. Я пробовал выйти, хотел ее от двери оттолкнуть, эта стерва коснулась меня — вроде и не сильно, одним пальцем — а словно током ударило! Я часа два после того отходил!

— А как же сбежал?

— Я притворился, что сплю. Она куда-то ушла. Я вчера еще заметил, как Фен Бо второй ключ от подвала на гвоздик повесил. Вот я ключ схватил, дверь открыл — и бегом к вам.

— Я должен в это верить?

— Феликс Эдмундович, да какой же мне смысл?

— Чтобы скрыть свою помощь белогвардейскому подполью. Фен Бо исчез, ваша Даньму, вероятно, тоже. А вы, уважаемый Владимир Григорьевич, напустили на себя испуганный вид и примчались ко мне, будто невинная жертва. Вот вам и смысл.

— Да что вы, Феликс Эдмундович! Ничего подобного! И китаянка, может, еще никуда не делась. Может, в лавку пошла...

— Вы адресок напишите, мы засаду, конечно, поставим. Но я вам, гражданин Орлов, вот что скажу. Вы были прокурором, а мне довелось сидеть. И никогда, слышите, никогда

я не то что не видел, даже не слышал, чтобы тюремщик забывал в камере ключи. Это околесица какая-то, Владимир Григорьевич.

— Клянусь честью!

— Я был бы наивным человеком, если бы верил слову чести двурушника, продающего свои услуги, точно портовая шлюха. Думаю, нам больше не о чем разговаривать. — Дзержинский потянулся к кнопке вызова секретаря.

— Феликс Эдмундович, погодите! Ради бога, погодите! — испуганной скороговоркой воскликнул Орлинский. — Я же не просто так шел. У меня важное известие!

— Слушаю вас.

— Вчера Фен Бо случайно проговорился, что жена Згурского скрывается в том самом особняке, где лаборатория профессора Дехтерева. Мой расчет был верным! Она все-таки пришла туда! Китаец сказал, что в особняке есть подземный ход и примерно описал где.

Дзержинский молча встал из-за стола и, заложив руки за спину, прошелся вдоль книжных стеллажей.

— Болеслав Янович, если то, что вы говорите, правда — это ваш единственный шанс избежать высшей меры пролетарского возмездия. Если же вы пытаетесь водить нас за нос...

Он подошел к столу и нажал вызов:

— Я думаю, объяснять нечего — вы сами понимаете.

Секретарь моментально влетел в кабинет.

— Распорядитесь взять два отделения комендантского взвода... Нет, не так! Свяжитесь с Особым полком НКВД — пусть выделяют батальон. Оцепите район лаборатории профессора Дехтерева! Не выпускать никого ни под каким предлогом! — Дзержинский расстегнул две верхние пуговицы кителя. — Что ж душно-то так!

За окном послышался раскат грома, задребезжали стекла.

— Ливень будет, — пояснил секретарь. — Целый день собирался.

— Ладно, не сахарные, не растаем. Итак, квартал оцепить, комендантский взвод — в ружье! Всех, кто обнаружится в особняке, арестовать до особого распоряжения!

— Феликс Эдмундович! — взвился с места Орлинский. — Там же подземный ход! Только я примерно знаю, где он находится! Разрешите, и я пойду!

— Разрешаю, — кивнул Дзержинский и перевел взгляд на секретаря. — Этот товарищ пойдет с облавой. Но если вдруг решит сбежать — стреляйте на поражение. Господи, что ж душевно-то так...

ГЛАВА 29

*«Этих господ придется громить и
корчевать беспощадно».*

И.В. Сталин

Конец мая 1924

Скороходов чуть притормозил на площади Сен-Мишель, чтобы полюбоваться архангелом-меченосцем, сбрасывающим в фонтан врага рода человеческого. Уже было два часа пополудни, солнце пекло немилосердно, а в старых улочках Латинского квартала исходивший от камней жар чувствовался особо.

Все, что напоминало о прохладе, манило к себе, и возле струящейся воды, окутанной тучей брызг, шумно обсуждая какие-то свои дела, сидели школяры Сорбонны. Глядя на их смеющиеся лица, казалось невероятным, что пройдет несколько лет, и эти мальчишки станут скрупулезными законоведами, рьяными богословами, возвышенными философами... Скороходов повернул на улицу Юшет, затем вправо, на Арп —

местечко не ахти какое: вывески сомнительных клубов, дешевых греческих и марокканских ресторанчиков жались друг к другу, суля отличную кухню и сказочные удовольствия по смешным ценам.

В одном из них, по уверению хозяина, сохранившем название «Шишка» со времен средневековья, «аргентинец» должен был встретиться с мсье Спичеком. Полученное через полпредство задание гласило: срочно выяснить, точно ли генерал Згурский находился в поезде Рига—Ленинград, в котором недавно была устроена перестрелка.

«Легко сказать «срочно»! Конечно, лифляндские чиновники продажны сверху донизу, но они там — на берегу балтийских волн. Надо связываться, искать на них выходы. — В душе у Скороходова крепло раздражение. — Что за глупая идея! Едва внедрившись здесь, бросать все и ехать в Ригу? Неужели в Москве больше некому поручить такое, в сущности, плевое задание? Может, я должен просить аудиенции у великого князя Николая Николаевича, и у него осведомляться — тот или не тот Згурский? Проклятие! В чем сомнения? Почему не тот? Судя по сообщениям латышских газет, среди раненых белогвардейцев — граф Комаровский, руководитель пражского филиала Сент-Этьенской компании».

Вспомнив о Комаровском, Скороходов стал напевать под нос: «Марш вперед! Труба зовет, черные гусары...» Идея с «Пари трибюн» сейчас представлялась ему простым и эффектным ходом. Спичек прожорлив, как всякая газетная шука, он легко проглотит информацию о том, что Згурский, опасаясь идущей по его следу полиции, решил перебежать на сторону коммунистов, а его бывшие товарищи, вовремя узнав о предательстве лидера, постарались не допустить этого, вследствие чего и возник инцидент на границе.

Чушь, конечно, несусветная, но читателям «Пари трибюн», впрочем, как и всем вообще читателям, вовсе не обязательно знать истину. Для них история — цепь драматических событий, вытекающих одно из другого. Спасибо мсье Александру

Дюма и сэру Уильяму Шекспиру — они немало потрудились, сплетая вуаль загадочности для кокетки Клио.

Но до приезда Спичека без малого час.

Скороходов повернул баранку и оказался на улице Сен-Северин, неподалеку от готической церкви, посвященной античному философу Бозцию, по совместительству — католическому святому Северину.

Вид пламенеющей готики наваял SR-77 странные и возвышенные чувства, давно уже забытые, оставленные в тифозном бараке Константинополя, как нелепая блажь. «А ведь Он — там, наверху — все видит», — припомнились ему слова няньки. «Нет, ничегошеньки он там не видит...» — скривился мичман Протасов.

Скороходов миновал церковь и, из предосторожности оглянувшись, вновь выехал на Юшет, затем на неопрятную улицу Ша-Ки-Пеш. «Забавное название — Улица Кота-рыболова. Говорят, в одном из этих домов снимал комнату молодой Наполеон — уже герой Тулона, но еще не генерал, не консул и не император. Совсем недалеко отсюда его последнее пристанище». — Скороходов подумал, не заехать ли ему по случаю в Пантеон, чтобы глянуть на прах того, «пред кем весь мир лежал в пыли».

Но тут вынырнувшее откуда-то сзади желтое такси подрезало его «форд», заставляя круто повернуть руль, чтоб не столкнуться с ним. Скороходов нажал на тормоз. В следующую минуту второе такси поджало его автомобиль сзади. Редкие прохожие, быстро сообразив, что, возможно, им сегодня придется давать свидетельские показания полиции, поспешили укрыться в подъездах и подворотнях.

SR-77 чуть наклонился, доставая спрятанный под водительским сиденьем браунинг, но тут же дверца его автомобиля распахнулась, и чьи-то сильные руки выдернули агента на улицу. Он попытался вырваться, но получил удар чем-то тяжелым по затылку. Уже оглушенного, его забросили в салон такси, и обе машины быстро стартовали с места. А в опустевший «форд»

сел ничем не примечательный мужчина в перчатках не по погоде, завел мотор, и скоро ничего более не напоминало о странном происшествии, имевшем здесь место.

Уже смеркалось, когда в президентский кабинет Сент-Этьенской оружейной и мотоциклетной компании вошел молодцеватый, по-военному подтянутый секретарь.

— Георгий Никитич, — окликнул он погруженного в чтение бумаг руководителя. — Вот.

Он протянул полковнику Варраве исписанные листы.

— Это признания мичмана Протасова, вернее, советского агента SR-77, он же — Дмитрий Дмитриевич Скороходов. Все, как вы сказали: нотариально заверенные, в трех экземплярах.

— Не кажется ли вам, что он слишком легко согласился? — принимая проштампованные листы, спросил бывший контрразведчик.

— Ему очень доступно объяснили, что тюрем у нас нет, содержать под стражей здесь, на заводе — накладно, да к тому же еще и глупо. Затем проводили в сад и попросили указать тот куст роз, которому он хочет стать удобрением.

Полковник Варрава ухмыльнулся кончиками губ:

— Хорошо подействовало.

Он хлопнул ладонью по добытым показаниям.

— Этого следовало ожидать, — стоя по стойке «смирно», ответил секретарь, — Протасов же не идейный. Авантюрист. К большевикам примкнул, как говорится, по случаю. Теперь по случаю решил купить жизнь очередным предательством.

— Благодарю вас, поручик, вы свободны. — Варрава дождался, пока секретарь выйдет из кабинета, достал из стола листок с телефоном и набрал номер. Долгие гудки следовали один за другим.

Полковник решил уже положить трубку, когда в ней слышался голос:

— Алло! Комиссар Рошаль. Слушаю вас.

— Добрый вечер, комиссар. У аппарата Варрава из Сент-Этьена.

— Да, припоминаю, — после короткой задумчивости ответил Рошаль. — Вы, если не ошибаюсь, заместитель мсье Згурского.

— Можно сказать и так, — не вдаваясь в подробности, подтвердил Георгий Никитич. — Позвольте узнать, вы все еще занимаетесь делом Рафаилова?

— Нашли мы его, — насмешливо ответил комиссар. — Правда, он несколько... Не важно. Завтра об этом будет в газетах. У Сюрте к вашему шефу вопросов больше нет, но лично я его кое о чем спросил бы.

Вот, к примеру, мсье Згурский имеет врагов — китайцев?

— Насколько мне известно, нет. Он воевал в Китае, однако прошла уже почти целая жизнь...

— Кто их поймет, этих азиатов! Если предположить, что ими двигала месть... Они ведь едва не отправили генерала на гильотину.

Но в отношении Рафаилова, можно сказать, выполнили за него всю грязную работу. Затем, черт побери, исчезли! Ускользнули, бестии, прямо из-под носа полиции! Китайская головоломка!

— Я не понимаю.

— Ведь мсье Згурский гневался на этого Рафаилова, не так ли?

Впрочем, теперь это не важно. Рад сообщить вам — дело закрыто!

— Да-а? — В голосе Варравы слышалось разочарование. — Но, быть может, вам нужен мерзавец, снабжавший «Пари трибюн» гнусной клеветой на генерала Згурского?

— Клевета не в нашей компетенции. Но по-человечески было бы интересно поглядеть ему в глаза. Что вы о нем знаете?

— Это бывший русский офицер. Он пришел к нам добровольно — не выдержал собственной подлости. Совесть, видите ли, заговорила — у русских такое бывает. Поскольку этот

мсье работал на советскую разведку, то его задержание все же по вашей части. Мы были бы рады вам его отдать, но, должен заметить, наш подопечный просит во Франции политическое убежища и готов активно сотрудничать с властями. Все, чего он ожидает, это снисхождения и суда присяжных. Вас это интересует?

— О да, конечно! — энергично воскликнул Рошаль. — Вы его привезете, или мне приехать в Сент-Этьен?

— Приезжайте в Сент-Этьен. Вам бы не помешало отдохнуть от Парижа. А мы — россияне — умеем быть благодарными.

— Тогда до завтра.

— Доброй ночи. — Варрава повесил трубку на рычаг и вернулся к бумагам. — А какая была бы подкормка для китайских роз!

Конец мая 1924

Сталин шел по Белому коридору Теремного дворца. Вечер только начинался, но за окнами было черно почти как ночью. Утром на небе едва можно было разглядеть редкие облачка, но после обеда погода стала резко портиться. Щебет птиц стих. Казалось, и весь город затаился, прижался к земле, предчувствуя грозу.

Сталин шел по Белому коридору. Сквозь окошки бывших фрейлинских комнат пробивался неяркий свет. С восемнадцатого года, с той поры, как Советское правительство переехало из находящегося под угрозой Петрограда в Москву, здесь, в Кремле, были прописаны давние соратники по революционной борьбе: Каменев, Рыков, Луначарский... Здесь же находилась на первых порах и квартира семьи Кобы — так по-приятельски величал его Ильич. И лишь только мистер Троцкий пожелал вдруг разместиться в личных апартаментах им-

ператорской семьи. В то время Ленин запретил ему столь неприкрытое барство, но было ли это просто барством?

Сталин еще раз мысленно вернулся к событиям тех горячих лет.

«Там, в царских покоях, складировались вывезенные из Петрограда золото и драгоценности. Неспроста Лев Давидович пожелал оказаться рядом с ними... — он повернул из Белого коридора в Желтый и остановился у выходявшего во двор окна, — в роковой для Советской России час».

На лето тяжелые рамы убрали, и коридор превращался в уютную веранду. Но сейчас, то затихая, то вдруг резко просыпаясь, по галерее разгуливал ветер, кружа сорванные с деревьев листья и залетевший сор.

«Троцкий ужасно тогда оскорбился ленинским запретом. Устроил квартиру в Кавалерском корпусе — подальше от товарищей по партии...»

Над Москвой раскатисто, с переливом, ударил первый гром, и полоснувшая вдоль небосклона молния отчего-то напомнила Сталину о Царицынской бойне — сражении, от которого зависела судьба большевистской власти, судьба победы в гражданской войне. Новая молния рассекла черносерое небо, и раскат грома орудийной канонадой повис над городом.

«Так расходится шинельное сукно под сабельным ударом», — глядя на прорезавшую небо молнию, подумал Сталин. Ему самому не доводилось принимать участие в кавалерийских сшибках, но последствия их он видел часто. Очень часто.

Троцкого Коба недолюбливал с первых дней знакомства, но тогда — в Царицыне — их непримиримая вражда приобрела вполне законченную и необратимую форму.

Сталин ни минуты не сомневался в том, что единственным богом Троцкого была власть. Либеральные горлопаны визжали, что Троцкий — масон, что он выполняет волю каких-то там еврейских мудрецов...

«Глупцы! Троцкий не способен выполнять чью бы то ни было волю. Для председателя Реввоенсовета республики существовала и существует только одна действительно ценная жизнь и почитаемая воля — его собственная. Его надо остановить! Иначе...»

— Его надо остановить, — прошептал Сталин, повторяя мысль.

Он еще немного постоял у окна, глядя, как хлещут по далеким лесам Подмосковья раскаленные небесные бичи.

Когда-то в детские годы в маленьком Гори Иосиф Джугашвили смотрел на такие же молнии и размышлял о том, что Господь Бог, вероятно, очень сердит на жителей его села, раз гнев Всевышнего сотрясает небосвод и даже вечные горы над бедными саклями. Чтобы спасти односельчан, Иосиф забрался в деревенскую церковь, молился истово до самого утра. Мать уже извелась, разыскивая сына, а он вернулся к ней на рассвете, гордый сознанием того, что Господь внял его слову — умирил гнев. И ни один человек, и ни один дом в Гори не пострадал. На удивление, это чувство сопутствовало ему несколько лет. Он выходил на улицу, смотрел на сакли и радостно улыбался.

Иосиф Виссарионович бросил взгляд в пустой коридор: все двери были закрыты. По такой погоде никому не хотелось покидать убежище. Пока никто не видит, Сталин скользнул в конец галереи, упиравшейся в церковь Рождества Богородицы, построенную князем Дмитрием Донским в честь победы на Куликовом поле. Лики на иконах глядели на Кобу удивленно, словно недоумевая, что может делать в церкви один из вождей партии рьяных богоборцев.

Иосиф Виссарионович остановился неподалеку от древней иконы Пречистой Девы и замер, всматриваясь в тонкое лицо, точно ожидая от него ответного взгляда. Ни лампада, ни свечка не теплились в церкви, и если бы не свет, проникший из коридора, было бы темно.

— Как душно, — прошептал Сталин. — Просто нечем дышать!

В голову его лезли слова молитвы, но он отогнал их.

— Ты мудрая, — прошептал он, — ты всеблагая, ты все поймешь. Конечно, я грешен, по-вашему, ибо смирение не по мне. И поднял я меч на власть имущих, презрев, что всякая власть от Бога. Я знаю, что это дерзость и гордыня — желать царствия божьего на земле. Но ведь не злата желаю, не венца царского! За всех сирых и угнетенных крест несу. И это тяжкий крест, поверь мне!

В пустой церкви его слова неожиданно откликнулись эхом:

— Мне... Мне...

«Мне отпущение и аз воздам, — словно кто-то невидимый выдохнул в ухо Сталина.

— Я правду тебе говорю! — дернул усом Коба. — Поповские бредни оставим глупцам, но дело мое не растет ли из семян, посеянных сыном твоим?

Он умолк и какое-то время еще стоял в молчании, словно ожидая знамения, хотя бы знака. Новый раскат грома вывел Кобу из оцепенения.

— Ничемная мазня, — процедил он и, повернувшись на каблуках, вышел прочь.

Ни в Белом, ни в Желтом коридоре по-прежнему никого не было. Сталин прошел вдоль закрытых дверей почти до конца. Здесь до двадцатого года жил он сам. Комната довольно уютная, но лишенная всяких удобств. К чему портить отношения между членами ЦК партии, толкаясь у дверей общей уборной? Сегодня все семейство Кобы проживало в Потешном дворце, но и эти фрейлинские покои оставались за ним. Сталин вошел в комнату, запер дверь и направился к столу.

— Коба, — звучала в его ушах насмешливая тирада председателя Реввоенсовета, оброненная им час назад, — мне кажется, ты переутомился. Все твои предложения по развитию наступления в Закавказье — набор легковесной чуши. Если бы

ты таким же образом планировал операции, когда грабил банки, тебя бы прикончил первый же городской! Может, тебе пора отдохнуть? Быть может, стоит предложить товарищу Сталину менее ответственную работу? Ну, скажем, редактировать газету «Заря Востока» — как-никак, это наш главный рупор в Грузии и на всем Кавказе! Я вижу, дорогой Иосиф Виссарионович, прежде чем браться за новые серьезные дела, вам надо отдохнуть. Поезжайте в Тифлис...

Сталин до скрипа сжал зубы. Этот похожий на беса кликуша уже и не думал скрывать своих намерений — он торопился избавиться от всякого, кто мог быть сегодня или даже стать когда-нибудь ему опасным.

— Дорогой Лев Давидович, — с трудом пересиливая клёкотавший внутри гнев, спокойно и с обычной улыбкой ответил тогда Сталин. — Я бы хотел показать вам некоторые материалы, подтверждающие правильность моего плана действий.

— Какие материалы?

— Очень ценные и очень интересные материалы.

— Хорошо. — Троцкий смерил его испытующим взглядом. — Но поторопитесь.

— Непременно...

На улице решительной дробью, нервическим парадом-алле забарабанил ливень. Иосиф Виссарионович на минуту отвлекся от своих мыслей, слушая шум — едва ли не рев, дождя.

«Ничего, ничего ему не станется. — Коба достал из кармана маленький ключик и открыл ящик стола. — Вот он, мой хороший!»

Перед ним на бархатной подушечке, отливая никелем и перламутром, лежал небольшой, почти игрушечный браунинг. Первое оружие, раздобытое им когда-то еще на заре революционной юности. Именно с этим пистолетом вместе с покойным Камо Сталин проводил экспроприацию в своем первом банке. Во время ареста полиции не удалось обнаружить тайник, и это небольшое, но смертоносное оружие так и пролежало без применения до конца гражданской войны, пока на-

конец не заняло достойное и почетное место в кабинете первого секретаря ЦК партии большевиков.

Коба достал пистолет, привычным жестом извлек обойму, в который раз убедился, что патроны на месте, и вставил ее обратно.

— Это будут очень веские материалы, — прошептал он, положил браунинг на стол и, словно раздумывая, поднял трубку телефона. — Сталин говорит. Соедините меня, пожалуйста, с кабинетом товарища Дзержинского.

Некоторое время трубка молчала, затем среди шороха и треска появился голос телефонистки:

— Простите, Иосиф Виссарионович, его нет в кабинете. Секретарь утверждает, что Феликс Эдмундович куда-то уехал.

— Благодарю вас, — ответил Сталин и с досадой вернул трубку на рычаг. — Уехал. Как же иначе? В такую-то погоду у него оказались срочные дела. Наверняка Феликс понял, что наша карта бита, и решил до поры до времени отсидеться в стороне. Ну ничего...

Сталин заученным движением дослал патрон в патронник. За окнами совсем близко ударила молния, и от грома затряслись оконные стекла. Коба встал из-за стола.

— Последнее слово еще не сказано.

Конец мая 1924

Профессор Дехтерев крутил в пальцах странный, почти нелепый «ключ». Он словно вырастал из медицинского пузырька — совершенно прозрачного, но не стеклянного. И сама отмычка тоже была прозрачной. Тусклой, но прозрачной. Дехтерев глядел на нее, втайне надеясь, что происходящее — не явь, а какое-то странное наваждение. Вот сейчас он ущипнет себя, и морок рассеется.

Щипать себя профессор не стал. Он с размаху бросил прозрачный ключ на пол, проверяя — разобьется или нет. Безрезультатно.

— Не может быть, — поднимая диковинку, пробормотал Дехтерев. Неужели то, что говорил этот странный человек, правда? Неужели он прибыл из будущего, где плоды моих многолетних трудов, вся моя жизнь... Он остановился, не зная, как сформулировать обуревавшие его чувства. Какой ужас! Почему всякое знание о природе человека, любую сокровенную крупицу необходимо обратить в оружие и направить против людей, против венца божественного творения? Как же так можно? Неужели и в этом новом мире будет так? И нет спасения от неумемного стремления пожирать друг друга.

Дехтерев еще раз — уже в который за этот вечер — провел указательным пальцем по выступам ключа. Сам того не сознавая, он хотел убедить себя, что военврач — ловкий шарлатан или вражеский шпион. Но ключ — не железо, не кость, не стекло!

— Все насмарку! Я шел в пропасть и вел за собой поверивших мне. Этот, — профессор вдруг понял, что не может вспомнить фамилию доктора, — рискуя собой, остановил меня. Вернее, дал шанс... — Он шагнул к сейфу, вставил необычайный ключ в замочную скважину и без труда открыл дверцу.

Несколько томов наблюдений, запротоколированных и подшитых в аккуратные переплеты, лежали стопкой; результаты недавних исследований разрозненными листами — сверху томов. По сути, в этих нескольких килограммах исписанной бумаги уместилась почти вся его жизнь. Дехтерев медленно, точно в забытии, начал перекладывать содержимое сейфа на стол, любовно поглаживая коленкоровые переплеты, перелистывая страницы и снова возвращаясь в те блаженные времена, когда писались эти неровные, испещренные пометками строки.

— Что же теперь делать? — вздохнул он, усаживаясь за стол.

На улице жутко, расстрельным залпом, прогрохотал гром. Профессор вздрогнул и оглянулся: за стеклами чернело небо, тяжелые низкие тучи мчали по нему, казалось, они снижаются и вот-вот раздавят город.

— А ведь это гнев божий, — прошептал Дехтерев.

Он никогда особо не верил ни в злого, ни в доброго боженьку, но в час, когда рушилась его башня из слоновой кости, природа, точно в насмешку, подготовила достойную события декорацию. Новый гром заставил мелко задрезбездать оконные стекла. Электричество мигнуло и погасло.

— Вот напасть, — пробормотал Василий Матвеевич, нащупывая стоящую на полке керосиновую лампу.

Убогий огонек взвился под стеклянным колпаком, выхватывая из темноты сложенные рукописи.

— Прости меня, Господи. — Профессор принес из приемной жестяное ведро, бросил в него листы.

«Как ты можешь?! — вопила рвущаяся в клочья душа. — Ты же сам говорил — нельзя остановить познание! То, до чего дошел ты, откроют заново. Не завтра, так через год. Но все равно откроют! И кто знает, как поведет себя тот... А здесь ты в силах проследить, настоять... Ты же ученый!»

Дехтерев с удивлением обнаружил, что по его щекам текут слезы.

«Это я плачу? — подумал он. — Неужели?»

Он чиркнул спичкой и поднес к бумаге огонь. Пламя взметнулось, обугливая строчки. Дехтерев откинулся на спинку, с оцепенением глядя, как исчезает в огне суть его жизни. Похоже, не до конца осознавая, что делает, он скомкал еще несколько страниц и швырнул туда же.

Со стороны лестницы послышалась какая-то возня, а спустя несколько секунд в кабинет ворвались двое.

— Вы? — вглядываясь в лицо одного из непрошенных гостей, почти безразлично спросил Дехтерев. — Ну да, вы бежали...

— Прошу извинить за вторжение, я хотел представить... Василий Матвеевич, что вы делаете?

— Спасая человечество от своих мыслей. Вы знаете, доктор, надо было запастись водкой. Говорят, в подобных случаях помогает.

— Василий Матвеевич, не время сейчас! Позвольте вам откомендовать — генерал Згурский.

— Вот как? — Дехтерев перевел на второго гостя невидящий взгляд. — Душевно рад знакомству.

— Профессор, у нас нет лишней минуты. Здесь в особняке моя жена Татьяна!

— Да... — кивнул профессор. — Она там. Там...

— Где там?

— А? Что вы говорите?

— Профессор, где Татьяна?

На лестнице вновь послышался топот и, запыхавшись от бега, в комнату влетел Тимошенков:

— Владимир Игнатьевич! Дом окружают!

— Докладывайте по сути!

— Я видел до роты красноармейцев. При трех пулеметах. Штыки примкнуты. Строятся вокруг дома с дистанцией на одного линейного.

Згурский молча вскинул револьвер, целя в голову доктора Деладоннеля, но выстрелить не успел. Неуловимым движением тот ушел с линии огня и рубанул генерала по запястью ребром ладони. Наган отлетел в сторону.

— Владимир Игнатьевич, — протягивая Згурскому свой револьвер, холодно проговорил Виконт. — Я ничего об этом не знаю. Хотите убить — стреляйте.

Генерал выхватил у него оружие, взвел курок. Нильс Кристенсен, сцепив зубы и закрыв глаза, стоял в шаге от генерала, понимая, что промахнуться с такого расстояния практически невозможно.

— Прекратите! Что вы здесь устроили! — вдруг заорал Дехтерев. — Прекратите немедленно!

- Владимир Игнатьевич, красные сейчас пойдут на штурм! Згурский скрипнул зубами и опустил револьвер:
- Профессор, где Татьяна?!
- На первом этаже. В комнате с подземным ходом.
- За окнами опять загрохотало. Раздался треск, и на темных стеклах заплясали новые отсветы пламени.
- Дуб горит, — тихо сказал Згурский.
- Снизу зашлепали хлопки выстрелов.
- Ну, вот и началось. Профессор, в доме есть еще люди?
- Да... В лаборатории и в общежитии.
- Отлично! — Генерал пнул ведро с горящими рукописями, перевернув их на ковровую дорожку. — Сейчас здесь все займется. Уходите через коридор для слуг! Выводите людей! Выбегайте из здания с криком, вопите что есть сил!
- Что?
- Что? Что в доме пожар, что вы не вооружены! Черт бы вас побрал! Что-нибудь!
- А вы?
- Не теряйте времени! Доктор, капитан Тимошенко — за мной!

ГЛАВА 30

«Внутри мир куда больше, чем снаружи».

Конфуций

Судаков прислушался:

— Мебель там, что ли, таскают?

В комнате Татьяны Михайловны происходила какая-то невразумительная возня, грохот, словно от падения чего-то тяжелого...

— Кажись, что-то незаладилось. — Бывший начальник милиции поглядел на Згурскую. — Вам бы отойти подальше. Я,

когда бродил, на стенах заметок наделал — идите по ним, не заблудитесь.

— А как же вы?

— Татьяна Михайловна, — устало прикрыл глаза Судаков, стараясь не поддаваться накатившей волне страха и щемящей жалости, — на что мне прятаться-то? До конца дней по нормам не схоронишься. А даже если схоронишься, что это за жизнь будет? Слышите, наверху шерудят? Я так думаю, это ход ищут. Раз ищут — значит, не знают, где он. Но что тут вход в подземелье — им, видать, известно. Так что ступайте. Если обойдется, я вас догоню. А нет, — Судаков расстегнул кобуру, — не поминайте лихом... И богом вас молю — не бойтесь!

— Петр Федорович, я так не могу! Оставить вас, бросить...

— Ступайте, говорю! Ваш муж в Москве! Для него себя сохраните, для дочери вашей.

Над их головой послышался шорох.

— Ну все, — прислушиваясь, сквозь зубы процедил Судаков, — нашли. А ну, бегите скорей! — Он толкнул женщину к спуску из крипты.

В щель от поднимаемой крышки лаза начал пробиваться свет. Судаков сдул огонек с фитиля и присел на колено за алтарь, выцеливая все более увеличивающийся просвет. Лишь только крышка поднялась, кто-то спрыгнул вниз, игнорируя вделанные в каменную стену металлические скобы. Спрыгнул и моментально развернулся, уходя из освещенного квадрата.

«Ловок», — успел мысленно отметить Судаков, смешая руку с револьвером.

— Татьяна! Танечка! Где ты? — крикнул Згурский.

— А ну стоять! — скорее повинувшись укоренившейся привычке, чем разуму, заорал Судаков, но генерал и не думал бежать.

Он молниеносно отпрянул в сторону, разворачивая оружие на звук. Наверху один за другим ударили выстрелы. В ответ послышалась такая же револьверная трескотня, затем хле-

сткие, как удар бича, винтовочные залпы и дробная трель пулеметной очереди. Со звоном посыпалось разбитое стекло.

— Владимир Игнатьевич, тут долго не продержаться!

Згурский слышал этот крик, но не слушал его. Он вдруг, точно среди ясного дня, увидел крепко сбитого мужчину, держащего его на мушке. Згурскому показалось, что вся крипта осветилась, словно электрическим светом. Они оба стояли, глядя друг на друга, не убирая пальцы со спусковых крючков. Снаружи доносились выстрелы, далекие крики... Владимир Игнатьевич медленно, будто в трансе, взвел курок.

— Не стреляйте! Прошу вас, не стреляйте! — Татьяна Михайловна как-то вдруг очутилась между ними, раскрыв руки в останавливающем жесте. — Я умоляю вас, не стреляйте! Петр Федорович, это Володечка, мой муж.

— Да уж вижу.

В проеме лаза появилось лицо доктора Деладоннеля:

— Патронов больше нет!

— Спускайтесь, — коротко скомандовал генерал Згурский. Сверху гулко били чем-то тяжелым в дверь.

— Спускайтесь! Закрывайте ход! С кем имею честь? — не убирая револьвер, спросил Згурский.

— Судаков Петр Федорович. Командир эскадрона в армии Буденного.

— Володечка, он спас нас с Ольгой!

В подземелье спрыгнули еще двое мужчин, и крышка лаза заняла свое место. При тусклом свете зажженного фонаря они не сводили глаз с неведомо откуда взявшегося милиционера.

Наверху раздался грохот — штурмующим удалось то ли выбить, то ли взорвать дверь. Крипта вздрогнула, точно вздохнула.

— Уходить вам надо, — тихо сказал Судаков. — Поубивают вас тут.

— Может, не найдут лаз? — с нескрываемой мольбой в голосе прошептала Татьяна Михайловна.

— Найдут, — ухмыльнулся Судаков.

— А если не найдут, гранату кинут и попросту разворотят пол. Мы не призраки — расточиться не могли. — Генерал Згурский еще раз настороженно глянул на Судакова, опасаясь повернуться к нему спиной. Вся задуманная им операция шла наперекосяк. Згурский корил себя, что так глупо попал в засаду, дал переиграть себя красным. И еще этот милиционер!

Времени не было, категорически не было.

«Спас Танечку? Этот? Что за ерунда!» — отказывался верить Згурский. Абсурдность ситуации не укладывалась в голове.

— Вы пойдете с нами? — пересиливая себя, выдавил он.

— Еще чего! Мне с вами отродясь не по пути было. Уж лучше тут лягу.

— Как пожелаете. — Згурский достал из кармана снаряженный патронами барабан, протянул ему, как некогда вручал Георгиевские кресты. — За Татьяну спасибо. Возьмите. На всякий случай.

— Себе оставьте, — буркнул Судаков, чувствуя невольную радость и безмерно страдая от этого чувства.

Этот генерал... Для бывшего краскома в нем соединились все злодейства белых. Все то, что несла ему и тысячам других, таких как он, их власть. Судаков демонстративно засунул револьвер в кобуру и закрыл ее.

— Уходите. Стрелять не буду.

— Как знаете, — отрезал Згурский.

Он повернулся к спуску из крипты, увлекая за собой Татьяну Михайловну.

Над головой их слышался мерный стук — красноармейцы искали потайной лаз.

— Постойте! — окликнул уходящих Судаков. — Там, внизу — комнаты. Келейки такие. Затайтесь покуда в них, а я наших за собой уведу.

— Спасибо вам, — через силу, но от души ответил Згурский.

— Завсегда пожалуйста, — отвернувшись, пробормотал милиционер себе под нос. — Господи, что ж я делаю-то?

Стук наверху приблизился к лазу. Затем удары раздались по самой крышке, еще раз, словно проверяя звук. Потом образовалась щель, в нее просунулись два штыка. Судаков вскинул наган, выстрелил раз, второй... В небольшом помещении крипты грохот пальбы был особо гулким.

Люк опять опустился. И вдруг его быстро откинули и начали поливать крипту огнем из нескольких стволов.

— Отходим, отходим, генерал! — закричал Судаков, присев на ступенях, ведущих из крипты вниз.

Он увидел, как осветилось разом подземелье, вздрогнул, оглянулся, но времени разбираться не было — в крипту один за другим начали спускаться красноармейцы. За ними — лысый гражданин в очках и с нелепой бородкой. Судаков вновь выстрелил, целя в каменный свод. Пуля рикошетом ушла в пол, ударив рядом с ногой одного из бойцов.

— Вон он, лови его!

— Черта с два! Не дамся!

Судаков припустился по знакомому коридору, слыша, как за ним топочут сапоги погони.

— Не стрелять, живым брать! — кричал ему вслед Орлинский.

Судаков мчал со всех ног. Тяжелое дыхание красноармейцев слышалось все ближе.

«Только бы успеть!» — Он еле продрался через узкий проход завала в другую галерею.

Он не видел, лишь услышал, как возмущенно даже не запищала — взвизгнула крыса-наблюдатель. Должно быть, на бегу Судаков зацепил ее. Не задерживаясь, он рванул еще быстрее, на последнем дыхании, хорошо помня, что сейчас начнется.

Позади, спустя несколько мгновений, послышались крики, выстрелы, грохнула брошенная кем-то бомба. Судаков присел, зажимая уши руками и трясая головой. Кровь стучала в висках и рвалась наружу — Петр Федорович почувствовал, как

она струйкой начала течь из носа, и прислонился к холодной стене, пытаясь сообразить, что делать дальше.

«Может, это... того? Пулю в лоб и вся недолга? Жизнь-то вконец изломана. Своим я враг. Татьяна Михайловна с мужем, будь он неладен. А я — здесь. Никому до меня дела нет. Сдохну, и не всплакнет никто...»

Он вспомнил жену и дочь.

«Им, пожалуй, лучше и не знать, где я сгинул. Может, тогда все и обойдется...»

Судаков взвыл и начал биться головой о стену:

— За что? За что ж так-то?! Ведь по правде все делал! А вот оно как вышло.

Судаков достал револьвер и вставил ствол в рот: «Вот сейчас вторая фаланга надавит на спуск, — отчего-то совсем равнодушно думал он, — и вылетят непутевые мозги к чертовой матери. И все. И баста».

Он поглубже вздохнул, собираясь выстрелить, и вдруг остановился.

«Надо Татьяну с ее мужиком отсюда вывести. Они ж, поди, дороги не знают. А неровен час за этими бойцами другие придут — лаз-то открытый! Тьфу-ты, напасть! — сплюнул он. — Ладно, назвался груздем, полезай в кузов».

Судаков прислушался и, ступая максимально осторожно, начал возвращаться.

Коридор едва освещался четырьмя восковыми свечками. Пламя колебалось, его все время приходилось прикрывать ладонью.

— Вон келейки, я вижу! — тихо сказал Тимошенков.

— И справа тоже, — доложил Виконт, с удивлением прислушиваясь к ощущению какой-то незнакомой, точно пришедшей извне тревоги. — Только решеткой закрыто.

— Да, решетка, — отозвался Згурский. — Это склеп моего предка. Идите прячьтесь, я сейчас. — Владимир Игнатьевич двинулся к зарешеченному входу.

— Володечка, может, не надо?

Нильс Кристенсен потер грудь — сердце едва не взорвалось от внезапной боли. Он оглянулся: Тимошенков, прислонившись к стене, морщился, сдерживая слезы. «Странное место, — подумал институтский оперативник. — Будто заколдованное».

— Петр Федорович сказал... — Татьяна Михайловна скорее почувствовала, чем увидела суровый взгляд мужа и осеклась.

— Ступай, моя хорошая. Я сейчас.

Он сделал шаг к решетке.

«В восьмом же колене росток древа моего омоется рекою кровавой и очистится пламенем истины, дабы узнать предначертанное. Пусть же придет ко мне... — Згурский прикоснулся рукой к холодному железу, — и отворится ему».

Яркая вспышка осветила тоннель. Владимир Игнатьевич не успел понять, что произошло. Он стоял в комнате. Светлой, очень светлой комнате. Посреди нее на каменном постаменте, будто едва смежив очи, лежал человек. Владимир Игнатьевич оглянулся, ища выход. Позади мягко светилась глухая стена. Не веря глазам, Згурский зажмурился и тряхнул головой. Пробуждения не последовало. Напротив, теперь он воочию увидел, что в углах комнаты, опустив головы, возникли словно высеченные из мрамора фигуры. Еще одна — женская — стояла у изголовья.

— Что ж такое-то? — возмутился Згурский.

Он потрогал рукой холодный камень постамента. Ни малейшего сомнения — мрамор. В памяти генерала снова всплыла процитированная за минуту до того фраза, начертанная далеким предком на передававшемся из поколения в поколение тонком пергаменте: «И да откроет начертанное мной, дабы пройдя свой путь, вернуться к истоку».

«Вернуться!» — колоколом ударило в его голове. Он поглядел на спящего — в его руке был зажат свернутый лист. Владимир Игнатьевич выхватил пергамент, еще раз оглянулся,

надеясь, что диковинное наваждение пройдет, и он снова увидит темный коридор.

Свет продолжал струиться, рожденный глухими стенами. Он лился с потолка, пола, и лишь одно вдруг показалось Згурскому — стоящие в безмолвии фигуры чуть приподняли головы. Он быстро развернул послание.

«Нуда, конечно! Я — восьмой потомок. Восьмижды восьмой. Династия Лунов... Черт побери, как это все не вовремя! Почему же я не пришел сюда раньше? А сейчас какое уж чтение — Танечка, доктор, Механик... Красные хлынут в подземный ход, и спрятаться будет негде! Времени нет!»

— Здесь нет времени, — эхом его мыслей прозвучало в комнате.

Згурский отпрянул, комкая пергамент и пытаясь нащупать оружие. Женская фигура, стоявшая в изголовье смертного ложа, подняла голову и легким движением отбросила капюшон — тонкое лицо, черные волосы и глаза, мечущие настоящие молнии.

— Даньму? — ошарашенно глядя на девушку, пробормотал Згурский. — Ты?

Перед его глазами всплыла картина прощания в доме старого доктора Лун Вана.

— Конечно, сынок. Я же говорила тебе в Бейджине, что мы еще встретимся. И я, и они здесь. — Она повела рукой, и Владимир Игнатьевич увидел, как безмолвные фигуры плакальщиков одна за другой превращаются в Лун Вана и его сыновей.

— Читай дальше! — потребовала Даньму.

Згурский мельком глянул на выведенные каллиграфическим писарским почерком строки:

— Да-да-да, путешествие в китайскую землю... Происхожу из рода драконов...

Згурский схватился руками за голову.

— Лун Ван, это все твои бредни! Я не знаю, как ты это делаешь, но что за несусветная чушь? Я — человек! Не дракон!

Там — за стеной — моя любимая женщина! Отпусти меня! Все равно не удержишь!

— Почти то же самое ты говорил и восемью поколениями раньше. Но это не так.

— Лун Ван, у меня нет времени с тобой спорить! — В голосе Згурского звучал рокот надвигающейся грозы. — Там моя жена! Там два офицера, рисковавшие жизнью ради нас с ней! Это, и только это сейчас важно! А сказки про драконов...

— Человек? — загадочно улыбнулся Лун Ван. — Ступайте, Владимир Игнатьевич. Разве я держу вас?

— Куда? Куда ступать?! — взорвался генерал.

— Куда хотите. Но я знаю лишь один путь к победе.

— Какой же?

— Стать собой. — Старец махнул рукой.

Стена неожиданно стала прозрачной. Сквозь нее было видно, как заполняется красноармейцами крипта, как, светя фонарями и факелами, они движутся по тоннелю. Свет факелов выхватил из темноты лицо давешнего милиционера — тот отскочил в сторону, готовясь не столько к бою, сколько к гибели в честной схватке. Затем осветилась и келейка, в которой, вжавшись в угол, стояла Татьяна, рядом — загораживая ее — капитан Тимошенко и доктор. Згурский почувствовал, как сердце обрывается и, превращаясь в огненный шар, падает вниз.

— Нет! — взревел он, протягивая руки к любимой. Та, словно отвечая, тоже вытянула вперед ладони, и Згурский почувствовал, как они соединяются, как растворяется нерушимая стена, разделявшая их. Он ринулся вперед, ощущая, как сила возрастает тысячекратно, как пальцы превращаются в сталь, и что-то внутри освобождается, точно боевая пружина после нажатия спускового крючка.

Згурский яростно выдохнул и будто со стороны увидел вдруг, как струя пламени несется впереди него. Все исчезло, смешалось: тягучий, словно воск, камень, твердый огонь, вращающиеся в жутком хороводе лица. Он увидел, как разваливается на части привычный мир: исчезает Москва, старый особ-

няк на Сретенке, превращается в прах отчего-то пустое каменное ложе.

Среди общего хаоса он искал глазами Татьяну. Увидел ее, подхватил и взмыл куда-то вверх. Туда, где должно было находиться какое-нибудь — все равно какое — небо.

Май 1613. Орбо-темпоральное образование 1.

За валом, за высоким палисадом раздавался колокольный перезвон. Францишек Згурский поморщился. Стройный благовест предвещал лишний час ожидания. Когда поутру, едва отворились Сретенские ворота и верный человек принял из рук королевского гонца направленную царю тайную грамоту, тот молвил, что долго ждать не придется. Однако Францишек все ждал и ждал. Ответа не было.

Он стоял под тенью раскидистого дуба, скрестив руки на груди, разглядывая то крепость с видневшимися над стенами золочеными куполами церквей, то редкий подлесок, оставшийся после недавней осады от довольно густой рощи. Здесь, в глубоком, заросшем кустами акации овражке, располагался тайный лаз под крепостной вал. Если на привезенное Францишекком королевское послание от юного царя Михаила ответа не последует, то верный человек с той стороны даст знак, что пора несолоно хлебавши домой возвращаться. Честь, ясное дело, в том невелика, но хоть голова на плечах останется — и то слава богу. Сказывали — царь крут. На троне без году неделя, родом худоват, оттого и лютует.

Францишек оглянулся на своего пахолика*:

— Тимаш, отведи коней за рощу. Если вдруг что недоброе станется — пробирайся домой. Расскажи, что дело, поручен-

* Пахолик — в польской кавалерии XVII в. — соратник тяжелого кавалериста, вооружаемый им за свой счет. Оруженосец, телохранитель.

ное мне, выполнил я от альфы до омеги, и упрека мне ни в чем быть не должно.

— Пан Францишек, вы так говорите, будто с жизнью прощаетесь.

— Кто знает. — Згурский положил руку на эфес сабли. — Всякое может случиться. Нас сюда пировать не звали, могут и на копыа поднять.

Юноша взял под уздцы двух стоявших рядом коней.

— И Терезе передай, — напутствовал его шляхтич, — что пока жив буду, имя ее будет моим знаменем.

— Да что вы так-то? Недели через три свидитесь, сами ей и расскажете.

— Иди. Не задерживайся.

Згурский прикрыл глаза, вспоминая прелестное, горящее страстью лицо возлюбленной. Лишь год назад, бросаясь в гущу сечи, он ухмылялся: «Что стоит жизнь?» Теперь его слова звучали по-другому: «Что стоит жизнь без надежды вернуться к ней?» Францишек стоял с закрытыми глазами. Ему казалось, что он слышит голос Терезы, видит ее улыбку, от которой начинается радостно колотиться сердце.

Внезапно Згурский почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Распахнул глаза, отпрянул к дереву, готовясь выхватить саблю, но это было излишне. Невдалеке стоял и глядел на него человек в иноземном платье. Лицо незнакомца было резкое, точно вырубленное топором.

«Швед или датчанин, — подумал коронный шляхтич. — Неужели же и северяне сюда посольство снарядили? Против нашего короля замышляют? Разузнать бы...»

Иноземец смотрел на Згурского удивленно, пожалуй, даже недоумевающе.

«Что это он вытаращился так?» — досадуя, нахмурился Згурский, до половины обнажая саблю.

Чужак отскочил, но тоже потянулся за оружием.

— Эй, а ну, что там у вас? — послышалось со стороны ворот.

Згурский оглянулся и увидел нескольких казаков, скачущих в их сторону.

— Или царева указа не слышали? Чтоб отныне ни рукоуства, ни оружной брани не было! — Всадники остановили коней, кричавший смерил взглядом северянина. — Этого я знаю — лекарь из Данской земли, давеча приехал. А ты кто таков?

— Чего там спрашивать, Варрава? — окликнул его один из казаков. — На жупан его глянь — как есть, соглядатай ляшский!

— А что, похоже, — подтвердил Варрава, осмотрев Францишека с головы до ног. — Вяжи его, братцы!

Отточенный булат рассек воздух и замелькал в руках Францишека, выписывая петли.

— Кто приблизится, располовиню! — останавливая саблю, крикнул Згурский.

Казаки отпрянули, кто-то обернулся к проездным воротам и, заложив два пальца, оглушительно свистнул. Из-под арки показался стрелец, что-то крикнул, и спустя мгновение двадцатка бородачей с бердышами и пищалами бежали к месту событий.

— Бросай оружие, шляхтич! — насмешливо сказал Варрава. — А то, глядишь, сквозь тебя дупла в дубе наворочают.

Згурский с шумом выдохнул и бросился вперед. Клинки уже зазвенели, суля кому-то скорую гибель, когда над валом, над крепостной башней послышалось:

— Стойте, стойте! Царь! Царь едет!

Казаки расступились, стрельцы, водрузив пищали на воткнутые в землю бердыши, взяли на прицел непрошеного гостя. К перелеску на белом, не темнее убранства ангельского, скакуне, покрытом ковром, точно попоной, в златотканом одеянии мчал юноша с едва пробивающимися усами. За ним следовала многочисленная свита, сияя бронями, собольими шапками, пурпуром и золотом. Царь подъехал к Францишеку почти вплотную, осмотрел его изучающе и произнес с чувством

внутреннего достоинства — того самого, какое бывает лишь у тех, кому небом назначено царствовать:

— Значит, ты и есть посланец круля Польского, Владислава?

— Истинно так, великий государь, — возвращая оружие в ножны, склонился Згурский.

— Прочли мы письмо твоего господина. Словеса он плетет, словно мед точит. И братом моим себя величает, и в дружбе вечной клянется, будто и не было всех прежних лет...

Згурский слушал юного царя, попутно разглядывая его свиту. Князя Дмитрия Пожарского он видел примерно в этих же местах за несколько лет до того, осаждая маленький острожек князей усадьбы. За плечом вельможи мелькало суровое лицо в остроконечном шеломе — никак, воевода Елчанинов... С этим под Смоленском сходились в смертной рубке. Едва живы остались. Воевода пристально сверлил взглядом королевского гонца — должно быть, тоже узнал.

«Князь Пожарский у царя заместо правой руки. Государь всяя Руси, сказывают, ему при встрече первым кланяется и отцом величает. Если скажет Пожарский казнить, так тому и быть».

— ...И про империум сладко разглагольствует. Мол, всему миру наш указ будет. Да только веры крулю твоему нет. Не бывать дружбе меж нами!

— Но ведь это война, — тихо проговорил Згурский.

— Война. И дотоле она длиться будет, покуда всякий, будь то лях, своей или же иной немец, головою своею не уразумеют, что Россия ничьим краем не станет и ни под чью дуду плясать не будет. Уразумел, шляхтич?

— Уразумел.

— Езжай домой и передай мои слова царственному брату моему Владиславу. И когда хочет мира, пусть в Москву послов шлет. А нет — прежде сражались и далее будем.

— Все исполню.

— Вот и славно.

— И запомни, лях. Ни поклонов, ни приветов Владиславу я не шлю. Передай все от слова до слова!

Май 1613. Орбо-темпоральное образование 2.

«...В то же время...»

Царь подъехал к Францишеку почти вплотную, осмотрел его изучающе и произнес с чувством внутреннего достоинства — того самого, какое бывает лишь у тех, кому небом назначено царствовать:

— Значит, ты и есть посланец круля Польского, Владислава?

— Истинно так, великий государь, — возвращая оружие в ножны, склонился Згурский.

Швед (или датчанин) охотно последовал его примеру.

— Прочли мы письмо твоего господина. Словеса он плетет, словно мед точит. И братом моим себя величает, и в дружбе вечной клянется, будто и не было всех прежних лет...

— ...и я так мыслю: сколько ж можно кровь проливать, пора бы и угомониться, — продолжал Михаил Федорович. — Как в старину мудрые люди сказывали — плохой мир лучше доброй сечи. Когда Владиславу мир люб, то и я не против.

Но вот какое сомнение меня гложет: уж не оттого ли Владислав дружбы со мной ищет, что держава его на своих ногах еле держится? Известное дело — он на свейскую корону притязает, а ему родной дядюшка из свейских земель кукиш кажет. Вот, стало быть, и выходит, что империум на деле — братание супротив единого врага. Спору нет, нам от свеев с давних давлен разор и обида. Но ведь и ляхи не лучше. А если рассудить, то и похуже. А потому, пан шляхтич, ежели и вправду крулю твоему желаемо с Московским царством империум иметь, то уж никак не по канону, что Владислав мне предлагает.

Скажи в Краков да перескажи ему решение мое. Я же в свой черед отошлю ему грамоту о том, как надлежит строить империум на мой манер. Коли согласится — вот ему моя братская рука. Ну а когда нет, то по здравом разумении мы и со свейс-

кими землями супротив общего врага выйти можем. Все запомнил?

— Все, — содрогаясь внутренне от предчувствия новой, еще более ужасной войны, проговорил Францишек Згурский.

— Вот и славно. Эй, воевода Елчанинов!

Доблестный рубака с проседью в усах обернулся на царский зов. Отчего-то место, на котором стояла государева свита, казалось ему неудобным, да что там — просто жутким. Он словно наяву видел мрачное подземелье, полчища крыс, слышал неясные крики и бежал, бежал по коридору, а в лицо ему стеною двигался пламень. Это видение затягивало воеводу, и он не мог отвлечься, покуда не пробился сквозь оторопь громкий окрик царя.

— Слушаю, надежа-государь, — отозвался Елчанинов.

— Снаряди-ка из полка своего отряд, чтоб молодца этого из русских пределов живым и здоровым выдворить.

— Нынче же будет сделано.

— Быть по тому. Покуда шляхтича накормить, роздых дать, а завтра чуть свет выступайте. — Михаил повернул коня и, уже трогаясь, бросил через плечо Згурскому: — И запомни, лях. Ни поклонов, ни приветов Владиславу я не шлю. Передай все от слова до слова!

ЭПИЛОГ

«Солдаты, вам предстоит совершить завоевание с бесчисленными последствиями для мировой цивилизации...»

Наполеон Бонапарт

Джордж Баренс устало поднял глаза.

— Милорд. — Стоявший перед ним сотрудник отдела разработки явно не знал, с чего начать доклад.

— Что случилось?

— Есть две новости...

— Судя по вашему виду, одна плохая, а вторая еще хуже.

— Позвольте, я начну с первой.

— Вряд ли у вас получится иначе, — усмехнулся Баренс.

— Час назад Джокер-3 сообщил, что лаборатория, занимающаяся психотронным оружием, прекратила существование.

— Прекрасно!

— Это только начало. Над Москвой бушует ураган невиданной силы. Атмосферные электрические разряды достигают аномального уровня. В здание, где находилась лаборатория, ударило сразу несколько молний. Оно пылает, но с огнем тоже происходит что-то неладное. Он, как бы это сказать, необычной природы.

— Как это «необычной»?

— Не знаю, — развел руками молодой ученый. — И физики наши тоже понять не могут. От него плавится камень. Однако, судя по данным приборов наблюдения, из огня выскочило живыми множество людей. Пламя даже не охватило их.

— Чертовщина какая-то.

— Вот именно! Настоящая чертовщина! Огонь выскочил, точно из-под земли. Здание ОГПУ вспыхнуло, как свечка. Погасить его пока не удастся. И еще — в Москве зафиксировано множество шаровых молний. Одна из них взорвалась в кабинете Троцкого в Кавалерском корпусе в тот момент, когда там находился Сталин.

— О господи! Вы представляете, какие это может иметь последствия? — Баренс, позабыв обычную вальяжность, вскочил с места.

— Мы сейчас пытаемся просчитать. Но...

— Что еще?

— Есть вторая новость.

— А шаровая молния — это была не вторая?

— Нет, лишь часть первой.

— Говорите, — махнул рукой Баренс, — я уже готов ко всему.

— Вряд ли, милорд. Аппаратура наблюдения зафиксировала два новых орби-темпоральных образования, два новых мира. Они появились вдруг, точно вспышка. Совсем рядом с сопределом, о котором мы только что говорили. Там сейчас первая треть семнадцатого века.

— Сразу первая треть семнадцатого века?

— Да.

— Невероятно!

— Но и это еще не все. Из всех трех миров мы получаем одинаковые по силе сигналы от Джокера-3.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

В Москве:

- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (499) 267-72-15
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон — Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (495) 616-20-48
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (495) 306-18-98
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, к. 1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15/1, т. (495) 977-74-44
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Шарицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, к. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Люберцы, ТЦ «Светофор», ул. Побратимов, д. 7, 4 этаж, т. (498) 602-82-65

В регионах:

- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- г. Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», 3 этаж, т. (861) 210-41-60
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассажи», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул. Революции, д. 13, 3 этаж, т. (342) 0238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТЦ «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», 1 этаж, т. 8-937-202-65-09
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (3472) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д. 105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т. (8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 72-89-20

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой» или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосквовью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10

E-mail: zakaz@ast.ru

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Свержин Владимир
Внутренняя линия
Фантастический роман

Компьютерная верстка: Л.О. Огнева
Технический редактор О.В. Панкрашина

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.012280.10.09 от 20.10.09 г.

ООО «Издательство АСТ»

141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

ООО «Издательство «Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Типография ООО «Полиграфиздат»
144003, г. Электросталь, Московская область, ул. Тевосяна, д. 25

www.elkniga.ru

ISBN 978-5-17-065482-6

9 785170 654826

«Не дай бог вам жить в эпоху перемен!» — со знанием дела говорили китайцы.

Когда же наступают годы Великой Смуты и жернова истории с хрустом перемалывают вековые империи и судьбы людей, когда все, чем жил, проверяется на излом, — что может быть важнее, чем остаться личностью, найти свой путь в новом мире.

Все это сполна приходится узнать сотруднику Института Экспериментальной Истории Виконту (Джокер-3), внедренному в сопредельный мир, чтобы остановить разработки психотронного оружия.

Через реки крови лежит путь русского генерала Владимира Згурского, стремящегося отыскать свою семью, исполнить воинский долг, понять и принять то, что не укладывается в его сознании. Принять, чтобы стать зернышком, остановившим жернова.

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й